

e-ISSN 2618-9488

Археология евразийских степей

№ 6 2018

Материалы
IV Международного
Мадьярского
симпозиума

Институт археологии им. А.Х. Халикова
Академии наук Республики Татарстан
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Pázmány Péter Catholic University, Faculty of Humanities and Social Sciences,
Institute of Archaeology
Hungarian Academy of Sciences, Research Centre for the Humanities,
Early Hungarian History Research Group

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

**Материалы IV Международного Магьярского
симпозиума**

Казань – Болгар, 15–19 октября 2018 г.

**№ 6
2018**

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

№ 6 2018

*Издается при поддержке Кабинета министров Республики Татарстан
(распоряжение № 1454-р от 14.06.2018), Министерства Внешнеэкономических связей и иностранных
дел Венгрии, Института археологии Католического университета им. Петера Пазманя и
Центра Гуманитарных наук Венгерской Академии наук.*

Главный редактор:

чл.–корр. АН РТ, док. ист. наук **А.Г. Ситдилов**

Редакционный совет:

Атанасов Г., д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **Авербух А.**, д–р, (Париж, Франция); **Афонсо Марреро Х.А.**, проф. (Гранада, Испания); **Бороффка Н.**, д–р, проф. (Берлин, Германия); **Виноградов Н.Б.**, д.и.н., проф. (Челябинск); **Канторович А.Р.**, д.и.н., проф., (Москва); **Кожокару В.**, д–р хабилитат (Яссы, Румыния); **Напольских В.В.**, д.и.н., чл.–корр. РАН (Ижевск); **Скакун Н.Н.**, к.и.н. (Санкт–Петербург); **Франсуа В.**, д–р хабилитат (Экс–ан–Прованс, Франция); **Хайрутдинов Р.Р.**, к.и.н. (Казань); **Черных Е.Н.**, д.и.н., проф., чл.–корр. РАН (Москва); **Шуников М.В.**, д.и.н., проф., чл.–корр. РАН (Новосибирск); **Янхунен Ю.**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Ответственный секретарь: Беспалова А.С.

Редакционная коллегия:

Ситдилов А.Г., чл.–корр. АН РТ, д.и.н. (Казань); **Боталов С.Г.**, д.и.н., проф. (Челябинск); **Измайлов И.Л.**, д.и.н. (Казань); **Казаков Е.П.**, д.и.н. (Казань); **Красильников П.В.** (Казань); **А. Тюрк**, PhD (Будапешт, Венгрия).

Адрес редакции:

420012, г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203

Телефон: (843) 210–19–76

E–mail: archeostepps@gmail.com

<https://www.evrazstep.ru>

Published with the support of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan (Decree dated July 14, 2018 No. 1454-r), the Ministry of Foreign Affairs of Hungary, Pázmány Péter Catholic University, Faculty of Humanities and Social Sciences, Institute of Archaeology and Hungarian Academy of Sciences, Research Centre for the Humanities, Early Hungarian History Research Group

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **Sitdikov Ayrat G.**

Editorial Council:

Atanasov Georgy, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **Afonso Marrero José Andrés**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Averbouh Aline**, Dr. (Paris, France); **Boroffka Nikolaus**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Chernykh Evgenii N.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Cojocar Victor**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **François Véronique**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Janhunen Ju.**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland); **Kantorovich Anatolii R.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Khayrutdinov Ramil R.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Napolskikh Vladimir V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk), **Shunkov Michael V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Skakun Natalia N.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Vinogradov Nikolay B.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk).

Executive Secretary: Bepalova Antonina S.

Editorial board:

Sitdikov Ayrat G., Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, (Kazan); **Botalov Sergei G.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk); **Izmailov Iskander L.** Doctor of Historical Sciences, (Kazan); Kazakov Evgenii P. Doctor of Historical Sciences, (Kazan); **Krasilnikov Pavel V.**, (Kazan); **A. Türk** PhD (Budapest, Hungary).

Editorial Office Address:

Nekrasov St., 28, office 1203, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)210-19-76
E-mail: archeostepps@gmail.com
https://www.evrazstep.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Данич А. В. (Пермь, Россия) Венгерские (мадьярские) черты погребального обряда средневековых могильников Предуралья.	8
Боталов С. Г. (Челябинск, Россия) Урало-Алтайское единство в материалах погребального комплекса Уелги	13
Валиулина С. И. (Казань, Россия) Ениосова Н.В., Орфинская О.В. (Москва, Россия) Комплексное исследование материалов из погребения 7 Больше-Тиганского могильника	35
Газимзянов И.Р. (Казань, Россия) Древние венгры в антропологическом аспекте.	66
Гобунов В.В., Тишкин А.А (Барнаул, Россия) Результаты изучения эпонимного памятника Сростки-I на Алтае: возвращение к истокам и новые материалы	73
Гобунов В.В., Тишкин А.А (Барнаул, Россия) «Элитные» курганы сросткинской культуры рубежа I/II тыс. н. э. на Приобском плато	81
Грудочко И.В., Газизова С.Р., Парунин А.В. (Челябинск, Россия) Хронология и периодизация могильника Уелги	89
Иванов В.А. (Уфа, Россия) Морфологические признаки, хронологические и географические границы <i>Magna Hungaria</i> в Восточной Европе	105
Казаков А.А. (Барнаул, Россия) Гунны на Алтае: маркеры и последствия.	112
Казаков Е.П. (Казань, Россия) К проблеме характеристики средневековых культур Урало-Поволжья.....	116
Кушкумбаев А.К. (Астана, Казахстан) Источники о восточных мадьярах в Улусе Джучи.	127
Klima László (Budapest, Hungary) Eastern Religious Motifs on the Belt Mounts of Subotsi Group, Kushnarenkovo Culture and Lomovatovo Culture.....	136
Матвеева Н.П. (Тюмень, Россия) О миграциях из Западной Сибири в Европу в раннем железном веке и в эпоху Великого переселения народов.	150
Никитина Т.Б. (Йошкар-Ола, Россия) Поясные наборы из могильников IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. ...	157
Саболч Йожеф Полгар (Сегед, Венгрия) Историческая наука и лингвистика об этногенезе древних венгров (в свете новых венгерских исследований).....	165
Прохненко И.А. (Ужгород, Украина) Погребения кочевников X века на территории Закарпатской области Украины: проблема племенной атрибуции.....	171
Рабинович Р.А. (Кишинев, Молдова) О возможной роли венгров в истории Карпато-Днестровских земель в IX–X вв.....	181

Руденко К.А. (<i>Казань, Россия</i>) Художественные изделия с изображением всадника Урало-Венгерского центра IX века.....	188
Рябцева С.С. (<i>Кишинев, Молдова</i>), Пескова А.А. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>) К вопросу об истоках формирования набора ювелирных изделий из захоронения знатной половчанки в Балотапуста (Кишкунхалаш, Венгрия).....	194
Bea Szeifert, Veronika Csákyová, Balázs Stégmár, Dániel Gerber, Balázs Egyed (<i>Budapest, Hungary</i>), Botalov S.G. (<i>Chelyabinsk, Russian Federation</i>), Goldina R.D. (<i>Izhevsk, Russian Federation</i>), Danich, A.V. (<i>Perm, Russian Federation</i>), Attila Türk, Balázs G. Mende, Anna Szécsényi-Nagy (<i>Budapest, Hungary</i>) Maternal Genetic Composition of Early Medieval (6 th -10 th century AD) Populations Lived in the Cis- and Trans-Ural and Volga-Kama Regions	202
Тельнов Н.П. (<i>Кишинев, Молдова</i>) Этнокультурная ситуация в IX веке в Нижнем Поднестровье и венгерский фактор	223
Тишкин А.А., Серегин Н.Н. (<i>Барнаул, Россия</i>) Этнокультурная ситуация на Алтае и сопредельных территориях в раннетюркское время	229
Тишкин А.А., Гобунов В.В., Фролов Я.В. (<i>Барнаул, Россия</i>) Комплексный анализ наборного пояса из Самодийского погребения VI–VII вв. на памятнике Страшный Яр-1 В Барнаульском Приобье.....	235
Attila Türk (<i>Budapest, Hungary</i>) East European Connections and Roots of the 10 Centuries Archaeological Heritage in the Carpathian Basin by the Results of the Latest Investigations	241
Чичко Т.В. (<i>Стерлитамак, Россия</i>) <i>Magna Hungaria</i> и ее связи с синхронными государствами Евразии	252
Балаж Шудар (<i>Будапешт, Венгрия</i>) Мадьяры в персидском географическом сочинении «Худūd ал-Āлам» (982 г.) ...	257

Хроника

Бахшиев И.И. (<i>Уфа, Россия</i>), Кряжевских А.Л. (<i>Киров, Россия</i>) Научная конференция "Археология позднего Средневековья и Нового времени в Урало-Поволжье: от археологических источников к историческим реконструкциям" (Уфа, 17–18 мая 2018 г.)	266
Список сокращений	272

CONTENS

Belavin A.M., Krylasova N.B., Danich A.V. (Perm, Russian Federation) Hungarian (Magyar) Features of the Funerary Rite of Medieval Burial Grounds of the Cis-Urals.....	8
Botalov S.G. (Chelyabinsk, Russian Federation) Ural-Altai Unity in the Funerary Complexes of Uelgi	13
Valiulina S.I. (Kazan, Russian Federation) Eniosova N.V., Orfinskaya O.V. (Moscow, Russian Federation) Interdisciplinary Study of Materials from Burial 7 of the Bolshe-Tigansky Burial Ground	35
Gazimzyanov I.R. (Kazan, Russian Federation) Ancient Hungarians in the Anthropological Context.....	66
Gorbunov V.V., Tishkin A.A. (Barnaul, Russian Federation) Results of a Study of Srostky I Site in the Altai: return to the origins and new materials.....	73
Gorbunov V.V., Tishkin A.A. (Barnaul, Russian Federation) "Elite" Burial Mounds of the Srostkinskaya Culture of the 1 st – 2 nd Millennium AD on the Ob Plateau	81
Grudochko I.V., Gazizova S.R., Parunin A.V. (Chelyabinsk, Russian Federation) Chronology and Periodization of Uelgi Burial Ground.....	89
Ivanov V.A. (Ufa, Russian Federation) Morphological Characteristics, Chronological and Geographical Boundaries of <i>Magna Hungaria</i> in Eastern Europe.....	105
Kazakov A.A. (Barnaul, Russian Federation) The Huns in the Altai: markers and consequences.	112
Kazakov E.P. (Kazan, Russian Federation) The Issue of Characterization of Medieval Cultures in the Ural-Volga Region.	116
Kushkumbaev A.K. (Astana, Kazakhstan) Sources on the Eastern Magyars in the Ulus of Jochi.....	127
Klima László (Budapest, Hungary) Eastern Religious Motifs on the Belt Mounts of Subotsi Group, Kushnarenkovo Culture and Lomovatovo Culture.....	136
Matveyeva N.P. (Tumen, Russian Federation) Migrations from Western Siberia to Europe in the Early Iron Age and the Migration Period.....	150
Nikitina T.B. (Yoshkar - Ola, Russian Federation) Belt Sets from the 9 th -11 th Century Burial Grounds on the Vetluga-Vyatka Interfluve. .	157
Szabolcs József Polgár (Szeged, Hungary) Historical Science and Linguistics on the Ethnogenesis of Ancient Hungarians (In the Context of New Hungarian Studies).	165
Prohnenko I.A. (Uzhgorod, Ukraine) Burials of 10 th Century Nomads in the Territory of the Zakarpattia Oblast in Ukraine: the issue of tribal attribution.	171

Rabinovich R.A. (<i>Chisinau, Moldova</i>) On the Possible Role of Hungarians in the History of the Carpathian-Dniester Lands in the 9 th -10 th century..	181
Rudenko K.A. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Artistic Artifacts with the Horsemen Image of the Ural-Hungarian Center IX Century..	188
Ryabtseva S S. (<i>Chisinau, Moldova</i>), Peskova A.A. (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>) On the Origins of a Jewelry Set from the Burial of a Noble Kuman Woman in Balota Puszta (Kiskunhalas, Hungary).....	194
Bea Szeifert, Veronika Csákyová, Balázs Stégmár, Dániel Gerber, Balázs Egyed (<i>Budapest, Hungary</i>), Botalov S.G. (<i>Chelyabinsk, Russian Federation</i>), Goldina R.D. (<i>Izhevsk, Russian Federation</i>), Danich, A.V. (<i>Perm, Russian Federation</i>), Attila Türk, Balázs G. Mende, Anna Szécsényi-Nagy (<i>Budapest, Hungary</i>) Maternal Genetic Composition of Early Medieval (6 th -10 th century AD) Populations Lived in the Cis- and Trans-Ural and Volga-Kama Regions	202
Telnov N.P. (<i>Chisinau, Moldova</i>) Ethnocultural Situation in the 9 th Century in the Lower Dniester Region and the Hungarian Factor	223
Tishkin A.A., Seregin N.N. (<i>Barnaul, Russian Federation</i>) Ethno-Cultural Situation in the Altai and the Adjacent Territories in the Early Turkic Period.....	229
Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Frolov Ya.V. (<i>Barnaul, Russian Federation</i>) Comprehensive Analysis of a Plated Belt from a 6 th – 7 th Century Samodian Burial at Strashny Yar-1 Site in the Barnaul Ob Region.....	235
Attila Türk (<i>Budapest, Hungary</i>) East European Connections and Roots of the 10 Centuries Archaeological Heritage in the Carpathian Basin by the Results of the Latest Investigations	241
Chichko T.V. (<i>Sterlitamak, Russian Federation</i>) <i>Magna Hungaria</i> and its Relations with the Eurasian States of the Same Historical Period	252
Sudár Balázs (<i>Budapest, Hungary</i>) Reference to the Place of Residence of Ancient Hungarians in a Persian Geographical Source (10 th C)	257

Chronicle

Bakhshiev I.I. (<i>Ufa, Russian Federation</i>), Kryazhevskikh A.L. (<i>Kirov, Russian Federation</i>) Scientific Conference “Archaeology of Late Middle Ages and New Time in Ural-Volga Region: from archaeological sources to historical reconstructions” (Ufa, MAY 17-18, 2018).....	266
List of Abbreviations	272

УДК 902/904

ВЕНГЕРСКИЕ (МАДЬЯРСКИЕ) ЧЕРТЫ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ ПРЕДУРАЛЬЯ

© 2018 г. А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова, А.В. Данич

Рассмотрены статистические признаки погребального обряда венгров периода Арпада и одновременных могильников Пермского Предуралья. Показано сходство основных черт погребального обряда, специфической материальной культуры. Сделаны выводы о нахождении на территории Пермского Предуралья в X – начале XI «восточных» мадьяр (венгров) не принявших участие в миграции на Запад. В материалах предуральских могильников достаточно выразительно представлены «мадьярские» черты, характерные для венгерских могильников эпохи Арпадов. Это дает основание утверждать, что часть мадьяр, не ушедших в 884 году в составе племен семи старейшин, оставалось в X–XI веках на территории Предуралья, включая не только часть территории современных Татарстана и Башкирии, но и территорию Пермского края, которая также входит в состав земель *Magna Hungaria*.

Ключевые слова: Пермское Предуралье, эпоха Арпадов, мадьяры, погребальный обряд.

Появление такой новой площадки, как Мадьярские симпозиумы, для обмена информацией о проявлениях элементов венгерской культуры на обширных пространствах Восточной Европы и территориях к востоку от Урала и для обсуждения вопросов, связанных с происхождением венгров и их движением в поисках новой Родины, привлекло множество исследователей, которые демонстрируют отдельные находки, в лучших случаях – единичные захоронения, связанные с венграми.

Это ситуация вызвана, на наш взгляд, актуализацией поиска исторической прародины венгерского народа, которую многие современные исследователи размещают на совершенно разных территориях: Южная Сибирь, Казахстан, Западная Сибирь, Предуралье, Кавказ.

Однако в контексте нашего исследования наибольший интерес представляет территория, известная как *Magna Hungaria*, понимаемая нами в соответствии с идеей автора этого термина монаха-доминиканца Юлиана [Аннинский, 1940, с.72–89], как территория, на которой проживала оставшаяся на востоке часть венгров (мадьяр) – не принявшая участие в завоевании новой Родины.

На общем фоне информации о «венгерских» погребениях и «мадьярской материальной культуры» разительно выделяется территория Пермского Предуралья, где в рамках ломоватовской культуры представлены и выразительный комплекс вещевых предметов «венгерского облика», и множество захоронений с присутствием в погребальном обряде венгерских черт. Еще в 2000 г. в диссертации,

посвященной погребальному обряду Верхнего Прикамья, И.В.Бочаров по результатам статистического анализа пришел к выводу об этнической двукомпонентности населения, основанном на двух моделях погребального обряда, выделенных по набору связанных признаков. Первая модель была определена как «угорская» на основании сходства основных элементов с погребальным обрядом венгров в процессе обретения новой Родины, вторая – как финская, отражающие компоненты финно-угорского (в буквальном смысле это термина) этноса [Бочаров, 2000, с.99–100].

Наиболее показательным в этом плане является Баяновский могильник, раскопки которого возобновились с 2005 г. Надо отметить, что этот могильник выделяется среди остальных памятников ломоватовской культуры высокой концентрацией погребений профессиональных воинов с полным набором вооружения, включая клинковое оружие, а также значительным количеством погребений с масками, процент которых существенно превышает средние показатели встречаемости масок в могильниках ломоватовской культуры. Сравнимых с ним могильников в ломоватовской культуре практически нет, за исключением Плесинского и поздней части Деменковского могильников, где тоже отмечаются отдельные погребения профессиональных конных воинов. Такая ситуация, очевидно, объясняется наличием клановой специализации с различной социально-общественной ролью. Точно также возле крупных городищ выделяются могильники с высокой концентрацией погребений ремесленников, есть могильники с преобладанием погребений

ний охотников-промысловиков и т.д. Таким, к примеру, является Рождественский могильник, сопровождавший одноименное городище, которое интерпретируется как булгарская торгово-ремесленная фактория, где выделяются погребения ремесленников и торговцев, и некоторое количество погребений, которые могут определяться как захоронение воинов.

Материалы этих двух могильников (Баяновского и Рождественского) и были взяты для исследования, материалы Плесинского могильника практически не доступны для современного исследования. Данные по Рождественскому могильнику позволяют немного снивелировать «мадьярский» облик Баяновского могильника и получить усредненные и более объективные результаты.

В многочисленных публикациях исследователи выделяют ряд черт погребального обряда, характерного для мадьяр:

- грунтовые захоронения с западной ориентировкой,
- прямоугольные могильные ямы (нередко с заплечиками),
- положение умершего вытянуто на спине с вытянутыми вдоль туловища руками,
- набор оружия в воинских захоронениях,
- наличие погребальных лицевых покрытий,
- помещение в могилу частей коня (чаще головы и костей ног) преимущественно «в ногах» умершего [Халиков, 1985; Плетнева, 2003, с.103–113; Комар, 2011, с.50–55 и др.].

Существенность этих признаков была проверена с помощью статистических методов В.А. Ивановым в процессе реализации проекта РГНФ «Проблема «прародины» угров-мадьяр и угорский компонент археологических средневековых культур Предуралья» (руководитель А.М. Белавин). Целью исследования являлось выявление статистически значимых признаков погребального обряда венгров периода Арпадов. Представленная база содержала 190 записей (погребений), описанных по 194 признакам. В результате в качестве системообразующих признаков, обладающих наибольшим числом корреляционных связей, выделились элементы конской упряжи (удила и стремяна), помещенные в погребения. Именно на основе данных признаков происходит формирование комплекса связанных признаков (КСП) погребального обряда венгров Арпада. Информативными с высоким коэффициентом энтропии и большим количеством корреляционных связей

– не менее 3 – являются признаки, демонстрирующие высокий коэффициент энтропии (т.е. признаки не случайные для выборки), большое число корреляционных связей (т.е. признаки «дружественные» выборке), высокую долю присутствия в выборке (признаки часто встречаются, типичны, характерны для выборки).

В целом может быть отмечена следующая логика: базовый комплекс, характеризующийся присутствием в погребении костей коня и конской упряжи, дополняется комплексом вещей, таких как кожаный колчан, железные наконечники стрел, поясные накладки, погребальная маска, сумка.

Такие признаки, как простая форма могильной ямы, положение умершего вытянуто на спине с вытянутыми или согнутыми руками показывают высокий коэффициент энтропии (позволяющий оценить однородность признака в выборке, исключить из выборки «информационные шумы»), но количество корреляционных связей менее 3. Кроме западной ориентировки выделяются также северо-западная и юго-западная, каждая из которых также дает количество корреляционных связей менее 3.

Выделенные существенные признаки, главным образом, характеризуют мужские захоронения. Женские погребальные комплексы отличаются большей вариативностью. Отчасти это может объясняться тем, что именно мужское население, обладавшее большей подвижностью, являлось основным носителем культурных традиций. Они могли брать жен из иной этнической среды, что влияло на неоднородность признаков. Усложняет ситуацию и отсутствие адекватных критериев для сравнения женских комплексов. К примеру, поверхностный анализ материалов археологических культур, связываемых с «мадьярским» или «угорским» кругом, показывает устойчивое наличие в женском костюме шумящих украшений с арочной или биконьковой основой, на чем исследователи обычно не заостряют внимания, в лучшем случае упоминая шумящие украшения в целом. В собственно венгерских древностях шумящие украшения отсутствуют.

Поэтому чтобы получить более «чистый» результат, основанный на адекватном сравнении, для исследования были отобраны только мужские погребения Баяновского и Рождественского могильников, обладающие достаточным набором признаков. Всего в базу было включено 91 погребение

Баяновского могильника (21,5% изученных), 44 погребения Рождественского могильника (13% изученных) – 135 записей, описанных по 38 признакам. Значительно меньшее количество признаков, чем в исследовании В.А. Иванова, проводившемся по материалам венгерских могильников, объясняется объективными обстоятельствами. Основным из них является крайне плохая сохранность органических материалов, в частности – костей. Соответственно, в число анализируемых признаков не могли быть включены такие позиции, как положение покойного в погребении, расположение костей коня и отдельных предметов относительно погребенного и т.п. Тем не менее, по сохранившимся в отдельных погребениях частям скелетов установлено, что погребенные укладывались вытянуто на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, а кости лошади (фрагменты черепа) в ногах погребенного. В целом выделенные признаки вполне сопоставимы с признаками, проанализированными по материалам венгерских могильников.

Здесь в качестве системообразующих признаков с наибольшим числом корреляционных связей выделились маски и сосуды.

Следует отметить, что последний признак объединяет все виды сосудов, встреченные в погребениях, включенных в выборку: керамические, деревянные с серебряными обкладками по венчику, в одном погребении Баяновского могильника присутствовал медный котел с находившимися внутри двумя деревянными сосудами. На Баяновском могильнике присутствие сосудов внутри могильных ям в целом отмечается не часто – особенностью данного памятника является их расположение в засыпи погребений. На Рождественском могильнике сосуды сопровождали большинство погребений.

Что касается масок, на Баяновском могильнике они представлены в целом в многочисленных погребениях, включая мужские, женские, детские, и в условных захоронениях (кенотафы), что, как отмечалось выше, является не типичным и выделяет данный могильник среди других памятников ломоватовской культуры. На Рождественском могильнике маски встречены в 1,5% погребений.

Признаками с высоким коэффициентом энтропии и большим количеством корреляционных связей – не менее 3, являются наличие зубов лошади в погребении, наличие статусных украшений – серебряных подвесок-всад-

ников и браслетов, а также кресальных кремней.

Признаки, связанные с ориентировкой погребенного, сопровождением его предметами вооружения (стрелы, топор, копье, сабля) и деталями конского снаряжения (удила, подпружные пряжки, стремяна), значимыми элементами костюма (поясной набор и бронзовая пряжка, височные украшения, перстень, бронзовые бусы, медальоны и монетовидные подвески), бытовыми предметами (кресало, нож, сумочка, оселок), показывают высокий коэффициент энтропии, но количество корреляционных связей менее 3.

В ориентировке погребенных преобладающее значение имели ССЗ и СЗ, но следует отметить, что основной традицией в ломоватовской культуре являлось захоронение умерших ногами к реке.

Наиболее яркие мадьярские черты представлены в новейших материалах Баяновского могильника. Здесь найдено 140 погребальных масок разной конструкции от наглазников и наротников, типа венгерских из могильника Ракамаз, кусочков серебряных пластин и монет, положенных на глаза (как в венгерском могильнике Башхалом), до цельных портретных масок с декоративными элементами, выполненными чеканкой и чернью. Процент погребений с масками очень высокий – более 48%.

Многочисленны находки погребений с саблями (два десятка), с деталями узды и другим конским снаряжением, с останками коней, в виде черепа (челюсти) и костей ног, лежащих у ступней человека.

В пятнадцати погребениях найдены остатки сумочек, украшенных металлическими (бронзовыми и серебряными) накладками, а в двух погребениях X века были найдены остатки лицевых серебряных пластин от поясных сумочек-ташек. Многие мужские погребения имеют в составе инвентаря серебряные пояса, украшенные орнаментом в «венгерском стиле». Во многих погребениях с саблями и деталями узды на груди погребенного воина находился особый знак – серебряная подвеска в виде всадника (из 11 найденных подвесок 6 в комплекте с саблей). Видимо, это был знак принадлежности к особой всаднической касте, в могилах венгров периода обретения Родины найдены похожие знаки (например, в могильнике Хайдусобосло-Аркошхалом).

Следует подчеркнуть, что сумки, маски и драгоценные пояса, вероятно, применялись при захоронении социальной элиты. Так,

венгерские коллеги отмечают, что из изученных 26 тысяч с лишним погребений венгров X–XI вв. в Карпатском бассейне лишь 3% (около 1 тысячи) захоронений содержали лошадиные кости, оружие, драгоценные детали костюма [Карпатский бассейн в эпоху каролингов и обретения Родины, 2014, с. 29].

Таким образом, в материалах исследованных могильников (особенно в Баяновском могильнике) достаточно выразительно представлены «мадьярские» черты, харак-

терные для венгерских могильников эпохи Арпадов. Это дает основание утверждать, что часть мадьяр, не ушедших в 884 году в составе племен семи старейшин – «...которые называются «Хентумогер»... вместе с великим множеством союзных народов...» [Scriptores Rerum], оставалось в X–XI вв. на территории Предуралья, включая не только часть территории современных Татарстана и Башкирии, но и территорию Пермского края.

ЛИТЕРАТУРА

Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. 1940.

Бочаров И.В. Средневековый погребальный обряд Верхнего Прикамья как источник реконструкции этнической истории региона: Опыт статистического анализа. Дисс... канд. ист. наук. Уфа, 2000. 235 с.: ил.

Карпатский бассейн в эпоху каролингов и обретения Родины. Путеводитель по археологической выставке Венгерского Национального музея / Katalin Gergely. Будапешт: HNM. 2014, 37 с.

Комар А.В. Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований // Мадяри в Середньому Подніпров'ї / Археологія і давня історія України. Вип. 7. / Отв. ред. Моця О.П. Київ: ІА НАН України, 2011. С. 21–78.

Плетнёва С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века). Воронеж: Изд. Воронеж. гос. ун-та, 2003. 248 с.

Халиков А.Х. Венгры, болгары и бургасы в Среднем Поволжье и Приуралье // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык / Отв. ред. Е.И. Убрятова. Новосибирск: Наука, 1985. С.27–31

Scriptores Rerum Hungaricum tempore ducum regumque Stirpis Arpadinae Gestarum. Edendo operi praefuit Emericus Szentpetyer Vol.I_II. Вр., V.II. P.34

Информация об авторах:

Белавин Андрей Михайлович, доктор исторических наук, профессор, заведующий Отделом истории, археологии и этнографии Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (г. Пермь, Россия); belavin@pspu.ru

Крыласова Наталья Борисовна, доктор исторических наук, профессор, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь, Россия); главный научный сотрудник, ПФИЦ УрО РАН (г. Пермь, Россия); n.krylasova@mail.ru

Данич Андрей Васильевич, ведущий специалист Лаборатории археологической трасологии, антропологии и экспериментальной археологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (г. Пермь, Россия); adanich@yandex.ru

HUNGARIAN (MAGYAR) FEATURES OF THE FUNERARY RITE OF MEDIEVAL BURIAL GROUNDS OF THE CIS-URALS

A.M. Belavin, N.B. Krylasova, A.V. Danich

The article considers the statistical features of the burial rite practiced by the Hungarians in the period of Arpad's rule and the burial grounds of the Perm Cis-Urals dating back to the same period. The authors reveal the similarity of the primary features of the funerary rite and specific material culture. It is concluded that the "Eastern" Magyars (Hungarians) not involved in the Westward migration were present in the Perm Cis-Urals in the 10th - early 11th centuries. The materials of the Cis-Urals burial grounds contain rather prominent "Magyar" traits characteristic of Hungarian burial grounds of the Arpads period. This suggests that a part of the Magyars who did not leave in 884 together with tribes of the seven elders, remained in the Urals throughout

the 10th-11th centuries, including not only the partial territory of the contemporary Tatarstan and Bashkiria, but also the territory of Perm Krai, also forming a part of Magna Hungaria lands.

Keywords: Perm Cis-Urals, Arpads period, Magyars, funerary rite

About the Authors:

Belavin Andrei M. Doctor of Historical Sciences. Professor. Perm scientific center Ural branch of the Russian Academy of Sciences. Lenina st., 13A, Perm, 614990, Russian Federation; belavin@pspu.ru

Krylasova Natalia B. Doctor of Historical Sciences, Associate Professor. Perm State Humanitarian Pedagogical University (PSHPU). Sibirskaya Str., 24, Perm, 614990, Russian Federation. Perm scientific center Ural branch of the Russian Academy of Sciences. Lenina st., 13A, Perm, 614990, Russian Federation; n.krylasova@mail.ru

Danich Andrei V. Perm State Humanitarian Pedagogical University. Sibirskaya Str., 24, Perm, 614990, Russian Federation; adanich@yandex.ru

УДК 902.01

**УРАЛО-АЛТАЙСКОЕ ЕДИНСТВО В МАТЕРИАЛАХ
ПОГРЕБАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА УЕЛГИ¹**

© 2018 г. С. Г. Боталов

Погребальные комплексы могильника Уелги и их реконструкции позволяют говорить о чрезвычайной синкретичности этого памятника. Эта разнокультурность складывалась и сосуществовала не одновременно. Сооружение некрополя продолжалось почти три столетия. И та картина, которую можно видеть на раннем этапе, отнюдь не схожа с культурным калейдоскопом в самом финале существования уелгинского кладбища. Именно в этом динамическом изменении этнокультурного облика населения Уелгинской долины можно воссоздать картину зарождения южноуральских народов в эпоху развитого средневековья. Полученные материалы из могильника Уелги позволяют утверждать, что стилистические группы слагают три временных и культурных горизонта. Наиболее ранний составляют погребения с южноуральскими материалами начала IX–X вв., которые располагаются в седловиной средней части могильника. Следующий горизонт составляют погребения с материалами 2-й – урало-казахстанской и 3-й – венгерской стилистических групп, относящихся к IX–X вв. и наиболее поздний горизонт представлен материалами урало-алтайской и угорской (петрогромско-юдинской) группами, относящимися к X–XI вв.

Ключевые слова: Уелги, средневековые кочевники Южного Урала, башкиры, мадьяры, кыпчаки, кыргызы, угры.

За все время исследований (2009–2017 гг.) вскрыто до 6 тысяч кв.м площади, расчищено более 80 погребений, два жертвенника, один тайник. Несмотря на то, что в 2009 году достаточно оперативно удалось остановить поисковое разграбление поверхностной части памятника, в течение двух недель удалось собрать внушительную коллекцию (до 300 единиц) артефактов, которые при самом детальном рассмотрении датировались IX–XI вв. и разделялись на несколько стилистических групп. Впоследствии эти наблюдения ярко подтвердились результатами археологических раскопок.

Стилистические группы выделялись по общей форме изделий, наличию и характеру орнамента, декоративных элементов, технологическим особенностям, что позволяет определить историко-культурные и географические ареалы их бытования. Описание их приводилось нами неоднократно в предыдущих работах. Поэтому охарактеризуем их кратко.

Стилистические группы 1 и 2 условно называемые урало-казахстанские. Предметы из стилистической группы 1 (рис. 1: 1) преимущественно не орнаментированные и не позолоченные. Общий контур прямой, волнистый. Отличительными декоративными

особенностями являются оформление псевдопестельчатых, лепестковых, когтевидных выступов; проведение нервюры или валика по центру. Отдельной категорией является бытование лунницевидных (билунницевидных) с парными выступами накладок. Эта группа хорошо известна по материалам памятников IX–XI вв. Южного Приуралья.

Стилистическую группу 2 (рис. 1: 2) составляют поясные, сбруйные и другие серебряные накладки и наконечники ремней, аналогичные предметы из отдельных погребений кочевой аристократии Южного Урала и Казахстана. Это богато украшенные растительным орнаментом накладки, распределители и наконечники, имеющие золотое амальгамирование поверхности, соотносимые с материалами Лагеревских, Ишимбаевских, Старо-Халиловских, Каранаевских курганов Южного Урала (Мажитов, 1981, с. 87–113; 1993; с. 132–135). Рассматриваемую группу можно относить к IX–X вв. Отдельные изобразительные элементы схожи с хазарской (салтовской) стилистикой (Плетнева, 1981, с. 62–75).

Стилистическая группа 3 (рис. 2: 3) условно называемая «венгерская». Предметы имеют позолоту. В орнаментальных мотивах, помимо растительного (трилистник либо

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-59-23002 «Истоки формирования культуры древних венгров. Археологический палеоантропологический и палеогенетический аспект исследования средневековых памятников Южного Урала и Западной Сибири».

четырёхлепестковый рисунок), присутствуют зооморфный и антропоморфный. Бордюры декорировались чередующимися овалами и кружками. На сегодняшний день мы можем очертить ареал этой группы: Южное Зауралье (Уелги, Синеглазово), Южное Приуралье (Каранаево), Прикамье (Больше-Тиганский, Танкеевский могильники), Приднепровье (памятники типа Субботцев). Похожие наклейки обнаружены в развешанном погребении близ Эмбы (Бисембаев, 2003, с. 62–64); Стоколос, 1962, с. 163, 164; Казаков, 1972, с. 162–163; Бокий, Плетнева, 1988, с. 106–108; Казаков, 2001, с. 55).

Стилистическая группа 4 (рис. 2: 4) условно называемая восточно-казахстанская, алтайская. Предметы имеют толстые стенки. Выражены бортики. Развит растительный орнамент с обилием завитков, а также распространенный мотив – изображение цветка в профиль на сердцевидных накладках. Округлые наклейки с розеткой обнаружены в Гилево IV, кургане 1, Гилево V, кургане 6, Гилево VII, кургане 4 и др. (Могильников, 1981, с. 43–52).

Подобные уздечные наборы с растительным орнаментом, предметы вооружения, украшения особого характера для памятников сроткинской культуры Верхнего Приобья. Наборы конской узды из Уелгинского могильника фактически аналогичны алтайским комплексам. Предметы орнаментированы, большинство позолочены. Наиболее развита геометрическая орнаментация (линии, «сетка», их сочетание и др.), в композиционном исполнении присутствует симметрия, чередование. Растительный орнамент стилизован.

Стилистическая группа 5 (рис. 2: 5) условно называемая лесная уральская. Аналогии таким вещам встречены в памятниках неволинской культуры неволинской и сухоложской стадий, урынской стадии ломоватовской культуры. В изобразительных сюжетах распространены антропоморфные, в виде личин и человеческих фигур, и зооморфные мотивы. Кресала с антропоморфно-зооморфными мотивами известны в марийских памятниках (Голдина, Водолаго, 1990, с. 165, табл. LXVIII, 42, 43; Голдина, 1985, с. 230, табл. XXII, 31–35, рис. 16).

В настоящее время мы располагаем материалами около 50-ти сосудов (рис. 3). Они представляют собой типологический комплекс позднекушнаренковского и караякуповского облика (тонкостенность, гребенчато-

прочерченная зональная орнаментация) (рис. 3: 1). Отметим, что в полевом сезоне 2013 года в насыпи кургана 9 (в непосредственной близости от курганов 7, 8) обнаружены фрагменты сосуда кушнаренковского облика. Горшки со шнуровой орнаментацией крупногребенчатой и плоским фигурным штампом, сосуды с ушками и с большой примесью талька в тесте указывают на сильное влияние со стороны лесного, вероятно петрогромского и юдинского культурного ареала (рис. 3: 2). Следует заметить, что подобные культурные взаимовлияния кочевого и лесо-таежного населения – носителей шнуровой керамики – наблюдаются и в комплексах некоторых могильников Башкортостана.

Первая группа представлена уже упоминаемыми горшками кушнаренковского и караякуповского облика. Однако во втором случае круглодонные караякуповские горшки с резной, прочерченной, гребенчатой и плоскоштамповой орнаментацией содержат сюжеты, характерные керамике бакальско-го историко-культурного горизонта, и даже позднесаргатские (прыговские), вероятно, как самые поздние образцы. В сюжетах резной елочки наряду с бакальскими угадываются и неволинские сюжеты орнаментации. Если принять тот факт, что на позднем этапе существования могильника у населения сроткинской культуры исчезает традиция установки погребальной керамической посуды, что собственно и демонстрируется в погребениях с материалами алтайского облика (группа № 4), то становится очевидным, что керамический комплекс Уелги также подтверждает свое культурное многообразие.

Вторую составляют круглодонные и плоскодонные сосуды с характерной шнуровой орнаментацией. Несколько из них имеют ушки для подвешивания. Этот тип керамики является распространенным для населения петрогромской культуры лесного Зауралья, а также встречается в предуральских памятниках неволинской культуры Сылвенского Предуралья (Голдина, Водолаго, 1990, с. 165, табл. LIV, LVII, LIX).

Хронологические рамки существования некрополя, установленные радиоуглеродными данными, определяются диапазоном в 200 лет. Наиболее раннее погребение 16 из кургана 32 полагало радиоуглеродную дату от 803 до 842 гг., наиболее позднее – от 890 до 1040 года. Таким образом, данные радиоуглеродного датирования в сочетании с традиционными методами археологического типологического

сравнения показывают общую дату существования Уелинского некрополя от начала IX в. до середины XI в. Позднюю позицию определяют и находки серебряных арабских аббасидских дирхем чекана 911–926 гг. с отверстием для подвешивания. Эти монеты обнаружены среди подъемных сборов из кургана № 26. Учитывая длительность хождения в среде средневековых кочевников, самое раннее попадание этих дирхемов в Уегинское погребение это начало–середина XI века и, возможно, позже (рис. 4) (Боталов, Грудочко, 2011, с. 82).

На первый взгляд, погребальный уелгинский обряд демонстрирует общую типологическую схожесть, однако при детальном рассмотрении комплексов выявляются весьма важные и интересные детали. Многие продолжают оставаться непонятным и интригующим. Каждый год раскопок приносил все больше вопросов, нежели понимания. Так стало очевидным, что ни один комплекс, который составляли насыпь кургана, подкурганная площадка и могильные ямы, не походит один на другой. Были ли это семейные захоронения или какие-либо внутриродовые мемориальные сектора. Всю картину, бесспорно, смазывал факт тотального разграбления могильника. Степень его доходила до 90% от общего числа захоронений. В этой связи совершенно невозможно было установить точный половозрастной состав внутри каждого из курганов. Также трудно было определить и внутреннюю стратиграфию захоронений. В курганах других эпох иногда четко фиксируется периодичность возведения отдельных ям, так как выкид из более поздних перекрывают выкиды из более ранних погребений. В этом же случае выкид фиксировался чаще всего лишь из грабительских ям. Создавалось впечатление, что неглубокие ямы для погребений совершались прямо с поверхности, а затем, спустя какое-либо время, группы погребений от 2-х до 6-ти ям перекрывались гумусной насыпью. При этом предварительно на погребальной площадке, в относительной близости от могил, совершались жертвенные вымостки из голов и конечностей лошади.

В то же время это могли быть как выкладки костей от одной лошади, так и гигантские скопления, которые создавались из костей более двух десятков лошадей. Судя по неразграбленным погребениям и общей ориентировке могильных ям, покойники укладывались по линии З–В с отклонением (сезонными), чаще в ЮЗ, реже СЗ сектора (рис. 5).

Особым образом из этого числа погребений с ингумацией, то есть труположением, выделялись три погребения воинов-лучников, которые наудачу оказались не разграбленными (к-н 32, погр. 2; к-н 14, погр. 1; к-н 11, погр. 1). В них в обязательном порядке были обнаружены колчаны со стрелами. Вероятно там же лежали и луки, хотя доподлинно удалось обнаружить присутствие лука лишь в одном из них, где были специальные костяные накладки, усиливающие его убойность (рис. 6: 1–3).

Однако особый интерес имела группа погребений из трех курганов (1, 6, 31), где были обнаружены погребения по обряду трупосожжения. Эти курганы сразу же отличались по характеру заполнения насыпи. Они были сложены из интенсивного обожженного на стороне грунта, а в погребениях располагались лишь остатки кальцинированных костей людей и вещей покойников (рис. 7).

Ярко выделяется комплекс из кургана 31, где вместе с кальцинированными костями человека присутствовали кости черепа и ног лошади, удила и колчан (рис. 8: 5–7). В этом погребальном обряде угадывалось явное влияние традиций алтайских племен так называемой сrostкинской культуры. К этой же группе, по всей видимости, относятся и более поздние погребения воинов с саблями из курганов 1 и 7, что подтверждается находками в них предметов ременной гарнитуры 4-ой (алтайской) стилистической группы. Вероятно, часто погребения относятся к кыпчакской группе (рис. 8: 1–5). Особым показателем для могил этих курганов также является отсутствие керамической посуды в них. Присутствие в этой погребальной группе сабель, колчанов с бронебойными наконечниками стрел, серебряных гривен и, наконец, частей сложного ламинарного доспеха панцирного типа, сложенного из многочисленных стальных пластин (рис. 9), невольно угадывает в ней грозных воинов кыпчаков и кыргызов, пришедших на Южный Урал из Саяно-Алтайских предгорий (в X–XI вв.), чтобы присоединить его к своим владениям. Вероятно, эта наиболее поздняя волна населения окончательно перекрывает и видоизменяет погребальную культуру Уелгов.

Трудно пока говорить о том, что вновь пришедшие обитатели Уелгинского урочища преднамеренно грабили или просто разрушали могилы уелгинцев. Хотя все указывает на то, что большая часть погребений действительно разрушалась именно тогда в древ-

ности, потому как разорители точно знали местоположение могил. При разрушении не особо заботились о содержимом погребений, на что указывает огромное число выброшенных и оставленных на поверхности достаточно дорогих по тем временам предметов. Хотя при этом кости умерших подвергались особо-му измельчению.

Эта традиция преднамеренного разграбления требует своего особого осмысления. Тем не менее, за десять лет работы на могильнике удалось исследовать значительное количество нетронутых комплексов. При этом речь идет не только о погребениях людей. Среди этого числа, как уже упоминалось выше, тайники, а также захоронения взнузданной лошади.

Первые относительно не тронутые раскопами погребения принадлежали женщине и ребенку. Так, в насыпи кургана 32, располагалось женское погребение. Разрушенной оказалась лишь нижняя его часть (ноги). Оно было совершено в верхней части насыпи и являлось впускным. Был расчищен частично разрушенный костяк, от которого сохранилась верхняя часть. Это была женщина, возрастом старше 55 лет, при которой были обнаружены остатки богатого костюма. Внимание в первую очередь привлекает головной убор (рис. 10), от которого сохранился ряд плотно расположенных билунницеvidных накладок, прикрепленных на кожаную основу и затем на берестяную полоску. Вероятно, это налобная диадема, в композиции которой прослеживается симметрия: по 16 накладок с каждой стороны, центральное место на лбу занимала гантелевидная накладка. Сверху, на бляшках, сохранился фрагмент грубого текстиля, вероятно, остатки савана, в который была обернута погребенная. У висков, на правой и левой стороне черепа, расчищено по плоской серьге. В области шеи обнаружены бусины, бубенчики и серебряная сердцевидная подвеска – остатки от нагрудного ожерелья. Комплект бус составляет 20 экземпляров: 4 костяных, 8 каменных, 8 стеклянных (2 розовых и 6 голубых).

Интерес представляет и детское погребение из кургана 32. Возраст ребенка составлял 4–6 лет. Вместе с ним обнаружен разнообразный инвентарь. На поясе был надет ремень с 6 бляшками и 4 тренчиками, порядок расположения которых удалось проследить. Пряжки не обнаружены, поэтому возможно пояс подвязывался (рис. 11: 2). На левой руке расчищен браслет, у височной части черепа –

серьга. Ниже пояса был обнаружен перстень. В ногах установлен керамический сосуд, а немного выше погребенного (справа, ближе к ногам) зафиксированы костные остатки двух мясных кусков туши лошади. Состав инвентаря (пояс с серебряными накладками, присутствие перстня, серьга) довольно определенно указывает на высокий социальный статус погребенного.

Вещевые наборы из этих погребений являются достаточно типичными для южноуральских погребений известных в некрополях Башкортостана (Лагеревский, Бекешевский, Хусаиновский курганы). Подобная диадема была обнаружена в кургане 42 Лагеревского могильника (Мажитов, 1981, с. 83, рис. 44).

Еще одной вновь выявленной новацией на могильнике является погребение коня из кургана 32. Судя по положению костяка, конь лежал на животе и немного завален на левый бок. По определению остеолога Ласло Лихтенштейна (Венгрия) конь имел возраст 3–4 года, был специально умерщвлен для захоронения, ему перерезали горло. В могиле обнаружен инвентарь, судя по которому конь был полностью снаряжен. На голову была надета уздечка, ремни которой украшены серебряными бляшками. Во рту находились удила с S-видными псалиями и дополнительным кольцом для повода (рис. 12: 1). От петли удил на щечный ремень отходило 2 бляшки и один распределитель. Ближе к вискам лежал целый ремешок с четырьмя накладками, одна из которых концевая. Полевые наблюдения позволяют предполагать, что этот ремешок был подвесным и отходил от перекрестия щечного и налобного ремней. Такое же расположение бляшек зафиксировано с левой стороны, после снятия черепа. О наличии седла свидетельствуют серебряные пластинки-скобы, украшавшие переднюю луку. Седельный набор включал также одно стремя и железную подпружную пряжку, крепившую ремень седла под животом. Стремя, вероятно, пришедшее в негодность, было отремонтировано специально для захоронения. В районе крупа обнаружено 8 серебряных блях в форме якорьков и сдвоенных лунниц, украшавших крупный ремень – по 4 с каждой стороны. Приведено два варианта расположения бляшек, однако не исключено, что они подвешивались на дополнительных ремешках (рис. 12: 3). Данный набор конской узды также является типичным для средневековых комплексов Башкортостана (Лагерев-

ский, Бекешевский, Хусаиновский курганы), которые относятся к комплексам IX века.

Стилистическая группа 3 (мадьярская) в материалах Уелгов пока представлена лишь наборами ременной гарнитуры, однако некоторые из этих находок имеют прямое сходство с экземплярами, ранее обнаруженными в погребениях Синеглазовских курганов, собранных В.С. Стоколосом, а также в знаменитом Синеглазовском погребении, обнаруженном им же. Кратко напомним результаты этих исследований.

В кургане, исследованном Стоколосом, обнаружена могильная яма с останками мужчины, одетого при захоронении в халат из расписного шелка. В могиле найдено оружие, остатки конской сбруи и поясной гарнитуры 3-й стилистической группы, которые подчеркивают высокий социальный статус покойного. В изголовье стояла серебряная чаша с гравированным орнаментом на дне. На запястье левой руки мужчины был надет серебряный браслет, а на безымянном пальце правой руки – серебряный перстень с камнем. Особой находкой является шелковый халат, который в литературе получил название «Челябинская ткань». Она изготовлена в технике точной саржи с 2 основами и 3 утками. Орнамент образуют изображения царственных всадников, следующих рядами в одном направлении. Они выполнены в синевато-зеленом цвете на коричневатом-золотистом фоне. Коня изображены в спокойном движении. Сбруи богато убраны бляхами и подвесками. Непропорционально велика фигура царя. Он одет в длинопольный кафтан, перехваченный на талии ремнем, и доходящие до щиколотки шаровары. Корпус и, вероятно, руки защищены пластинчатым доспехом. Голова увенчана зубчатой короной с навершием в виде полумесяца и шара и развевающимися лентами. В правой руке длинное копьё с 2 флажками, в левой маленький щит, на правом боку меч. По мнению А.А. Иерусалимской сюжет и стиль изображения, ряд его характерных деталей, а также технологические параметры ткани со всей очевидностью указывают на то, что она была произведена в Иране в VIII–IX вв. (рис. 13:III). (Стоколос, 1962).

Коллекция Синеглазовов включает комплект из 15 прямоугольных и 24 квадратных позолоченных блях и одного крупного наконечника ремня с зооморфным орнаментом. Комплект представляет собой две группы предметов. Первую составляют крупные прямоугольные накладки, вторую

– квадратные относительно меньшего размера. К первой группе, судя по ширине, должен относиться наконечник ремня. Все предметы позолочены, орнаментированы и, благодаря выраженному бортику, выглядят объемными. Накладки первой группы крепились на широкий ремень, которым мог быть подпрессный (седельный нагрудный). По-видимому, центральную часть ряда занимала концевая накладка с изображением фантастического животного, от которой вниз отходил ремень, соединяющийся с подпругой. Вторая группа накладок имеет ширину, характерную для ремней оголовья. Сохранился один ремешок, где две накладки прикреплены вплотную друг к другу, так что можно предположить такое же плотное расположение остальных деталей. Округлая бляшка могла занимать центральное место на переносице, либо крепиться на месте перекрестных ремней (рис. 13:IV).

Насколько мы можем заметить, синеглазовский набор конской узды явно отличается от предыдущих. Его накладки, как, впрочем, и некоторые другие предметы, найдены в Синеглазовских курганах, включая Иранскую шелковую ткань, серебряное блюдо и накладки с растительным орнаментом и другие накладки с зооморфными сюжетами, которые характеризуются как элементы постсасанидской изобразительной традиции. Эти предметы составляют стилистическую группу 3, которая соотносится с мадьярским культурным комплексом.

И, наконец, еще один сохранившийся комплект, который был обнаружен в тайнике под западной полкой кургана 29. Как и западная часть насыпи, она врезалась в естественный скальный выход. Яма прямоугольной формы, ориентирована по линии 3–В. В южной стороне ямы обнаружены остатки уздечного набора из 34 накладных бляшек сердцевидной формы. Другие две пары накладных блях большего размера имели сердцевидную и розетковидную формы. Недалеко от них лежал предмет в виде овальной рамки с двумя когтевидными штифтами, по всем признакам напоминающий пряжку (рис. 14: 3).

Зафиксированные *in situ* накладные бляшки позволяют восстановить основные ремни оголовья конской узды. Достоверно мы можем говорить о щечном, подбородочном, налобном и затылочном ремнях, перекрестия которых украшались розетковидными бляшками. На затылочный ремень приходилось по две бляшки, на подбородочный – по две, на налобный – по три. Указанное количество

ное распределение подтверждаются еще и тем, что нижний слой бляшек (левая сторона уздечки), лежащие перевернуто, в точности повторяли ответвления.

Наносные и нащечные ремни и их перекрестия представлены накладками, которые лежали без какого-либо порядка. Скорее всего, сочленения украшали сердцевидные бляшки большего размера. Их также найдено две, от одной утрачено более половины изделия. Пространство между узловыми (сердцевидной и розетковидной) бляшками было заполнено, скорее всего, 7 маленькими сердцевидными бляшками на каждой стороне. Лишь одна накладка сердцевидной формы с псевдопетельчатым выступом по оформлению отличалась от других и не имела пару. Возможно, она занимала центральное положение на наносном ремне. Не представляется возможным включить куда-либо пряжку. Она обнаружена на значительном удалении от скопления всех бляшек, за удилами. Возможно, как и передняя часть уздечки, она оказалась потревожена землеройными животными и вынесена. Не исключено, что с помощью нее соединялись концы подгубного ремня (рис. 14: 2).

Комплекс узды у этого тайника в целом схож с уздой в погребении коня из кургана 32. Однако сопровождающий инвентарь включает браслеты, серьгу, ажурную подвеску с зооморфным сюжетом, а также подвески с орнаментацией («игольницы») и указывают на то, что эти предметы имеют явное влияние со стороны лесного-угорского ареала. Отсюда очевидно, что неслучаен факт присутствия такого большого количества керамических сосудов со шнуровой и крупногребенчатой орнаментацией, относящихся к юдинско-петрогромскому типу, наряду с теми предметами, которые образуют пятую стилистическую группу предметов пермско-угорское

культурное своеобразие. Эту культурную ориентацию подтверждает находка накладки с изображением антропоморфных личин. Стилистически эти изображения также выполнены в традициях лесной (угорской) пластики (рис. 13: 1).

Рассмотренные погребальные комплексы могильника Уелги и их реконструкции позволяют говорить о чрезвычайной синкретичности этого памятника. Безусловно, эта разнокультурность складывалась и сосуществовала не одновременно. Напомним, что сооружение некрополя продолжалось почти три столетия. И та картина, которую мы можем видеть на раннем этапе, отнюдь не схожа с культурным калейдоскопом в самом финале существования уелгинского кладбища. Однако именно в этом динамическом изменении этнокультурного облика населения Уелгинской долины можно воссоздать картину зарождения южноуральских народов в эпоху развитого средневековья.

Насколько позволяют утверждать полученные материалы из могильника Уелги, стилистические группы слагают три временных и культурных горизонта. Наиболее ранний составляют погребения с южноуральскими материалами начала IX–X вв., которые располагаются в седловине средней части могильника. Следующий горизонт составляют погребения с материалами 2-й – урало-казахстанской и 3-й – венгерской стилистических групп, относящихся к IX–X вв. и наиболее поздний горизонт представлен материалами урало-алтайской и угорской (петрогромско-юдинской) группами, относящимися к X–XI вв. (рис. 15).

Таким образом, погребальный комплекс Уелгов содержит в своем составе своеобразный алгоритм историко-культурного развития Южного Урала начального периода формирования урало-казахстанских этносов.

ЛИТЕРАТУРА

- Бисембаев А.А.* Случайные находки рубежа I–II тысячелетий с территории Актюбинской области // Известия НАН Республики Казахстан. Сер. обществ. наук. 2003. № 1. С. 60–73.
- Бокій Н.М., Плетнева С.А.* Захоронение семьи кочевника X в. в бассейне Ингула // СА. 1988. № 2. С. 99–115.
- Боталов С.Г., Грудочко И.В.* Новые материалы по культурогенезу средневекового населения Южного Урала (по материалам могильников Уелги и Синеглазово) // Археологія і давня історія України. Вып.7. Мадяри в Середньому Подніпров'ї. – Київ: вид. ІА НАНУБ ЦП НАНУ і УТОПІК, ЦОДПА, 2011. С. 79–99.
- Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 176 с.

Казаков Е.П. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника // Проблемы археологии и древней истории угров / Отв. ред. А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели М.: Наука, 1972. С. 161–167.

Казаков Е.П. О локализации мадьяр в IX в. // Вопросы древней истории Волго-Камья / Под ред. Е.П. Казакова и др. Казань: Изд-во Мастер-Лайн, 2001. С. 53–59.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 166 с.

Мажитов Н.А. Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII–XI вв.) // Хронология памятников Южного Урала / Отв. ред. Б. Б. Агеев. Уфа: УНЦ ИИЯЛ РАН, 1993. С. 119–140.

Могильников В.А. Кимаки. Сросткинская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР / Отв.ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 43–46.

Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР / Отв.ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 62–75.

Стоколос В.С., Курган на озере Синеглазово // АЭБ. 1962.Т. 1. С. 163–167.

Информация об авторе:

Боталов Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск, Россия); grig@csc.ac.ru

URAL-ALTAIC UNITY IN THE FUNERARY COMPLEXES OF UELGI²

S.G. Botalov

The funeral complexes of Uelgi burial ground and their reconstruction allow us to speak of the extreme syncretic nature of the site. This multiculturalism did not develop simultaneously or coexist. The construction of the necropolis lasted almost three centuries. The picture which can be seen at the early stage is by no means similar to the cultural kaleidoscope observed at the very end of the existence of Uelgi burial ground. It is this dynamic change in the ethno-cultural image of the population of the Uelgin Valley that allows to recreate the origins of the South Ural peoples in the developed medieval period. The materials from Uelgi burial ground make it possible to assert that the stylistic groups constitute three temporal and cultural horizons. The earliest comprises burials with South Ural materials of the early 9th-10th century, which are located in the saddle in the middle area of the burial ground. The next horizon consists of burials with materials of the 2nd and 3rd groups - - Ural-Kazakh and Hungarian stylistic groups dating back to the 9th-10th century, respectively, and the latest horizon is represented by materials of the Ural-Altaic and Ugric (Petrogrom-Yudin) groups dating back to the 10th-11th centuries.

Keywords: Uelgi, medieval nomads of the Southern Urals, Bashkirs, Magyars, Kipchaks, Kyrgyz, Ugrians.

About the Author:

Botalov Sergei G. Doctor of Historical Sciences, Professor, South Ural State University. Lenin Ave., 76, 454080, Chelyabinsk, Russian Federation; grig@csc.ac.ru

² The study was conducted with the financial support of the RFBR within the framework of the Project No. 18-59-23002 “Origins of the culture of ancient Hungarians. The archaeological paleoanthropological and paleogenetic aspect of studying the medieval sites of the Southern Urals and Western Siberia”..

Рис. 1. Могильник Уелги. Стилистические группы 1, 2

Рис. 2. Могильник Уелги. Стилистические группы 3, 4, 5

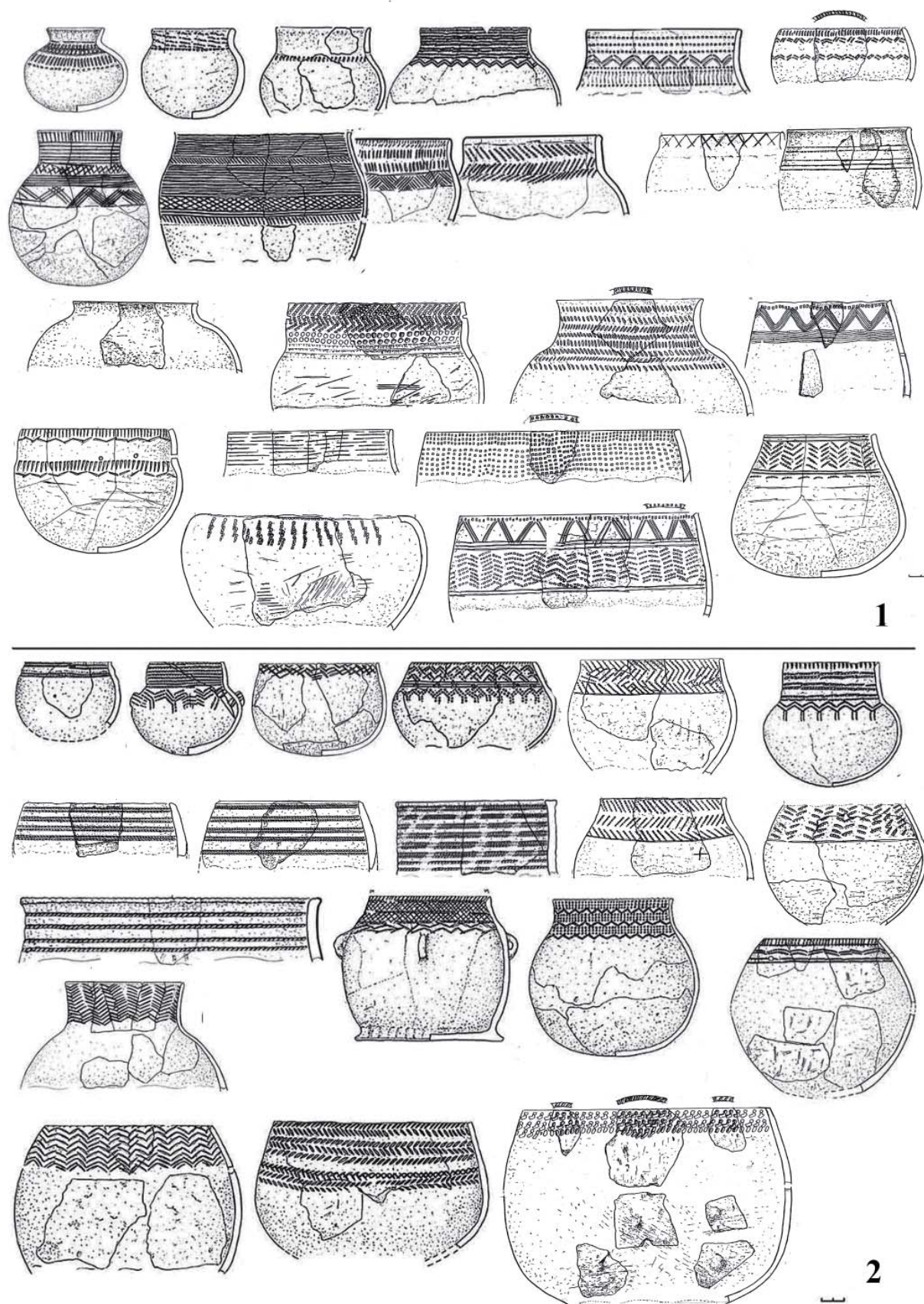

Рис. 3. Могильник Уелги. 1 – керамика кушнареновско-караюкуповского типа; 2 – керамика петрогромско-юдинского типа

Рис. 4. Могильник Уелги. Курган 26. Аббасидский динар, 911–926 гг.

Рис. 5. Могильник Уелги. Курган 29. Жертвенник

Рис. 6. Могильник Уелги.; 2 – курган 32, погр. 2; 3 – курган 11, погр. 1

Рис. 7. Могильник Уелги. 1 – курган 14, погребение 1 (лучник) 1 – курган, погребение: 2–3 – вещи из погребения и аналогии колчанных крюков; 4 – реконструкция

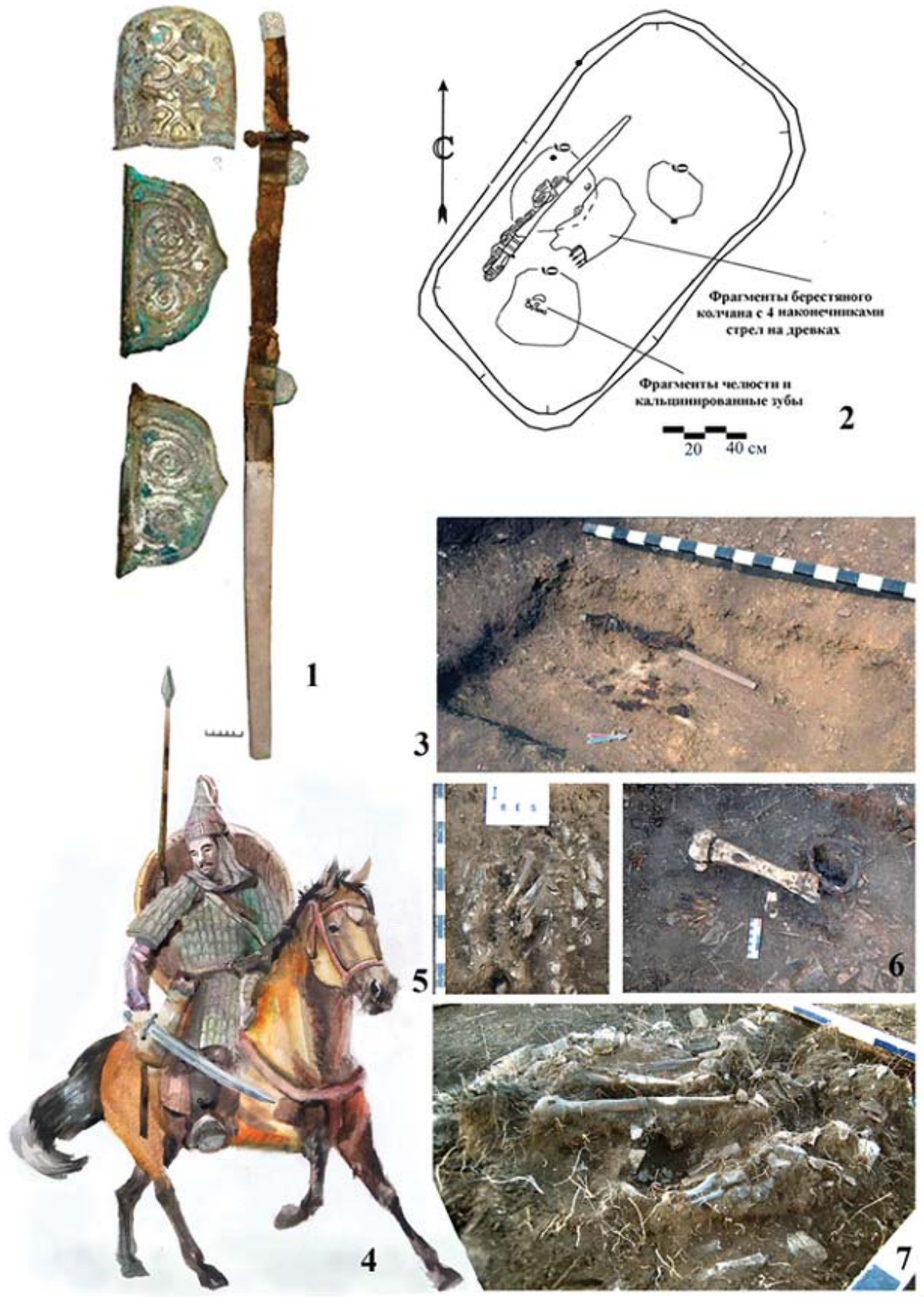

Рис. 8. Могильник Уелги. 1–3 – курган 1, погр. 5; 4 – реконструкция; 5–7 – курган 31

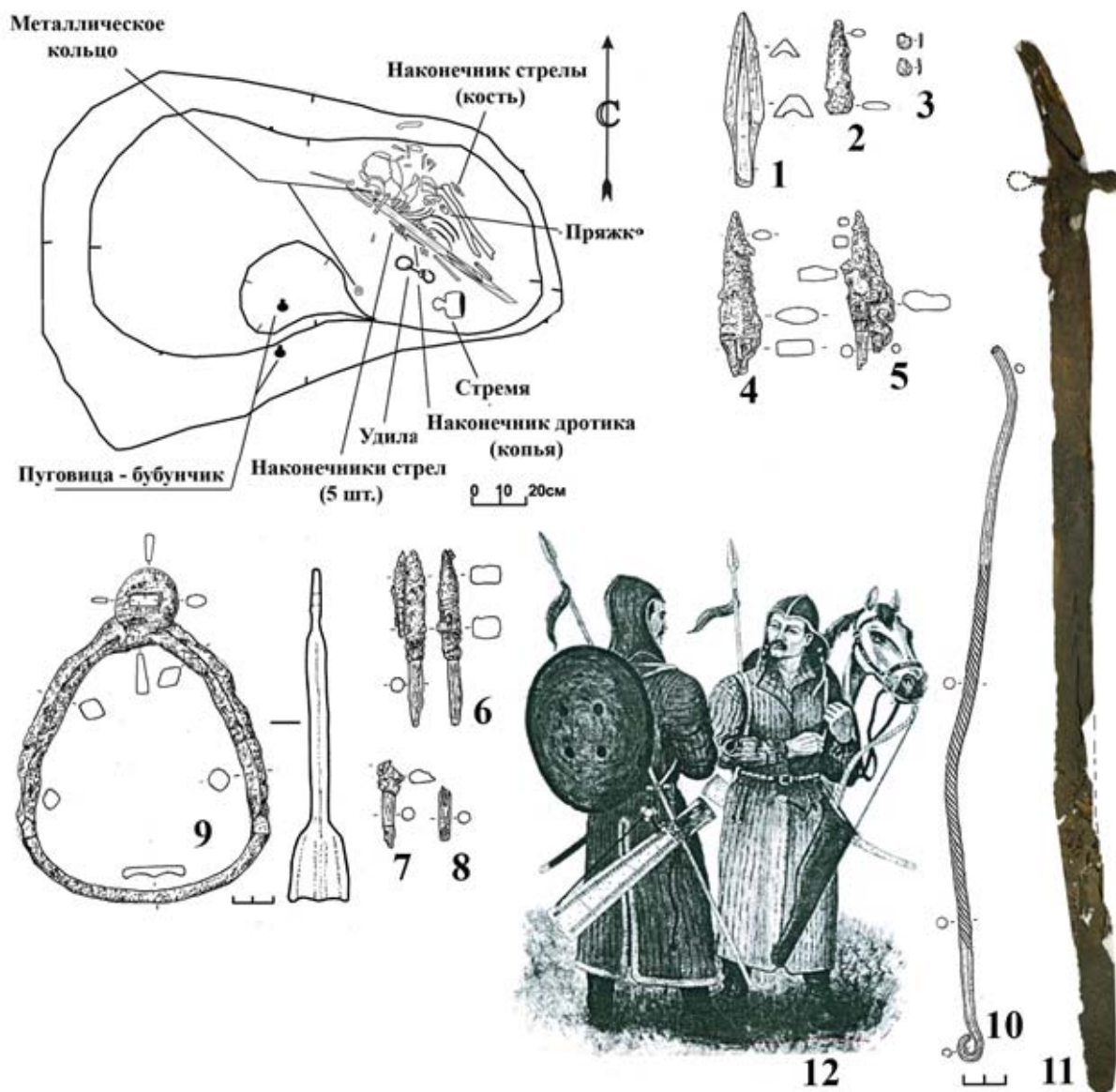

Рис. 9. Могильник Уелги. Курган 1, погребение 8. 1 – кость; 2, 4–9, 11 – железо; 3 – стекло; 10 – серебро; 12 – реконструкция

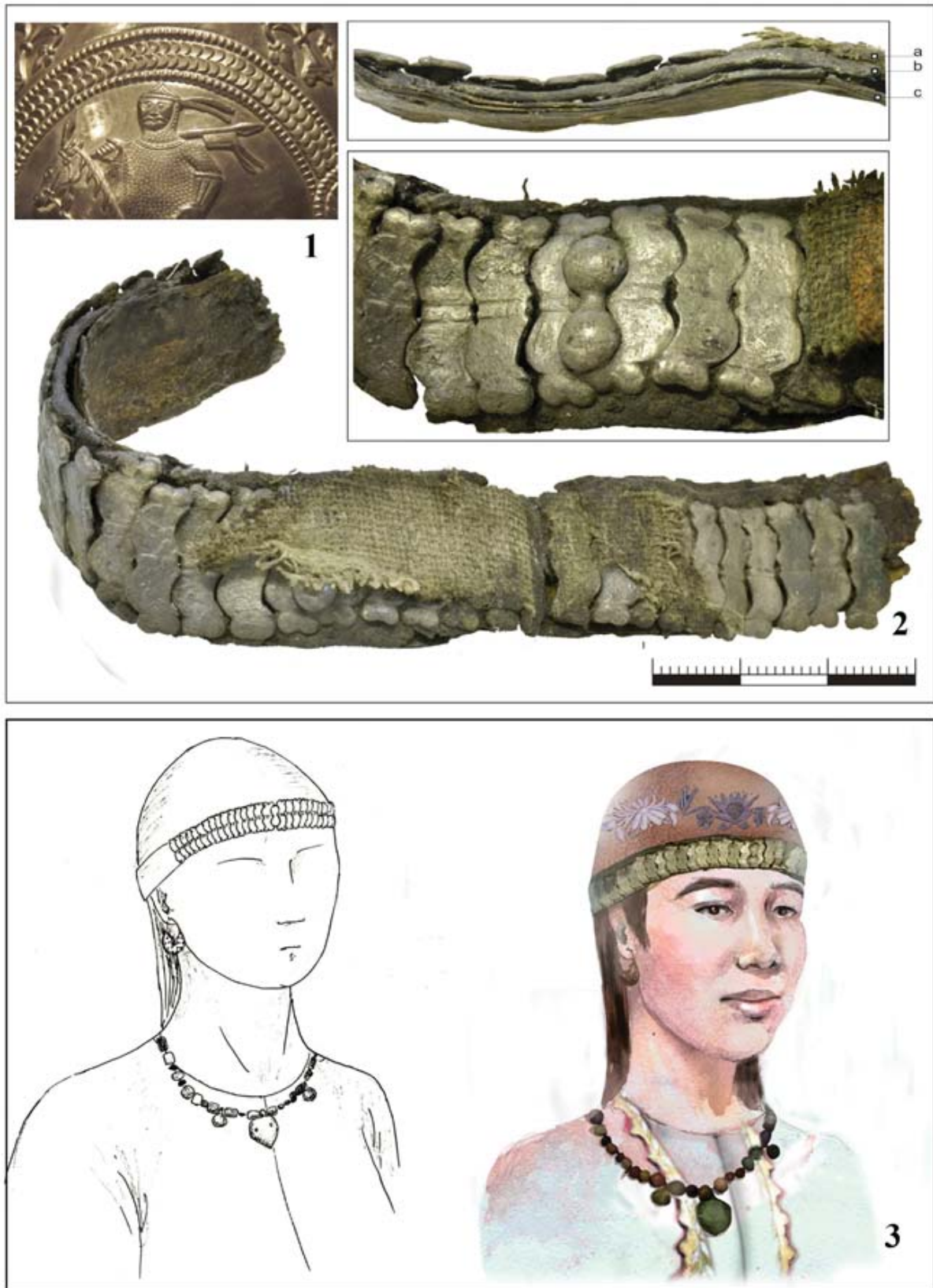

Рис. 10. Могильник Уелги. Курган 32. 1 – сюжет из Надь Сент-Миклош; 2 – налобный венчик (кожа, ткань, бронза); 3 – реконструкция

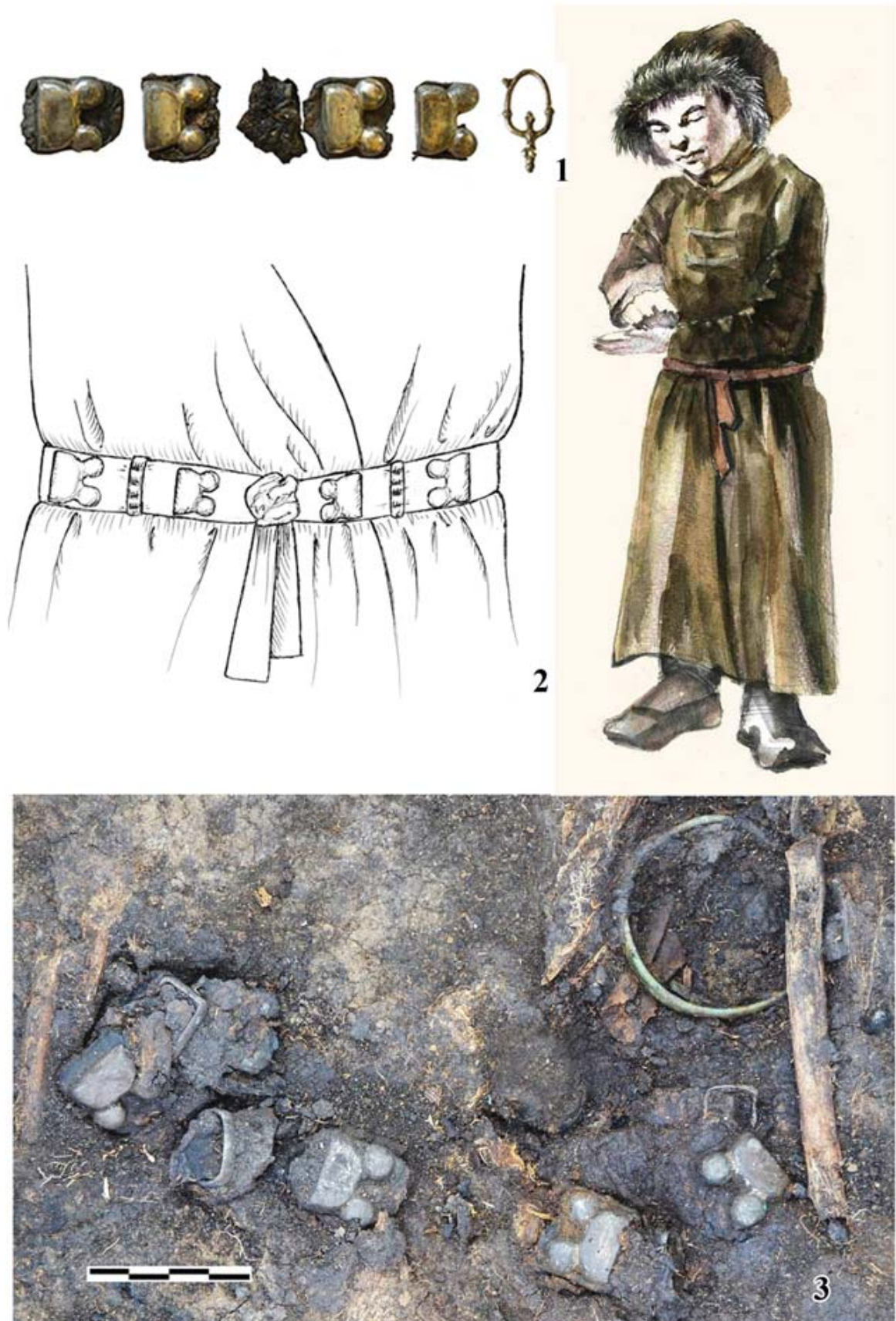

Рис. 11. Могильник Уелги. 1 – курган 32, погребение 11. 1 – фрагмент пояса; 2 – реконструкция; 3 – фрагмент погребения

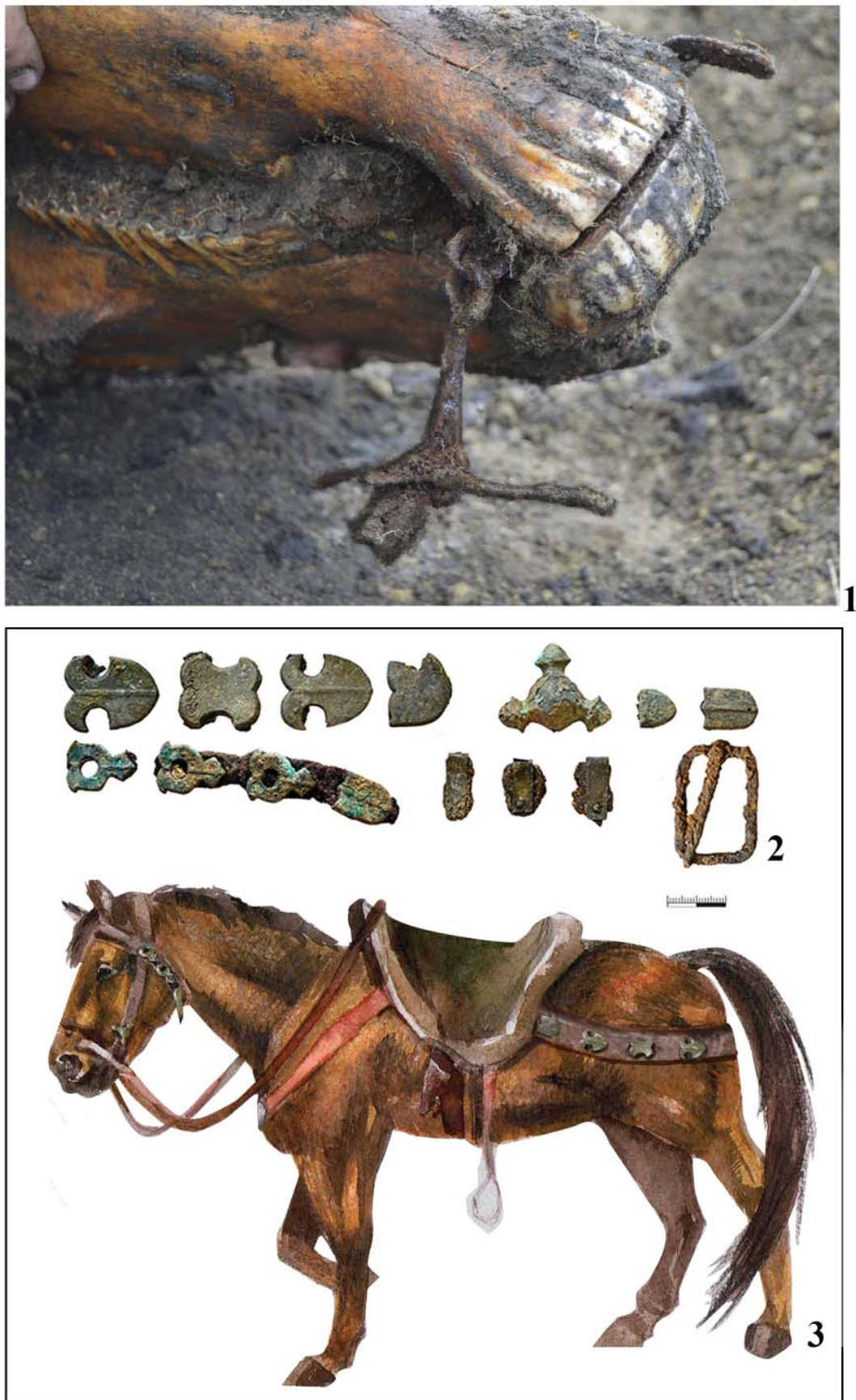

Рис. 12. Могильник Уелги. 1 – курган 32, погребение лошади (фрагмент); 2 – ременная гарнитура узды (кожа, бронза); 3 – реконструкция

Рис. 13. Синеглазовские курганы. I – погребение; II – вещевой инвентарь (1–29, 30 – серебро, бронза; 31, 34 – железо; 32 – серебро, дерево; 33 – серебро с позолотой); III – остатки шелкового халата; IV – реконструкция

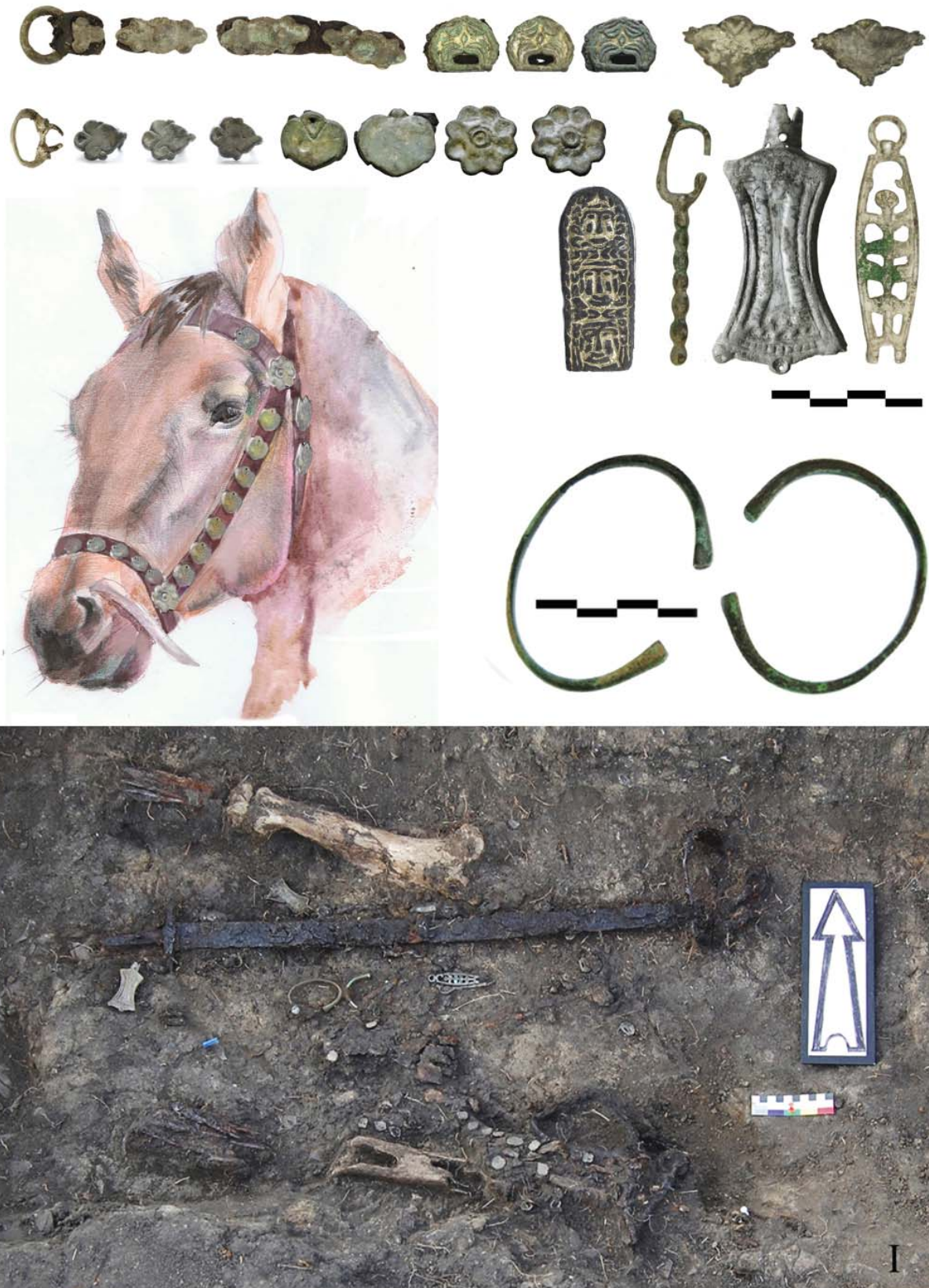

Рис. 14. Могильник Уелги. Курган 29. «Тайник». 1 – вещевой набор; 2 – реконструкция узды; 3 – фото «тайника».

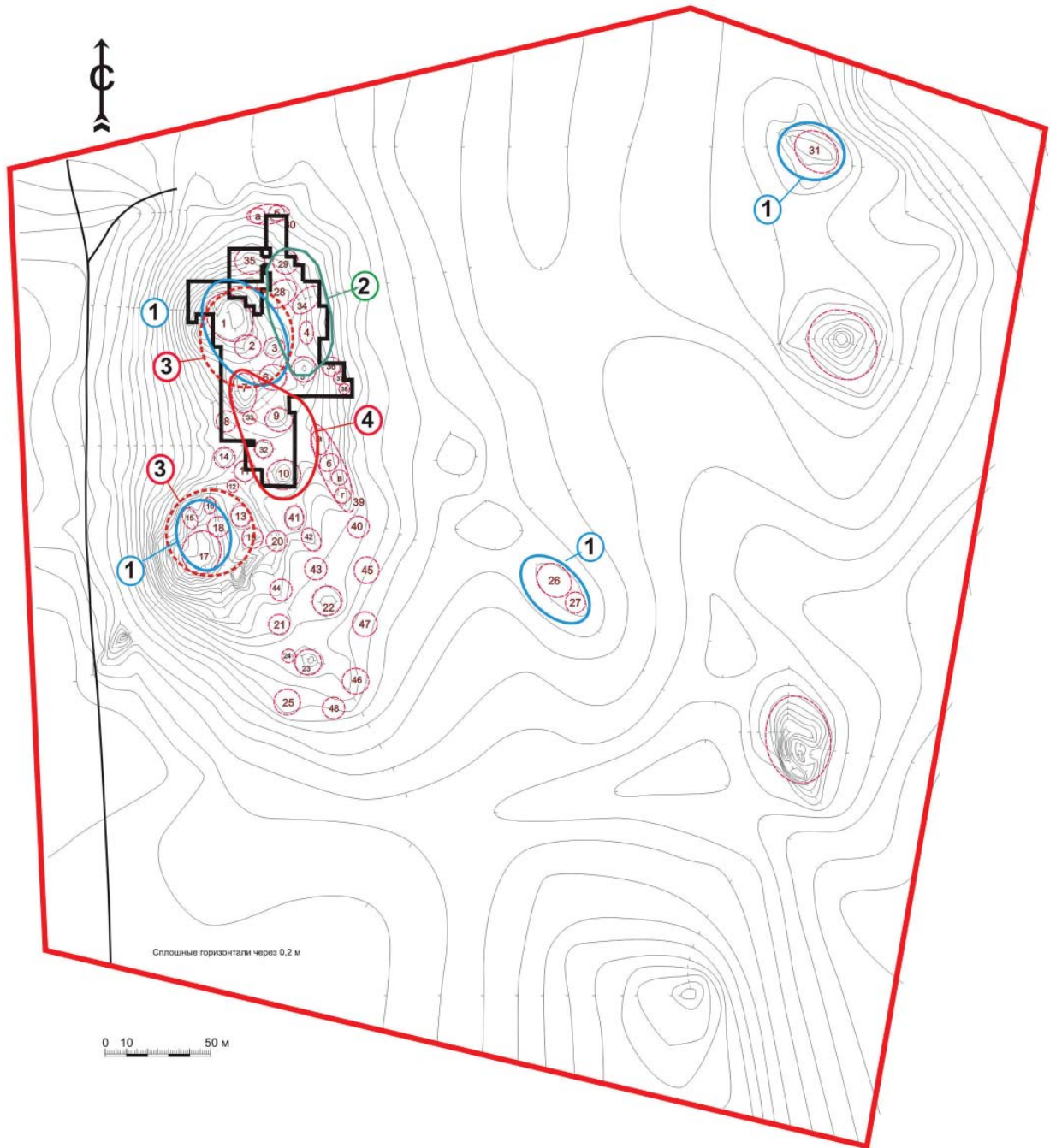

Рис. 15. Могильник Уелги. Расположение культурно-хронологических групп по горизонтам. Верхний горизонт: 1 – алтайский (кыпчакско-кыргызский) (X–XI вв.), 4-я стилистическая группа; 2 – угорский (юдинско-петрогромский) (X–XI вв.), 5-я стилистическая группа; Средний горизонт: 3 – мадыарский (X в.), 3-я стилистическая группа; Нижний горизонт: 4 – урало-казахстанский (кушнареновско-караякуповский), IX–X вв. 1-я и 2-я стилистические группы

УДК 902/904

**КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ ИЗ
ПОГРЕБЕНИЯ 7 БОЛЬШЕ-ТИГАНСКОГО МОГИЛЬНИКА¹**

© 2018 г. С. И. Валиулина, Н. В. Ениосова, О. В. Орфинская

В статье впервые публикуются результаты исследования трех категорий погребального инвентаря одного из самых ярких комплексов раннемадьярского Больше-Тиганского могильника IX-начала X в. Стекланные бусы исследованы сканирующей электронной микроскопией. Установлено, что за исключением единственного экземпляра все они выполнены в ближневосточной ремесленной традиции в мастерских полного производственного цикла (А). По химическому составу стекло всех бус соответствует 4 типу стекла аль-Ракки. Мозаичная бусина с «шахматным» декором скандинавского происхождения сделана в мастерской типа Б. Химический состав натриевого золистого стекла, характер мозаичных бус, преобладание желтого цвета над синим в цветовом соотношении бисера и малая доля зеленого бисера позволяют датировать ожерелье Серединой – второй половиной IX в.. Серебряные изделия представлены накладками на головной убор и поясными аксессуарами (7 экземпляров). Техника их изготовления изучена с помощью оптической микроскопии, количественные данные о химическом составе металла получены методом энерго-дисперсного РФА. Все украшения изготовлены в технике литья по выплавляемой восковой модели либо по оттиску модели или готовой вещи в глиняные формы из серебра разной пробы. Драгоценный металл разбавлен латунью, бронзой или медью с высоким содержанием мышьяка. Разнообразие серебряных сплавов в небольшой выборке отражает различное происхождение сырьевого металла и свидетельствует, что накладки выполнены разными мастерами и в разное время. Для идентификации органических материалов были использованы микроскопия (x400), микрохимия, гистохимия и термический анализ. Определены различные виды текстиля: три вида шелковой ткани и плетеный шелковый шнур; остатки шерстяной ткани и тонкого войлока из пуховых волокон; небольшой фрагмент ткани из растительных волокон. В погребении обнаружены также предметы из кожи различной толщины, меховое изделие и амулетница. Все это многообразие дорогих и престижных материалов и наличие одежды, целиком сшитой из шелковой ткани, свидетельствуют об исключительном богатстве погребенной девочки.

Ключевые слова: Больше-Тиганский могильник, стекланные бусы, серебряные накладки, химический состав стекла и металла, идентификация органических материалов.

Больше-Тиганский могильник, открытый более сорока лет назад, является наиболее значимым ранне-венгерским памятником в Восточной Европе. В тоже время материалы памятника до сих пор остаются недостаточно изученными.

Настоящая статья представляет опыт комплексного исследования стекланных бус, художественных произведений из цветного металла, изделий из текстиля, кожи, меха одного из ярких погребений могильника.

Погребение 7 было выявлено в первые дни открытия памятника в 1974 году и сразу обратило внимание своей незаурядностью. Захоронение совсем юной девушки 12–14 лет (Chalikova, Chalikov, 1981.S. 16, 51 Taf.A) сопровождалось многочисленным погребальным инвентарем, в состав которого входили как обязательные атрибуты женских погребений

могильника: детали костюма, украшения, ритуальная пища, глиняный сосуд, так и не свойственные большинству женских погребений предметы. К последним относится плеть из конского волоса с деревянной рукоятью в обмотке серебряной лентой и с костяным наконечником в виде стилизованной головки хищной птицы. Вещь, безусловно, статусная, не случайный характер ее присутствия в погребении утверждает символическое погребение коня – конский череп справа у ног погребенной. Конские комплексы часто сопровождают мужские погребения Больше-Тиганского могильника, в женских захоронениях кроме седьмого погребения отмечены еще в четырех – №№ 2, 19, 20, 35.

Значимый характер погребения определяют и количественные показатели погребального инвентаря (рис.1). Так, седьмое

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 16-06-00453 «Ремесло Билярской моноцентрической агломерации по данным естественнонаучных методов».

погребение обладает самым большим бусинным ожерельем памятника (рис.2). Из 2507 бус в 51 не грабленном погребении могильника (Валиулина, 1996а, с. 573) 755 экземпляров, т.е., больше 30,1%, происходят из 7 погребения.

Отражение особого социального положения погребенной исследователи усматривали и в расположении захоронения. Погребение 7 с запада, почти вплотную, примыкает к обширной могильной яме 8 мужского погребения – кенотафа с богатым вооружением и двумя впускными детскими погребениями, возможно, составляя с ним единый комплекс. На общем плане могильника погребение 8 выглядит как центр концентрации локальной группы погребений (Chalikova, Chalikov, 1981. Abb.2, Taf.1).

Обилие серебряных и бронзовых украшений и деталей костюма обеспечило уникальную, для почвенных условий Нижнего Прикамья, особенно, при малой глубине погребений, сохранность органических материалов, прежде всего текстиля и кожи. При этом, нужно отдать должное дальновидности и научной интуиции Елены Александровны Халиковой в понимании важности отбора в коллекцию и сохранения непрезентативных, часто совсем мелких фрагментов (комочков) органики. Первый опыт обращения к этой части коллекции показал ее большие исследовательские возможности и необходимость продолжения работы в данном направлении (Голиков, Орфинская, Валиулина, 2004).

Стекло

Из 755 бус (АКУ-217/100) погребения 745 – стеклянные (98,67%), соответственно, только 10 выполнены из других материалов (1,32%): 1 бусина плоская перламутровая выточена из раковины (рис.4: 11), 1 – костяная в форме параллелепипеда с трапециевидным сечением (рис.4: 9), 8 – каменные из известняковой породы, кубической, цилиндрической и, ввиду плохой сохранности, неопределенной формы. Такое соотношение принципиально отличает Тиганы от Танкеевского могильника, где каменные бусы представлены большим числом (Valiulina, 2016. P. 116. Fig.2–4).

Подавляющее количество стеклянных бус 7 погребения 735 (98,66%) – изделия массового производства, выполненные вытягиванием стеклянной трубочки, внутри этой группы значительно преобладает бисер – 693 экземпляра (93%). Кроме бисера к массовой продукции относятся дутая эллипсоидная лимонка из тонкого бесцветного стекла

(рис.4: 7) и эллипсоидная бусина с продольными валиками (в поперечном сечении розетка) также из бесцветной трубочки (рис.4: 6). Выразительные аналогии последней бусине известны в материалах Северного Кавказа, в частности, в погребениях могильника Верхний Кобан, З.А. Львова отнесла эти находки к так называемым бусам из «посудного стекла» и высказала предположение о возможности их северокавказского производства из привозного стекла (Львова, 2000, с. 272–273, рис.3: 7–9; рис.7: 2–3).

В группу продукции массового изготовления из тянутой трубочки входят также многочастные лимонovidные сегментовидные бусы: синие мелкие и очень мелкие двух-, трех- и пятичастные – 11 экз. Этому типу близки бусы более сложной технологии – многочастные серебростеклянные и «золотостеклянные» – 6 экз. с серебряной фольгой и прозрачным бесцветным или желтым кроющим слоем стекла (рис.4: 1–4,10).

В ожерелье 7 погребения преобладает бисер – рубленый, оплавленный размерами от 2 до 5 мм диаметром, при высоте 1–7 мм. По цвету, технике исполнения и химии стекла бисеру близки, отличаясь размерами, одноцветные цилиндрические пронизки диаметром 6–7мм, высотой 8–14 мм – 18 экз.: желтых не прозрачных – 9, синих прозрачных – 6, белых не прозрачных – 3 (рис. 2; рис.4:12). Распределение цветовых групп бисера находится в соответствии с другими погребальными комплексами, отражая специфику бусинного набора памятника. Самый высокий процент приходится на желтый не прозрачный бисер, в 7 погребении – 54,25% (376 экз.), доля синего прозрачного бисера уступает более чем в два раза – 163 экз., белого опакowego бисера обнаружено 101 экз., зеленого прозрачного – 31, черного (марганцевого в тонком сколе) – 22.

Датирующее значение имеет соотношение желтого и синего и малое число зеленого бисера. Так, низкий процент зеленого бисера на селище Весь 5 под Суздаlem, доля которого в Старой Ладоге высока в слоях X в. (Львова, 1968, с.87), позволяет датировать коллекцию бисера селища IX в. (Макаров, 2012, с.206). Зеленый бисер преобладает в материалах Плиски X в.², в погребениях X в. Танкеевского могильника (пример – ожерелье из погребения № 869 (Т-75/8).

² Выражаем искреннюю признательность профессору Л. Дончевой-Петковой и доктору Я. Димитрову за возможность ознакомиться с материалами раскопок

Зеленый бисер доминирует в Кушнаренковском могильнике VII в. в Приуралье, однако, в отличие от бисера X в., он выполнен из натриевого содового стекла, что сообщает ему зеленый с голубым оттенком цвет (Валиулина, 2010).

Всего в погребении 7 обнаружено 10 бусин индивидуального изготовления, три одноцветные: 1 в форме уплощенного цилиндра 19×7 мм из желтого глухого стекла высокого качества (рис.4: 5) и 2 неправильно эллипсоидные высотой 8 мм, диаметром 4 мм выполнены навивкой из некачественного не прозрачного пористого трещиноватого коричневого стекла (рис.4: 8). На фоне одноцветных выделяются мозаичные бусы – 7 экз. (рис.3). Важно отметить, что всего на памятнике учтено 19 мозаичных бус.

Мозаичные бусы неоднородны по технике исполнения – 5 цилиндрических бус-пронизок диаметром 5–6 мм, высотой 15–20 мм выполнены обертыванием мозаичной пластины вокруг стержня. В двух случаях эти пластины были спаяны в одну из двух полихромных лент: полосато-глазчатых (рис.3: 1) или просто полосатых (рис.3:2). На основу синего стекла накладывались нити и концентрические глазки белого, красного и желтого цвета, затем ленты спаивались вместе (при инструментальном осмотре бусины в середине четко виден шов), их ширина равнялась длине будущей цилиндрической бусины, полученную пластину однократно обертывали вокруг слегка заостренного стержня.

Для двух других бус пластины-заготовки формировались иначе – из трех полихромных лент, не имеющих одноцветной основы: двух полосатых сине-бело-красно-зелено-бело-синих по краям отверстий и центральной ленты, набранной из ромбовидных голубых стерженьков с красной серединой глазка и бело-синими ресничками. Перед спеканием промежутки между стерженьками засыпались крошками желтого и зеленого стекла (рис.3:3,4). Близкая по исполнению бусина отличалась от предыдущих наборкой центральной ленты – ее составили плотно спеченные отрезки стерженька с концентрическим черно-бело-красно-желтым рисунком в сечении, в обрамлении желто-зеленых продольных нитей (рис.3:6). Рассмотренные мозаичные бусы, несмотря на особенности, типологически близки, имеют восточное происхождение и широкое распространение в VIII–IX вв. иногда доживая до X в. Эти бусы давно известны в памятниках Центральной

Европы, входят в IV тип по Е. Поулику бус конца VIII – первой половины IX века (Poulik, 1948. S. 60). В Старой Ладогe мозаичные пронизки обнаружены в нижних слоях городища Е2 и Е3 (Львова, 1968, рис.1:1,5,11,13), в памятниках Скандинавии составляют тип G050 (Callmer, 1977. С.р.IV) и датируются первой четвертью – серединой IX в. (Callmer, 1997. Taf.16: В 21, С 7), в Албании найдены на памятниках IX–X вв. (Neri et al, 2018. Table 1: K_001, K_015, K_024). Большим числом мозаичные пронизки представлены в собрании Национального музея Албании в Тиране (NHM, 1483; AM, 45, 45/1) и в материалах аланских погребений в Нижне-Архызском археологическом музее, где отдельные низки насчитывают 34 экземпляра мозаичных пронизок³.

На Средней Волге мозаичные пронизки отмечены в Больше-Тарханском раннеболгарском могильнике (Валиулина, 1996б, с.137), на Семеновском 1 селище (Valiulina, 2016, p. 122, fig.7: k). Всего 4 беспаспортные бусины из мозаичных стерженьков найдены в Болгаре, опираясь на материалы северокавказских памятников, М.Д. Полубояринова относит их к начальному этапу истории Болгара (Полубояринова, 1988, с.182). Из Кокрятского комплекса памятников происходит одна бусина в коллекции В.И. Заусайлова, хранящейся в Национальном музее Финляндии (Z. 5385: 3800).

Особого внимания в составе ожерелья погребения 7 заслуживает мозаичная боченковидная бусина высотой 10 мм, диаметром 7 мм (рис. 3: 5). В отличие от рассмотренных ранее, бусина выполнена не из пластины обертыванием вокруг стержня, а наборкой мозаичных стерженьков вокруг стержня – они составили центральный пояс, затем полосками красного глухого стекла однократной навивкой прямо на стержне оформлены оба края отверстия. О том, что при обертывании использовалась не монолитная пластина, а три отдельных детали говорит несовпадение стыковочных швов. Мозаичный пояс выполнен отрезками мозаичной палочки, набранной из тоненьких четырехгранных стерженьков белого, красного, желтого и черного цвета, собранных в шахматном порядке, поперечный срез такой палочки не всегда ровный, иногда расположен боком и со смещением, что привело к деформации рисунка. З.А. Львова бытование в Старой

³ Выражаем искреннюю признательность директору музея Н.А. Калининой за предоставленную возможность работы с коллекциями музея.

Ладоге мозаичных бус с шахматным рисунком относит к горизонту Д (Львова, 1968, рис. 1: 17). Ю. Каллмер датирует эти бусы второй половиной VIII – началом IX века, считая их продукцией скандинавских мастерских типа Б, работавших на восточных полуфабрикатах в торгово-ремесленных факториях эпохи викингов (Callmer, 1997. Taf.16: A 13–15).

В Среднем Поволжье, кроме Больше-Тиганского могильника, бусы с шахматным декором присутствуют в материалах Автозаводского могильника на территории Ульяновска (Семыкин, Казаков, 2003, с.120, рис.11). В контексте с другими находками скандинавского происхождения в Ульяновском Поволжье (Stalsberg, 2002, p. 51), эти бусы высвечивают северо-западное направление поступления стеклянных изделий в эпоху викингов.

Одна мозаичная бусина в форме прямоугольного параллелепипеда 18×16×6 мм (рис.3: б) из глухого коричнево-оранжево-бело-красного стекла выполнена прессованием на плоскости пластины, набранной из отрезков полихромных палочек. Такие бусы известны в материалах горизонта Д Старой Ладоги (Львова, 1968, рис. 1:38), в Белоозере в составе вещей, бытовавших до середины XI века (Захаров, 2004, рис. 262: 19), на селище Никольское V, возникшем в середине или второй трети X века (Захаров, 2012, с.234), в материалах курганной группы у с. Весь, среди находок из раскопок А.С. Уварова 1851 года (Макаров, 2012, с. 194. Цв.вкл.), на Измерском I селище (Валиулина, 2008, с. 291, рис. XLVIII: 24; Valiulina, 2016, с. 128, Fig.9: s). Эти бусы обычно имеют граненую форму прямоугольного параллелепипеда, чаще – параллелепипеда со срезанными углами. Из подобной мозаичной основы в Месопотамии в IX веке делались не только бусы, но и миниатюрные сосуды, в том числе техникой глубокой резьбы на четырех ножках (Molar Flask) и другие предметы (Carboni, 2001, p. 29–30, Cat. 7a–7c; Whitehouse, 2001, p. 153, № 67).

Химический состав 10 стеклянных бус был определен методом сканирующей электронной микроскопии (аналитик А.А.Трифонов). Анализ выполнен на автоэмиссионном сканирующем электронном микроскопе Merlin компании Carl Zeiss. Микроскоп совмещен со спектрометром энергетической дисперсии AZtec X-MAX, разрешение спектрометра 127 эВ, предел обнаружения 1500–2000 ppm. Точность измерения составляет 0.01–1% и зависит от состояния исследуемого объекта. Элементный анализ

проводился при ускоряющем напряжении 20 кэВ и рабочем отрезке 9 мм, что позволило избежать минимальных погрешностей. Глубина зондирования составила менее 1 микрона. Для проведения количественного анализа использовался набор эталонов, установленных в программу Aztec (reference standart for X-RAY microanalysis «Registered Standart No. 8842»), а также эталоны «А», «В» исследовательского центра Корнинга. С целью получения наиболее объективных данных монохромные бусы анализировались пятью спектрами, у мозаичных бус также пятью спектрами определялся каждый цвет в палитре декора (табл.1: 1–20).

Анализом установлено, что все бусы выполнены из натриевого золистого стекла, сваренного на золе растений аридной зоны. Все образцы представляют, фактически, одну рецептуру высокощелочного и высоко-магниевого стекла со следующими средними величинами концентрации стеклообразующих: Na_2O (14,18%) - K_2O (3,22%) - CaO (7,03%) - MgO (4,31%) - Al_2O_3 (3,05%) - SiO_2 (62,02%). При этом отмечена значительная вариативность основных составляющих элементов, что позволяет отнести стекло проанализированных бус к 4 типу стекла аль-Ракки в Сирии (Gratuze, Barandon, 1990). Тип 4 объединяет стекла с существенными колебаниями концентрации оксидов магния и алюминия и разными соотношениями $\text{MgO}/\text{K}_2\text{O}$ (Henderson et al, 2004, p. 452, fig.2). Эти особенности типа указывают на различные источники диоксида кремния и на использование золы разных растений в период утверждения новой технологии золистого стекла в течение IX – начала X в. в мастерских аль-Ракки и ее округи. Широкий спектр композиций стекла 4 типа «показывает, что он является частью интересной фазы экспериментов с сырьем и рецептурных комбинаций исламских ремесленников» (Henderson et al, 2004, p. 465–466).

Одна мозаичная бусина в форме прямоугольного параллелепипеда имеет более существенные отличия от других бус и по абсолютным величинам, и по соотношению оксидов магния и алюминия (табл.1: 2–4). Это своеобразие должно быть объяснено иными сырьевыми материалами – песком с повышенной концентрацией глинозема и других минеральных добавок, прежде всего, кальция.

Стекло бус окрашено традиционными красителями – зеленый цвет получен введением соединений железа и меди, при замет-

ной добавке оксида свинца (0,38%) зеленый бисер приобретает теплый «травяной» оттенок (табл.1: 5), белое opakовое стекло могло содержать до 3,22% оксида олова (табл.1: 9), желтый и оранжевый цвета обеспечены добавкой свинцово-оловянного минерала с примесью мышьяка, все три элемента обнаруживают устойчивую положительную корреляцию (табл.1: 3,6,14,18). В оранжевом стекле, кроме того, отмечены очень высокие проценты оксида железа 5,05 % и меди 5,44%, то есть использовался полиметаллический краситель, как и в красных стеклах (Fe, Mn, Cu), но в другой концентрации и, практически, без свинца (табл.1: 8,12,15). Черный цвет в декоре двух бус получен соединениями железа и усугублен оксидом хрома (табл.1: 4,7).

В «золотостеклянной» двухчастной лимонovidной бусине, золотой эффект получен за счет верхнего кроющего слоя стекла, окрашенного марганцем в желто-коричневый цвет, такие примеры с близкой концентрацией оксида марганца отмечены в материалах синхронных памятников на Балканах (Neri et al, 20188.Table 1: K_019, K_028, K_0,21). Бусина выполнена с использованием серебряной фольги, наличие серебра фиксируется и визуальнo, и аналитически в составе стекла (табл.1: 20). Оксид серебра в концентрации 0,03% мог быть коллоидным красителем прозрачного стекла в коричневый цвет, который на фоне серебряной фольги приобрел золотой эффект (Галибин, 2000, с.247, табл.4).

Марганец в белом, бесцветном и желтом стекле выступает в роли деколоризатора – обесцвечивателя, призванного нейтрализовать нежелательное присутствие в этих стеклах железа (табл.1: 1,2,6, 10,14,18–20).

Синее и голубое стекло окрашено кобальтом, в двух образцах в достаточно большой для этого красителя концентрации – 0,24 и 0,27% (табл.1: 11,16,17). В природе кобальт встречается в различных минеральных формах, которые могут быть идентифицированы по их микроэлементам. Идентификация минералов может, в свою очередь, облегчить определение географического происхождения кобальта. В трех бусах выборки (табл.1: 11, 16, 17) CoO обнаруживает положительную корреляцию с ZnO. Наиболее вероятным источником кобальта с примесью цинка является месторождение в Анораке, недалеко от Тебриза, в Иране (Henderson, 1998, p.118). Аналогичный кобальт обнаружен в керамических глазурях и стекле из Самарры, столицы Аббасидов девятого века на севере Ирака,

в раннесредневековых бусах аль-Басры в Марокко (Robertshaw et al., 2010, p. 374), в составе ранних бус Болгара (Valiulina, 2018).

Одна из самых массовых категорий находок – бусы – обладают исключительными источниковыми возможностями в силу их особого статуса в период IX–XI вв. В это время бусы выполняли функции не только украшения, апотропея, но и платежного средства. Источники сообщают о цене этого средства: 1 стеклянная бусина равнялась 3 г серебра или 1 дирхему, или 1 шкурке куницы (Херрман, 1986, с.81). Можно представить какое богатство представляло ожерелье 7 погребения.

Химический состав стекла $\text{Na}_2\text{O}-\text{K}_2\text{O}-\text{CaO}-\text{MgO}-\text{Al}_2\text{O}_3-\text{SiO}_2$ вместе с данными о морфологии и технологии бус позволил определить их происхождение – с наибольшей вероятностью это Сирия и Месопотамия. Комплекс стеклянных бус отражает эпоху, когда в исламском стеклоделии произошла полная смена технологии – на смену содовому стеклу пришло стекло на золе аридных растений. В аналитической выборке, представившей все основные типы бус 7 погребения, все бусы выполнены из листового стекла, уже по этому признаку ранний IX век должен быть исключен из датировки комплекса.

В VIII–XI вв. далеко от восточных центров в Европе появляются стекольные мастерские, работавшие на полуфабрикатах, и в 7 погребении есть бусина из такой мастерской. Один из вероятных центров мастерских типа Б по мнению З.А.Львовой мог функционировать и на Северном Кавказе, такому утверждению пока нет надежных подтверждений, но многочисленные аналогии с северокавказскими материалами дают основания представить путь основного потока ближневосточных бус в IX–X вв. на Волгу через Кавказ и Хазарию.

Ибн Фадлан в начале X в. сообщал о зеленых бусах, которые привозили к русам на кораблях для продажи (Ковалевский.1956, с.141). Цветовая гамма бус 7 погребения, как и всего памятника, показывает приоритеты желтого и, в меньшей степени, синего цвета. Время зеленого бисера и бус придет в X веке. Комплекс стеклянных бус по совокупности признаков может быть датирован I X в., вероятно его серединой – второй половиной.

Металл

Исследование техники изготовления и химического состава металла проведено для

7 предметов из Больше-Тиганского могильника. Для визуального изучения поверхности накладок пояса, головного убора и пряжки использован стереомикроскоп Zeiss Stemi с увеличением от 10 до 50 раз, дающий возможность обнаруживать и фиксировать следы инструментов, технологических операций и дефекты, появляющиеся при изготовлении и использовании этих изделий.

Химический состав металла находок (8 проб) выполнен рентгенофлюоресцентным энергодисперсным методом (РФА), который основан на измерении длины волн интенсивности рентгеновских спектральных линий. Портативный прибор снабжен полупроводниковым детектором рентгеновского излучения: «Si-PIdiode» детектор (200эВ поКа линии Mn) вобласти энергий 15–38кВ срегистрирующим многоканальным амплитудным анализатором⁴. Расчет концентраций элементов проведен с помощью метода фундаментальных параметров (Коновалов и др., 2008, с.114–120). Количественные результаты определены для 7 элементов: серебра, меди, олова, свинца, цинка, мышьяка и золота. Рассматривая полученные данные, следует учитывать, что метод РФА имеет определенный предел чувствительности: для свинца, золота и цинка лимит обнаружения составляет 0,01%, для олова он не превышает 0,1%. На конечный результат измерений влияет также невозможность достичь абсолютно ровной поверхности анализируемого предмета и удалить поверхностный слой металла, в котором серебра всегда больше, чем внутри пробы. Поверхностный характер РФА затрудняет получение точных данных о составе металла, но является единственно возможным методом для исследования находок из музейных коллекций, не вызывая разрушения образцов.

Ранее 5 предметов из этого комплекса были исследованы с помощью количественного спектрального анализа – ОЭСА (Валиулина, Храмченкова, 2001, с. 264–279). Таким образом, мы располагаем данными о 13 пробах металла из погребения 7 (Табл.2).

В выборку попали две накладки на головной убор. Они с помощью 2-х шпеньков крепились на полоску кожи, обнаруженную на голове погребенной девочки (Chalikowa, Chalikow, 1981. S. 17, Abb.5). Лицевая сторона

накладок имеет выпуклый, но не очень четкий рельеф – центральную розетку, оконтуренную перлами; с обеих сторон к ней примыкают три, соединенных в ряд, полусферы. Негагативный рельеф на оборотной стороне отчетливый, шпеньки расположены в центральных полусферах, вокруг них сохранились остатки кожи (рис.5:1). Накладки отлиты вместе со шпеньками в разъемную глиняную форму, полученную путем оттиска штампа с выпуклым рельефом или готового изделия (Eniosova, Murasheva, 1999:1094–1099). Об этом свидетельствуют литейные дефекты – недолив металла и не очень четкое изображение на лицевой стороне, подправленное после отливки с помощью зубила (рис.5:2). Накладки изготовлены из низкопробного серебра (содержание Ag ниже 60%), разбавленного свинцово-оловянной бронзой с примесью мышьяка (табл.2: 4190, 39). Несмотря на то, что анализы для этих образцов выполнены с помощью разных методов, набор основных компонентов сплава совпадает, а концентрации серебра, олова и мышьяка вполне сопоставимы. Значительное расхождение проследживается при определении содержания меди и свинца. Нельзя исключить, что при изготовлении двух накладок использованы разные порции металла. Вместе с тем несоответствие результатов является следствием ошибки в определении высоких концентраций элементов, характерной для ОЭСА (особенно для свинца) из-за маленькой навески и неоднородности сплава (Коновалов и др., 2008, с. 113–114; Валиулина, Храмченкова, 2001, с. 265). Низкая чувствительность РФА не дает возможности фиксировать микропримеси, но благодаря спектральному анализу нам известно, что в сплаве содержались сотые доли процента цинка и золота.

Поясные накладки погребения 7 представлены в выборке несколькими разновидностями: квадратными и арочными с прямоугольной прорезью в нижней части; в форме лунницы (сегмента) с полусферическими колпачками-выступами; пятиугольными с растительным орнаментом и подвесным кольцом в нижней части.

Лицевая сторона квадратных накладок гладкая, на обороте есть вертикально отогнутый бортик по контуру изделия и по периметру прямоугольной прорези. Тонкие шпеньки, расположенные в углах на обороте, обломаны (рис.6). Судя по следам опилования литейных швов, бугристой поверхности на обороте и интенсивной абразивной обработке лице-

⁴ Выражаем искреннюю признательность Р.А. Митояну – кандидату геолого-минералогических наук, заведующему рентгеноспектральной лабораторией кафедры геохимии геологического факультета МГУ за аналитическую работу.

вой стороны, накладку отливали в разъемной форме, полученной по оттиску в глине штампа или готового изделия. Отверстия для шпеньков были получены во второй створке формы с помощью тонкого шильца или проволоки нужного диаметра (Новиков, Ениосова, 2015, с. 219).

О химическом составе накладок этого типа мы можем судить по трем пробам. Две из них получены для одной и той же накладки с помощью ОЭСА. Разница в содержании меди в этих образцах составляет более 10%, а серебра – более 16%, что отражает ошибку воспроизводимости анализа (табл.2:31,36). Тем не менее одна из этих проб вполне сопоставима с результатом РФА. В обоих случаях зафиксировано содержание серебра немного превышающее 70%, концентрация меди составляет 23 и 27 процентов, а мышьяка чуть выше 1%. Существенное расхождение отмечается только в случае свинца (табл. 2:4211, 31). Учитывая данные двух образцов, можно заключить, что две накладки поясного набора отлиты из серебра невысокой пробы, разбавленного медью с примесью мышьяка.

Накладка арочной формы с прямоугольной прорезью также имеет отогнутый вертикальный бортик и тонкие шпеньки на обороте; лицевая поверхность зачищена и отполирована (рис.7:1). На боковых поверхностях хорошо видны следы опилования литейных швов, что свидетельствует о литье в разъемную форму (рис.7:2). По набору основных компонентов сплава металл арочной накладки совпадает с данными о квадратных экземплярах. Это серебро невысокой пробы (Ag – около 64%), содержащее примесь свинца и разбавленное мышьяковой медью (табл.2:4125).

Гладкая лицевая сторона бляшки в виде лунницы с боковыми шаровидными выступами слегка вогнута, оборотный рельеф – выпуклый с вертикальными бортиками (рис.8:1). На их наружной стороне хорошо видны следы обработки напильником, оставшиеся после удаления литейных швов (рис.8:2). Шпеньки, помещенные в углубленную часть полусферы, отлиты вместе с накладкой. По набору и концентрации основных компонентов сплава – серебру, меди, свинцу – металл бляшки в виде лунницы и арочного экземпляра практически совпадает, однако в первом случае зафиксировано более высокое содержание мышьяка (As – 2,68%).

В выборке по Больше-Тиганскому могильнику есть еще две накладки лунничной формы с боковыми выступами. Образец из

погребения 36 исследован методом РФА: он отлит из серебра более высокой пробы, легированного латунью, и содержит значительную примесь золота (Ag – 81,32; Cu – 12,77; Pb – 3,98; Zn – 1,32; Au – 0,61%). Сходный состав имеет и другой экземпляр (подъемный материал), изученный с помощью ОЭСА (Ag – 84,04; Cu – 12,82; Pb – 0,72; Zn – 0,97; Au – 0,3%). Очевидно, что накладки из погребений 36 и 7 отлиты из разных порций металла и, возможно, разными мастерами.

Накладка пятиугольной формы с симметричной композицией – центральным рельефным трилистником, остроконечные лепестки которого разделены веточками с листьями-треугольниками из трех выпуклых точек. Бляшка окаймлена несимметричным бордюром из двойной линии, повторяющим контур украшения. В углах ободка расположены крупные выпуклые точки. В нижней несохранившейся части была петля с подвесным кольцом. На оборотной стороне еще более явно заметна несимметричность формы, три коротких шпенька и выпуклые отпечатки микротрещин в глиняной литейной форме (рис.9).

Накладка с трилистником имеет все признаки литья по выплавляемой восковой модели в неразъемную оболочковую форму: хорошее качество отливки, отсутствие литейных швов и следов их зачистки, следы резьбы по пластичному воску, наличие автономной подвижной монолитной детали – подвесного кольца (Минасян, 2014, с. 99). Две восковые детали, снабженные отдельным литником, соединяли до литья, покрывая последовательно слоями жидкой глины. После получения отливки на ее лицевую поверхность наносили позолоту.

Накладка получена из серебра довольно высокой пробы (Ag > 84%), легированного латунью. Сплав содержит более 8% свинца, попавшего в металл вместе с серебром и в составе латунной лигатуры (свинцовой латуни), а также десятые доли процента золота – в качестве рудной примеси в серебре (табл.2: 4194).

Массивный наконечник пояса прямоугольной формы с округлым окончанием из погребения 7 сочетает растительный декор на лицевой стороне изделия и изображение хищника семейства кошачьих (лев, пантера?) на оборотной (рис.10:1). Кожаный ремень вставлялся в щель в верхней части наконечника и закреплялся с помощью вставных шпеньков с раскованными концами.

Растительный орнамент состоит из трех ярусов чередующихся изображений трилистников, бутонов, веток с листочками и стеблей. Композицию окаймляет фестончатый бордюр, сочетающий выпуклые капли и овалы. Каждый элемент растительного декора на этой стороне хорошо проработан, частично сохранилась позолота, хотя при большом увеличении заметен литейный дефект в верхней части – аморфное отверстие недолива и следы износа изделия – поверхность местами выглядит «отполированной», утратившей мелкие детали орнамента (рис.10:2). Еще более «потертым» выглядит рельеф на оборотной стороне: на теле изображенного в профиль хищника едва заметны поперечные полосы – мускулы, мощные лапы, закинутый на спину длинный хвост, но голова полностью исчезла. Следы износа различимы и в бордюрной части (рис.10:3). Сложная конструкция наконечника, отсутствие литейного шва и следов его обработки позволяют предположить отливку изделия по выплавляемой восковой модели в неразъемной оболочковой форме. Однако разное качество изображений на обеих сторонах кажется необычным и не имеет однозначной трактовки.

Аналогичный случай разбирает В.В. Мурашева в работе, посвященной Супрутскому кладу, содержащему два наконечника схожей конструкции и орнаментом четким, с одной стороны, и расплывчатым, с другой. Автор полагает, что восковая модель не была монолитной, а соединялась из отлитых отдельно восковых пластин. Литейная форма состояла из двух створок, в одной из которых был получен четкий отпечаток с помощью модели – готовой вещи, оттиск во второй створке сделан посредством модели худшего качества. Затем пластины склеивались, свидетельством этой операции является шов, сохранившийся на финальных отливках (Мурашева, 2008, с. 22–23).

Возможна и другая реконструкция процесса изготовления наконечника ремня из погребения 7. Массивная монолитная восковая модель могла быть получена в разъемной глиняной форме с отпечатками разного качества. Затем с помощью ножа прорезалась щель в верхней части наконечника – на боковом снимке заметна разница в толщине двух пластин и отсутствие соединительного шва (рис.10:3). Восковой наконечник покрывался несколькими слоями жидкой формовочной смеси. В верхней части готовой отливки

пробили три отверстия (внутри щели) для соединительных шпеньков.

Нельзя исключить также, что разница в качестве изображений на обеих сторонах наконечника стала более ощутимой в результате большего износа прилегающей к одежде оборотной поверхности изделия: пояс носили поверх кафтана – утепленной одежды на меху, покрытой шелком. Свисающий наконечник пояса постоянно соприкасался одной из сторон с текстилем.

Анализ химического состава металла, выполненный для обеих сторон наконечника, показывает близкие значения концентраций основных компонентов сплава: содержание серебра около или чуть выше 85%. Драгоценный металл разбавлен свинцовой латуной, а концентрация золота превышает 0,5% и может свидетельствовать об остатках позолоты на лицевой и оборотной сторонах изделия (табл.2: 4221,4222).

Пояс, обнаруженный в погребении 7, застегивался с помощью массивной пряжки. Она состоит из соединенных неподвижно рамки треугольной формы и щитка в виде прямоугольного обрамления с треугольными выступами на концах (рис.11:1). Язычок «салтовского» типа в виде дуги с уплощенным заостренным окончанием. Петля для насаживания язычка на штырь получена литьем (рис.11:2). Треугольная рамка декорирована стилизованными изображениями трехлепестковых цветков, ее оборотная сторона гладкая. Судя по интенсивным следам опиливания, после отливки мастер удалял литейные швы по внешнему и внутреннему контуру рамки. С помощью зачистки он удалял также литейные дефекты – каверну на лицевой стороне и аморфные отверстия от недолива металла, язычок также был обработан абразивами.

Все эти признаки свидетельствуют о литье в 2-х сторонние глиняные литейные формы, полученные по оттиску модели или готового изделия. По составу металла рамка относится к низкопробному серебру (Ag <70%), разбавленному мышьяковой медью (табл.2:4220).

Два шпенька для крепления накладок к поясу исследованы по методу ОЭСА (табл.2:53,55), соотнести их с определенным типом накладок не представляется возможным. Один из них изготовлен из «чистой» меди с примесью серебра и мышьяка. Вторая проба относится к «грязной» меди с повышенным содержанием серебра (около 2%). Вероятнее всего, анализу были подвергнуты

плоские шайбочки, прижимающие кожу к шпильку. Такие детали из практически чистой меди сохранились на некоторых накладках из других погребений (рис.12).

Даже небольшая по размеру выборка украшений головы и пояса из погребения 7 позволяет сделать некоторые важные заключения. Образцы из серебра представлены в ней только литыми изделиями. Содержание этого элемента варьирует от 54 до 86%: от низкопробного сплава до металла довольно высокого качества. Основной лигатурой во всех случаях является медь, зафиксированная в концентрациях от 6 до 40%. Медь добавляли в сплав по нескольким причинам – для снижения температуры плавления и придания твердости серебру, которое в неразбавленном виде – слишком мягкий металл, неустойчивый к деформациям. Следует учитывать, что для этих целей не требовалась слишком высокая концентрация меди в сплаве. Экономия драгоценного металла – вот главная задача ювелиров, изготовивших поясные принадлежности и накладки головного убора. Несмотря на преимущества легирования серебра, слишком высокое содержание меди придавало сплаву желтоватый оттенок и вызывало потускнение металла. Если вместо чистой меди серебро разбавляли латунью, присутствие цинка позволяло избежать желтизны и делало металл более пригодным для полировки. Такой же эффект наблюдается при добавлении в серебро сплава меди и олова (Greiff, 2012. S. 249–251).

Чистая медь не использовалась для легирования серебра ни в одном из образцов выборки. В трех пробах зафиксировано содержание цинка в пределах 1%. Даже в такой невысокой концентрации цинк не мог попасть в серебро в процессе выплавки металла из руды, он являлся компонентом медно-цинкового сплава – латуни. В двух случаях мы обнаружили 2–4% олова в сплаве. Свинец присутствует во всех пробах, варьируя от 1,35 до 8%. Этот элемент свидетельствует о выплавке серебра из галенитовой руды, но в качестве рудной примеси содержание свинца обычно не превышает 1–2%. Более высокие концентрации свинца указывают, что он попал в серебро вместе с медью.

Среди поясных накладок представлены изделия с растительным, зооморфным и геометрическим орнаментом, а также бляшки с гладкой поверхностью, лишённые декора. Три образца первой группы относятся к серебру относительно высокой пробы ($Ag > 80\%$),

легированному медно-цинковым сплавом. Низкопробное серебро, использованное для изготовления накладок на головной убор, разбавлено оловянной бронзой. В меди, металле-основе лигатуры, также содержится рудная примесь мышьяка, что сближает бляшки головного убора с поясными накладками без орнамента.

Поясные бляшки без орнамента выполнены из серебра относительно низкой пробы ($Ag - 60-70\%$), легированного медью, содержащей значительную примесь мышьяка ($As > 1\%$). К этой же группе по составу металла принадлежит и массивная пряжка. Мышьяк не добавляли в медь умышленно, он оказался в металле в результате выплавки меди из медно-колчеданных (блеклых) руд. Вероятно, серебряные накладки пояса из погребения 7, различающиеся морфологически, стилистически и по составу металла не были изготовлены одновременно. Наборный пояс составлен из бляшек, выполненных в разное время и разными мастерами.

Оценивая присутствие мышьяка в серебряных сплавах Больше-Тиганского могильника в целом, следует заметить, что из 37 проб, исследованных РФА, этот элемент содержался в 9-ти образцах, 5 из которых происходят из погребения 7. Еще четыре поясные накладки из серебра, разбавленного мышьяковой медью встречены в погребении 35 (табл.2). Из 55 проб, исследованных методом ОЭСА повышенное содержание мышьяка зафиксировано в 4-х случаях. Из них 2 поясные бляшки происходят из погребения 7. Помимо этого комплекса серебро, легированное мышьяковой медью использовано для изготовления накладок из погребения 70. Концентрация изделий с необычным химическим составом серебра в погребении 7 примечательна, но для выводов об уникальности этого комплекса нам не хватает общей картины – металл Больше-Тиганского могильника исследован пока фрагментарно.

Данные по выборке, полученной методом РФА для 8 погребений Больше-Тиганского могильника (6,7,16,22,36,47 и 113) показывают, что серебряные сплавы, легированные латунями, доминируют (рис.12). Высокое содержание цинка обнаружено в составе 25 из 45 проб серебра из погребений 3, 8, 12, 16, 19, 22–24, 33, 42, 45, 47, 65, 68, 113, исследованных с помощью ОЭСА (Валиулина, Храмченкова, 2001, с. 273–274, табл. 1).

Судя по опубликованным данным, для изготовления литых украшений серебро

разбавляли латунными сплавами на удаленных друг от друга территориях Восточной и Центральной Европы. Такие изделия обнаружены в могильниках X в., оставленных древними уграми на территории Венгрии, Австрии, Словакии и Румынии (Greiff, 2012. S.241–256). Серебро, легированное латунию, послужило материалом для изготовления металлических поясных накладок салтовского облика из Супрутского клада первой половины X в. и Алпатьевского клада последней четверти IX в., обнаруженных в междуречье Оки и Дона (Мурашёва, 2008, с.3; 2014, с. 120–121). Из серебра, легированного латунию, выполнена большая часть поясных накладок Крюково-Кужновского могильника IX – начала X в. в Среднем Поволжье (Сапрыкина и др., 2010, с. 319–320). Разнообразие серебряных сплавов отражает различное происхождение сырьевого металла, использованного для производства серебряных украшений и особенности технологии их производства.

Органика

Для идентификации органических материалов были использованы следующие методы:

- микроскопия в отраженном неполяризованном свете при увеличении 10–40х;
- микроскопия в отраженном поляризованном свете при увеличении 100–200х;
- микроскопия в проходящем поляризованном свете при увеличении 100–400х;
- микрохимия;
- гистохимия;
- термический анализ.

Для микроскопии в проходящем поляризованном свете были предварительно приготовлены постоянные иммерсионные препараты в пихтовом бальзаме.

Фрагменты в районе головы. На голове погребенной четко зафиксирована полоса, состоящая из одного ряда бляшек (рис. 1:1), на внутренней стороне которых сохранились остатки кожи. На одном из фрагментов (АКУ-217/96) хорошо заметно, что два края кожи вдоль коротких сторон бляшек, были срезаны на расстоянии около 2–3 мм. При этом на расстоянии примерно 1–2 мм от среза видны проколы от иглы и в одном месте сохранились остатки шелковой сшивной нити. Следовательно, бляшки крепились на полоску кожи, которая была пришита на неопределенную основу.

Полоса кожи под бляшками имеет ширину около 2.5 см и толщину 0.7–0.9 мм. В коже сохранились коллагеновые тяжи и

аморфный коллаген. Содержание аморфного вещества невелико. Наличие коллагеновых тяжей, в которых коллаген имеет упорядоченную структуру, свидетельствует о неплохой сохранности кожи. При контакте с чистой водой, а также с раствором соляной кислоты коллаген практически не изменяется. Такая устойчивость свидетельствует о наличии достаточно высококачественного дубления. На внешней (мездровой) стороне кожи, на которой укреплены бляшки, фиксируется темное покрытие. В этом слое при микроскопии в проходящем поляризованном свете (увеличение 400х) видна светло-коричневая пленка, в которой отсутствуют протеины. В пленке хорошо заметны черные частицы различных размеров. Можно предположить два варианта возникновения данного слоя, это авторское покрытие кожи двухфазным лаком, или темное покрытие является результатом танидного (растительного) дубления с применением железосодержащих солей, которые образуют специфическую пленку и дают с танидами черные нерастворимые соединения. Для проверки второго предположения с использованием раствора желтой кровяной соли в кислой среде, дающей с железом синий продукт (Берлинская лазурь), сравнили содержание железа в центральной части поперечного сечения кожи и в области темного покрытия. Анализ результатов показал, что в темном покрытии содержится значительно больше железа, чем в центральной части, в которой железо практически отсутствует. В настоящий момент с большей долей вероятности можно принять второй вариант появления черного слоя на поверхности. Внутренняя сторона (бахтарма) имеет темно-коричневый цвет, который является результатом деструкции и потемнения самого коллагена кожи.

В районе головы был также обнаружен небольшой многослойный фрагмент (АКУ-217/27), где нижним слоем является кожа с остатками человеческих волос, а верхним – шелковая ткань. Сохранность фрагмента плохая, он сильно пропитан продуктами разложения человеческой плоти и почвенными загрязнениями. Определить, был ли еще один слой между волосами и тканью, не представляется возможным.

Ткань в этом образце шелковая, на поверхности которой фиксируется два типа переплетения: основная (2:1) и уточная (1:2) саржа, следовательно, это камка. Толщина нитей основы 0.2 мм, нити со слабой Z крут-

кой. Нити утка без крутки толщиной 0.5 мм. Примерная плотность ткани 50/20 н/см.

На лицевой стороне ткани фиксируются остатки сшивной нити, а также небольшие углубления, вероятно, от металлических штифтов. Возможно, это остатки бляшек, аналогичные бляшкам 1, а нить, это нить укрепляющая полоску кожи к ткани.

Исходя из полученных данных, можно сделать предположение, что головной убор был сшит из шелковой ткани (камка), цвет которой не определяется. Однако опираясь на многочисленные аналоги камчатых тканей раннего средневековья, более вероятно, что она была одноцветной. Очелье головного убора было укреплено и декорировано полоской черной кожи шириной 2.5 см с плотно прижатыми друг к другу металлическими бляшками. На плане (рис. 1) в верхней части головы отмечены подвеска и многочастные бусины, которые могли являться нашивными украшениями шапочки.

Текстиль и кожа в районе талии.

Благодаря металлическим бляшкам и сильной сжатости органических материалов сохранился достаточно большой (8×13 см) многослойный фрагмент, состоящий из ткани, кожи и меха (рис. 13:1).

Слои во фрагменте расположены следующим образом: нижний слой – это шкура животного со светлым невысоким мехом. К меху, со стороны кожи, от которой остался только очень тонкий черный слой, прижата шелковая ткань (изнаночной стороной). Сверху (с лицевой стороны) ткани фиксируются фрагменты кожи с остатками штифтов от бляшек различной формы. Ширина кожных фрагментов, где фиксируются срезы, составляет 3 см, что соответствует поясным бляшкам (рис. 1:34), и 1 см, соответствующим концевым бляшкам (на рис их нет). Кожа ремней под бляшками (АКУ-217/268) соответствует коже под бляшками на головном уборе.

Нити основы в ткани расположены перпендикулярно размещению ремней в районе талии, то есть вдоль тела. Ткань сжата многочисленными складками. На нескольких фрагментах эти складки расположены четко вдоль нитей основы, что позволяет предположить, что часть складок была заложена сознательно, а часть образовалась случайно, в результате сжатия ткани ремнями.

Ткань является сложной тканью (самит), где работают две системы нитей основы (внутренняя и связующая) и несколько цветных нитей утка (в основном от 2 до 5).

Базовое переплетение ткани самит – саржи 2:1 (S). Соотношение внутренней и связующей основы в данной ткани соответствует 1:1 (рис.13: 2–3). Внутренняя и связующая основы имеют одинаковые характеристики: нити с неравномерной круткой (от средней до слабой) в Z-направлении толщиной 0.1–0.2 мм. Нити утка в данный момент полностью потеряли свою окраску, они не имеют крутки, их толщина равна 0.3–0.5 мм. Одновременно работают 2 утка, следовательно, ткань была двухцветной (возможно, были полосы с дополнительным вводным утком, которые сейчас не выделяются). Порядок проброса 1,2,2,1. Плотность ткани по нитям основы составляет 14–16 нитей связующей основы и соответственно 14–16 нитей внутренней основы и 18–22 проброса нитей утка на 1 см².

Отпечатки бляшек поясного набора (рис. 1:38) встречены на двух других фрагментах (АКУ-217/110), которые состоят из деревянной основы, покрытой тонким слоем войлока толщиной 1.5–2 мм (рис.13:4), имеющим слегка зеленоватый цвет (визуальная оценка). Кроме отпечатков бляшек, расположенных на кожаном поясе (сохранились небольшие участки с сильно деструктированной кожей), параллельно одной из его сторон на войлоке зафиксирован плетеный шнур или очень узкая тесьма из шелковых нитей. Ширина этого изделия около 3 мм. Система плетения – диагонально-саржевое. Рабочие нити шелковые со слабой Z-круткой толщиной 0.2–0.3 мм.

На этом же фрагменте с внешней стороны от пояса с бляшками, на поверхности войлока обнаружены остатки сильно деструктированной ткани из шерстяных волокон. Структура этой ткани не определяется из-за ее плохой сохранности. Волокна в нитях ткани более грубые, чем в войлоке, где в основном преобладает пуховое волокно.

Расположение слоев в большом фрагменте позволяет трактовать его как утепленную одежду на меху перекрытую шелковой тканью. Однако мех в складки ткани не заходит и доказательств того, что это единое изделие из меха и ткани (например, шов, соединяющий ткань и мех) нет.

Наличие шелка под поясами, свидетельствует о том, что шелковая ткань является основной тканью одежды, а не ее отделкой. Расположение складок, которые, вероятно, были сознательно заложены при пошиве, указывает, на то, что шелковая составляю-

щая одежды была отрезной по линии талии, где юбка заложена неглубокими складками. Отсюда можно предположить, что по крою данный тип одежды можно отнести к кафтанам (Орфинская. 2012, с. 76–92). Среди археологического материала присутствует застежка-костылек (рис. 1: 25), которая расположена на правой стороне груди. Если предположить, что костылек является застежкой утепленной одежды, то, следовательно, эта одежда была распашной и имела неглубокий запах на правую сторону. Однако для достаточно тяжелой меховой вещи одного места фиксации двух бортов недостаточно. Возможно, что кроме металла использовались еще и некие мягкие пуговички, а возможно, сложная система ремней по талии брала на себя основную нагрузку и дополнительного крепления уже не требовалось.

Сверху этой одежды были расположены ремни и пояса с различными бляшками. К которым были прикреплены металлические аксессуары (рис. 1:40), нанизанные на полоски кожи, имеющие почти квадратное сечение со сторонами 3–4 мм. Также к поясу крепились плетель из конского волоса.

На двух фрагментах с отпечатками поясных бляшек (вероятно со стороны спины погребенной), расположенных на дне могилы, присутствует войлок. Можно предположить, что данный слой войлока являлся подстилкой. Наличие шелкового плетеного шнура, проходящего параллельно краю кожаного пояса можно объяснить только его связью с этим поясом. Возможно, шнур декорировал срезы кожи, однако на фрагментах поясов из других мест такие шнуры (или их остатки или проколы для крепления шнуров) не зафиксированы. Шерстяная ткань, остатки которой зафиксированы на войлоке, могла проходить как с наружной, так и с внутренней стороны пояса. Но на большом фрагменте между шелковой тканью и поясами данной ткани не обнаружено. Следовательно, можно высказать несколько предположений: войлочная подстилка была дополнительно перекрыта шерстяной тканью; на женщине сверху утепленной одежды был расположен шерстяной плащ; погребенная была закутана в шерстяную ткань как в саван.

Амулетница или реликварий.

Фрагмент изделия из дерева, кожи и ткани имел прямоугольную форму (рис. 1:24). Основу сохранившегося на данный момент фрагмента составляет почти совсем плоская деревянная деталь, имеющая небольшие бортики с трех сторон. «Дно» этого «корыт-

ца» перекрыто тонкой кожей, сверху которой сохранились небольшие участки с тканью (лицевая сторона прижата к коже). Здесь же находился пучок волос, вероятней всего человеческих, завернутых в ткань (лицевая сторона ткани развернута на внешнюю сторону), соответствующей ткани, обнаруженной на «дне». Кожа имеет проколы от иглы по одной из своих длинных сторон. Шов проходил по внешней стороне изделия, то есть с противоположной стороны от поверхности контакта кожи и дерева. Кожа несколько тоньше, кожи под бляшками, ее толщина колеблется от 0,4 до 0,8 мм. Содержание аморфного коллагена в ней достаточно высокое, что наряду с коллагеновыми тяжами, с упорядоченной структурой, указывает на ее хорошую сохранность. При контакте с чистой водой и с раствором соляной кислоты коллаген, как и в предыдущих образцах, практически не изменяется, что свидетельствует о наличии дубления. На поверхности кожи зафиксирована пленка темного цвета. Характеристики этой пленки совпадают с характеристиками пленки на внешней стороне кожи под поясными бляшками. Это может свидетельствовать о единой технологии обработки кожи, в частности, ее дубления.

Ткань, расположенная на коже и ткань в которую завернут пучок волос, имеет одинаковые характеристики. Это шелковая ткань самит. Базовое переплетение – саржа 1:2 (S). Соотношение внутренней и связующей основы соответствует 2:1. Внутренняя и связующая основы имеют одинаковые характеристики: шелковые нити с очень слабой Z-круткой толщиной 0,1–0,2 мм. Нити утка лишены окраски из-за плохой сохранности, они без крутки толщиной 0,2–0,4 мм. Одновременно работают не менее 2 утков. Порядок проброса не определяется. Плотность ткани по нитям основы: 6 нитей связующей основы и соответственно 12 нитей внутренней основы и 30 проброса нитей утка на 1 см. Данная ткань по своим характеристикам отличается от ткани, которая использовалась в одежде (самит) или головном уборе (тафта).

С большой долей вероятности данное изделие можно реконструировать, как кожаный мешочек прямоугольной формы, внутри находился пучок волос, завернутый в ткань. Мешочек был уложен в деревянную коробочку–реликварий.

Очевидно, к головному убору относится крючок (АКУ-217/96), для крепления которого использовали полоску сильно вытя-

нутой ткани из растительных волокон (вероятно, лен) полотняного переплетения. Нити имеют неравномерную Z-крутку и толщину 0,2–0,5 мм. Синяя окраска нитей вызвана продуктами окисления медьсодержащего металла.

В погребении обнаружено большое разнообразие текстиля: три различные шелковые ткани и плетеный шнур из шелковых нитей; остатки шерстяной ткани и тонкого войлока из пуховых волокон; небольшой фрагмент ткани из растительных волокон, а также кожа различной толщины и меховое изделие. Средневековые шелковые ткани самит – это узорные полихромные ткани, которые высоко ценились от Византии до Китая (Фехнер, 1977, с. 131–140; Орфинская, 2017, с. 337–346). Они встречаются в аланских погребениях VIII–IX вв. Северного Кавказа (Иерусалимская, 2001, с. 96–116; Орфинская, 2001, с. 87–107; Воскресенский и др., 1996, с. 213–219). В могильниках X в. Гнездова (Щербакова, 2010, с. 87–98; Пушкина, Орфинская, 2011, с. 92–99), в Пскове (Зубкова, Орфинская, 2015, с. 367–388), в Шестовицах и Тимерево (материал в работе). В могильниках IX–XII вв. на северо-западе (Кочкуркина, Орфинская, 2014, с. 46–48 и 56–57) в

Среднем Поволжье (Орфинская, Никитина, 2014, с. 70–92) в Подмосковье (Орфинская, 2012, с. 127–137; Орфинская и др., 2010, с. 130–139). Ткани самит наряду с металлическими ювелирными изделиями находят вкладах домонгольского времени (Бьяшевский, 1903, с. 297–306; Корзухина, 1954, с. 120–122; Орфинская и др. 2017, с. 127–143; Орфинская, 2011, с. 96–105). В основном находками являются небольшие фрагменты шелковых тканей, которые в большинстве являлись отделкой одежды и небольшими, но значимыми изделиями (Малахов, Орфинская, 2001, с. 94–99). В 7 погребении, кроме дорогих тканей, к таким предметам относится реликварий (амулетница или ладанка). Все эти вещи, а также наличие целиком сшитой из шелковой ткани одежды, свидетельствуют о большом богатстве погребенной.

Первые итоги исследования находок из погребения 7 показывают, что применение естественнонаучных методов открывает новые возможности для реконструкции погребального обряда, костюма, техники производства украшений и тканей и является источником информации о происхождении и датировке изделий из стекла, металла и органических материалов.

ЛИТЕРАТУРА

- Бьяшевский Н.* Цѣнный кладъ великокняжеской эпохи (съ 2-мя таблицами) // Археологическая летопись Южной России. 1903. №5. С. 297–306.
- Валиулина С.И.* Стекланные бусы Больше-Тиганского могильника // *Historia Fenno-Ugrica. Congressus Primus historiae Fennougricae.* Т. II. Oulu. 1996a. S. 573–581.
- Валиулина С.И.* Химико-технологическая характеристика стекланных бус Больше-Тарханского и Больше-Тиганского могильников // Материалы конференции «Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.» (Самара, 14–17 ноября, 1995г.). Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1996б. С. 134–147.
- Валиулина С.И.* Стекланные бусы Семеновского I и Измерского I селищ // *Сельская Русь в IX–XVI вв.* / Отв. ред. Н.А. Макаров, С.З. Чернов; сост. И.Н. Кузина. М.: Наука, 2008. С. 288–298.
- Валиулина С.И.* Сравнительный анализ стекланных бус Больше-Тиганского и Кушнаренковского могильников. Доклад представлен на *Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum, Piliscsaba, 9-14. VIII.* 2010.
- Валиулина С.И., Храмченкова Р.Х.* Химический состав изделий из цветного металла Больше-Тиганского могильника // *Древние ремесленники Приуралья* / Отв. ред. В.И. Завьялов Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. С. 264–280.
- Воскресенский Д.Л., Голиков В.П., Орфинская О.В., Пишеничнова Е.А.* Согдийские ткани VIII – IX вв. на транскавказском участке Великого Шелкового пути: проект «города и дороги» // *Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. история, археология, культурная антропология, этнография* / Под ред. А.П. Вяткина, С.А. Иванова. М.: Международный научный фонд, 1996. С. 213–219.
- Галибин В.А.* Химический состав стекла из памятников Восточной Европы (V–X вв.) // *Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии.* М.: ИА РАН, 2000. С. 244–256.
- Голиков В.П., Орфинская О.В., Валиулина С.И.* Исследование органических материалов из погребений IX–X вв. Больше-Тиганского могильника // *Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет.*

Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Удмуртской археологической экспедиции и 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга (Ижевск, 16–18 июня 2004 г.). Ижевск.: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С.291–298.

Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Идрик, 2004. 392 с.

Захаров С.Д. Белоозеро // Русь в IX – X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 212–239.

Зубкова Е.С., Орфинская О.В. Текстиль из камерных погребений Старо-Вознесенского некрополя Пскова // Древнерусский некрополь Пскова X–начала XI в. Том 2. Камерные погребения древнего Пскова X в. (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старо-Вознесенского монастыря) / Под ред. И. Лагутоной. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 367–388.

Иерусалимская А.А. Мошевая Балка: необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб. Изд-во Государственного Эрмитажа, 2012. 384 с.: ил.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во. Харьковского гос. университета им. А. М. Горького, 1956. 345 с.

Коновалов А.А., Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. Цветные и драгоценные металлы и сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.: Восточная литература РАН. 2008. 191с.

Корзухина Г.В. Русские клады IX–XIII вв. М: Издательство Академии наук СССР, 1954. 226с.

Кочуркина С.И., Орфинская О.В. Приладожская курганная культура: технологическое исследование текстиля. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. 140 с., ил. 66, табл. 8.

Львова З.А. Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. I Способы изготовления, ареал и время распространения // АСГЭ. Вып.10. / Под ред. проф. М. И. Артамонова. Л.: Советский художник. 1968. С.64–94.

Львова З.А. Бусы Северного Кавказа из бесцветного» посудного» стекла VIII–IX вв.) // Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М.- Пушкино: ОНТИ ПНЦ РАН. 2000. С. 272–279.

Макаров Н.А. Суздальское Ополе // Русь в IX – X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Древности Севера, 2012. С. 195–211.

Малахов С.Н., Орфинская О.В. Византийские филактерии и аланские шелковые мешочки-реликварии // Историко-археологический альманах. Вып. 7 / Отв.ред. Р.М. Мунчаев. Армавир; М.: Армавирский краеведческий музей, 2001. С. 94–99.

Минасян Р.С. Металлообработка в древности и Средневековье. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2014. 472 с.

Мурашёва В.В. Супрутский клад. Из раскопок 1969 г./ Труды ГИМ. Вып. 175. М.: Наука, 2008. 48с.

Мурашёва В.В. Книга путей и стран (Алпатьевский клад) // Славяне и иные языци... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной / Труды ГИМ Вып. 198. / Отв.ред. М.: Изд-во, 2014. С. 116–127.

Новиков В.В., Ениосова Н.В. Снаряжения верхового коня из погребения Ц-191 2-й половины X в. из Гнёздова. Результаты комплексного исследования // Археологические вести. Вып.21. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2015. С. 199–223.

Орфинская О.В. Текстиль VIII–IX вв. из коллекции Карачаево-Черкесского музея: технологические особенности в контексте культуры раннесредневековой Евразии. Дисс... канд. ист.наук. М., 2001.475 с.

Орфинская О.В. Технологические исследования текстиля из средневекового клада, обнаруженного во Владимире в 2008 г. // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып.3. М.; СПб.: Нестор-История, 2011. С 96–105.

Орфинская О.В. Новосёлки-2. Результаты исследования текстиля XII века // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 8. / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2012. С. 127–137.

Орфинская О.В. Три источника, или к вопросу о классификации кроя одежды // Женская традиционная культура и костюм в эпоху средневековья и новое время. Материалы международного научно-образовательного семинара (9–10 ноября 2012). М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012. С. 76–92.

Орфинская О. В. Рождение и смерть шелковой ткани самит // Stratum plus. 2017. №5. С. 337–346.

Орфинская О.В., Никитина Т.Б. Ткани из могильников Ветлужско-Вятского междуречья IX–X вв. // Поволжская археология. 2014. № 2 (8). С. 70–92.

Орфинская О.В., Титова Л.А., Чуткина С.С. Исследования домонгольской вышивки из археологических раскопок 1966-1974 годов в городе Старая Русса Новгородской области // Genesis: исторические исследования. 2017. № 5. С.127–143. DOI: 10.7256/2409-868X.2017.5.20642.

Орфинская О.В., Энговатова А.В., Голиков В.П. Исследования и реконструкция деталей костюма из погребений домонгольского времени из некрополей Дмитровского кремля // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 6. / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2010. С. 130–139.

Полубояринова М.Д. Стекланные изделия Болгарского городища // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв.ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука. 1988. С. 151–219.

Пушкина Т.А., Орфинская О.В. Текстиль из женского камерного погребения Ц-301 в Гнездове // Археология и история Пскова и Псковской земли. 2011. № 27(57). С. 92–99.

Сапрыкина И., Митоян Р., Никитина Т., Зеленцова О. Результаты химико-технологического исследования поясных наборов второй половины VIII - начала XI вв. из могильников Среднего Поволжья // Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars VIII. Piliscsaba. 2010. С.312–332.

Семыкин Ю.А., Казаков Е.П. Исследование новых памятников раннеболгарского времени в Ульяновском Поволжье // Из археологии Поволжья и Приуралья / Отв.ред. П.Н. Старостин. Казань: РИЦ «Школа», 2003. С. 114–138.

Фехнер М.В. Изделия шелкоткацких мастерских Византии в Древней Руси // СА. 1977. № 3. С. 131-140.

Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона//Славяне и скандинавы. М.: Прогресс.1986. С. 8–128.

Щербакова Е.Е. Текстиль из мужского погребения кургана Ц-160 в Гнездове // РА. 2010. № 1. С. 87–98.

Callmer J. 1977. Trade Beads and Beads Trades in Scandinavia ca. 800-1000 A.D. Bonn-Lund: Habelt .

Callmer J. 1997. Beads and bead production in Scandinavia and the Baltic Region c.ad 600-1100: a general outline. In Wieczorek, A. & Freedon, U.v., (eds.), *Perlen: Archäologie, Techniken, Analysen : Akten des Internationalen Perlensymposiums in Mannheim*, 11–14.11.1994. Bonn., 197–202.

Carboni S. 2001. *Glass from Islamic Lands*. London: “Thames &Hudson” Publ.

Chalikova E.A., Chalikov A.H. 1981. Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani. Régészeti Füzetek Ser.II.No.2. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.

Eniosova, N., Murasheva, V. 1999. Manufacturing techniques of belt and harness fittings of the 10th century AD. *Journal of Archaeological Science* (26), 1093–1100.

Gratuze, B., Barrandon, J. N. 1990. Islamic glass weights and stamps: analysis using nuclear techniques. *Archaeometry* (32), 155–162.

Greiff, S. 2012. Silver grave goods from early Hungarian contexts: technological implications of debased alloy composition with zinc, tin and lead// Die Archäologie der Frühen Ungarn. Chronologie, Technologie und Methodik. Internationaler Workshop des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften und des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Bd. 17. Mainz., 241–261.

Henderson, J. 1998. Blue and other coloured translucent glass decorated with enamels: possible evidence for trade in cobalt-blue colourants. In Ward, R. (ed.). *Gilded and enamelled glass from the Middle East* British Museum Press, London: “British Museum Press” Publ., 116–121.

Henderson J., McLoughlin S. D., McPhail D. S. 2004. Radical changes in Islamic glass technology: evidence for conservatism and experimentation with new glass recipes from early and middle Islamic Raqqa, Syria. *Archaeometry*. 46(3), 439–468.

Neri et al, 2018: Neri, E. Gratuze, B., Schibille, N. 2018. The trade of glass beads in early medieval Illyricum: towards an Islamic monopoly. *Archaeological and Anthropological Sciences*. 1, 1–16. Doi: 10.1007/s12520-017-0583-5

Poulik J. 1948. *Staroslovanska Mohfva*. Praha.

Robertshaw P., Benco N., Wood M., Dussubieux L., Melchiorres E., Ettahiri A. 2010. Chemical analysis of Glass Beads from medieval Al Basra (Marocco). *Archaeometry*. (52), 355–379.

Stalsberg A. 2002. Nytt skandinavisk funn fra Volga. Aud Beverfjard. Spor, Nr. 1. Trondheim. 51.

Valiulina S. 2016. International Trade Relations of the Middle Volga Region in the Medieval Period through the Glass Evidence. *Archeologia Polski*. (LXI), 113–169.

Valiulina S. 2018. The chemical composition of Bolgar glass beads (from the Viking Age to the Golden Horde). (In Press).

Whitehouse D. 2001. Mosaic Glass. In Stefano Carboni, David Whitehouse (eds.). *Glass of the Sultans*. N.Y.: “Metropolitan Museum of Art” Publ., 147–153.

Информация об авторах:

Валиулина Светлана Игоревна, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия). svaliulina@inbox.ru

Ениосова Наталья Валерьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия); eniosova@gmail.com

Орфинская Ольга Вячеславовна, кандидат исторических наук, Всероссийский художественный научно-реставрационный центр им. И.Э. Грабаря, старший научный сотрудник; Центр египтологических исследований РАН (ЦЕИ РАН) (г. Москва, Россия); orfio@yandex.ru

INTERDISCIPLINARY STUDY OF MATERIALS FROM BURIAL 7 OF THE BOLSHI-TIGANSKY BURIAL GROUND²

S.I. Valiulina, N.V. Eniosova, O.V. Orfinskaya

This article features the entirely new results of an interdisciplinary study of 3 categories of grave goods from one of the most outstanding graves of the Early Magyar Bolshe-Tigansky cemetery dating back to the 9th - early 10th century. Glass beads have been investigated with the aid of scanning electron microscopy. It suggests that all of beads, except for one, belong to the Middle Eastern manufacturing tradition. They were manufactured using a complete production cycle workshops (type A). Their chemical composition corresponds to al-Raqa glass type 4. The only mosaic bead with a checkerboard design is of Scandinavian origin produced in a type B workshop. The chemical composition of the Soda-Plant ash glass, nature of mosaic beads, predominance of the yellow small wound beads over blue ones and small proportion of green small beads indicate that necklace should be dated the second half of the 9th century. Silver articles are represented by belt and headwear fittings (7 items). Their manufacturing techniques have been studied with the aid of optical microscopy, and their quantitative elemental composition was obtained using ED XRF. All the items were made of silver using a wax casting technique or by means of casting in a clay mould with impression of a model or previously cast ornament. Silver of the different purity was diluted using brass, bronze and copper with a high arsenic content. A variety of silver alloys in such a small selection reflects a different origin of the raw metals and indicates that the clothing accessories were produced in various periods by different artisans. Organic materials were identified using optical microscopy (x400), microchemistry, histochemistry and thermal analysis. The different kinds of textiles comprise three types of a silk fabric, silk interlaced cord, remains of wool fabric, thin felt made of downy fibres and a small piece of textile composed of vegetable fibres. Leather articles of various thickness, a fur item and a reliquary box made of wood and leather have also been identified. A large variety of expensive and prestigious fabrics, and the presence of clothing sewn entirely of silk signify the exceptional wealth of the buried girl.

Keywords: Bolshe-Tigansky burial ground, glass beads, silver fittings, chemical composition of glass and metal, identification of organic materials.

About the Authors:

Valiulina Svetlana I. Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; svaliulina@inbox.ru

Eniosova Natalia V. Candidate of Historical Sciences. Moscow State University. Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Prospect 27, korp. 4, Moscow, 119991, Russian Federation; eniosova@gmail.com

Orfinskaya Olga V. Candidate of Historical Sciences. Grabar Art Conservation Center. Radio St., 17, build 6, Moscow, 105005, Russian Federation; Centre for Egyptological Studies, RAS. Leninsky Ave., 29, building, 8, Moscow, 119071, Russian Federation; orfio@yandex.ru

² The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 16-06-00453 «Crafts of Bilyar monocentric agglomeration on the basis of information obtained using natural scientific methods».

Таблица 1.
Химический состав стеклянных бус погребения 7 Больше-Тиганского могильника
по результатам сканирующей электронной микроскопии (SEM).

№	Образц, цвет	оксиды в %														Рису- нок		
		Na ₂ O	MgO	Al ₂ O ₃	SiO ₂	P ₂ O ₅	SO ₃	K ₂ O	CaO	TiO ₂	MnO	FeO	CoO	CuO	SnO ₂		PbO	Другие оксиды
1	б/ц, серебрис- тая	15.48	6,49	2.44	61.62	0.23	0.32	2.51	4.01	0.03	0.88	0.16	–	0.03	0.23	–	–	рис.4: 6
2	мозаич, серый	12.22	2.78	4.10	61.42	0.28	0.28	3.55	10.14	0.19	0.90	1.31	0.01	1.89	0.38	0.07	–	рис. 3: 7
3	мозаич .оранж.	11.97	1.79	3.62	52.83	0.45	–	2.51	7.54	0.12	0.80	5.05	0.01	5.44	0.20	6.16	As ₂ O ₃ 0,94	рис. 3: 7
4	мозаич, черный	13.78	3.69	4.31	61.52	0.32	0.28	3.30	9.47	0.16	0.85	1.07	–	0.35	0.29	0.02	CrO 0,1	рис.3: 7
5	бисер, зеленый	14.15	5.53	2.21	64.83	0.04	0.19	3.78	6.55	0.06	0.18	0.54	–	0.54	0.43	0.38	–	рис.2
6	мозаич. желтый	16.65	6.02	2.65	60.48	0.14	0.36	3.20	6.68	0.05	0.56	0.57	–	0.05	1.44	1.09	As ₂ O ₃ 0,36	рис.3: 5
7	мозаич, черный	17.27	5.50	3.03	61.32	0.43	0.31	3.24	6.38	0.05	0.16	0.51	–	0.02	0.36	0.13	CrO 0.1	рис. 3: 5
8	мозаич, красный	14.94	4.88	3.40	59.90	0.29	0.39	3.36	0.38	0.13	0.92	1.80	0.02	1.27	0.44	0.07	–	рис. 3: 5
9	мозаич, белый	15.53	5.27	2.70	60.94	0.18	0.16	3.24	6.59	0.06	0.60	0.07	–	0.04	3.22	0.22	–	рис. 3: 5
10	мозаич, белый	14.19	3.34	3.44	61.16	0.35	0.15	2.99	8.84	0.16	1.92	0.95	0.02	0.05	1.24	1.39	–	рис. 3: 1

Таблица 1.
Химический состав стеклянных бус погребения 7 Больше-Тиганского могильника
по результатам сканирующей электронной микроскопии (SEM).
(продолжение)

№	Образц, цвет	оксиды в %															Рису- нок	
		Na ₂ O	MgO	Al ₂ O ₃	SiO ₂	P ₂ O ₅	SO ₃	K ₂ O	CaO	TiO ₂	MnO	FeO	CoO	CuO	SnO ₂	PbO		Другие оксиды
11	мозаич., голубой	14.90	6.07	2.56	61.66	0.21	0.34	3.53	6.27	0.09	0.32	1.15	0.27	0.04	0.32	0.01	ZnO 0.36	рис. 3: 1
12	мозаич., красный	14.22	4.87	3.53	60.28	0.44	0.42	2.90	8.28	0.15	1.54	2.06	0.02	1.08	0.44	0.08	–	рис. 3: 1
13	мозаич. зеленый	12.42	4.13	3.45	65.44	0.29	0.36	3.15	8.17	0.14	0.26	0.78	–	1.81	0.38	0.35	–	рис.3: 4
41	мозаич. желтый	13.52	2.59	2.83	61.59	0.27	–	3.17	5.79	0.08	0.63	0.76	–	0.16	1.05	6.04	As ₂ O ₃ 0.82	рис.3: 4
15	мозаич., красный	13.41	4.09	2.99	59.29	0.24	0.18	3.02	7.39	0.13	0.76	3.18	0.03	2.42	1.68	0.62	–	рис.3: 4
16	мозаич., голубой	12.20	3.81	2.93	67.60	0.27	0.25	3.15	6.65	0.12	0.02	1.28	0.24	0.08	0.35	0.01	ZnO 0.35	рис.3: 4
17	бисер, синий	14.48	4.22	2.86	63.42	0.24	0.28	3.61	6.88	0.14	1.48	1.26	0.08	0.06	0.34	0.01	ZnO 0.07	рис. 2
18	бисер, желтый	13.58	3.35	2.00	64.42	0.01	–	3.28	5.33	0.07	1.30	0.53	–	0.02	0.67	3.48	As ₂ O ₃ 0.58	рис. 2
19	бисер, белый,	13.38	5.37	2.17	66.84	0.10	0.28	3.62	5.50	0.07	0.83	0.41	–	0.01	0.36	0.03	–	рис. 2
20	«золото- стеклян- ная»	15.34	2.59	3.97	63.75	0.24	0.28	3.41	7.57	0.13	0.53	0.71	–	0.04	0.30	0.02	Ag ₂ O 0.03	Рис.4: 4

Таблица 2.
Химический состав металла изделий из погребения 7 Больше-Тиганского могильника¹

№ анализа	Изделие	Cu	Sn	Pb	Zn	Au	Ag	As
4190	Накладка на головной убор/лицевая сторона	22.64	4.24	5.81			59.49	1.79
39	Накладка на головной убор	40.67	2.43	0.39	0.026	0.029	53.59	1.46
4194	Накладка ременная 3-х лепестковый цвкток/лицевая	6.06		8.17	1.01	0.7	84.07	
4211	Накладка ременная квадратная/лицевая сторона	23.56		2.12			73	1.32
31	Накладка ременная квадратная	27.47	0.062	0.56	0.003	0.076	70.48	1.08
36	Накладка ременная квадратная	38.33	0.017	0,25	0,003	0,1	54,43	2,45
4213	Накладка ременная в форме лунницы/лицевая	34.05		1.35			61.74	2.68
4215	Накладка ременная арочной формы с прорезью/лицевая	33.06		1.58			63.95	1.38
4220	Пряжка/оборотная сторона	33.73		2.41			62.46	1.4
4221	Наконечник пояса (трилистники)	6.48		6.08	0.99	0.56	85.88	
4222	Наконечник пояса (лев)	6.25		7.36	0.97	0.65	84.78	
53	Шпенец	95.22	0.005	1.68	0.001		2.43	0.02
55	Шпенец	98.19	0.015	0.013	0.005	0.002	0.94	0.18

¹ Пробы 4190, 4194, 4211, 4213, 4215, 4220-4222 – РФА; Пробы 31, 36, 39, 53, 55 – ОЭСА.

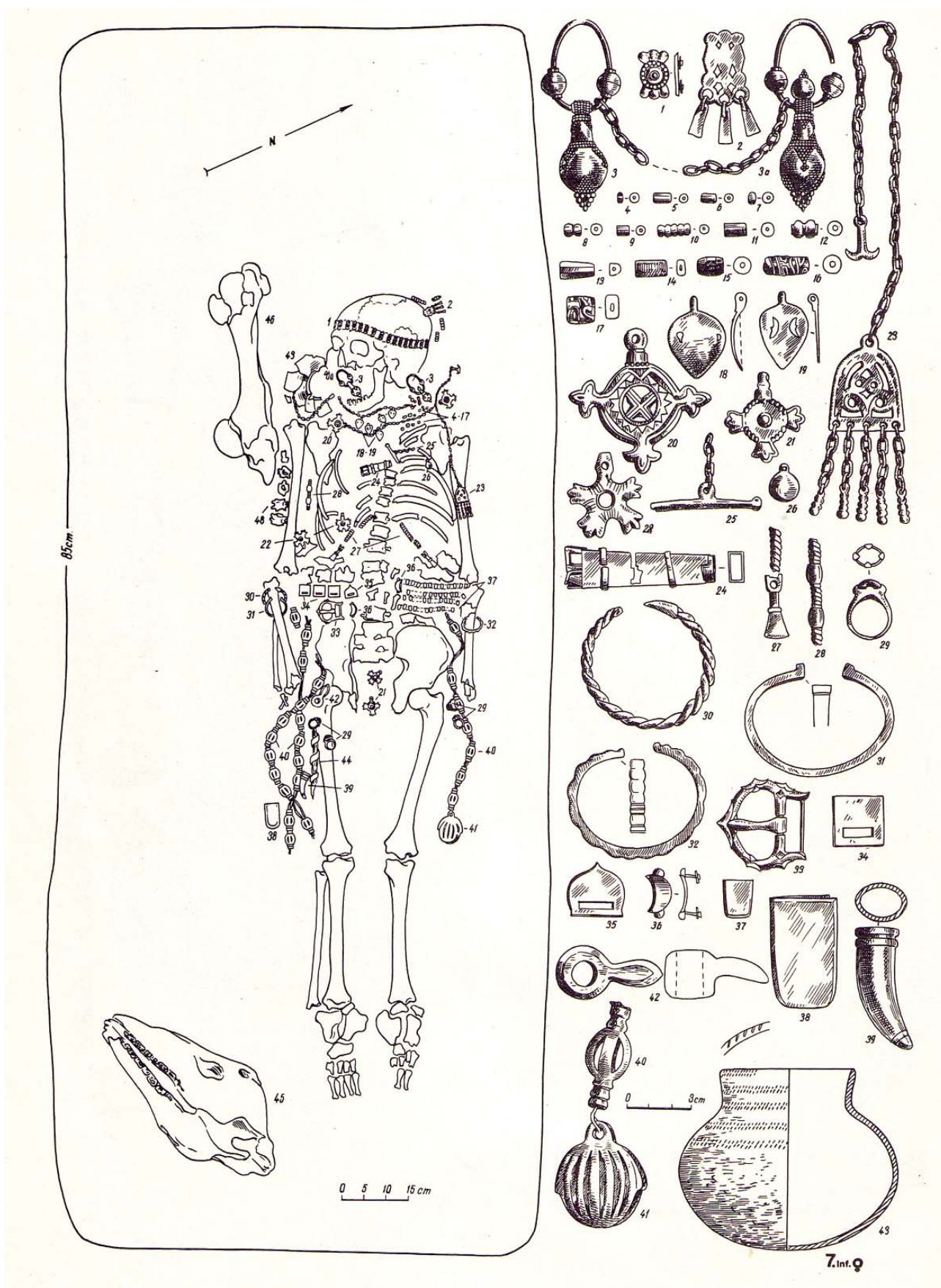

Рис.1. План погребения 7 Больше-Тиганского могильника и погребальный инвентарь (по Chalikova, Chalikov, 1981)

Рис. 2. Ожерелье погребения 7.

Рис. 3. Мозаичные бусы.

Рис.4. Бусы из стекла и других материалов: 1-8,10,12,13 – стекло; 9-кость, 11- раковина.

Рис.5:1. Лицевая и оборотная стороны накладки на головной убор

Рис. 5:2 Литейные дефекты и следы абразивной обработки на лицевой поверхности накладки головного убора

Рис. 6. Лицевая и оборотная стороны квадратной поясной накладки

Рис. 7:1. Лицевая и оборотная стороны поясной арочной накладки

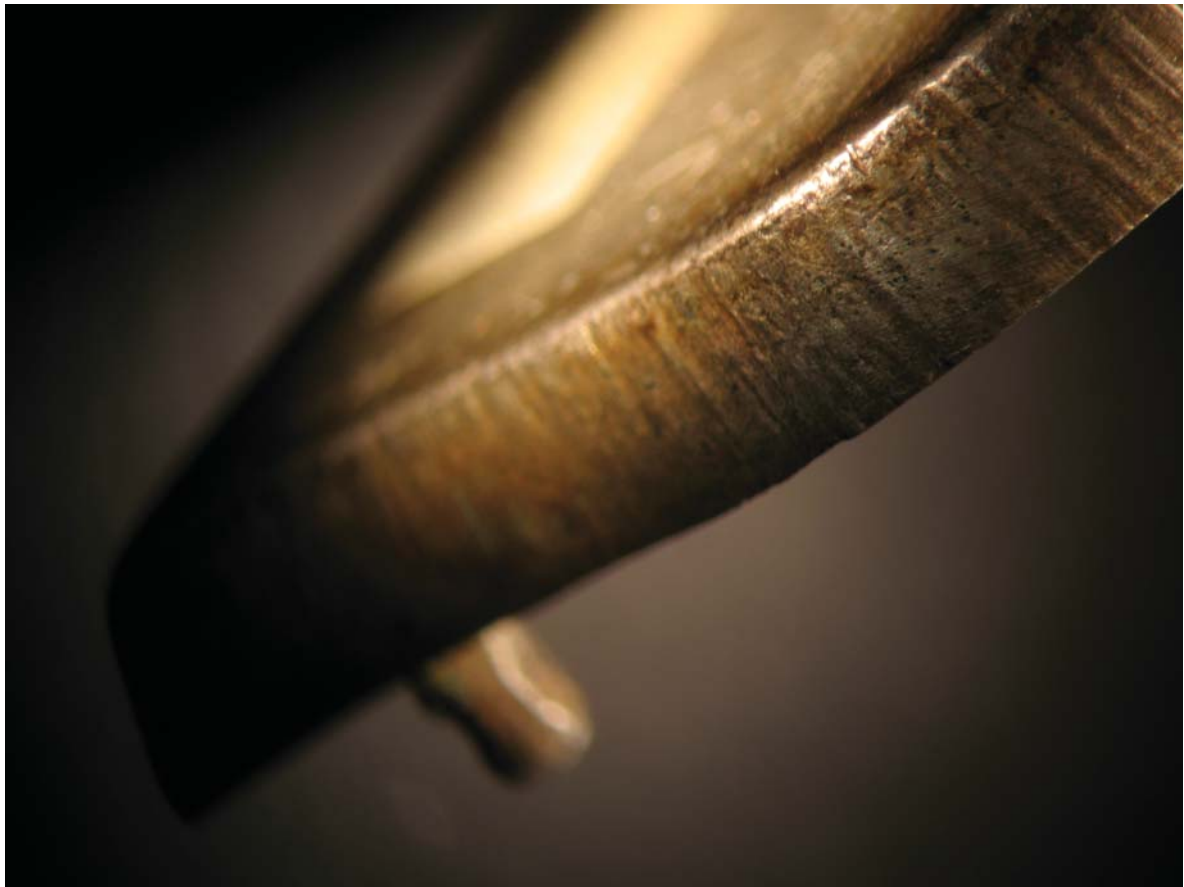

Рис.7:2. Следы зачистки литейного шва на внешней части бортика (увеличение x 30)

Рис.8:1. Лицевая и оборотная сторона поясной накладки в виде лунницы

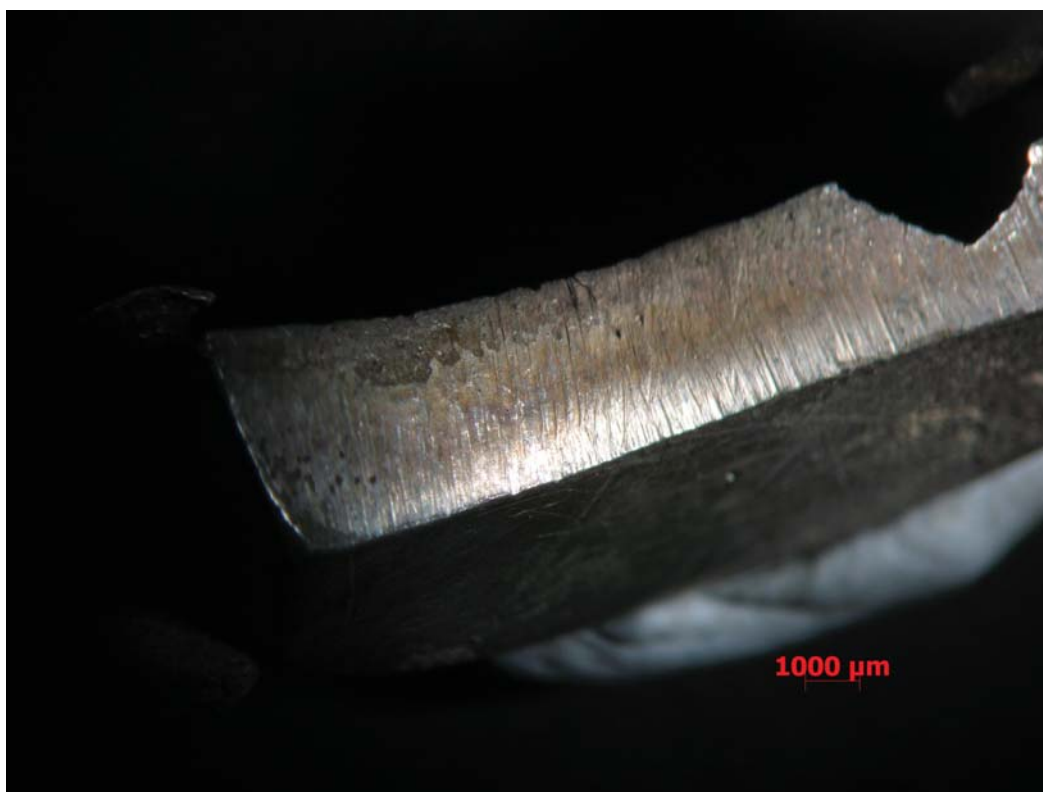

Рис.8:2. Следы зачистки литейного шва на внешней части бортика (увеличение x 30)

Рис.9. Лицевая и обратная стороны 5-ти угольной поясной накладки с трилистником

Рис.10:1. Лицевая и обратная стороны наконечника ремня

Рис.10:2. Литейный дефект (недолив) на стороне с растительным орнаментом

Рис.10:3. Макросъемка торцевой части наконечника – щель для крепления кожаного ремня

Рис.11:1. Лицевая и оборотные стороны массивной пряжки ремня

Рис.11: 2. Следы зачистки литейного шва и литейных дефектов на рамке пряжки

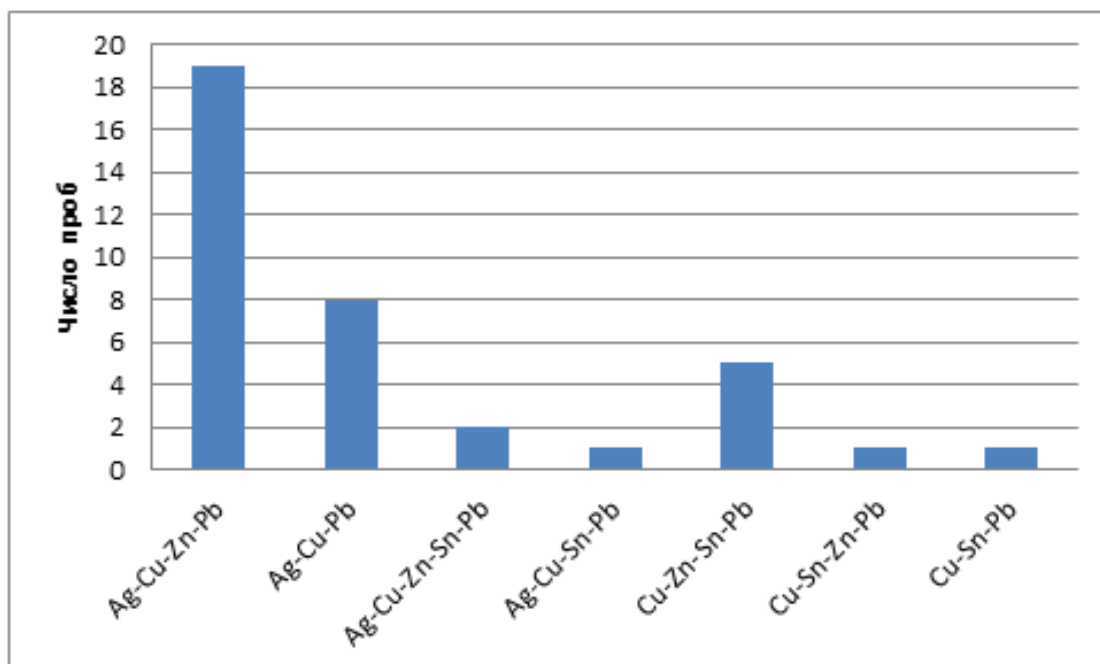

Рис.12. Количественное соотношение сплавов в выборке Больше-Тиганского могильника (РФА)

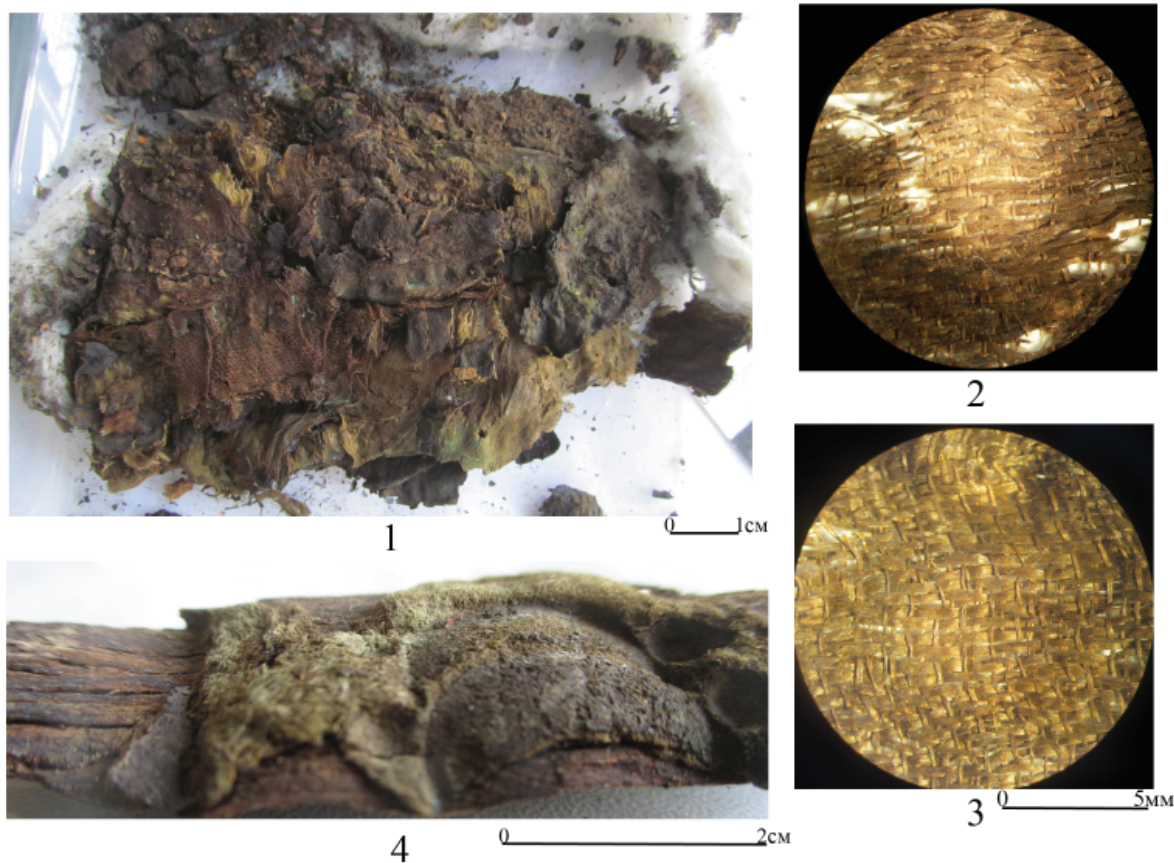

Рис. 13. Органические материалы из погребения 7: 1 - многослойный фрагмент, состоящий из меха, ткани и кожи; 2 - ткань самит (лицевая сторона); 3 - ткань самит (изнаночная сторона); 4 - фрагмент дерева и войлока с отпечатками металлических бляшек.

УДК 572 71

ДРЕВНИЕ ВЕНГРЫ В АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ¹

© 2018 г. И.Р. Газимзянов

В статье приводятся результаты исследования палеоантропологических материалов, характеризующие физический облик населения кушнаренково-караякуповской культуры (VI – XI вв.). На основе краниометрического изучения 29 мужских и 11 женских черепов выделяется основной морфологический, европеоидный в целом, комплекс, сочетающий мезобрахикранную черепную коробку с широким лицом низких пропорций с умеренной горизонтальной профилировкой и хорошо выступающим носом. Сравнение со сборной серией венгров X в. («эпоха обретения Родины») показало, что серии типологически близки и, учитывая археологические параллели, возможно предположить об их генетической взаимосвязи.

Ключевые слова: краниология, кушнаренково-караякуповская культура, антропологический состав, европеоидный тип, раннее средневековье, Урало-Поволжье.

Этногенез венгерского народа – сложный и неоднозначный процесс, растянутый в пространстве и времени, вызывает до сих пор острые научные дискуссии по ряду проблем их этнической истории. Особенно это касается в определении места исторической прародины (Magna Hungaria), пути миграции угорских (древневенгерских) племен с востока на запад и роли отдельных (иноязычных) групп населения в сложении их культурных и физических особенностей в ходе длительного «переселения» и «обретения Родины». В решении этих вопросов, наряду с данными лингвистики, археологии, истории и этнографии, особую роль приобретают антропологические материалы, которые выступают в качестве исторического источника при разных этногенетических реконструкциях, в том числе и происхождения венгров. При этом следует отметить: если в венгерской историографии антропологический аспект в формировании этнических основ венгров, благодаря работам Л. Бартуца, М. Милана, П. Липтака, Э. Кинг, Т. Тота и ряду других исследователей, освещен достаточно хорошо (Тот, 1970, 1977; Toth, 1992), то в отечественной – он не стал предметом специального изучения. Действительно, данный аспект затрагивался либо при решении более общих проблем финно-угорского этногенеза (Алексеев, 1974), либо генезиса уральской расы и уралоязычных народов (Материалы к антропологии..., 1992; Моисеев, 1999), а также в рамках исследования антропологического состава восточных групп угорского населения: ханты и манси (Давыдова, 1989; Дремов, Багашев, 1998). Использование же палеоантропологических материалов,

характеризующие физический облик древних венгров эпохи «обретения Родины», ограничивалось, как правило,

морфологическим фоном при межгрупповом сравнительном анализе средневековых групп Восточной Европы (Акимова, 1968; Ефимова, 1991; Рудь, 1987; Газимзянов, 2014). Данное исследование является, в какой-то мере, первой попыткой целенаправленного изучения и привлечения палеоантропологических материалов с территории Среднего Поволжья и Урала к решению ряда вопросов древней истории венгерского народа.

В качестве объекта исследования стали краниологические материалы из раннесредневековых захоронений кушнаренково-караякуповской археологической культуры (или культур), которая в VI–XI вв. занимала лесостепную зону урало-поволжского региона (см. табл. 1). По мнению большинства отечественных исследователей, памятники данной культуры оставлены преимущественно угорскими племенами зауральских и западносибирских истоков, которые впоследствии могли (или часть из них) принять непосредственное участие в формировании венгерского этноса (Халикова, 1976; Иванов, 1999; Казаков, 2007). Однако не все специалисты, и в первую очередь венгерские, разделяют эту точку зрения. Не отрицая угорскую и даже древневенгерскую этническую составляющую в кушнаренково-караякуповской культуре, они считают, что данное население не было вовлечено в миграционный поток на Запад в поисках и обретения новой Родины, а осталось на месте и позднее приняло участие в сложении населения Волжской Булгарии и других приу-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ: проект № 16-06-00284а.

ральских групп (Fodor, 1982). В какой-то мере этот тезис находил свое подтверждение и в палеоантропологических материалах, имеющих к тому времени в распоряжении ученых. Так, по данным исследований Тибора Тота, основным морфологическим компонентом в антропологическом составе древних венгров, переселившихся на Средний Дунай в конце I тыс. н.э. являлся брахикранный и относительно широколицый европеоидный тип, не имеющий аналогов в составе прикамско-приуральского населения (Тот, 1977, с. 30). Этот тип (по В.П. Алексееву – вариант памиро-ферганской расы, по Т. Тоту – гиперморфный, протоевропейский) был широко распространен у населения степной полосы Евразии еще с саврамато-сарматского времени (Тот, 1970, с. 150). Вероятно активные разного рода контакты междудревнеугорскими группами (протовенгерскими) – носителями смешанного европе-

оидно-монголоидного уральского типа – со степным европеоидным широколицым населением эпохи раннего железа нашли свое отражение в физическом облике древних венгров накануне «обретения Родины» (Алексеев, 1974, с. 8; Тот, 1977, с. 26). К настоящему моменту источниковедческая база по палеоантропологии населения Восточной Европы и Западной Сибири, в том числе и поволжско-уральского региона, значительно увеличилась, что позволяет нам вновь обратиться к проблеме о роли прикамско-приуральского населения и кушнаренково-краякуповского, в частности, в этнической истории венгерского народа. Ограниченный объем статьи заставляет нас остановиться лишь на общей морфологической характеристике сборной серии и на ее внутригрупповом анализе, предполагая изложение полных результатов исследования в отдельной работе.

Таблица 1

Список памятников кушнаренково-караякуповской культуры, откуда происходит палеоантропологический материал, использованный в исследовании.

Могильники	Датировка	Количество черепов (Исследователь)
Такталачукский	VII–VIII вв.	М – 1 (Газимзянов, наст. раб.)
Измерский XII	VIII–IX вв.	М – 1 (Газимзянов, наст. раб.)
Подгорский	X в.	М – 1; Ж – 1 (Газимзянов, наст. раб.)
Лебязинский V	IX в.	М – 1 (Газимзянов, Хохлов, 1999)
Больше-Тиганский	VIII–IX вв.	М – 7; Ж – 3 (Фаттахов, неопубл. мат.)
Стерлитамакский	VIII–IX вв.	М – 3; Ж – 4 (Трофимова, 1952)
Манякский	VI–VIII вв.	М – 2 (Ефимова, 1990)
Сынтыш-Тамакский	VI–VIII вв.	М – 3 (Ефимова, 1990)
Старо-Халиловский	VIII–IX вв.	М – 5; Ж – 3 (Акимова, 1968)
Бекешевский I, II	IX–X вв.	М – 1 (Юсупов, 1982)*
Старо-Мусинский	X–XI вв.	М – 3 (Акимова, 1968)
Мрясимовский	X–XI вв.	М – 1 (Акимова, 1968)
Всего:		М – 29; Ж – 11.

*- средние опубликованные данные приняты за один череп

Серия состоит из 29 мужских 11 женских черепов разной степени сохранности. Часть из них измерена автором статьи, а остальные индивидуальные данные взяты либо из публикаций, либо предоставлены коллегами, за что приношу им искреннюю благодарность.

Мужские черепа суммарно характеризуются как мезо-брахикранные с большой высотой свода и умеренно развитым мышечным рельефом в области надпереносья и затылка (см. табл. 2). Лоб достаточно широкий, а в профиль относительно покатый. Лицевой скелет широкий и средневысокий, по пропорциям – мезенный, но с тенденцией к низкими формам. Орбиты широкие и низкие, хамеконные. Носовая область описывается средними параметрами и мезоринией, нижний край грушевидного отверстия в более половины случаев имеет заостренную форму.

Клыковые ямки средней глубины. В горизонтальной проекции лицо умеренно профилировано на уровне орбит и несколько уплощено на уровне скул, а в вертикальной – при общей ортогнатности лица прослеживается некоторая прогнатность в альвеолярной части. Переносье высокое и хорошо смоделировано, угол выступания носа большой. В целом серия относится к европеоидному типу со «своеобразным» комплексом признаков, сочетающее широкое и низкое, умеренно уплощенное лицо с хорошо профилированными выступающим носом. Женские черепа, несмотря на свою малочисленность в общей группе, характеризуются теми же чертами (с учетом полового диморфизма), что и мужские. Единственное отличие женских черепов от мужских проявляется лишь в черепном указателе – они более длинноголовы.

Таблица 2.

Некоторые статистические параметры краниологических признаков в сборной серии по населению кушнареново-караякуповской культуры.

Признаки (по Мартину)	Мужские			Женские		
	n	x	s	n	x	s
1. Продольный диаметр	28	182.2	9.49	6	176.8	4.62
8. Поперечный диаметр	29	146.0	6.25	6	137.8	4.79
17. Высотный диаметр	18	136.9	8.29	4	129.5	8.43
5. Длина основания черепа	18	103.6	4.79	3	100.7	0.58
9. Наименьшая ширина лба	29	98.9	5.69	9	96.1	4.20
45. Скуловой диаметр	25	141.5	4.57	3	131.3	12.7
48. Верхняя высота лица	22	71.2	4.38	7	64.4	3.41
55. Высота носа	23	52.5	3.73	7	47.3	2.81
54. Ширина носа	22	25.7	1.92	7	24.8	2.27
51. Ширина орбиты	22	43.3	2.41	7	41.3	5.47
52. Высота орбиты	25	32.6	2.53	7	31.7	2.43
77. Назомалярный угол	26	142.5	3.63	7	141.3	5.47
Zm. Зигомаксиллярный угол	22	132.4	5.46	5	133.8	6.69
SS. Симотическая высота	19	4.6	1.45	4	4.1	0.90

Таблица 2.

Некоторые статистические параметры краниологических признаков в сборной серии по населению кушнареново-караякуповской культуры.

(продолжение)

Признаки (по Мартину)	Мужские			Женские		
	n	x	s	n	x	s
SC. Симотическая ширина	19	8.5	1.40	4	8.3	1.57
DS. Дакриальная высота	13	12.7	1.85	3	10.4	2.39
DC. Дакриальная ширина	13	21.4	2.29	3	20.8	1.37
FC. Глубина клыковой ям-ки	17	5.1	1.71	8	4.2	2.23
32. Угол профиля лба	17	82.7	4.74	5	86.0	6.82
72. Общий лицевой угол	19	87.2	2.32	4	86.3	2.63
74. Альвеолярный угол	12	77.2	4.02	2	67.5	14.9
75(1). Угол носа	15	29.1	5.34	3	28.0	5.29
8:1. Черепной	26	79.8	4.77	6	77.9	3.11
9:8. Лобно-поперечный	27	68.2	3.93	6	70.3	2.23
17:1. Высотно-продольный	17	74.1	5.19	4	73.7	5.93
17:8. Высотно-поперечный	17	92.8	6.45	4	93.5	9.28
48:45. Верхне-лицевой	23	50.4	3.10	3	47.9	2.81
54:55. Носовой	21	49.2	4.24	7	52.4	5.12
52:51. Орбитный	22	75.4	6.96	7	76.4	3.28
SS:SC. Симотический	18	54.2	10.8	4	49.7	5.22
DS:DC. Дакриальный	13	54.5	8.49	3	49.9	9.95
Надпереносье (1-6)	27	3.46	1.32	11	1.91	0.94
Форма нижнего края носо-вого отвер-я: Antr. - %	23					
(52.2)	-	-	8 (87.5)	-	-	

* - пределы значений, превышающие стандартные.

Внутригрупповой анализ индивидуальных краниометрических данных величин квадратических уклонов в сборной серии показал, что она морфологически не однородна. Наряду с основным широколицым компонентом, в группе визуально определяются

небольшое количество черепов (как мужских, так и женских) с иным краниокомплексом, вероятно, смешанного происхождения (европеоидного с включением монголоидных элементов). Сложный и неоднородный антропологический состав населения кушнарено-

во-караякуповской культуры также выявляется и при анализе эмпирических значений квадратического отклонения в серии по отношению их к стандартным. В мужской и женской группе они завышены по многим признакам.

Для определения вектора генетических связей между населением кушнареново-караякуповской культуры и венгерскими племенами «эпохи Арпадов» была использована сборная серия черепов из одиночных курганных захоронений с конем преимущественно X века с территории Среднего Подунавья. Данная серия (по устному сообщению

С.Г. Ефимовой) составлена Г.Ф. Дебецом и морфологически описана в докторской диссертации Тибора Тоты (Тот, 1977). Сравнительно-типологический анализ этих серий показал их практически полную тождественность по многим краниометрическим параметрам (см. табл. 3). В основе обеих групп лежит общий, европеоидный в целом, морфологический компонент, характеризующийся мезобрахикранной черепной коробкой, относительно широким и умеренно профилированным лицом низких пропорций, а также высоким и выступающим переносьем. Учитывая некоторые археологические параллели в культурогенезе раннесредневекового населения Приуралья и венгров «эпохи

обретения Родины», можно предположить, что обе эти группы генетически взаимосвязаны и родственны между собой. Исходя из этого, также можно предположить, что население кушнареново-караякуповской культуры вполне могло непосредственно участвовать в формировании культурных и физических особенностей венгерского этноса.

Сравнение антропологического облика среднедунайских венгров X века с другими более поздними угорскими группами с территории Волго-Уралья (чиаликская культура) и Западной Сибири (ханты и манси) показывает, что они различаются, в основном, по доли присутствия в них монголоидной примеси (см. табл. 3). Если у средневековых венгров она практически не прослеживается, то у остальных угорских групп она довольно ощутима, что выражается в более уплощенном лице и менее выступающем переносье. Вместе с тем нельзя не отметить, что приуральские «угры» (чияликские племена) в морфологическом плане гораздо ближе к западным венграм и населению кушнареново-караякуповской культуры, чем к сибирским уграм (ханты и манси). Вероятно, здесь прослеживаются какие-то общие моменты их расогенеза, связанные с миграцией с востока на запад.

ЛИТЕРАТУРА

- Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука, 1968. 119 с.
- Алексеев П.П. Антропологические аспекты исследования этногенеза финно-угорских народов // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии / Отв. ред. И.М. Золотарева. М.: Наука, 1974. С. 5–11.
- Газимзянов И.Р. Золотая Орда и этногенетические процессы на Средней Волге // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. 2 / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М.: Старый сад, 2000. С. 189–216.
- Газимзянов И.Р., Волкова Е.В. Антропология Гулюковского могильника по данным краниологии // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 135–142.
- Газимзянов И.Р., Хохлов А.А. Черепа из средневековых захоронений на территории древнего поселения Лебяжинка V // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 302–304.
- Газимзянов И.Р. Об антропологическом единстве ранних болгар Восточной Европы // Трети международен конгресс по българистика. Секция «История и археология». Подсекция «Археология и старая история». Материалы научной конференции (София, 23–26 мая 2013 г.) София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2014. С. 102–133.
- Давыдова Г.М. Антропология манси. М.: Изд-во ИИ СССР АН, 1989. 170 с.
- Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области / ТИЭ. Т. 17. 264 с.
- Дремов В.А., Багашев А.Н. Ханты Среднего Приобья и Прииртышья // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4. Расогенез коренного населения. Томск: Том. ун-т, 1998. С. 102–109.
- Ефимова С.Г. К краниологии средневековых кочевников Южного Урала // Сравнительная антропология башкирского народа / Отв. ред. Р.М. Юсупов. Уфа: Изд-во БНЦ УО АН СССР, 1990. С. 98–106.
- Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М.: Изд-во МГУ, 1991. 95 с.
- Иванов В.А. Древние угро-мадьяры в Восточной Европе. Уфа: Изд-во «Гилем», 1999. 123 с.

Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: Изд-во ИИ АН РТ, 2007. 208 с.

Материалы к антропологии уральской расы: Сборник статей / Отв. ред. И.И. Гохман, Р.М. Юсупов. Уфа: Изд-во БНЦ УО РАН, 1992. 152 с.

Моисеев В.Г. Происхождение уралоязычных народов по данным краниологии. СПб.: Наука, 1999. 132 с.

Рудь Н.М. Антропологические данные к вопросу об этнических взаимоотношениях на Средней Волге в X–XIV вв. // Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы / Отв. ред. М.С. Великанова. М.: Наука, 1987. С. 83–141.

Тот Т. Древнейшие периоды происхождения протовенгров // ВА. 1970. Вып. 36. С. 149–160.

Тот Т. Соматология и палеоантропология населения Венгрии (в связи с проблемой происхождения венгерского народа). Автореф. дисс... докт. биол. наук. М., 1977. 36 с.

Трофимова Т.А. Антропологические материалы из аланского могильника близ Стерлитамака в Башкирии // КСИЭ. 1952. Вып. 1. С. 56–65.

Халикова Е.А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА. 1976. № 3. С. 141–156.

Юсупов Р.М. Антропологическая характеристика средневекового населения Южного Урала по материалам Бекешевских курганов // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / Отв. ред. В.А. Иванов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1982. С. 145–151.

Fodor I. 1982. In Search of a new Homeland: The Prehistory of the Hungarian People and the Conquest. Budapest.

Toth T. 1992. Somatology and paleoanthropology of the Hungarians (to the problems of their origin). *Antropologia Hungarica*. XXII, 17–39.

Информация об авторе:

Газимзянов Ильгизар Равильевич, кандидат исторических наук (г. Казань, Россия); g-ilgizar@yandex.ru

ANCIENT HUNGARIANS IN THE ANTHROPOLOGICAL CONTEXT²

I. R. Gazimzyanov

The article considers the results of a study of paleoanthropological materials characterizing the physical appearance of the population of the Kushnarenkovo-Karayakupovo culture (6th-11th cc.). A craniometric study of 29 male and 11 female skulls revealed the primary morphological, generally Caucasian complex, which features a combination of a mezobrachicranial skull and a broad face of low proportions with a moderate horizontal profile and a well-protruding nose. A comparison with the combined Hungarian series of the 10th century ("Conquest of the Homeland") revealed that the series are typologically similar and, considering the archaeological parallels, their genetic relationship can be assumed.

Keywords: craniology, Kushnarenkovo-Karayakupovo culture, anthropological composition, Caucasian type, Early Middle Ages, Ural-Volga region.

About the Author:

Gazimzyanov Ilgizar R. Candidate of Historical Sciences. Kazan, Russian Federation; G-Ilgizar@yandex.ru

² The work was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation (Project No. 16-18-10033 "Establishment and evolution of the utility systems of nomadic societies from the Altai and the neighboring territories in late antiquity and the medieval period: comprehensive reconstruction").

Таблица 3.

Основные краниологические признаки сравнительных материалов. Мужчины.

Признаки	1	2	3	4	5	6	7	8
1.	182.2 (28)	183.2 (51)	187.2 (5)	187.7 (21)	180.7 (9)	181.3 (22)	183.3 (95)	183.9 (28)
8.	146.0 (29)	147.5 (61)	138.0 (6)	145.1 (20)	143.4 (9)	140.1 (21)	141.7 (95)	139.5 (28)
8:1.	79.8 (26)	80.5 (51)*	74.3 (5)	78.9 (20)	79.5 (9)	77.3 (21)	77.4 (95)	76.1 (28)
17.	136.9 (18)	136.0 (52)	139.6 (6)	135.1 (17)	133.2 (9)	132.2 (21)	130.7 (94)	126.1 (28)
5.	103.6 (18)	103.9 (54)	105.3 (6)	102.8 (17)	101.2 (9)	101.6 (20)	101.8 (90)	100.1 (28)
9.	98.9 (29)	97.9 (70)	99.1 (5)	100.9 (19)	95.9 (9)	96.6 (20)	96.5 (93)	92.8 (29)
45.	141.5 (25)	138.4 (57)	139.7 (2)	140.2 (18)	134.7 (9)	136.1 (16)	136.4 (92)	135.3 (25)
48.	71.2 (22)	72.5 (64)	73.3 (3)	70.4 (18)	70.1 (8)	67.3 (20)	70.3(88)	70.7 (27)
48:45.	50.4 (23)	52.4 (57)*	53.0 (2)	50.0(17)	51.7 (8)	50.9 (16)	51.7 (86)	52.4 (23)
55.	52.5 (23)	-	51.3 (4)	52.4 (18)	51.0 (8)	52.6 (19)	51.1 (90)	52.5 (28)
54.	25.7 (22)	-	24.3 (3)	26.1 (18)	24.4 (8)	24.7 (21)	26.3 (90)	26.3 (28)
54:55.	49.2 (21)	-	47.4 (3)	49.5 (17)	47.9 (8)	47.5 (18)	51.6 (89)	50.0 (28)
51.	43.3 (22)	44.4 (65)	42.6 (5)	43.9 (16)	43.2 (8)	43.1 (20)	42.7 (89)	41.8 (27)
52.	32.6 (25)	33.0 (66)	33.7 (5)	34.1 (18)	32.9 (9)	33.2 (18)	34.2 (90)	34.3 (27)
52:51.	75.4 (22)	74.3 (65)*	79.4 (5)	77.7 (17)	76.3 (8)	76.7 (18)	79.9 (88)	82.2 (27)
SS.	4.6 (19)	4.9 (60)	4.8 (5)	4.3 (16)	3.9 (7)	4.2 (20)	3.0 (69)	2.8 (27)
DS.	12.7 (13)	12.7 (58)	12.0 (3)	11.2 (11)	12.0 (7)	8.3 (21)	10.3 (69)	10.1 (27)
SS:DS.	54.2 (18)	55.8 (60)*	47.1 (5)	46.7 (16)	48.4 (7)	48.1 (19)	43.6 (69)	40.2 (27)
DS:DC.	59.5 (13)	61.1 (58)*	51.0 (3)	49.3 (11)	59.8 (7)	53.8 (12)	49.0 (69)	47.9 (27)
77.	142.5 (26)	139.1 (59)	139.8 (4)	140.1 (17)	142.1 (8)	140.9 (17)	142.2 (72)	142.1 (26)
Zm.	132.4 (22)	128.2 (60)	129.6 (3)	130.2 (17)	131.1 (7)	124.3 (6)	133.4 (65)	135.0 (24)
FC.	5.1 (17)	4.8 (59)	8.2 (3)	5.1 (17)	4.8 (5)	4.7 (10)	-	-
32.	82.7 (17)	82.7 (51)	81.8 (5)	81.9 (15)	83.8 (6)	81.3 (15)	81.4 (72)	79.3 (26)
72.	87.2 (19)	86.8 (54)	86.3 (3)	85.8 (15)	86.8 (6)	86.3 (15)	84.2 (82)	86.5 (27)
74.	77.2 (12)	-	79.3 (3)	76.0 (11)	78.3 (4)	73.8 (5)	77.0 (67)	79.3 (26)
75 (1).	29.1 (15)	29.1 (51)	27.0 (3)	25.8 (15)	25.8 (6)	20.1 (12)	19.4 (68)	20.2 (20)

1. Население кушнаренково-караякуповской культуры, VII - XI вв. (Газимзянов, наст. раб.); 2. Венгры «эпохи обретения Родины», X в. (Акимова, 1968); 3. Гулюковский мог-к (чиаликская культура), втор. пол. XI - нач. XIII вв. (Газимзянов, Волкова, 2017); 4. Такталачукский мог-к (чиаликская культура), XIII - XIV вв. (Газимзянов, 2000); 5. Азметьевский I мог-к (чиаликская культура), XIII - XIV вв. (Газимзянов, 2000); 6. Дербешкинский мог-к (чиаликская культура), XIII - XIV вв. (Газимзянов, 2000); 7. Ханты (восточные, среднеобские), XVIII - XIX вв. (Дремов, Багашев, 1998); 8. Манси (северные), XVIII - XIX вв. (Дебеч, 1951).

УДК 903.53 (571.15)

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭПОНИМНОГО ПАМЯТНИКА СРОСТКИ-I НА АЛТАЕ: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ И НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ¹

© 2018 г. В. В. Горбунов, А. А. Тишкин

Курганный могильник Сrostки-I – один из крупных раннесредневековых некрополей на юге Западной Сибири. Его исследование было начато в 1925 и 1930 гг. краеведом М.Д. Копытовым и археологами М.Н. Комаровой и С.М. Сергеевым, но во многом эти работы носили незавершенный характер. Между тем материалы этого памятника, давшего название одноименной культуре, до сих пор сохраняют свою актуальность для ее изучения. Важность получения более полной информации о погребально-поминальном комплексе обусловлена продолжением раскопок в 2012–2014 и 2016 гг. За это время были полностью исследованы шесть курганов, содержащих 15 могил. Получены новые данные о конструкции рвов вокруг курганов, о расположении могил в ряд, о наличии столбов в их «изголовье», о проведении поминальной тризны возле могил и у насыпи курганов, о сопроводительных и отдельных захоронениях лошадей, об устройстве сложносоставных луков. Найденный инвентарь подтвердил датировку памятника второй половиной IX – первой половиной X в. По выявленным деталям обряда исследованные курганы полностью вписываются в погребальные каноны, выявленные в других памятниках сrostкинской культуры.

Ключевые слова: Алтай, раннее средневековье, Сrostки-I, археологические раскопки, курган, сrostкинская культура.

Курганный могильник Сrostки-I является базовым комплексом периода раннего средневековья на юге Западной Сибири и одним из крупных некрополей на территории Алтайского края. Он расположен на восточной окраине с. Сrostки Бийского района, на правом берегу р. Катунь, в пределах предгорной зоны Бийско-Катунского междуречья. Курганы занимают южный покатый склон горы Пикет.

Первооткрывателем памятника стал сотрудник Бийского музея М.Д. Копытов, вскрывший в 1925 г. 39 объектов (Сергеев, 1998). В том же году раскопки продолжил отряд Алтайской археологической экспедиции Этнографического отдела Русского музея под руководством М.Н. Комаровой (начальник экспедиции – С.И. Руденко). В результате были исследованы еще 11 курганов (Савинов, 1996). Дальнейшие археологические работы на памятнике проводила экспедиция Общества изучения Сибири под руководством С.М. Сергеева, которая раскопала в 1930 г. шесть курганов (Савинов, 1995). Тогда же был составлен план могильника, на котором отмечена 61 земляная насыпь. Всего на памятнике Сrostки-I оказались вскрытыми 56 курганов, но они были изучены не полностью, так как

раскапывалась лишь центральная часть этих объектов (Горбунов, Тишкин, 2014, с. 55).

Материалы из раскопок М.Н. Комаровой и С.М. Сергеева были переданы в Государственный Эрмитаж (коллекции №№4381 и 1285). Они наиболее полно введены в научный оборот Д.Г. Савиновым (1998). Находки, полученные М.Д. Копытовым, хранятся в Бийском краеведческом музее им. В. Бианки (коллекция №849). Из них опубликованы только отдельные вещи (Грязнов, 1930; Киселев, 1949; Могильников, 1981; Худяков, 1981; Савинов, 1984; Горбунов, Кунгуров, Тишкин, 2017; и др.).

Инвентарь, обнаруженный при раскопках Сrostкинского могильника, демонстрировал яркую материальную культуру нового облика, что позволило М.П. Грязнову (1930; 1949; 1951; 1956) выделить группу аналогичных объектов, а затем обозначить ее сrostкинской археологической культурой. Такое наименование сохраняет свое значение по настоящий день, объединяя памятники второй половины VIII–XII в. н.э., исследованные на территории Алтайского края, Новосибирской и Кемеровской областей (Горбунов, 2012, с. 551).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»).

Понимая важность памятника Сростки-I для изучения средневековой археологии, авторы публикации приняли решение возобновить его раскопки, используя современную методику, чтобы получить более полную информацию о погребально-поминальном обряде, собрать материалы для естественно-научных анализов, приостановить негативное природное и антропогенное воздействие на памятник и сделать на нем музеефицированную площадку (Горбунов, Тишкин, 2014; Тишкин, 2014; Горбунов, Кунгуров, Тишкин, 2017; и др.).

Намеченные работы были проведены экспедицией Алтайского государственного университета в 2012–2014 и 2016 г. На разных этапах в них принимали участие археологи Казанского (Приволжского) федерального университета и Института истории им. Марджани АН Республики Татарстан, а также сотрудники Барнаульского юридического института МВД России (Горбунов, Ситдииков, Тишкин, 2013; Горбунов, Тишкин, Казаков и др., 2017). Всего за указанное время исследованы шесть курганов, содержащих 15 могил, и осуществлена тахеометрическая съемка визуально фиксируемых объектов и деталей рельефа (рис. 1). Проведены геофизические изыскания на отдельных участках памятника (Тишкин, Редников, 2017). Курганы раскапывались с учетом полного изучения земляных насыпей и прилегающего к ним пространства. Полученные результаты демонстрируют характерные черты, зафиксированные для погребально-поминальных комплексов сросткинской археологической культуры.

Курган №8 располагался в северо-западной части могильника и представлял собой земляную насыпь размерами 9,7×9 м, высотой до 0,6 м (рис. 1). При снятии надмогильного сооружения найдены кости лошади и лопатка овцы. На уровне материка выявлены два могильных пятна. Могила-1, центральная, размерами 1,42×1,06×0,65 м, была ранее раскопана предшественниками. В заполнении встречена серия предметов: две роговые накладки на тыльную часть рукояти лука и обломок срединной боковой накладки (рис. 2: 4); шесть фрагментов от железных наконечников стрел; две бронзовые кольчатые серьги (рис. 2: 37, 38); фрагменты от двух железных инструментов. Кости человека или животных не найдены. В 2 м к востоку и юго-востоку от могилы выявлены остатки двух деревянных столбов. Верхняя часть одного была сломана, другого обожжена. Могила-2, размерами

1,7×0,67×0,55 м, располагалась к северу от предыдущей. В ней расчищен скелет мужчины, уложенного вытянуто на спину, головой на юго-восток. За черепом зафиксирован рулон бересты. Между ног находились три позвонка овцы. У левой бедренной кости, на листе бересты, лежали роговые накладки на рукоять лука. Еще одна накладка зафиксирована между тазовыми костями (рис. 2: 1). Над левой плечевой костью располагались пять железных наконечников стрел. Еще один наконечник найден между бедренными костями. Под правой тазовой костью обнаружена роговая пряжка (рис. 2: 26), а под правой бедренной костью – железный нож (рис. 2: 16). В 1,75 м к юго-востоку от могилы выявлены остатки деревянного столба со сломанной верхней частью.

Курган №12 располагался в первой цепочке центральной части могильника и имел насыпь размерами 9×8 м, высотой до 0,65 м (рис. 1). При ее снятии надмогильного сооружения и выборки околосурганного пространства найдены кости животных, фрагменты керамики и камни. У северо-восточной полы насыпи расчищен развал сосуда с отогнутым венчиком, украшенный ямками и гребенчатым орнаментом с треугольными зубьями. На уровне материка выявлены три могильных пятна. Могила-1, центральная, размерами 1,98×0,95×1,18 м, была ранее раскопана «колодцем». Под дерном у воронки обнаружен железный наконечник стрелы (рис. 2: 5). В заполнении встречены разбросанные кости человека и лошади, а также несколько вещей: роговая тыльная накладка лука (рис. 2: 2), роговая втулка и железная рамчатая пряжка (рис. 2: 29). В 1,65 м к северо-востоку от могилы зафиксированы остатки деревянного столба со сломанной и обожженной верхней частью. Могила-2, размерами 1,37×0,5×0,56 м, находилась к югу от могилы-1. На ее дне расчищен скелет ребенка, положенного вытянуто на спину, головой на восток. В области шеи найдена бронзовая подвеска (рис. 2: 34), а в изголовье – берестяной туесок с костями овцы. Могила-3, размерами 0,74×0,34×0,12 м, находилась между предыдущими. Она также содержала остатки скелета ребенка, уложенного головой на северо-восток.

Курган №14 располагался во второй цепочке центральной части могильника и представлял насыпь размерами 8×7,3 м, высотой до 0,65 м (рис. 1). После снятия надмогильного сооружения, на уровне материка прослежены два могильных пятна. Могила-1,

центральная, размерами 1,96×0,72×0,66 м, ранее уже раскапывалась. В процессе выборки заполнения обнаружены беспорядочно разбросанные кости взрослого человека, которые концентрировались в юго-восточной части ямы. Могила-2, размерами 1×0,64×0,45 м находилась к югу от могилы-1. На дне расчищен потревоженный грызунами скелет ребенка, уложенного на спину, головой на северо-восток–восток.

Курган №15 располагался в одном ряду с предыдущим объектом (рис. 1). Земляная насыпь была размерами 9,8×7,2 м, высотой до 0,85 м. Вокруг нее прослеживался ров с перемычкой в восточной части. В заполнении рва найдены отдельные кости лошади. На перемычке зафиксировано скопление керамики от плоскодонного сосуда, тулово которого украшено зигзагообразным орнаментом, полученным оттисками и протаскиванием трехзубого гребенчатого штампа. После снятия насыпи зачищены три могильных пятна. Могила-1, центральная, размерами 2,07×1,07×0,67 м, перекрывалась воронкой от предыдущих раскопок. При выборке заполнения встречались отдельные кости взрослого человека. В западной части ямы расчищены кости ног ниже колен, сохранившие первоначальное положение. С внешней стороны берцовых костей левой ноги лежал железный нож. К востоку от могилы обнаружена яма с остатками деревянного обожженного столба. Могила-2, размерами 2,15×0,94×0,28 м, находилась к северу от могилы-1. На дне ямы расчищена «шкура» лошади, от которой остались кости ног ниже запястья и заплюсны и череп. Задние ноги лежали параллельно в восточной части ямы, передние таким же образом в западной части ямы, а на них находился череп. Голова лошади была ориентирована на северо-запад–запад. Могила-3, размерами 2×0,7×0,89 м, располагалась к югу от могилы-1. На дне расчищен скелет человека, уложенного вытянуто на спину, головой на юго-восток–восток. Рядом с левой тазовой костью находилась роговая пряжка (рис. 2: 27), а под ней – железная пряжка (рис. 2: 28). Вдоль пальцев левой руки обнаружен железный нож, а рядом с ним – железное кресало (рис. 2: 13) и кусочек халцедона. Справа от черепа на тонком листе бересты лежал пучок из семи железных наконечников стрел (рис. 2: 6–12). У северной стенки, напротив локтевой и лучевой костей правой руки, обнаружена роговая накладка на лук (рис. 2: 3). Недалеко от нее найден фрагмент рогового изделия, а западнее у той

же стенки – железное тесло (рис. 2: 14). На правой бедренной кости лежало изделие из лопатки лошади. Напротив берцовых костей правой ноги зафиксирован железный напильник (рис. 2: 15).

Курган №16 располагался в третьей цепочке центральной части могильника (рис. 1). Он имел земляную насыпь размерами 10,3×7,8 м, высотой 0,8 м. Вокруг насыпи визуально прослеживался ров с перемычкой с северо-востока–востока. При снятии околоскурганного пространства до материка размеры рва сократились до двух дуг с юга и северо-востока (рис. 1). При выборке рва найдены четыре фрагмента керамики и кость животного. В процессе снятия насыпи обнаружены отдельные фрагменты и скопления керамики, представленные стенками, венчиками и донцами сосудов, часть из которых орнаментирована. Помимо этого зафиксированы кости лошади и лопатка овцы. Под насыпью зачищены четыре могильных пятна. Могила-1, центральная, размерами 2,27×1,5×0,97 м, имела следы старых раскопок. В яме обнаружены разбросанные кости человека и отдельные предметы: фрагменты железных наконечников стрел, мелкие обломки меча, бронзовый наконечник ремня с изображением льва (рис. 2: 31), железные удила с роговым псалием (рис. 2: 22, 23), роговая подпружная пряжка (рис. 2: 24) и три бронзовые бляхи-накладки от узды с орнитоморфным (рис. 2: 20) и растительным (рис. 2: 19, 21) орнаментом. На расстоянии 2,7 м к востоку от могилы выявлены остатки деревянного столба со сломанным верхом и ровно срубленным основанием. Могила-2, размерами 2,15×0,94×0,89 м, находилась к югу от могилы-1. Вдоль северной стенки ямы сохранились остатки поперечного перекрытия из восьми досок. На дне расчищен скелет женщины, лежавшей вытянуто на спине, головой на восток. Слева от черепа зафиксирована бронзовая серьга с отростком (рис. 2: 36), справа под черепом – вторая серьга с насечками на кольце (рис. 2: 35). Вдоль малой берцовой кости лежал железный нож (рис. 2: 17). На расстоянии 2,35 м к востоку от могилы зафиксированы остатки деревянного столба. Его верхняя часть была сломана. Могила-3, размерами 2,05×0,85×0,83 м, находилась к северу от могилы-1. На дне находился скелет женщины, уложенной вытянуто на спине, головой на восток. Под черепом (слева) найдена бронзовая серьга (рис. 2: 39), у левого плеча – позвонки овцы. Напротив локтя левой руки обнаружен железный

нож (рис. 2: 18). Между локтем левой руки и ребрами расчищен бронзовый наконечник ремня с насечками по бортикам (рис. 2: 30). Снаружи у колена правой ноги зафиксирована роговая пряжка (рис. 2: 25). Справа от умершей женщины, находился ребенок, уложенный на левый бок, головой на восток. Могила-4, размерами 0,72×0,55×0,13 м, находилась к северу от могилы-3. На дне могилы расчищен сильно потревоженный скелет ребенка. Возле костей черепа в восточной части могилы обнаружены две стеклянные бусины (рис. 2: 32, 33) желтого и зеленого цвета.

Курган №38 примыкал с севера к предыдущему объекту, частично перекрывая его ров (рис. 1). Он имел земляную насыпь размерами 6,1×5,5 м, высотой 0,22 м. В насыпи найден фрагмент керамики. По центру зачищено пятно неровного абриса. Его южная часть представляла собой яму от предыдущих раскопок. Северная часть, размерами 1,12×0,49×0,32 м, оказалась не тронутым захоронением. Борта и дно ямы были выстланы берестой, сверху местами также сохранилось берестяное покрытие. На дне расчищен скелет ребенка, уложенного на спину, головой на юго-восток–восток. Его ноги были разведены, согнуты в коленях и примыкали друг к другу пятками. У края могилы найден альчик с отверстием для подвешивания.

Полные раскопки курганов позволили изучить не только центральные, но и боковые погребения, находившиеся под насыпями всех крупных объектов. Удалось зафиксиро-

вать сопроводительные конструкции в виде рвов и деревянных столбов, а также следы поминальных действий. По всем выявленным деталям обряда (планиграфия могил, способ погребения, положение и ориентация умершего, традиция сооружения рвов и «изголовных» столбов) исследованные курганы вписываются в погребальные каноны населения сrostкинской культуры (Горбунов, 2012, с. 552).

Вещественные материалы, найденные на могильнике Сrostки-I в результате новейших раскопок, вполне соответствуют таковым из более ранних работ (Савинов, 1998, рис. 1–9). Отдельные обнаруженные предметы (тыльные накладки на лук (рис. 2: 1–4), однолопастные наконечники стрел (рис. 2: 5, 9), бляхи и наконечник ремня с растительным и зооморфным орнаментом (рис. 2: 19–21, 31), псалий с раздвоенным окончанием (рис. 2: 23), пряжка с сердцевидной рамкой (рис. 2: 27)) появились не раньше середины IX в. Верхняя граница памятника определяется по тыльным крайним накладкам на лук (рис. 2: 2, 3), которые пока не известны в сrostкинских комплексах позднее середины X в. (Горбунов, Тишкин, 2016, с. 16–17). Эти данные позволяют отнести известный археологический комплекс Сrostки-I к грязновскому этапу сrostкинской культуры второй половины IX – первой половины X в. (Горбунов, 2012, с. 551–552). Продемонстрированные материалы подтверждают его базовый характер при изучении раннего средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

Горбунов В.В. Сrostкинская археологическая культура: итоги и перспективы изучения // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн. 2. / Под ред. В. А. Алёхина и др. СПб. : ИИМК РАН, Периферия, 2012. С. 549–554.

Горбунов В.В., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Детали рукояти и ножен меча из могильника Сrostки-I (по материалам раскопок М.Д. Копытова в предгорьях Алтая) // III Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западом: движение культур, технологий и империй / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдииков. Владивосток : Дальнаука, 2017. С. 100–104.

Горбунов В.В., Ситдииков А.Г., Тишкин А.А. Новые результаты изучения курганного могильника Сrostки-I в Бийском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XVIII–XIX / Отв. ред. Г.А. Кубрина, В.П. Семибратов. Барнаул : АЗБУКА, 2013. С. 102–107.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганный могильник Сrostки-I: история изучения и современные исследования // Известия Алтайского государственного университета. История. Политология. 2014. №4/2 (84). С. 54–67 DOI: 10.14258/izvasu(2014)4.2-07.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Накладки сложносоставных луков из могильника Сrostки-I (материалы раскопок 2012–2014 и 2016 гг.) // Теория и практика археологических исследований. 2016. №3 (15). С. 7–19 DOI: 10.14258/tpai(2016)3(15).-01.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Казаков А.А., Серегин Н.Н., Матренин С.С., Григоров Е.В. Результаты археологических раскопок на курганном могильнике Сrostки-I в 2016 г. // Традиционная народная

культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений / Под ред. Ю.В. Анохина. Барнаул : БЮИ МВД России, 2017. С. 230–232.

Грязнов М.П. Древние культуры Алтая / Материалы по изучению Сибири. Вып. 2. Новосибирск : Советская Сибирь, 1930. 11 с.

Грязнов М.П. Раскопки Алтайской экспедиции на Ближних Елбанах // КСИИМК. 1949. Вып. XXVI. С. 110–119.

Грязнов М.П. Археологические исследования территории одного древне-го поселка (Раскопки Северо-Алтайской экспедиции в 1949 г.). // КСИ-ИМК. 1951. Вып. XL. С. 105–113.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка / МИА. №48. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. 163 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири / МИА. №9. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. 364 с.

Могильников В.А. Сросткинская культура // Степи Евразии в эпоху сред-невековья / Археология СССР. Т. I. / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 45–46.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. 175 с.

Савинов Д.Г. Погребения Сросткинского могильника (дневник раскопок С.М. Сергеева 1930 г.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V, ч. II / Отв. ред. А.П. Уманский. Барнаул: ЛИК БГПУ, 1995. С. 166–171.

Савинов Д.Г. Погребения Сросткинского могильника (по материалам рас-копок Н.М. Комаровой, 1925 г.) // Археология, антропология и этногра-фия Сибири / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 192–206.

Савинов Д.Г. Сросткинский могильник (раскопки Н.М. Комаровой в 1925 г. и С.М. Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая. 1998. №3. С. 175–190.

Сергеев С.М. Курганные погребения близ с. Сростки Бийского округа. Краткая характеристика // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.Б. Шамшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 187–190.

Тишкин А.А. О необходимости музеефикации курганной группы Сростки-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XX / Отв. ред. А.А. Тишкин, В.П. Семибратов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 272–278.

Тишкин А.А., Редников А.А. Магнитометрические исследования на терри-тории Алтайского края // Археология и геоинформатика / Отв. ред. В.И. Гуляев, Д.С. Коробов. М. : ИА РАН, 2017. С. 52–53.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников приалтайских степей в IX–X вв. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск : Наука, 1981. С. 115–132.

Информация об авторах:

Горбунов Вадим Владимирович, доктор исторических наук, доцент, Алтайский государственный университет, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии, (г. Барнаул, Россия); gorbunov@hist.asu.ru

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии, г.н.с. Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая, (Барнаул, Россия); tishkin210@mail.ru

RESULTS OF A STUDY OF SROSTKY I SITE IN THE ALTAI: RETURN TO THE ORIGINS AND NEW MATERIALS²

V.V. Gorbunov, A.A. Tishkin

Srostki-I burial mound is one of the large early medieval necropolises located in the south of Western Siberia. Its study was started in 1925 and 1930 by the local historian M.D. Kopytov and archaeologists M.N. Komarova and S.M. Sergeev, but the works were in many ways incomplete. Meanwhile, the materials of this site, which gave its name to the culture, still remain relevant for its study. The importance of obtaining more complete information on the funeral and memorial complex is accounted for by the continuation of excavations in 2012-2014 and 2016. A total of six burial mounds containing 15 graves were thoroughly studied during this period. New data has been obtained on the design of ditches encircling the barrows, arrangement of the graves in a row, and presence of pillars at their “heads”, funeral feast ceremony held near the graves and burial mounds, accompanying and individual horse burials, and the structure of composite bows. The discovered inventory confirmed the dating of the site the second half of 9th - the first half of 10th century. According to the revealed details of the ritual, the studied barrows fully correspond to funeral canons discovered on the basis of other monuments of Srostinskaya culture.

Keywords: Altai, Early Middle Ages, Srostki-I, archaeological excavations, barrow, Srostkinskaya culture

About the Authors:

Gorbunov Vadim V. Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor, Altai State University, Lenin Ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; gorbunov@hist.asu.ru

Tishkin Alexey A. Doctor of Historical Sciences, Professor, Altai State University, Lenin Ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; tishkin210@mail.ru

² The work was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation (Project No. 16-18-10033 “Establishment and evolution of the utility systems of nomadic societies from the Altai and the neighboring territories in late antiquity and the medieval period: comprehensive reconstruction”).

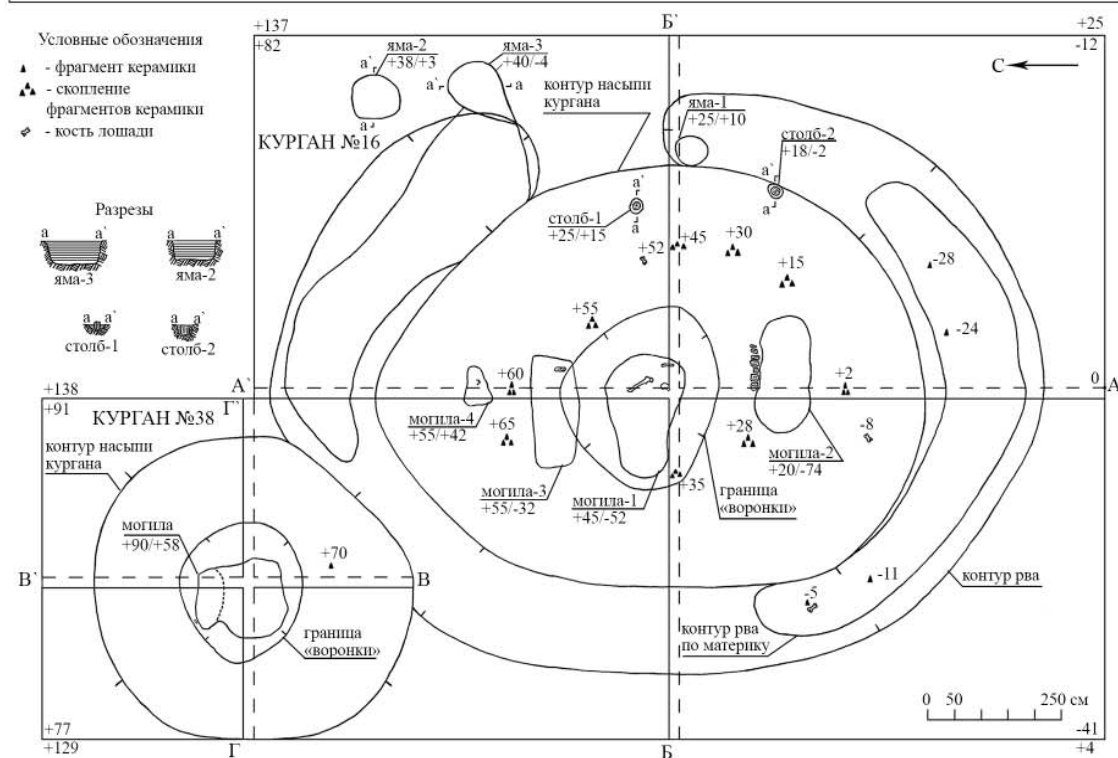
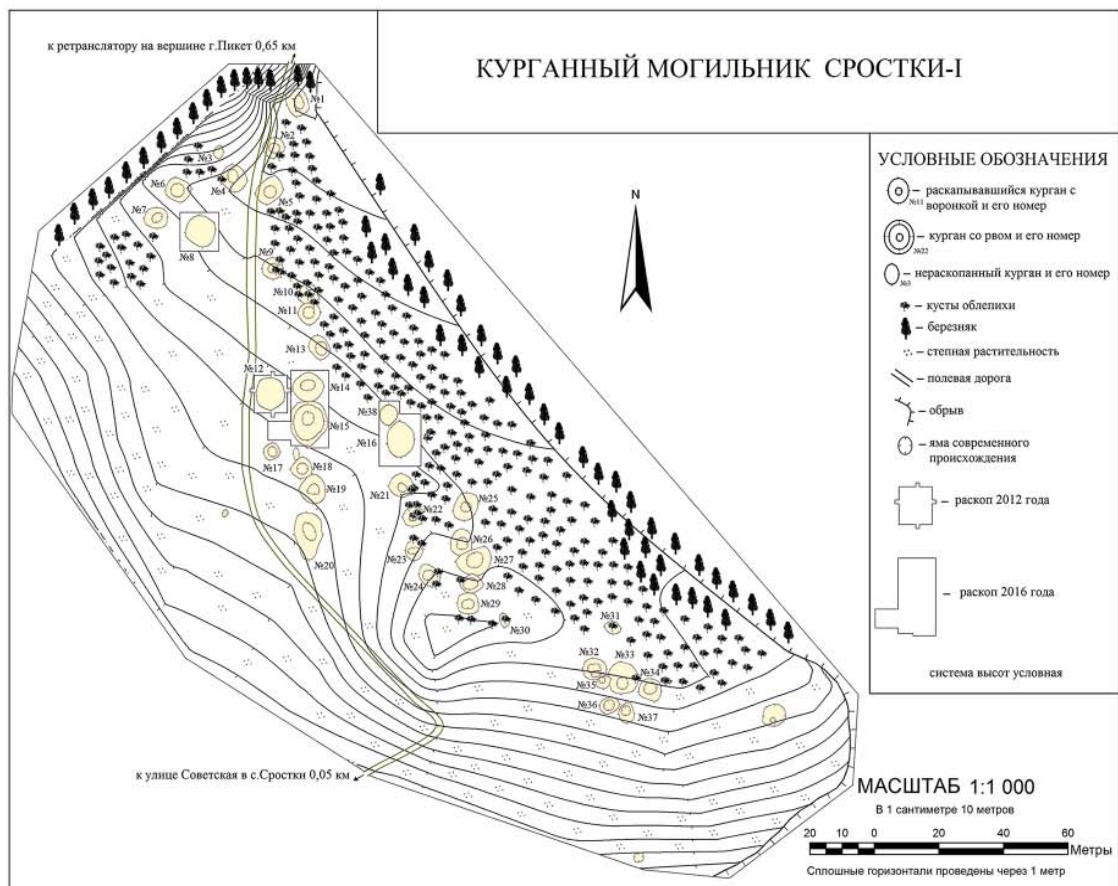

Рис. 1. Курганный могильник Сrostки-I. План памятника (тахеометрическая съемка) и результаты раскопок курганов №16 и 38

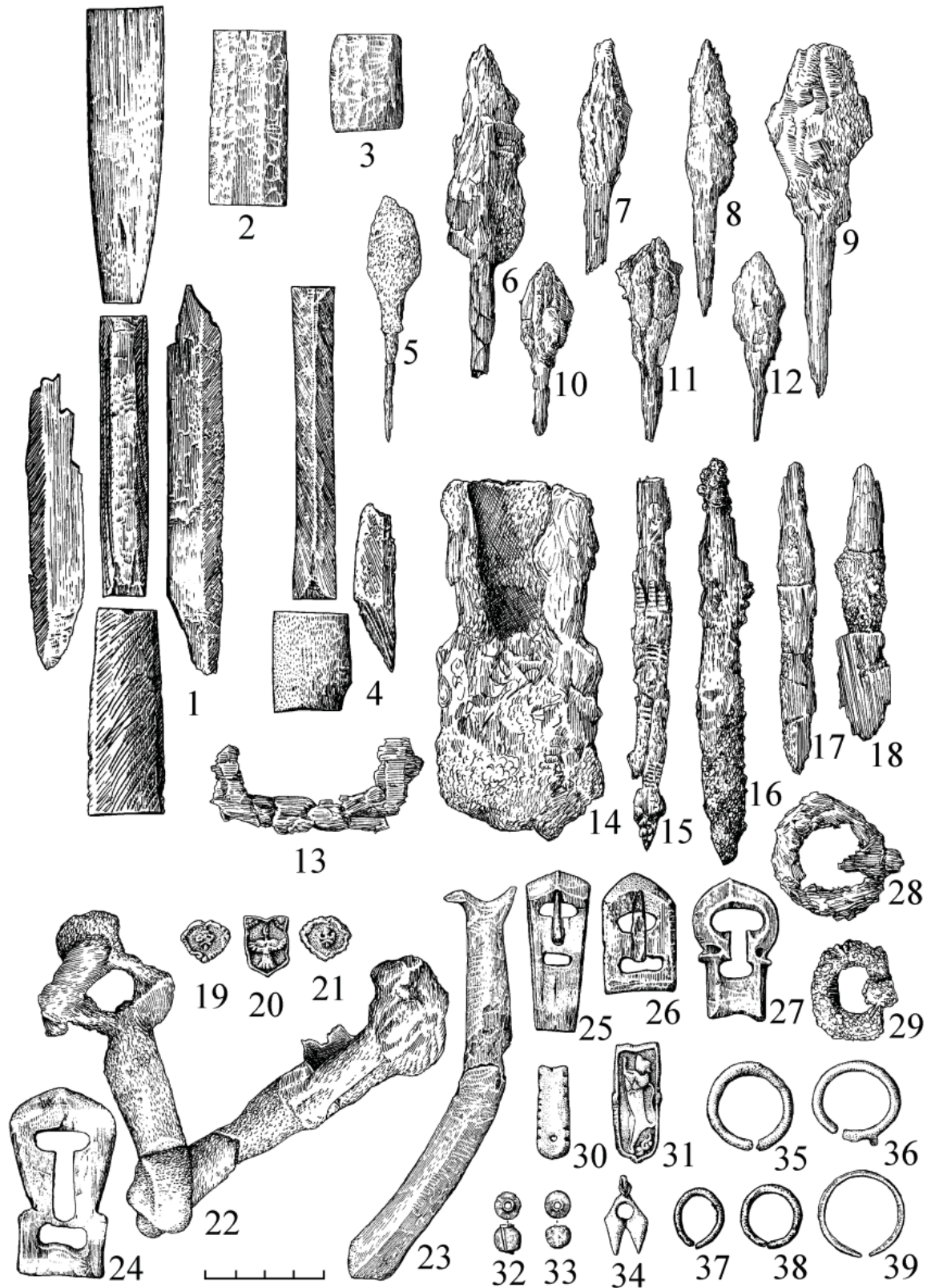

Рис. 2. Инвентарь могильника Сростки-I. 1-4 – накладки на сложносоставные луки; 5-12 – наконечники стрел; 13 – кресало; 14 – тесло; 15 – напильник; 16-18 – ножи; 19-21 – уздечные бляхи-накладки; 22 – удила; 23 – псалий; 24 – подпружная пряжка; 25-29 – поясные пряжки; 30-31 – наконечники ремней; 32-33 – бусы; 34 – подвеска; 35-39 – серьги. 1-4, 5-18, 22, 28-29 – железо; 19-21, 30-31, 35-39 – бронза; 23-27 – рог; 32-33 – стекло

УДК 903.53 (571.15)

«ЭЛИТНЫЕ» КУРГАНЫ СРОСТКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ РУБЕЖА I/II ТЫС. Н. Э. НА ПРИОБСКОМ ПЛАТО¹

© 2018 г. В.В. Горбунов, А.А. Тишкин

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. экспедициями Алтайского государственного университета проводились планомерные исследования памятников сrostкинской культуры на Приобском плато (левобережье Оби). В результате были открыты и полностью изучены девять новых погребальных комплексов раннего средневековья, содержащих 32 погребения. Особое значение среди них представляют крупные (до 30 м в диаметре) земляные курганы, обнесенные рвами, на памятниках Грань, Поповская Дача и Филин-I. В центре этих объектов находились большие ямы с захоронениями людей и лошадей. Найденный инвентарь, несмотря на ограбление, представлен большим числом предметов материальной культуры, среди которых такие престижные изделия, как мечи, копья, металлическая посуда, украшения с использованием золота и серебра. Исследованные курганы сооружались в течение второй половины X – первой четверти XI в. На этот период приходится расцвет сrostкинской культуры, что выразилось в расширении ее ареала за счет северных и восточных земель. Видимо, открытые на Приобском плато «элитные» погребальные комплексы маркируют собой социально-политический центр сrostкинского объединения. Изучение результатов раскопок крупных погребальных объектов в Верхнем Приобье обеспечит информацией дальнейшие этнокультурные реконструкции.

Ключевые слова: Верхнее Приобье, Приобское плато, раннее средневековье, курган, сrostкинская культура, престижные изделия.

Приобское плато (левобережье Верхней Оби) в конце раннего и в начале развитого Средневековья являлось центром территории сrostкинской общности. Планомерные исследования памятников, предпринятые там экспедициями Алтайского государственного университета в период с 1997 по 2004 г., позволили выявить и исследовать девять новых погребально-поминальных комплексов, на которых были раскопаны 17 курганов, содержащих 31 могилу и одно грунтовое погребение. Среди них своими крупными размерами, сложностью конструкций и «богатством» инвентаря выделялись объекты на памятниках Филин-I, Грань и Поповская Дача. Краткая информация о них уже публиковалась авторами (Горбунов, Тишкин, 1999, с. 137, рис. 1–2; Тишкин, Горбунов, 2000, с. 407–409, рис. 1–2; Горбунов, Тишкин, 2001, с. 281, 285–286, рис. 1–2). В настоящей работе более подробно остановимся на результатах раскопок, датировке и интерпретации указанных памятников.

Курганный комплекс Филин-I располагалась на водораздельной террасе правого берега р. Чесноковки и оз. Филин, в 7 км к югу

от с. Новообинцево Шелаболихинского района Алтайского края. Она состояла из двух объектов, образующих цепочку по линии ЮЮВ–ССЗ. Оба кургана исследованы.

Курган №1 имел земляную насыпь размерами 28×25 м, высотой до 0,6 м. По ее периметру зафиксирован ров овальной формы (шириной до 1,5 м, глубиной до 1 м), в северо-восточной части которого была выявлена материковая перемычка. По сторонам от нее найдены отдельные кости, четыре нижних челюсти и два черепа лошади. При снятии насыпи в северо-восточном секторе зафиксированы три небольших скопления кальцинированных костей. В центре кургана выявлено могильное пятно с остатками продольного перекрытия из бревен (рис. 1).

Деревянная конструкция и половина могильной ямы оказались разрушены распашкой, а также современными «бугровщиками». Изначально на перекрытии находились скелеты двух лошадей, которые были ориентированы головами в противоположные стороны (на северо-восток и на юго-запад). При зачистке там найдены предметы конской амуниции: пять блях и два наконечника из бронзы от

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»)

узды, фрагмент кожаного уздечного ремня, обломки железных стремян и удила с псалиями. Еще 14 уздечных блях, три наконечника, налобная бляха, целые удила с псалиями и два стремени из данного объекта были получены от местных жителей (Горбунов, Тишкин, 1999, рис. 1: 1–11, 2: 1–3; Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009, с. 60–63).

Могильная яма состояла из двух камер, разделенных материковой перемышкой. Северная, размерами 2,5×0,8×0,65 м, оказалась нетронутой. В ней находился скелет взрослого мужчины, уложенного вытянуто на спину, головой на северо-восток. Умерший был помещен в конструкцию из тонких досок, образовавших стенки и пол. В ногах у него располагался железный казан и крестец крупного животного. Поверх левой руки лежал железный меч в деревянных ножнах, обклеенных берестой и снабженных железными кольцами с пробоями и обоймой. Рядом с мечом зафиксированы бронзовые пряжка и тренчик, а также железная фигурная накладка от португальского ремня, а под ней – железный нож. На правой половине скелета зачищен берестяной колчан с семью железными наконечниками стрел. С внешней стороны правой руки найден еще один железный нож. На тазовых костях располагались два комплекта железной гарнитуры от поясов. Один состоял из пряжки, четырех блях, наконечника и двух железных крюков на кольцах, а другой – из пряжки и наконечника. За головой погребенного обнаружены позвонки и ребро животного, а также крупный фрагмент кожи. Южная камера, размерами 2,3×1,4×0,85 м, оказалась разграбленной. На дне зафиксированы остатки рамы из брусьев. В заполнении попадались кости от взрослого человека и ребенка, найден черен железного ножа. В могиле также обнаружены клинок ножа и развал железного казана.

Курган №2 состоял из земляной насыпи размерами 27,5×25 м, высотой до 0,5 м. По периметру исследован ров овальной формы (шириной до 1,8 м, глубиной до 0,9 м) с материковой перемышкой в северо-восточном секторе. В его заполнении найдены кости лошади и овцы, большая часть которых концентрировалась у перемышки. В центре кургана зачищено могильное пятно с продольным перекрытием из бревен, разрушенным при ограблении. К северо-востоку от могилы, на расстоянии 5,7 м, обнаружены остатки столба в яме. Он представлял собой обтесанный ствол дерева с облупленной верхней частью.

Могильная яма имела размеры 2,6×1,24×0,86 м. На перекрытии и рядом с ним зафиксированы кости лошади, две бронзовые пряжки и налобная бляха от узды. Судя по концентрации костей черепа, лошадь лежала головой на юго-запад. Дно могилы было выстлано продольными горбылями. В заполнении находились кости взрослого человека. Исходя из положения черепа, он был ориентирован головой на северо-восток. Из инвентаря найдены три железных предмета: штифт от седла и два кольца в петлях-пробоях от ножен меча.

Одинокый курган Грань находился на террасе правого берега р. Алей, в 4 км к северо-востоку от с. Безголосово, на границе Алейского и Топчихинского районов Алтайского края. Он представлял собой земляную насыпь размерами 30×27 м, высотой до 0,7 м. По периметру надмогильного сооружения выявлен ров овальной формы, шириной до 1,3 м, глубиной до 1 м. Во рву найдены отдельные кости животных и две нижние челюсти лошади. При снятии насыпи обнаружены кости животных и два точильных камня. Своеобразный шлейф из костей и зубов лошади зафиксирован в северо-восточном секторе. В восточной части кургана зачищено скопление кальцинированных костей мощностью до 15 см. В центре кургана выявлено могильное пятно с продольным перекрытием из бревен, разрушенным при ограблении. К северо-востоку от могилы, на расстоянии 4,8 м, располагалась яма с поваленным столбом (длиной 3 м, диаметром 0,3 м) из обтесанного ствола дерева, изначально стоявшим вертикально, а затем сломанным до сооружения насыпи (рис. 2).

Размеры могильной ямы составили такие параметры: 3,32×1,97×1,32 м. В юго-западной части могилы находились скелеты двух лошадей, которые первоначально, видимо, лежали на перекрытие, с ориентацией головами в разные стороны (на северо-восток и на юго-запад). В заполнении встречены кости мужчины (20–25 лет) и верхового коня. Судя по положению шейных и хвостовых позвонков, животное было уложено слева от человека, головой на северо-восток. На дне могилы сохранились остатки сооружения в виде деревянной рамы, с двойными длинными стенками. Крайние из них оковывались обоймами из серебряной фольги. Рама устанавливалась на пол из продольных досок. На разной глубине найдены железные вещи: обломок меча, наконечники стрел, сломанные удила и псалии,

подпружная пряжка, предметы из позолоченной бронзы (бляха от пояса, бляхи и наконечники от узды), а также бронзовая поясная пряжка и остатки уздечных кожаных ремней (Тишкин, Горбунов, 2000, рис. 2: 2–12), фрагменты золотой фольги, и кусок конского черепа с бронзовым окислом от налобной бляхи. Возле северного угла могилы, под обвалившимся перекрытием, на раме, лежал железный наконечник копья (Тишкин, Горбунов, 2000, рис. 2: 1), видимо помещенный в изголовье человека.

Одиночный курган Поповская Дача находился на террасе правого берега р. Алей, в 3 км к северо-востоку от с. Безголовово Алейского района Алтайского края. Он имел земляную насыпь размерами 30×25 м, высотой до 0,8 м. По ее периметру исследован ров овальной формы, шириной до 1,7 м, глубиной до 0,9 м. Самая узкая часть рва, с вогнутой внешней стороной, находилась на северо-востоке. При выборке заполнения рва обнаружены кости лошади и овцы, в том числе 13 нижних челюстей и пять черепов, большая часть которых находилась в восточной части. При снятии насыпи зафиксированы отдельные кости животных и их скопление в северо-восточном секторе, рядом с которым были два скопления кальцинированных костей. Под насыпью выявлены пять могил, четыре из которых располагались в ряд. К северо-востоку от могилы-4, на расстоянии 4–4,9 м, расчищен ряд из пяти деревянных столбов в ямах, с обломанной верхней частью. Севернее, почти у рва, лежал поваленный столб длиной 2,45 м, вероятно отброшенный туда при поломке установленных столбов перед возведением насыпи.

Могилы-1, размерами 1,85×0,92×1,18 м, являлась самой южной. В яме расчищена конструкция из двухвенцовой рамы с продольным перекрытием из горбылей. На дне было установлено цельнодеревянное ложе, дополнительно перекрытое рядом из четырех досок. В ложе находился скелет подростка, уложенного вытянуто на спину, головой на северо-восток–восток. На лицевой части черепа зафиксирован кусок шелковой ткани, расшитый мехом, золотой и серебряной фольгой (Горбунов, Тишкин, 2001, рис. 2). Справа от него обнаружены еще два кусочка ткани без отделки. У височных костей найдены две бронзовые позолоченные серьги. У левой плечевой кости лежал фрагмент зеркала, у правой – двухсоставная застежка. Еще две половинки от разных застежек найдены

на раме и ее перекрытии (Горбунов, Тишкин, 2001, рис. 1: 20–25). У левых берцовых костей находился нож. За черепом, обнаружено небольшое скопление кедровых орехов. Слева от ложа, находился скелет второго ребенка, уложенного вытянуто на спину, головой на северо-восток. В его ногах расчищено по семь позвонков овцы и коровы в сочленении.

Могилы-2, размерами 2,52×1,5×1,35 м, располагалась к северу от могилы-1. Она была ограблена в древности. В грабительском перекопе зафиксировано скопление костей собаки, а ближе к дну обнаружены разрозненные кости взрослого человека. Первоначальное положение сохранили малая берцовая кость и стопа правой ноги. Судя по ним погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. Из находок отметим два фрагмента от железного ножа.

Могилы-3 располагалась между могилами 1 и 2 с заметным смещением к востоку. Погребение обнаружено на уровне древнего гумусированного слоя. Там расчищены кости ребенка, представленные фрагментом черепа и плечевой костью.

Могилы-4 находилась в центре кургана. Конструкция погребения состояла из продольного бревенчатого перекрытия и двухкамерной ямы, разделенной материковой перемычкой. Перекрытие над северной камерой оказалось разрушено грабительским шурфом. Над южной оно сохранилось полностью. Южная камера, размерами 2,3×0,86×0,53 м, содержала скелеты двух лошадей, уложенных вытянуто на животе, с подогнутыми ногами, головами на северо-восток. Северная камера, размерами 3,6×2,18×1,4 м, имела конструкцию из рамы, сделанной из брусков, установленной на дощатый пол и перекрытой поперечным рядом досок. В заполнении камеры обнаружены перемешанные кости двух взрослых людей и одного ребенка. Первоначальное положение на полу сохранили большая и малая берцовые кости ноги взрослого человека. Судя по ним, умерший лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток. Обнаружено много вещей из железа: обломки двух мечей, два кольца с пробоями и обойма от ножен, пять наконечников стрел, нож, налобная бляха, трубка султанчика, распределители ремней с зажимами, обломки колец, пластина-накладка от луки седла, удила с псалиями, обломки еще двух псалиев и четырех стремян. Также найдены бронзовые и позолоченные поясные бляхи и наконечники, пластины из серебряной фольги и гвоздики к ним, мелкие кусочки

золотой фольги, костяная накладка на колчан (Горбунов, Тишкин, 2001, рис. 1: 1–19).

Могила-5, размерами 1,36×0,69×0,6 м, располагалась севернее могилы-4. В юго-восточной стенке ямы имелся подбой, перегородженный двухярусной клетью из бревен и плах. В подбое расчищен скелет ребенка, уложенного вытянуто на спину, головой на северо-восток. Вдоль его правой плечевой кости находился крестец и позвонки овцы в сочленении.

Предметный комплекс исследованных курганов находит многочисленные аналогии среди памятников сросткинской культуры и в целом характерен для периода 2-й половины IX – 1-й половины XI в. (Грязнов, 1951, рис. 30; 1956, табл. LIII–LVI; Савинов, 1984, табл. VII; 1994, табл. XII–XIV; Неверов, 1985, рис. 2; 1992, рис. 3–4; 1998, рис. 5–8; Могильников, 2002, рис. 217–218). Однако наличие таких изделий, как крупные налобные бляхи, султанчик с длинной втулкой, наконечники ремней килевидной формы, двусоставные застежки, поясные крюки на кольцах позволяет отодвинуть его нижнюю границу до середины X в. (Могильников, Неверов, Уманский, Шемякина, 1980, с. 126; Кызласов, 1983, с. 30–31; Неверов, 1990, с. 115; Адамов, 2000, с. 57–58) и отнести публикуемые объекты к шадринцевскому этапу сросткинской культуры (Горбунов, 2012, с. 553).

По основным деталям погребального обряда (ингумация, сопроводительное захо-

ронение лошади, надмогильные перекрытия, рядное расположение могил, столбы в их «изголовье», наличие рвов) исследованные курганы соответствуют другим памятникам сросткинской культуры (Горбунов, 2012, с. 552). Однако они значительно превосходят их по размерам насыпей и рвов, столбов, могильных ям и перекрытий, сложности внутримогильных конструкций. Признаками «элитности» этих курганов, несмотря на ограбление, выступает и большое число вещей, среди которых такие престижные предметы, как мечи, копья, металлическая посуда, использование золота и серебра в украшениях, одежде и отделке погребальной камеры. Курган Поповская Дача был возведен после сооружения нескольких могил, а курганы Грани и Филина-I – только для одной могилы. Видимо, самым «элитным» являлся курган Грань, сооруженный для одного человека, которого сопровождали сразу три лошади.

Наличие так называемых элитных курганов сросткинской культуры на Приобском плато, на наш взгляд, маркирует своеобразный политический центр данной общности. То, что все они возведены на шадринцевском этапе (2-я половина X – 1-я половина XI в.), совпадает с расцветом сросткинского объединения и его территориальным ростом, которому способствовала благоприятная внешнеполитическая обстановка (Горбунов, 2012, с. 551, 553).

ЛИТЕРАТУРА

- Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. 256 с.
- Горбунов В.В. Сросткинская археологическая культура: итоги и перспективы изучения // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы конференции, посвященной 110-летию со дня рождения доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки РСФСР, лауреата Государственной премии СССР, члена-корреспондента Германского Археологического института М. П. Грязнова. Кн. 2. Спб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. С. 549–554.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганный могильник сросткинской культуры Филин-I – аварийный памятник археологии // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. X / Отв. ред. Ю.Ф. Киришин, Л.А. Никитина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 137–141.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Продолжение исследований курганов сросткинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VII / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. С. 281–287.
- Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов. Барнаул: Азбука, 2009. 144 с.
- Грязнов М.П. Археологические исследования территории одного древнего поселка (Раскопки Северо-алтайской экспедиции в 1949 г.). // КСИИМК. 1951. Вып. XL. С. 105–113.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка / МИА. № 48. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 163 с.
- Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. / САИ. Е3-18 М.: Наука, 1983. 128 с.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI ве-ках. М.: Наука, 2002. 362.

Могильников В.А., Неверов С.В., Уманский А.П., Шемякина А.С. Курганы у деревни Грязново // Древняя история Алтая / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1980. С. 106–130.

Неверов С.В. Костяные пряжки сrostкинской культуры (VIII–X вв. н.э.) // Алтай в эпоху камня и раннего металла / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 192–206.

Неверов С.В. Курганы конца I тыс. н.э. могильника Рогозиха-1 на Ал-тае // Охрана и использование археологических памятников Алтая / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. С. 112–116.

Неверов С.В. Удила второй половины I-го тыс. н.э. Верхнего Приобья (классификация и типология) // Вопросы археологии Алтая и Западной Си-бири эпохи металла / Отв. ред. А.П. Уманский. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1992. С. 141–154.

Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VII–X вв. // Снаряжение верхо-вого коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул, Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 129–151.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. 175 с.

Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Си-бири в эпоху раннего средне-вековья. Кемерово: Кемеровский госуниверси-тет, 1994. 215 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Результаты исследования курганов сrostкин-ской культуры на Приоб-ском Плато // Проблемы археологии, этногра-фии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VI / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. С. 405–410.

Информация об авторах:

Горбунов Вадим Владимирович, доктор исторических наук, доцент, Алтайский государствен-ный университет, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии, (г. Барнаул, Россия); gorbunov@hist.asu.ru

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии, г.н.с. Лаборатории междис-циплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая, (Барнаул, Россия); tishkin210@mail.ru

"ELITE" BURIAL MOUNDS OF THE SROSTKINSKAYA CULTURE OF THE 1ST – 2ND MILLENNIUM AD ON THE OB PLATEAU²

V.V. Gorbunov, A.A. Tishkin

In the late 1990s - early 2000s the expeditions of Altai State University conducted systematic studies of the sites of Srostkinskaya culture on the Priobskoe Plateau (on the left bank of the Ob). As a result, nine new burial complexes of the early Middle Ages containing 32 burials were discovered and thoroughly studied. Of particular importance among the findings are large (up to 30 m in diameter) earth mounds surrounded by moats located at Gran, Popovskaya Dacha and Filin-I sites. In the centers of these objects were large pits with human and horse burials. The discovered inventory, despite the looting, is represented by a large number of items of material culture including such prestigious articles as swords, spears, metal dishes, golden and silver adornments. The investigated barrows were made during the second half of 9th - the first quarter of 11th centuries. This period corresponds to the golden age of Srostkinskaya culture, which is reflected in the expansion of its territory due to the newly acquired northern and eastern lands. Apparently, the "elite" funerary complexes discovered on the Priobskoe Plateau indicate the social and political center of the Srostkinskaya community. A study of excavations of large funerary sites in the Upper Ob region will provide information for further ethno-cultural reconstructions.

Keywords: Upper Ob region, Priobskoe plateau, earlier Middle Ages, barrow, Srostkinskaya culture, prestigious items

About the Authors:

Gorbunov Vadim V. Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor, Altai State University, Lenin Ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; gorbunov@hist.asu.ru

Tishkin Alexey A. Doctor of Historical Sciences, Professor, Altai State University, Lenin Ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; tishkin210@mail.ru

² The work was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation (Project No. 16-18-10033 "Establishment and evolution of the utility systems of nomadic societies from the Altai and the neighboring territories in late antiquity and the medieval period: comprehensive reconstruction").

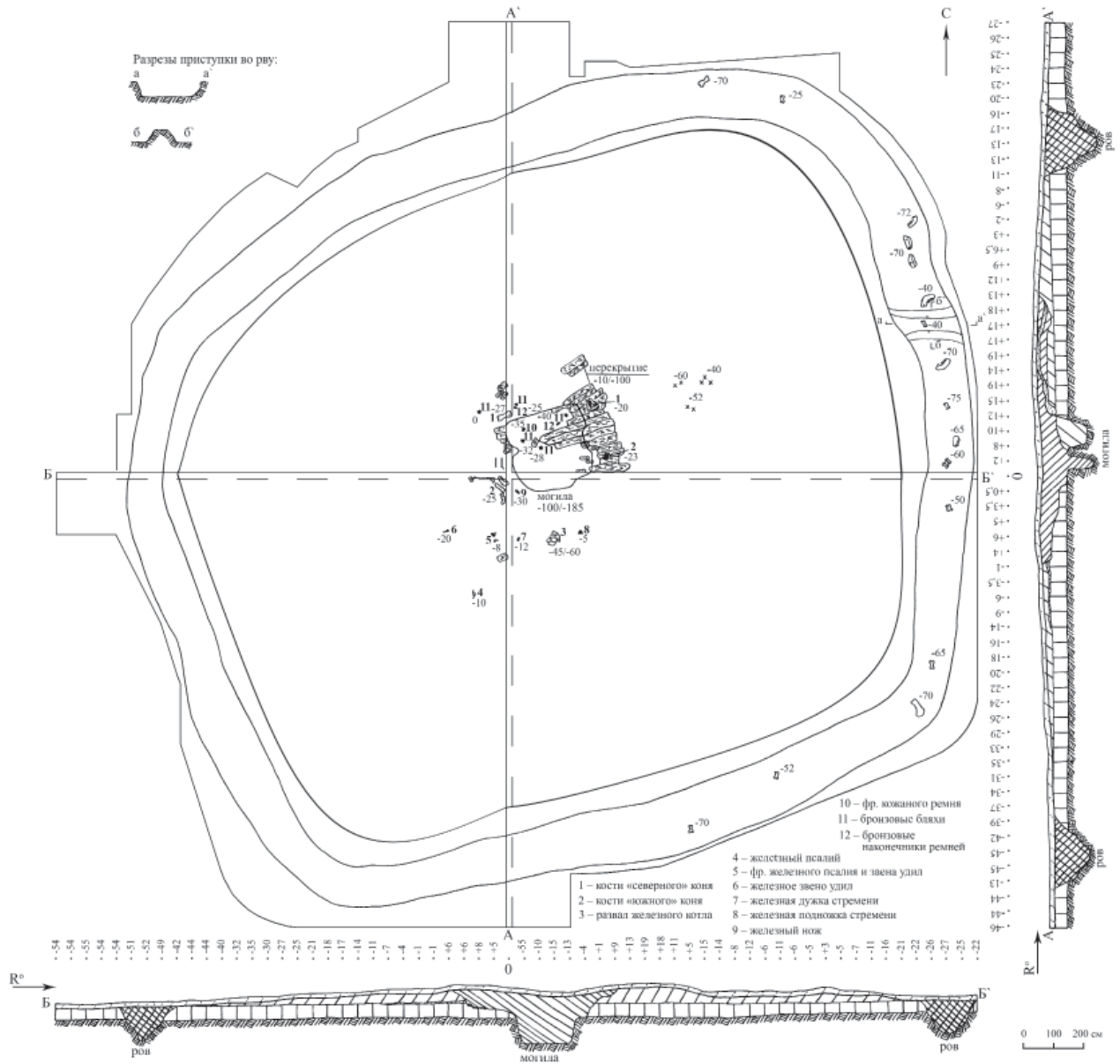

Рис. 1. Курганный могильник Филин-I, курган №1. План раскопа

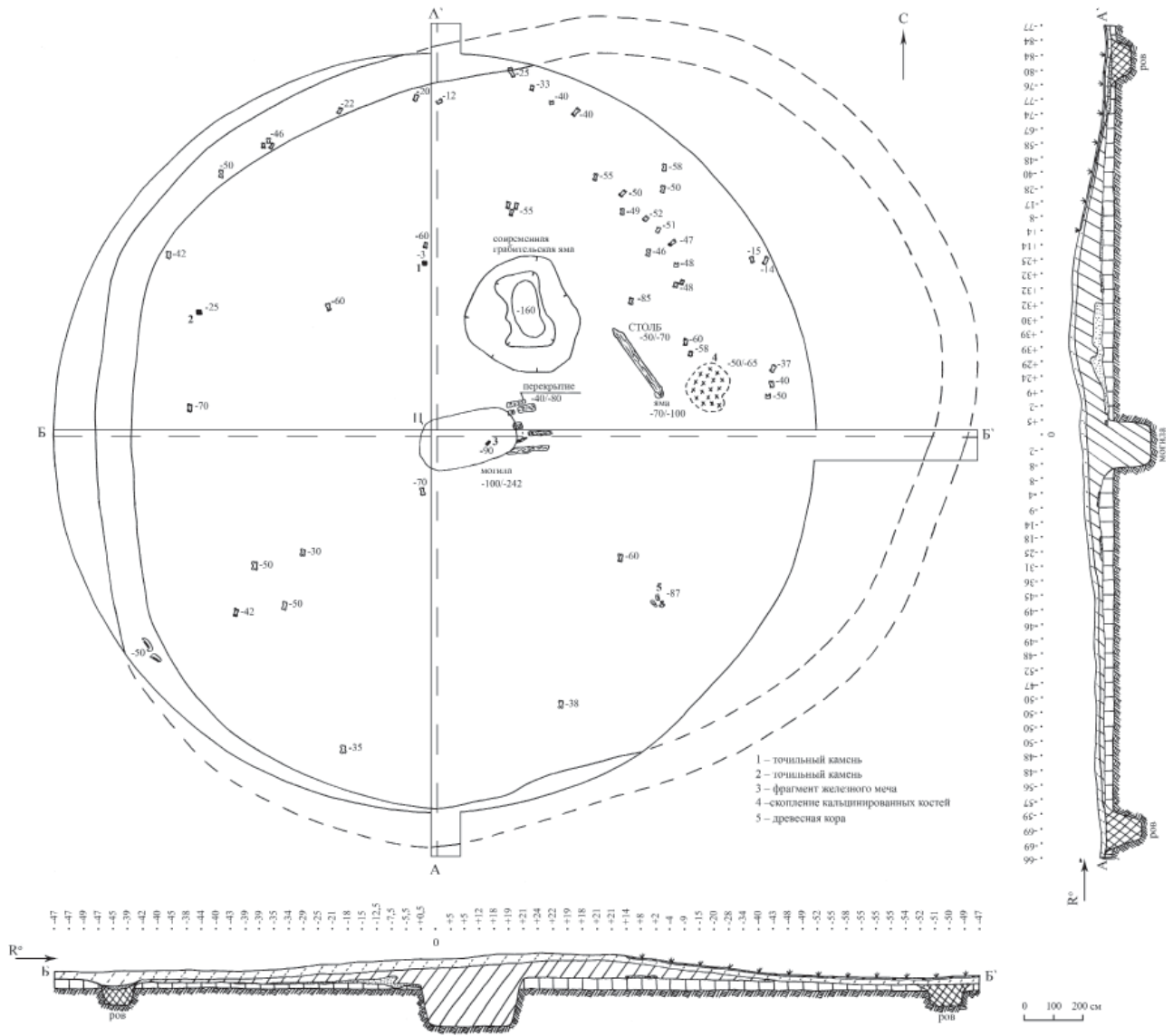

Рис. 2. Одиночный курган Грань. План раскопа

УДК 902/904

ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ МОГИЛЬНИКА УЕЛГИ¹

© 2018 г. И.В. Грудочко, С.Р. Газизова, А.В. Парунин

В работе приводятся результаты изучения глазури и керамического теста на предмет рецептуры. Проведена корреляция между выявленными химическими характеристиками глазури и керамического теста и стратиграфической позицией археологических находок в напластованиях и объектах Билярского городища из раскопа XLIV. Фактически авторами проведено второе, с 1986 года, исследование химического состава монокромной поливной посуды, происхождение которой связывается исследователями с местным керамическим производством средневекового Биляра.

Ключевые слова: археология, средневековье, Билярское городище, поливная керамика, химический анализ.

Курганный могильник Уелги находится в Челябинской области (Кунашакский район) в 8 км к северо-западу от поселка Кунашак. Памятник занимает группу останцов межозёрной террасы озёр Сайгерлы и Уелги. Большинство сооружений могильника сосредоточена на двух наиболее выдающихся возвышенностях (рис. 1). За время исследований могильника Уелги (2010-2018 гг.) было раскопано 19 курганов и более 100 погребений. Категории находок включают ременные и другие украшения – из цветного и благородного металлов, предметы конской упряжи, вооружение, керамика. Подавляющее количество находок, как и остатки ритуальных действий (кости животных, угли, дерево) залежали в верхних слоях, как свидетельство неоднократных ограблений. Исследования 2010–2014 гг. не позволяли нам в полной мере представить последовательность развития могильника (Грудочко, Боталов, 2013) и лишь с появлением новых материалов после 2015 года стало возможным выделить раннюю и позднюю его часть. В этой работе нам хотелось бы опубликовать те новые данные, которые проливают свет на хронологию и периодизацию данного погребального комплекса. Описание будет касаться лишь целых, неграбленных комплексов, которые залежали под курганами 11, 14, 32, находящиеся в центральной части могильного поля.

Детское погребение (курган 32, погребение 11) совершено в яме глубиной 60 см. Кости плохой сохранности, частично сохранились лишь кости ног и черепа (рис. 2). Однако они позволяют установить вытяну-

тое положение покойного на спине, головой на запад. Возраст составлял 4-6 лет. В ногах был расчищен керамический сосуд в развале, а выше зафиксированы костные остатки большого мясного куска туши лошади (два ребра и бедренная кость), уложенный в качестве мясной пищи. «Столовый набор» дополнен железным ножом, лежащий рядом с сосудом.

На поясе был надет ремень с 6 бляшками и 4 тренчиками, порядок расположения которых удалось проследить (рис. 3). Пряжки не обнаружено, поэтому возможно пояс подвязывался. На левой руке расчищен браслет, у черепа – серьга (рис. 3, В, 2). Ниже пояса был обнаружен перстень, который предположительно был положен рядом, но не надет. Состав инвентаря (пояс с серебряными накладками, присутствие перстня, серьга) довольно определенно указывает на высокий социальный статус погребенного.

Женское погребение (№ 1) в насыпи кургана 9. Оно было совершено в верхней части насыпи и являлось впускным. Был расчищен частично разрушенный костяк, от которого сохранилась верхняя часть. Это была женщина, возрастом старше 55 лет, при которой были обнаружены остатки богатого костюма. Внимание в первую очередь привлекает головной убор (рис. 4), от которого сохранился ряд плотно расположенных билунницевидных накладок, прикрепленные на кожу и затем на берестяную полоску. Вероятно, это налобный венчик, в композиции которой прослеживается симметрия: по 16 накладок с каждой стороны, центральное место на лбу занимала гантелевидная накладка. Сверху,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта №18-59-23002 «Истоки формирования культуры древних венгров. Археологический палеоантропологический и палеогенетический аспект исследования средневековых памятников Южного Урала и Западной Сибири».

на бляшках, сохранился фрагмент грубого текстиля, вероятно, остатки савана, в который была обернута погребенная. У висков, на правой и левой стороне черепа, расчищено по плоской серьге. В области шеи обнаружены бусины, бубенчики и серебряная сердцевидная подвеска – остатки от нагрудного ожерелья. Комплект бус составляет 20 экземпляров: 4 костяных, 8 каменных, 8 стеклянных (2 розовые и 6 голубые).

Погребение коня (курган 32, погребение 3) было обнаружено под северной полкой кургана. Яма прямоугольная, ориентирована по линии запад-восток, имела глубину 80 см. На дне камеры расчищен костяк, судя по которому конь лежал на животе, незначительно поваленный на левый бок, с подогнутыми ногами, головой ориентированный на восток (рис. 5). В могиле обнаружен инвентарь, судя по которому конь был полностью снаряжен. На голову была надета уздечка, ремни которой украшены серебряными бляшками. Во рту находились удила с S-видными псалиями и дополнительным кольцом для повода. От петли удил на щечный ремень отходило 2 бляшки и один распределитель (рис. 6, 7–9). Ближе к вискам лежал целый ремешок с четырьмя накладками, одна из которых концевая (рис. 6, 5, 6). Полевые наблюдения позволяют предполагать, что этот ремешок был подвесным и отходил от перекрестия щечного и налобного ремней. Такое же расположение бляшек зафиксировано с левой стороны, после снятия черепа.

О наличии седла свидетельствуют серебряные пластинки-скобы (рис. 6, 11–13), украшавшие переднюю луку. Седельный набор включал также одно стремя и железную подпружную пряжку (рис. 6, 10, 14), крепившую ремень седла под животом. Стремя, вероятно, пришедшее в негодность, было отремонтировано специально для захоронения (рис. 6, 14). В районе крупа обнаружено 8 серебряных блях в форме якорьков и сдвоенных лунниц, украшавшие крупный ремень – по 4 с каждой стороны (рис. 6, 1–4).

Воинское погребение (курган 11, погребение 1) было совершено в неглубокой яме, глубиной около 17 см. Камера была ориентирована по линии ЗСЗ-ВЮВ и имела подпрямоугольные контуры с дуговидными выступами в длинной северной и восточной стенке. На дне обнаружен костяк взрослого человека, который лежал вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на ЗСЗ. Череп повернут к левому плечу, лице-

вая сторона обращена на север. Между ребрами и локтевым суставом правой руки лежало скопление наконечников стрел – 5 железных и 1 костяной (рис. 7, 1). Ниже, от лучевой кости до кисти руки и бедренной кости расчищено скопление сердцевидных бляшек, 2 распределителя ремня, пряжка и ременные наконечники с частично сохранившимися кожаными ремешками (рис. 7, 4; 8, 1-4, 15-19, 22). Вероятно, эти предметы принадлежали колчану и стрелковому поясу. У бедра лежало две фронтальные и одна торцевая накладки на лук (рис. 7, 7; 9, 2). Между бедренными костями зафиксирован ряд сердцевидных накладок с серебряной пряжкой на конце, которые могли быть остатками сумочки (рис. 8, 5-12, 14, 24). Справа у ног лежали удила с железным стержневым и костяным псалиями (рис. 7, 2; 9, 3) и железный нож (рис. 7, 3). На коленном суставе левой ноги – стремя (рис. 9, 1).

Предметы из цветного металла изготовлены из серебра, некоторые покрыты позолотой. На лицевой стороне сердцевидных бляшек прослеживается растительный орнамент. Весь комплект, вместе с восьмерковидным стремяем, можно условно обозначить как сросткинский, поскольку имеет довольно четкие алтайские параллели.

Воинское погребение (курган 14, погребение 1) совершено в яме подпрямоугольной формы, глубиной 23 см, ориентированной по линии юго-запад – северо-восток. Костяк взрослого человека лежал в вытянутом положении на спине, руки вдоль туловища, головой на юго-запад (рис. 10). Череп повернут к левой ключице, лицом обращен на север. Вдоль левой бедренной кости лежала бедренная кость лошади (рис. 10, 3), рядом с которой – железный нож (рис. 10, 6). У правого плеча расчищено скопление железных и костяного наконечников стрел (рис. 10, 1), а у правого предплечья – две костяные срединные накладки на лук (рис. 10, 5; 11, 4, 5). Справа от ног находились железные удила с костяными псалиями (рис. 10, 2; 11, 1–3), а у головы – фрагмент керамики (рис. 10, 4). Между коленями расчищена бляшка (рис. 11, 6).

Погребение лучника (курган 32, погребение 16) совершено в яме глубиной 75 см. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад. Возраст погребенного – старше 50 лет. Судя по расположению костей тело покойного было связано или плотно укутано. В ногах стоял сосуд, в головах расчищена крупная кость животного. Еще несколько костей животных лежало в ногах (рис. 12,

1). Большой интерес представляет сопроводительный инвентарь, который по всем признакам составлял набор лучника. Лук, от которого сохранилось две срединные трапециевидные накладки у левого бедра (рис. 12, 3). На груди компактно лежали 5 железных и 1 костяной наконечники стрел (рис. 12, 2). Здесь же расчищены мелкие фрагменты костяных пластинок, которые, вероятно, принадлежали колчану в качестве оправы или декоративных элементов. На животе лежал железный колчаный крюк с загнутым заостренным концом и пластиной с прямоугольным сквозным отверстием (рис. 12, 4). В левой стороне таза расчищен участок с сильнокоррозированными предметами (рис. 12, 5). После снятия выяснилось, что это три железных кольца с пластинами-обоймами – остатки стрелкового пояса. Палец правой руки опоясывало железное колечко, которое, как мы предполагаем, являлось приспособлением для спуска тетивы. В районе бедра правой ноги лежала бусина (рис. 12, 6).

Таким образом, перед нами погребение профессионального лучника. Комплектность сопроводительного инвентаря дополняют наблюдения антропологических особенностей. В частности, характерные неровности плечевых костей позволяют предположить развитость мышц плечевого пояса.

Хронологическая позиция описанных объектов определяется типологией и составом инвентаря. Костяные накладки на сложносоставной лук (рис. 9, 2–3; 11, 4–5; 12, 3) встречаются довольно широко – в тюркских и сросткинских памятниках Алтая (Кубарев, 2005, с. 81 – 84, рис. 24; Горбунов, Тишкин, 2016; Тишкин и др., 2018, с. 167); синхронных памятниках Южного Урала (Мажитов, 1981, с. 34, 35, 69, 70, 73, рис. 15, 17; 37, 6; 40, 8, 10–13), в новинковских комплексах Среднего Поволжья VII–VIII вв. (Багаутдинов и др., 1998, с. 115–117). Конструкция уелгинских луков включала две боковые срединные накладки, в одном случае дополненная одной тыльной (рис. 9, 3), при полном отсутствии концевых. Наиболее архаичную форму имеют накладки лука из погребения лучника кургана 32 (рис. 12, 3) и сопоставляются с материалами Манякского и Ново-Бикинского комплексов VII–VIII вв. (Мажитов, 1981, с. 8, 17, рис. 3, 18; 8, 34, 35).

К IX в. относится инвентарь конского и детского погребения (рис. 3, 6). Облик накладных бляшек (гладкие, двускатные или с нервюрой по длинной оси, с округлыми выре-

зами), S-видные псалии, седельные пластинки-скобы, все эти признаки хорошо соотносятся с материалами горизонта Бекешевских, Хусаиновских курганов IX в. (Мажитов, 1981).

Женское погребение совершено в ранней части могильника, но датируется позднее, о чем говорит не только впускной характер, но и состав инвентаря. Плоские серьги, а особенно украшение налобного венчика билунницевидными накладками (рис. 4), хорошо представлены в памятниках X–XI вв. (Мажитов, 1981, с. 74, 106, рис. 41, 7; 57, 21). Точной аналогией головному убору является материал из Лагерева кургана 42 (Мажитов, 1981, с. 82, 83, рис. 44, 1).

До 2015–16 гг. мы предполагали, что могильник возник в северной части, на вершине, и постепенно сползал к югу. Сейчас есть веские основания утверждать, что наиболее ранними сооружениями являются курганы в центральной части, в низине между останцами. Абсолютные хронологические рамки могильника в общих чертах определяются нами как IX–XI вв. и в определении нижней границы нам необходимо более подробно остановиться на стрелковом поясе, в который входил колчаный крюк и три кольца с обоймами (рис. 12, 4, 5). Надо сказать, что это редкая категория находок, но бытовала она довольно определенное время. Они характерны для тюркских алтайских комплексов VII–VIII вв. Занимаясь проблемой их реконструкции, Г.В. Кубарев отмечает, что стрелковые пояса не изображались на изваяниях и редки в изобразительных памятниках, что было связано с их утилитарным значением (Кубарев, 2005, с. 92–98). В Среднем Поволжье в новинковских погребениях встречен ряд крюков и единожды – элементы пояса (Богачев и др., 1996, с. 85–86, 96, рис. 3, 4–6; Багаутдинов и др., 1998, с. 119, 120, рис. 26, 20–25). На Южном Урале похожие формы крюков встречены в раннем горизонте могильника Лагерева, Ново-Бикинском кургане. Указанные комплексы сочетались с предметами в геральдическом стиле, что исключает их датировку позднее VIII в. Более поздние крюки, по крайней мере, южноуральские, уже редки и отличаются. Наконец, два крюка встречено в слое VII–VIII вв. Пенджикента (Распопова, 1980, с. 73, рис. 48, 2; Археология. Археология Средней Азии..., 1999, с. 272, табл. 28, 12).

Таким образом, погребенный лучник, несомненно следовал воинским традициям VII–VIII вв. Учитывая, что он имел довольно почтенный возраст – более 50 лет, а также то,

что наиболее ранними в могильнике являются предметы IX в., то время совершения его захоронения должно быть близко или синхронно конскому и детскому (рис. 3, 6), делая наиболее вероятной дату в районе рубежа VIII/IX или начала IX вв. Этим же временем мы определяем начало функционирования могильника Уелги.

ЛИТЕРАТУРА

Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье / Отв. ред. Г.А. Брыкина. М.: Наука, 1999. 378 с.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998. 286 с.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Накладки сложносоставных луков из могильника Сростки-I (материалы раскопок 2012-2014 и 2016 гг.) // теория и практика археологических исследований. 2016. № 3(15). С. 7–19.

Грудочко И.В., Боталов С.Г. Этнокультурная ситуация в Южном Зауралье в VIII-IX (в свете новых данных исследований погребального комплекса Уелги) // II-й Международный мадьярский симпозиум (Челябинск, Щадринск, 13–15 августа, 2013 г.): сб. науч. тр. / Отв. ред.: С.Г. Боталов, Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 110–138.

Богачев А.В., Ермаков С.Ф., Хохлов А.А. Выползовский I курганный могильник ранних болгар на Самарской Луке // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1996. С. 83–98.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.

Мажитов Н.А. Курганы южного Урала VIII – XII вв. М.: Наука, 1981. 164 с.

Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука ленинградское отделение, 1980. 140 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н. Радиоуглеродное датирование материалов из курганов раннесредневекового памятника Сростки-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2018. № 24. С. 165–173.

Информация об авторах:

Грудочко Иван Валерьевич, младший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет). (г. Челябинск, Россия); grudochkoivan@mail.ru

Газизова Суфия Ринатовна, научный сотрудник. Фонд содействия сохранению культурного наследия "Общественный фонд "Южный Урал", (г. Челябинск, Россия); sufya-g@yandex.ru

Парунин Алексей Владимирович, научный сотрудник. Фонд содействия сохранению культурного наследия "Общественный фонд "Южный Урал", (г. Челябинск, Россия); therion12399@gmail.com

CHRONOLOGY AND PERIODIZATION OF UELGI BURIAL GROUND²

I.V. Grudochko, S.R. Gazizova, A.V. Parunin

The article considers the new materials of the Uelgi burial ground which allow us to establish the chronology and periodization of the site. The earliest complexes dated the turn of the 9th century A.D. or early 9th century A.D. were built in the central part of the burial ground. The site gradually expanded towards the tops of natural uplands (from the bottom up) where the artefacts of the Ugric, Kyrgyz and Kipchak periods (10-11th AD.), including cremations, were discovered.

Keywords: South Urals, Middle Age, nomads, chronology, belt decoration.

About the Authors:

Grudochko Ivan V. South Ural State University. Lenin Ave., 76, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation; grudochkoivan@mail.ru

Gazizova Sufiya R. Fund for the Promotion of Cultural Heritage " Public Fund "South Ural"; sufiy-g@yandex.ru

Parunin Alexey V. Fund for the Promotion of Cultural Heritage " Public Fund "South Ural"; therion12399@gmail.com

² The study was conducted with the financial support of the RFBR within the framework of the Project No. 18-59-23002 "Origins of the culture of ancient Hungarians. The archaeological paleoanthropological and paleogenetic aspect of studying the medieval sites of the Southern Urals and Western Siberia".

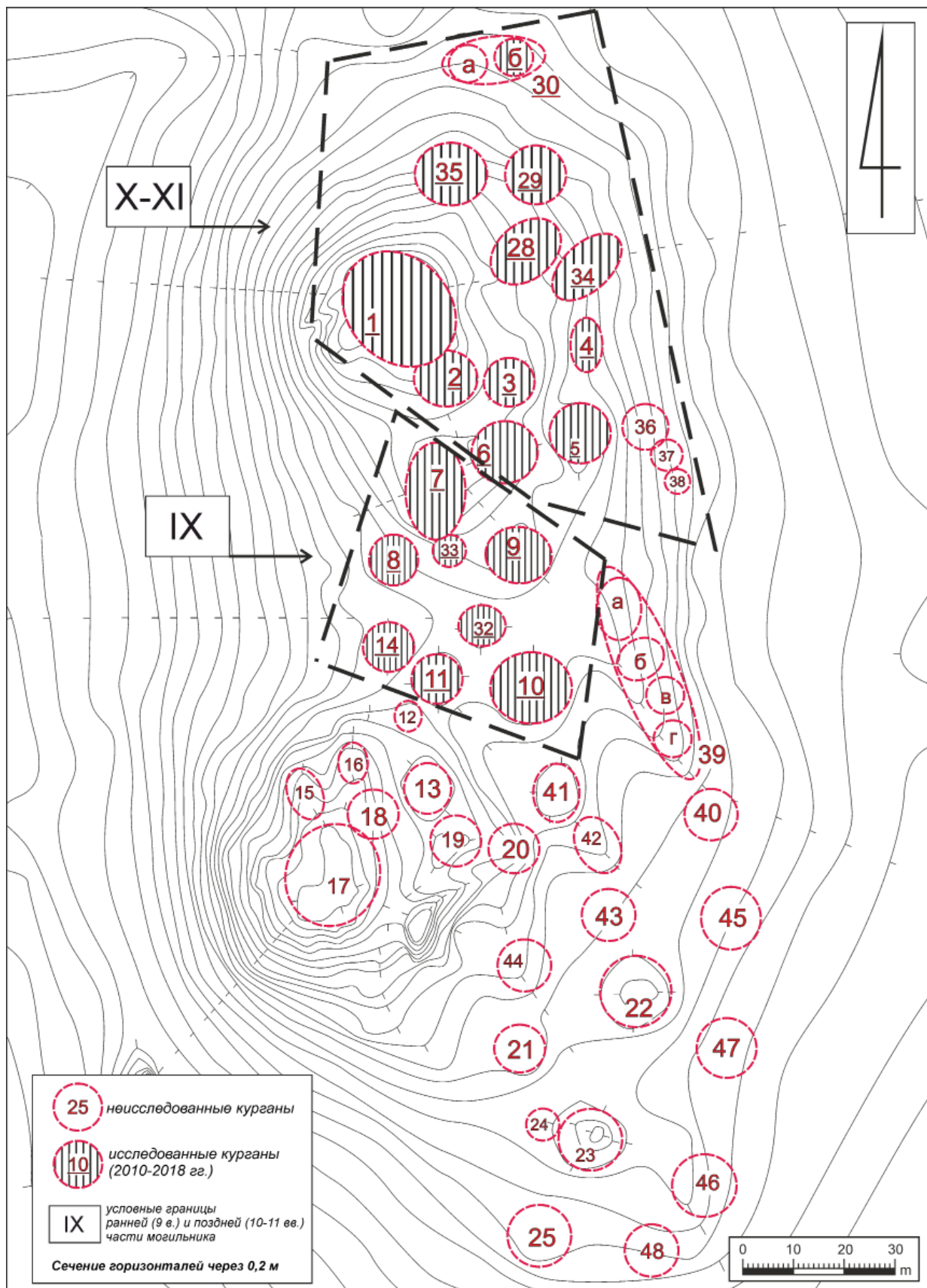

Рис. 1. План могильника Уелги с обозначением исследованных курганов в 2010–2018 гг. и границами ранней и поздней части.

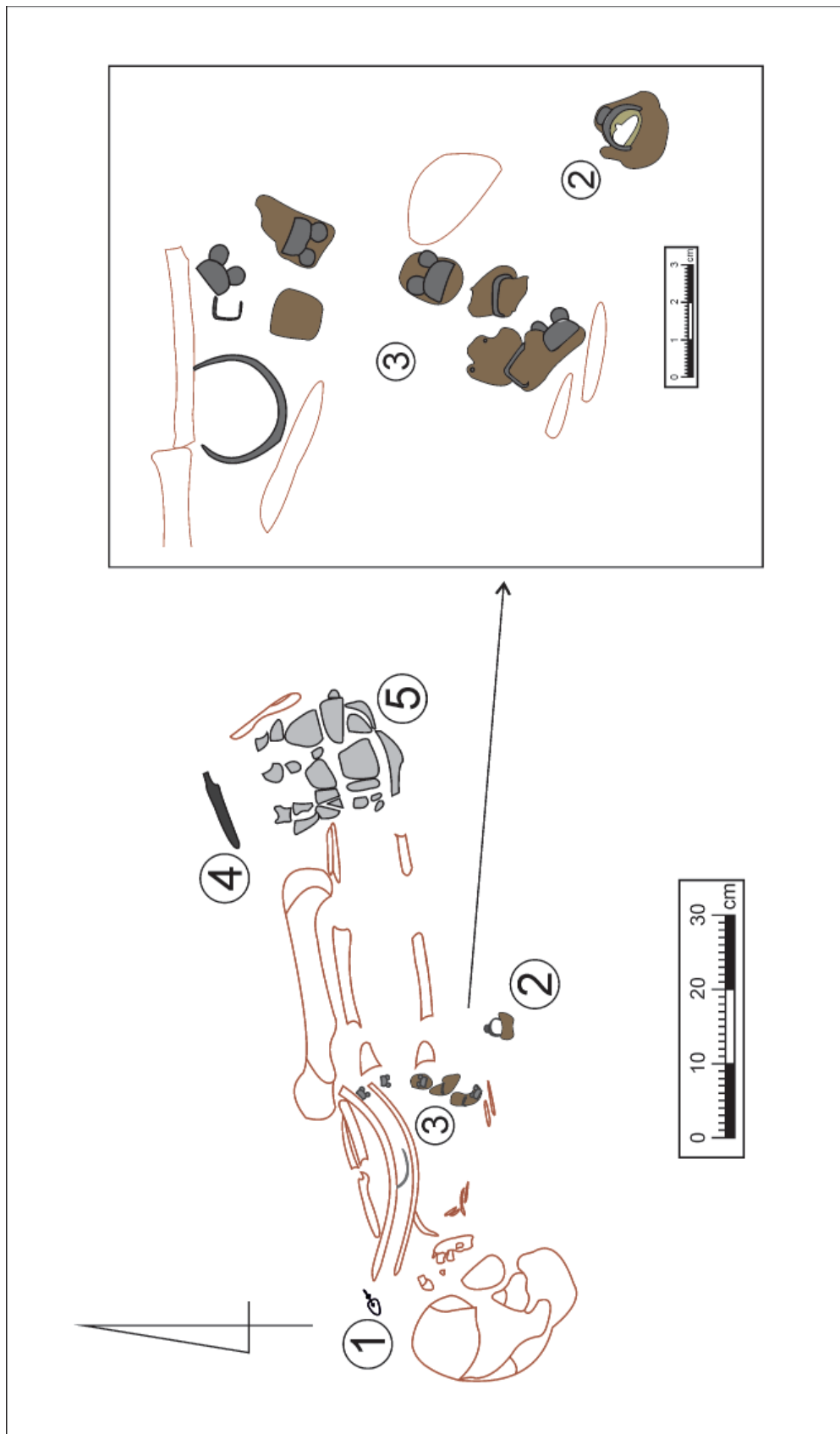

Рис. 2. Детское погребение (курган 32, погребение 11). 1 – серьга; 2 – перстень; 3 – пояс; 4 – железный нож; 5 – развал сосуда.

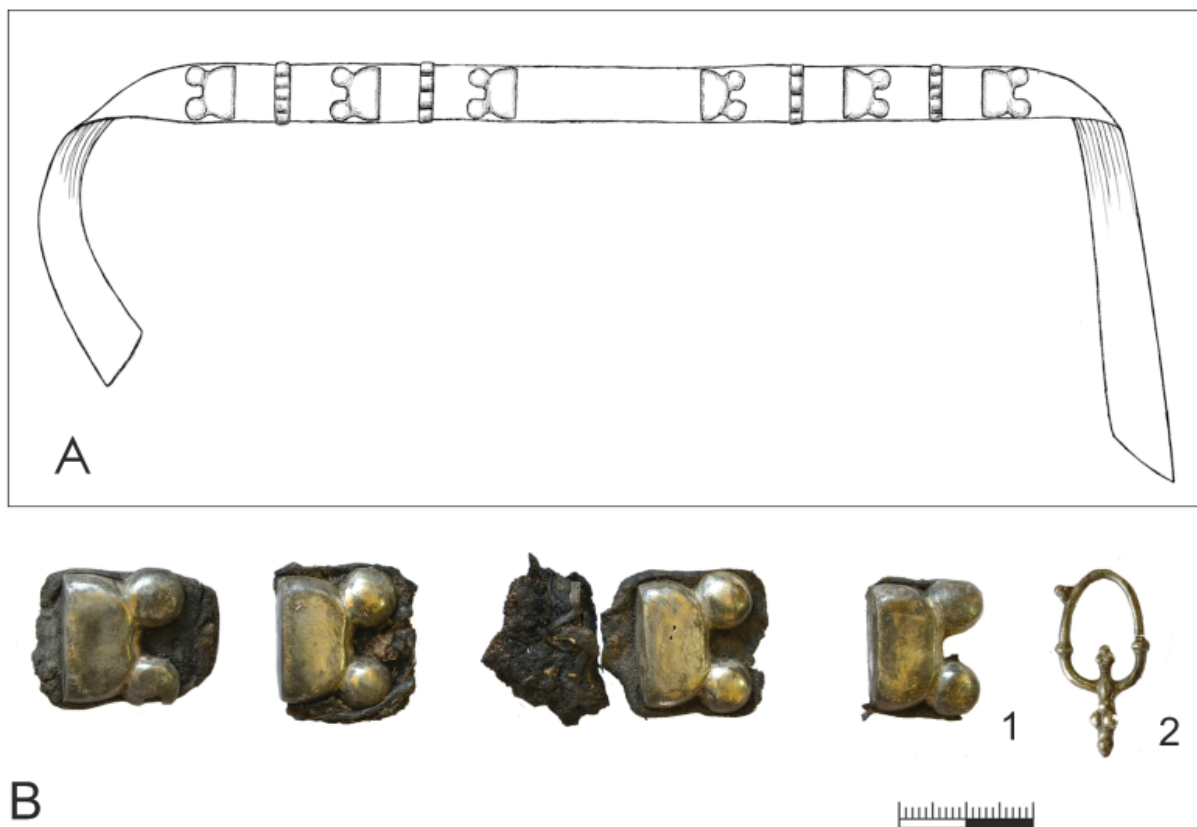

Рис. 3. Пояс и серьга из детского погребения (курган 32, погребение 11). А – реконструкция; В, 1 – накладные бляшки; В, 2 – серьга.

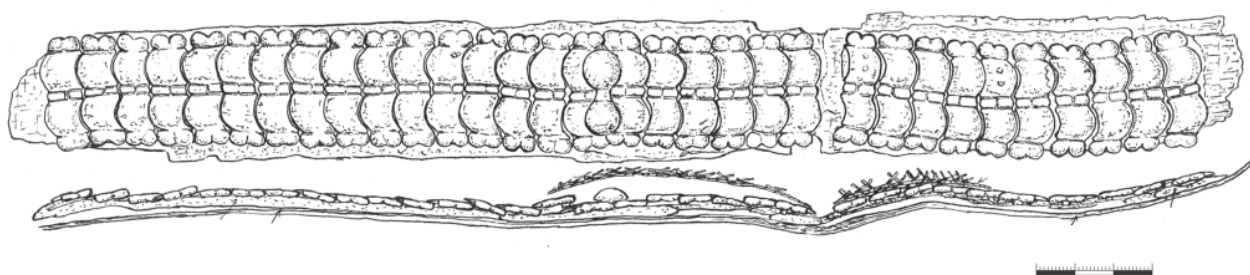

Рис. 4. Налобный венчик из женского захоронения (курган 32, погребение 1).

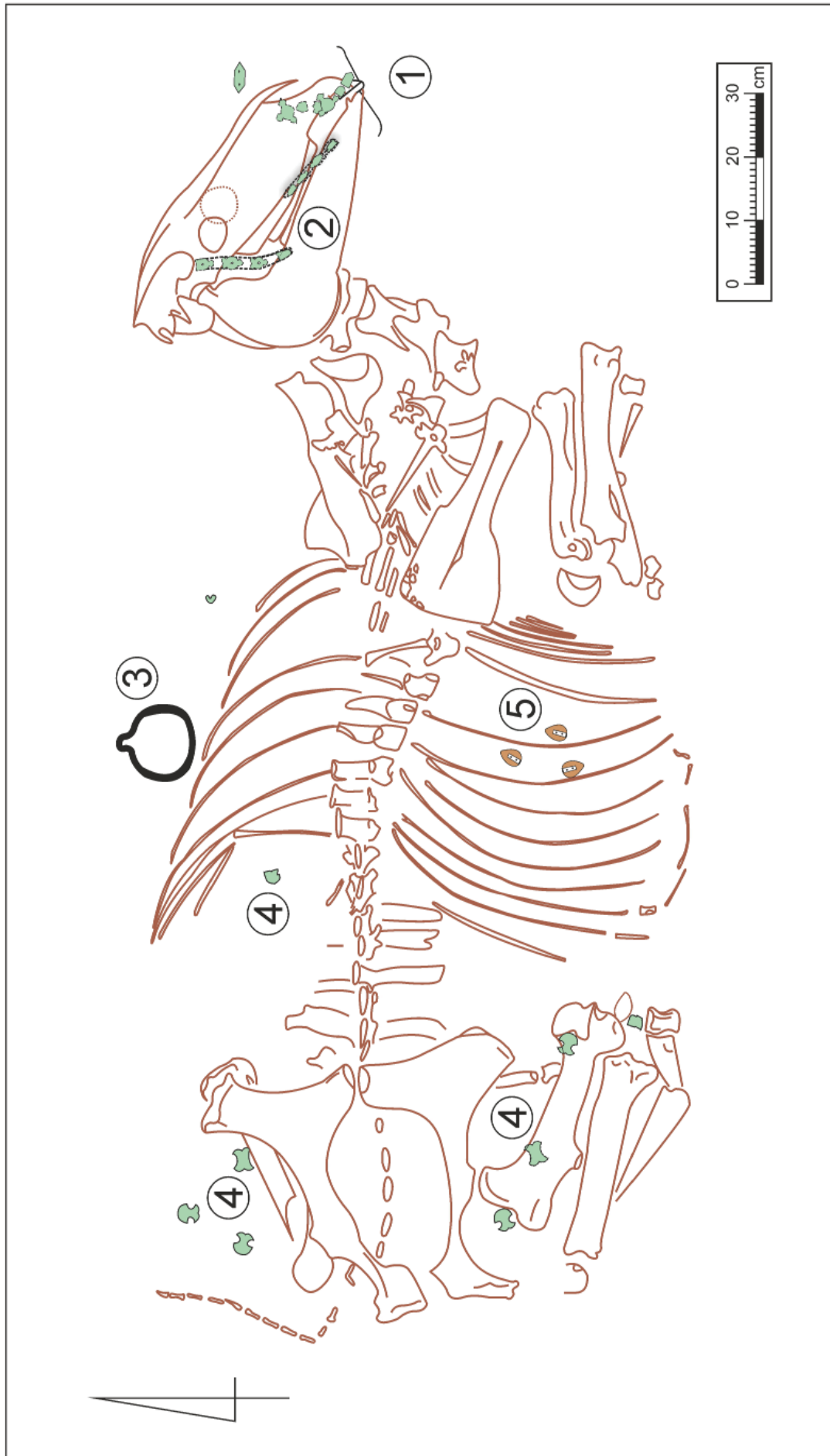

Рис. 5. Погребение коня (курган 32, погребение 3). 1 – удила с псалиями; 2 – детали оголовья; 3 – стремя; 4 – бляшки на крупного ремня; 5 – декоративные пластинки седла.

Рис. 6. Инвентарь из конского погребения (курган 32, погребение 3). 1-4 – детали накрупного ремня; 5-9 – украшения ремней оголовья; 10 – подпружная пряжка; 11-13 – декоративные пластинки седла; 14 – стремя.

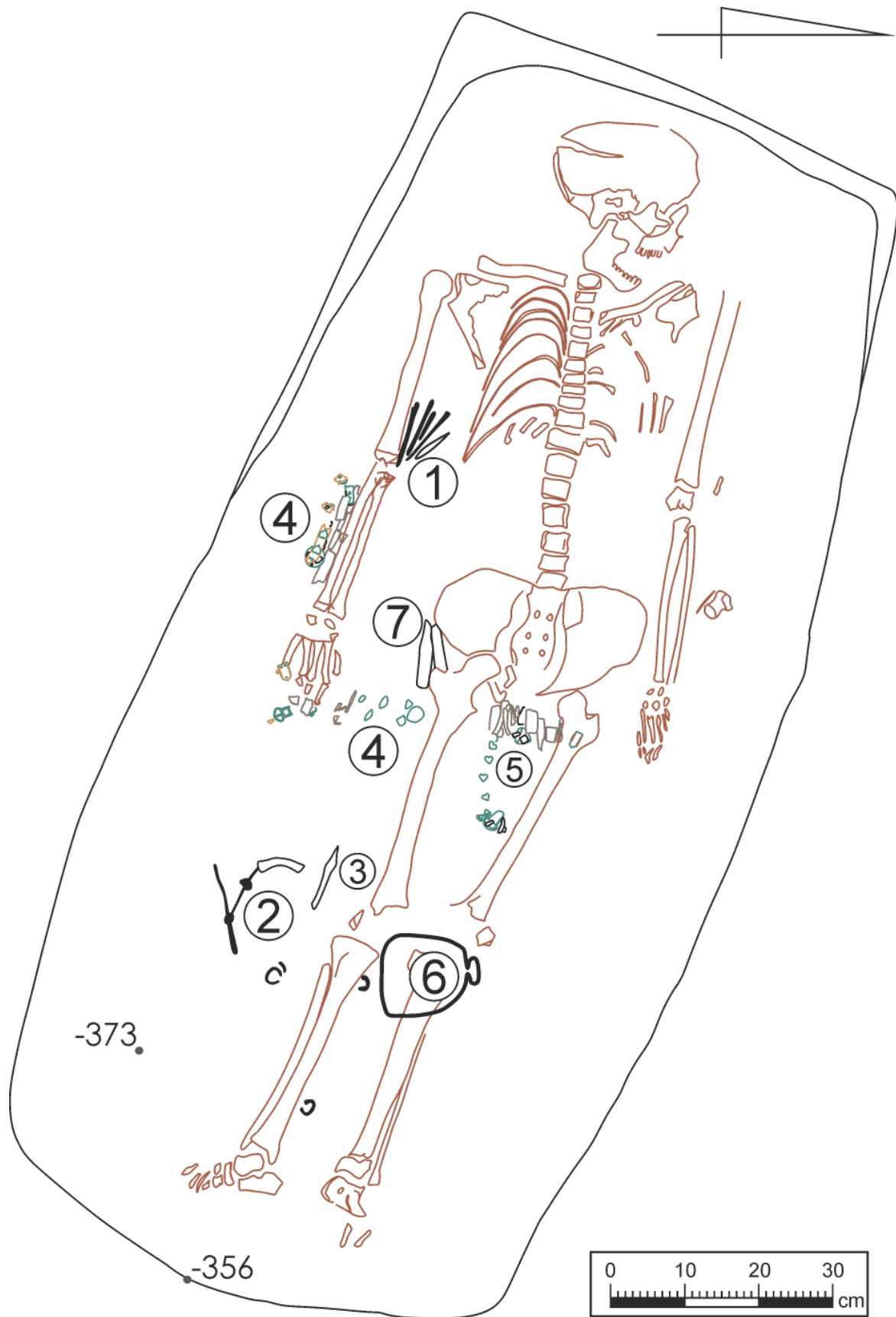

Рис. 7. Погребение 12, курган 11. 1 – наконечники стрел; 2 – удила; 3 – железный нож; 4 – стрелковый (?) пояс; 5 – сумочка; 6 – стремя; 7 – костяные накладки на лук.

Рис. 8. Инвентарь из погребения 12 кургана 11. 1–4, 13, 15–19, 22, 23, 25 – детали колчана и стрелкового (?) пояса; 5–12, 14, 24–детали поясной сумочки.

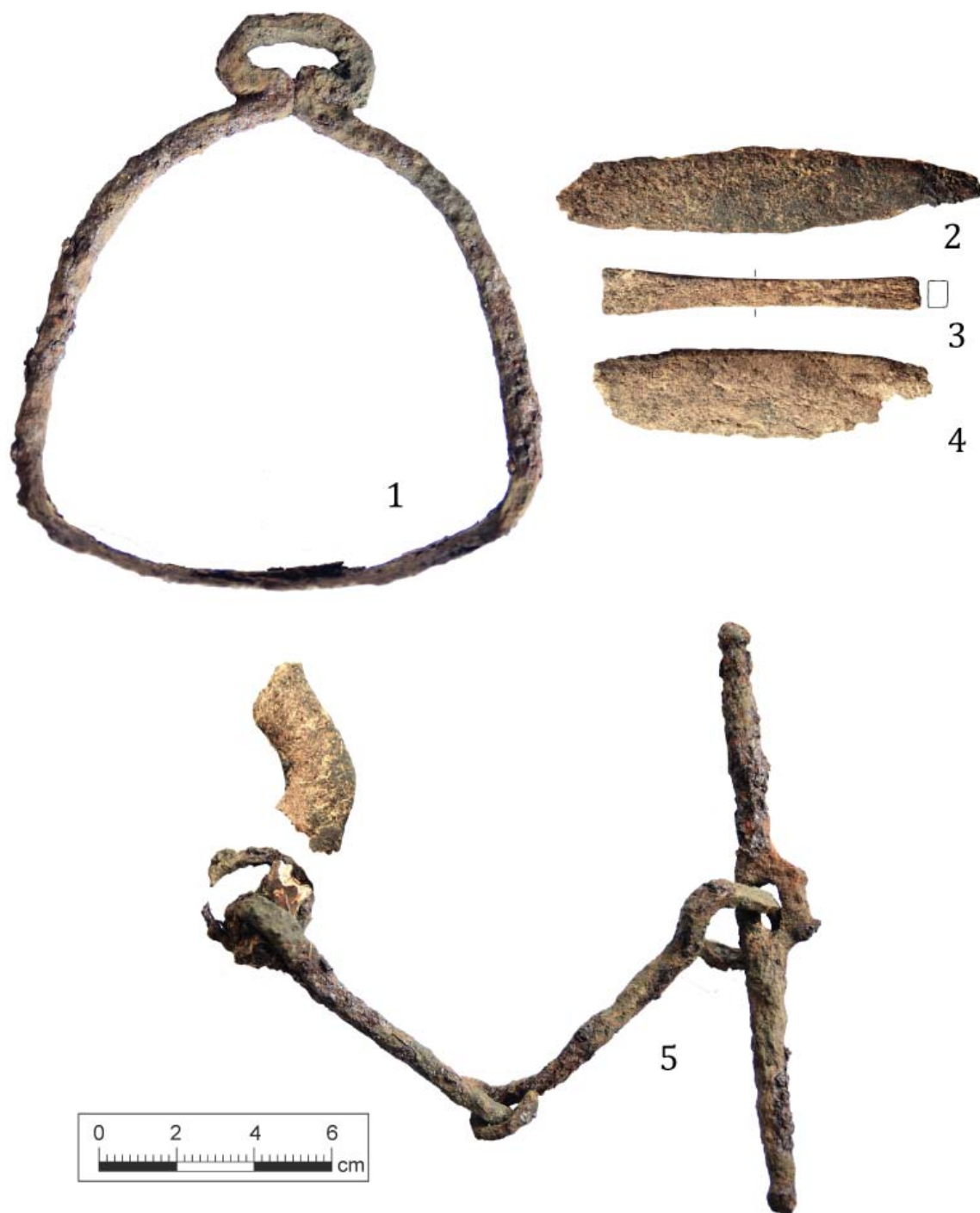

Рис. 9. Инвентарь из погребения 12 кургана 11. 1 – стремя; 2–4 – костяные накладки на лук; 4 – удила с костяным и железным псалями.

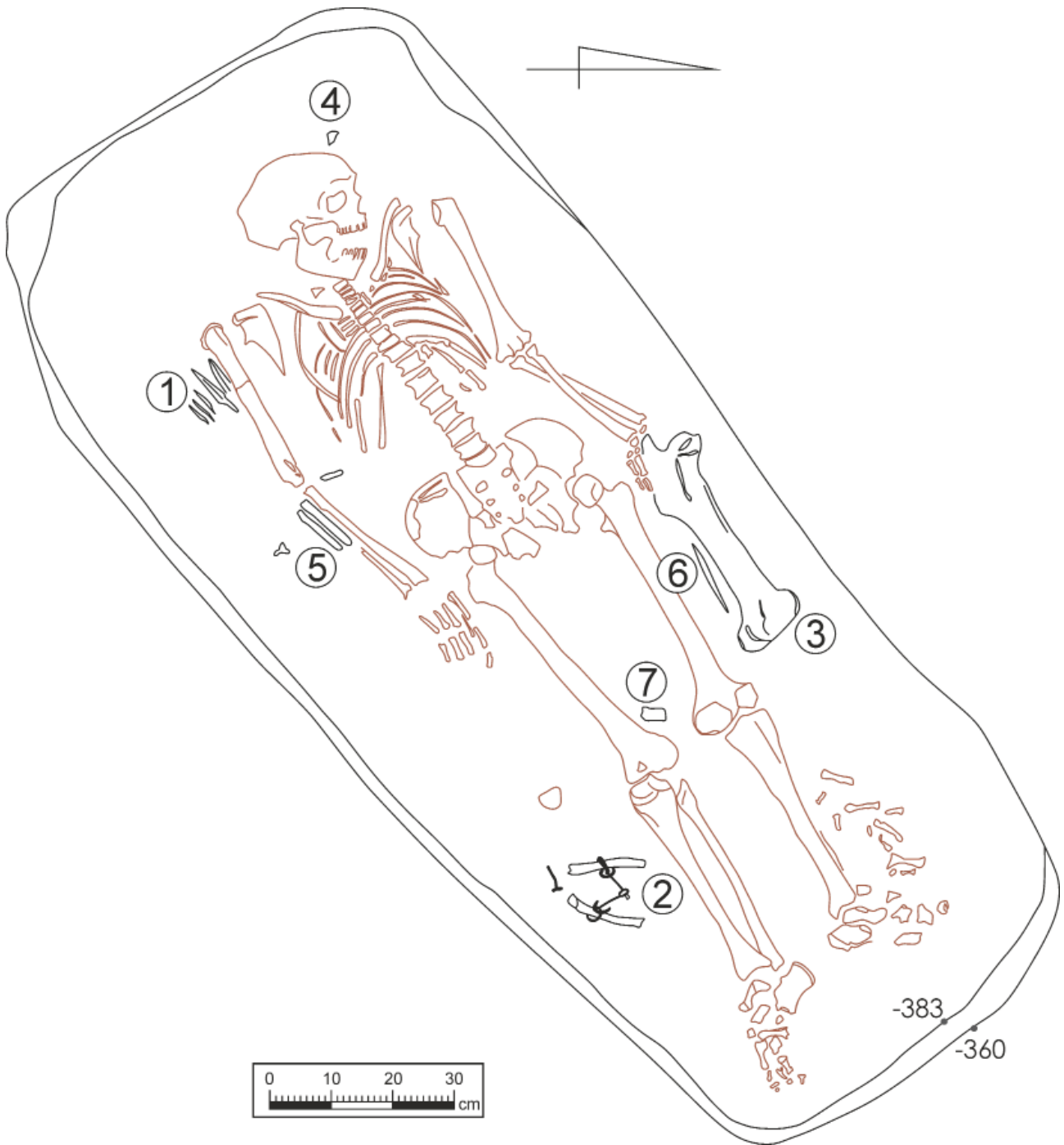

Рис. 10. Погребение 1, курган 14. 1 – наконечники стрел; 2 – удила с костяными псалями; 3 – бедренная кость лошади; 4 – фрагмент керамического сосуда; 5 – костяные накладки лука; 6 – железный нож; 7 – накладная бляшка.

Рис. 11. Инвентарь из погребения 1 кургана 14. 1, 3 – костяные псалии; 2 – удила; 4, 5 – костяные накладки лука; 6 – бляшка.

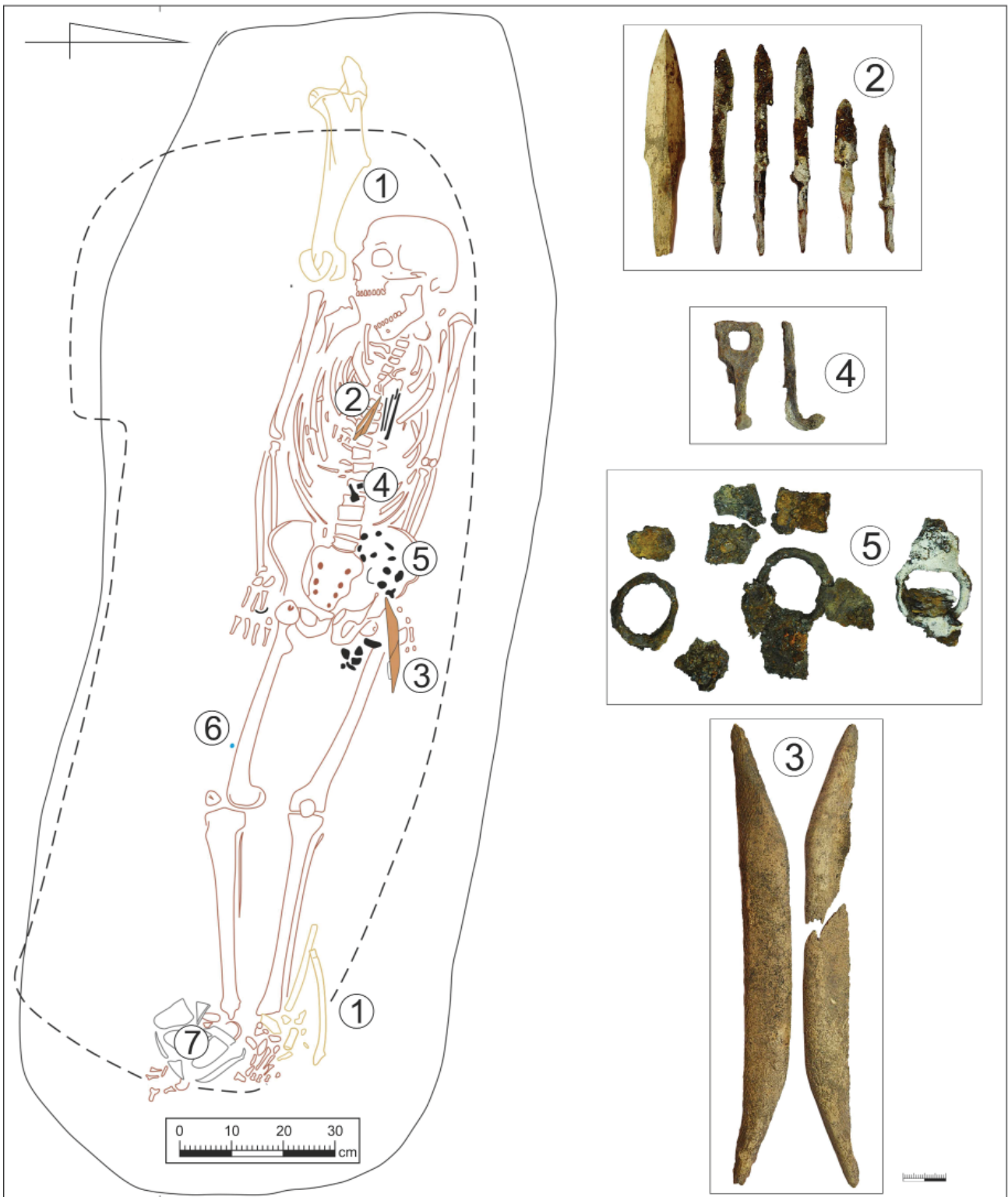

Рис. 12. Погребение 16, курган 32. 1 – бедренная кость лошади; 2 – наконечники стрел; 3 – костяные накладки лука; 4 – колчанный крюк; 5 – остатки стрелкового пояса; 6 – бусина; 7 – развал керамического сосуда.

УДК 902/904

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ, ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ MAGNA HUNGARIA В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

© 2018 г. В. А. Иванов

Археологическая культура угров-мадьяр (венгров) во время их пребывания на Урале хотя и менялась во времени, но сохраняла свою этническую семантику. Поэтому проблему уральской прародины мадьяр-венгров (Magna Hungaria) следует решать методами процессуальной археологии. С их помощью можно очертить круг археологических памятников, которые обозначают хронологические, географические и морфологические границы Magna Hungaria в регионе. В трактовке современных исследователей они становятся все более расплывчатыми и неопределенными и простираются от Тобола до Волги и от Сылвы до Самарской Луки. Это придает самой идее местонахождения древней венгерской родины на Урале гротескные черты, поскольку получается, что древние мадьяры-венгры «были везде». Имеющиеся археологические источники, рассмотренные в контексте позитивистско-процессуальной археологии, показывают, что с Magna Hungaria, как этногеографическим понятием, может ассоциироваться чияликская археологическая культура, генетически восходящая к археологическим культурам Предуралья и Прикамья второй половины I тыс. н.э.

Ключевые слова: Magna Hungaria, венгры, кушнареновская, караякуповская, ломоватовская, неволинская полонская, чияликская культуры.

Цель предлагаемой статьи – попытаться разобраться в том, насколько адекватно мы в своих исследованиях используем историко-географическое понятие «Великая Венгрия (Magna Hungaria)», применительно к археологическим культурам Урало-Поволжья второй половины I тыс. н.э. и территории их локализации. Но прежде чем перейти к рассмотрению проблемы поясним, что подразумевается под морфологическими признаками Magna Hungaria. В моем понимании (не думаю, что ошибочном), это как раз и есть те археологические культуры (или культура), которые по времени совпадают с упоминанием и использованием этого понятия в средневековых нарративах. А здесь картина наблюдается весьма показательная.

В самом раннем из дошедших до нас нарративе – «*Gesta Hungarorum*» («Деяния венгров») – написанном на рубеже XII–XIII вв., но повествующем о событиях венгерской истории IX–X вв., о Magna Hungaria речи вообще не идет. Его автор, Венгерский Аноним, прародину венгров называет «Скифия – это обширная земля, которую называют Дентумогер» (Юрасов, 2007, с.91). Именно оттуда «в 884 году от Рождества Христова... семь правителей, называемых Хетумогер, выступили из Скифии на запад» (Юрасов, 2013, с. 69–70).

В другом документе – Хронике Шимона Кезаи, нотариуса венгерского короля Ласло

IV (1272–1290 гг.) – составленном примерно в 1285–1290 гг., также используются географические названия «Денту» и «Могор» (DenciaetMagoria) и Barsatia. По мнению Д. Габора и Б.Б. Овчинниковой, последнее может отождествляться с Башкирией, а Denciaet Magoria – с Дентумогер Хроники Венгерского Анонима (Габор, Овчинникова, 2008, с. 23).

Ни о какой «Великой Венгрии – Magna Hungaria» не упоминают в своих нарративах и фактические современники событий, описанных Венгерским Анонимом – Константин Багрянородный и Ахмад ибн Фадлан. Первый, как известно, вел речь о местностях Леведия и Ателькузу (Этелькёз), локализуемых далеко на западе от Урало-Поволжья (Конст. Багрянородный, 1991, § 38). Второй только вскользь упоминает о «стране тюркского народа, называемого уграми» (Книга..., с. 31).

Итак, если исходить из имеющихся в нашем распоряжении средневековых нарративов, понятие «Великая Венгрия – Magna Hungaria» впервые прозвучало только в XIII веке. Точнее – в письме брата-доминиканца Рихарда, в котором воспроизводится рассказ брата Юлиана о его поездке к венграм на восток Европы в 1235–1236 гг. Причем, брат Рихард сообщает о том, что известие о «другой, старейшей Венгрии (Maior)» было получено им из некоей истории венгров христиан (Аннинский, 1940, с. 77). Из какой

«истории» Рихард узнал о существовании Magna Hungaria, мы, по-видимому, никогда не узнаем, так что наиболее реальным представляется то, что термин этот ему и принадлежит. Во всяком случае, в письме самого брата Юлиана он не употребляется (Бубнель и др., 2009).

Таким образом, по всей видимости, до XIII в. сами венгры, к этому времени ставшие уже христианами, о своей древней родине, тем более – под названием **Magna Hungaria**... Следовательно, Magna Hungaria в нашем приложении к археологическим культурам Южного Урала и Предуралья второй половины I тыс. н.э. – кушнаренковской, каракуповской, неволинской, ломоватовской, полумской (чепецкой) – это плод нашего же воображения (включая и автора этих строк), к концу прошлого века ставший устойчивым стереотипом.

Что касается венгерских монахов-грамматеев, то они, конечно же, знали о далекой восточной прародине венгров и, по-видимому, что-то слышали о венграх, оставшихся на этой прародине – «Венгрия Maior». Ее они отправились искать и, что для нас самое главное, они ее нашли.

Однако возникает вопрос – какая археологическая культура отражала этнокультурный облик обитателей «Венгрии Maior», она же – «Magna Hungaria»?

Если исходить из дат поездок венгерских монахов на восток Европы, это может быть только чияликская археологическая культура, выделенная Е.П.Казаковым в Прикамье, и детально проработанная Г.Н.Гарустовичем и на территории современного Башкирского Предуралья (Казаков, 1978, с. 31–33; 2003, с. 79–86; Гарустович, 1998; 2015, с. 181–197). Историографию ее изучения подробно рассматривает И.В.Антонов (Антонов, 2017, с. 309–327).

Основным маркирующим признаком этой культуры являются глиняные сосуды с прямой цилиндрической шейкой, округлым туловом, украшенные по шейке оттисками веревочки, а по тулову – оттисками зубчатого штампа. Ареал распространения памятников, содержащих такую керамику, очень широк и включает в себя бассейн среднего и нижнего течения р.Белой, Среднее Прикамье, бассейн Сылвы (памятники ломоватовский и неволинской культур) и Нижнее Притоболье (рис. 1 и 2). Но для интересующего нас периода – XIII–XIV вв. – чияликская керамика локализуется в основном на памятни-

ках бассейна р.Белой и Волжской Болгарии (керамика VII группы (по Т.А.Хлебниковой и Н.А.Кокориной) (Хлебникова, 1984, с. 191–192; Кокорина, 2002, с. 81). В качестве «микроскопических вкраплений» встречается она в керамических комплексах древних удмуртов (городище Иднакар) (Иванова, 1998, с. 76; 1995, с. 201).

Этническая принадлежность населения, изготавливавшего подобные сосуды, определяется как угорская. С чем согласны практически все современные археологи – исследователи средневековых древностей региона, (Казаков, 2003, с. 81; Гарустович, Иванов, 1992, с. 25–27; Белавин и др., 2009, с. 141; Боталов, 2016, с. 519).

Судя по характеру, мощности и насыщенности культурного слоя находками, «чияликцы» вели в регионе полукочевой образ жизни. Их поселения – а это были места явно сезонного обитания – располагались в долинах рек на небольших высотах или по краям надпойменных террас. Г.Н.Гарустович типологически разделяет их на летники и зимники. В качестве своеобразного эталона первых исследований выделил Горновское поселение на р.Дема. Раскопками 1994 г. (Г.Н. Гарустович) и 2002 г. (Г.Т. Обыденнова) на этом поселении «прослежены остатки различных стационарных (каркасно-столбовых, турлучных) и переносных жилищ, очагов, обложенных камнями, подсобных и производственных помещений (погребов, хозяйственные ямы, бани)» (Гарустович, 2015, с. 190).

Чияликские зимники – это городища (Турналинское, Уфимское (Чортово), Гумеровское, Уфа II, Кара-Абыз). Из них на Турналинском, Гумеровском и Уфимском (Чортово) выявлены стационарные полуземлянки и наземные срубные постройки, отапливаемые глинобитными печами-сувалами (Гарустович, 1998, с. 11).

Погребальный обряд «чияликцев» известен по могильникам, выявленным в бассейне р.Ик (Такталачукский, Азметьевский, Сасыкульский, Кара-Яр), низовьев р.Белой (Кушулевский, Казакларовский) и Сылвы (Кишертский, Селянино озеро) и многочисленным одиночным погребениям. По данным Г.Н.Гарустовича, в Башкирском Предуралье известно более 850 погребений, из которых 60,5% – в стационарных могильниках, насчитывающих несколько десятков или сотен захоронений. Погребения в основном безинвентарные. Хотя в некоторых женских и детских могилах слева от головы погребенного были

поставлены глиняные сосуды, а в отдельных погребениях найдены украшения – височные подвески, серьги, перстни, бусы, бисер, – железные пряжки, ножи, металлические наглазники от погребальных масок (Гарустович, 2015, с. 191). Признаки погребального обряда «чияликцев» свидетельствуют о том, что они (во всяком случае – взрослое население) были уже мусульманами [Казаков, 2007, с. 63–64].

Если исходить из географии исследованных поселений и типологии собранной на них керамики, получается, что собственно «чияликскими» являются памятники, расположенные в Предуралье, в ландшафтной зоне смешанных хвойно-широколиственных лесов (рис. 1). Г.Н.Гарустович за пределами этой зоны выделил еще три локальных группы чияликских памятников – среднебельскую, верхнебельскую и уральскую – содержащие керамические сосуды, по своим морфологическим признакам отличающиеся от, собственно, чияликских: плоскодонные лепные сосуды с примесью песка в глиняном тесте, украшенный насечками и зашипами по венчику. Однако сам исследователь аналогии ей находит в памятниках Волго-Уральской степи и, в отличие от чияликской, называет ее «селеукской». Судя по карте, опубликованной Г.Н.Гарустовичем, «селеукских» памятников очень немного – погребение у горы Шах-Тау, Исянгуловский, Верхне-Спасский могильники [4, с. 182]. Да и по материалу они не весьма выразительны. Поэтому вполне логичным представляется вывод исследователя о том, что «селеукские памятники до сих пор еще мало изучены и **говорить что-либо об истоках плоскодонной керамической традиции и специфике взаимодействия чияликцев и селеукцев пока еще преждевременно** (выделено мной – В.И.)» [3, с. 23]. И, по-видимому, не случайно в своей статье, посвященной описанию чияликской культуры, тему памятников «селеукской» группы Г.Н. Гарустович вообще не затрагивает [4]. Исходя из этого, очевидно, не стоит сейчас относить к чияликской (угорской) культуре курганные могильники Южного Предуралья XIII–XIV вв., содержащие безинвентарные захоронения – Сынтыштамак на р.Чермасан, Куштиряк на р.Ик, Рязановский, Аверьяновский. Следовательно, собственно чияликская культура – это памятники, маркированные керамикой, описанной выше, включая и могильники, в которых она встречается (Такталачук, Кишертский).

Датируется чияликская культура XII–XIV вв. – и никаких, более дробных ее датировок мы пока не имеем. Следовательно, если говорить о тех «венграх», которых братья-доминиканцы – Отто, Юлиан – в 1231–1237 гг. встречали на востоке Европы, то ими могли быть только носители чияликской культуры. Соответственно, и в географическом контексте «Великая Венгрия – Magna Hungaria», вероятнее всего, и есть ареал этой культуры. Подобное предположение, опирающееся на археологический материал, не противоречит ни сообщению Юлиана о том, что восточные венгры – язычники, ни сообщению Иоганки о том, что их знать уже была «заражена сарацинским заблуждением» (т.е. были мусульманами). Поскольку, как было сказано выше, «чияликцы» практиковали и языческий, и мусульманский погребальные обряды. Причем, иногда – на одних и тех же могильниках (Такталачук, Кишертский) (Казаков, 1978, с. 104–119; Пастушенко, 2006, с. 54).

Итак, если исходить из результатов источниковедческого анализа, то «Великая Венгрия – Magna Hungaria» это: а) понятие, появившееся в сознании европейских венгров в начале XIII в.; б) источник его неизвестен; в) монахи-путешественники венгров (Magna Hungaria) на востоке Европы нашли; д) по времени (30-е годы XIII в.) это были носители чияликской культуры. По этим четырем позициям ни письменные, ни археологические данные друг другу не противоречат.

Что касается археологических культур второй половины I тыс. н.э. – караякуповской, неволинской, ломоватовской, чепецкой (поломской) – то применительно к ним, по-видимому, от стереотипного использования этого понятия следует отказаться. Кто они были в восприятии средневековых нарративистов? На этот вопрос ответ мы находим у Венгерского Анонима: те самые племена «Дентумогер-Хетумогер», которые в конце 80-х гг. IX в. были изгнаны печенегами из Леведии и Этелькёз, а 30-ю годами ранее форсировали Этиль (Волгу) на бурдюках по способу кочевническому (Юрасов, 2007, с. 69, прим. 7; с. 70, прим. 16; с. 91, прим. 31; с. 97, прим. 86). Их исход из Предуралья в первой половине IX в., конечно же, был связан не с мифической депортацией волжскими болгарами «пермского населения» из Прикамья в Волжскую Болгарию (Голдина, 2012, с. 226),

а с уходом отсюда союза древневенгерских племен Дентумогер-Хетумогер, который они, собственно, и составляли.

ЛИТЕРАТУРА

Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. 1940. С. 71–96.

Антонов И.В. Вопрос об этнической принадлежности носителей чияликской культуры в историографии // Научный диалог. 2017. № 11. С. 309–327.

Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: Изд-во Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы, 2009. 262 с.

Боталов С.Г. Историко-культурные горизонты в эпоху раннего железного века и средневековья лесостепного Зауралья // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза) / Отв. ред. Боталов С.Г. Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей» 2016. С. 460–541.

Бубнель Е.В., Иванов В.А., Чичко Т.В. Сведения средневековых европейских письменных источников о географических координатах «Magna Hungaria» («Великой Венгрии») // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. №1. С. 229–231.

Габор Д., Овчинникова Б. Протовенгры на Урале в трудах венгерских и российских ученых. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2008. 196 с.

Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 1998. 27 с.

Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I – начале II тыс. н.э. // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. В.А. Канавин. Ижевск: Издательство Удмуртского университета, 1992. С. 17–31.

Голдина Р.Д. О датировке и хронологии неволинской культуры (конец IV – начало IX в.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т.25. / Под ред. Липиной Л.И., Широковой Ш.Ф.Ижевск: Удмуртский университет, 2012. С. 201–285.

Иванов В.А. Угры Предуралья: продолжение темы // Поволжская археология. № 4(14). 2015. С. 201–219.

Иванова М.Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. 294 с.

Иванова М.Г. Редкие виды лепной посуды городища Иднакар // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. / Отв. ред. М. Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. С. 72–83.

Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 208 с.

Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 128 с.

Казаков Е.П. Чияликская культура: территория, время, истоки // Угры. Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие угорских народов Западной Сибири (Тобольск, 9–11 декабря 2003 г.)». Тобольск: Гос. ист.-культ. музей-заповедник, 2003. С. 79–87.

Книга Ахмада ибн Фадлана. Перевод с арабского и примечания Вяч. С. Кулешова // Путешествие ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. Москва: Издательский дом Марджани, 2016. С. 18–48.

Кокорина Н.А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в. Казань: Институт истории, 2002. 383 с.

Константин Багрянородный Об управлении империей / Древнейшие источники по истории народов СССР / Отв. ред. Литаврин Г.Г. М.: Наука, 1991. 497 с.

Пастушенко И.Ю. Кишертский могильник в бассейне реки Сылвы // FU. 2005–2006. №9. С. 40–70.

Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Булгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 240 с.

Юрасов М.К. «Деяния венгров» магистра П., которого называют анонимом (продолжение) // Петербургские славянские и балканские исследования. 2013. № 1. С. 68–104.

Юрасов М.К. Деяния венгров" магистра П., которого называют анонимом / перевод В. И. Матузовой // Петербургские славянские и балканские исследования. 2007. №1/2. С. 87–98.

Информация об авторе:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмиллы (г. Уфа, Россия); ivanov-sanych@inbox.ru

MORPHOLOGICAL CHARACTERISTICS, CHRONOLOGICAL AND GEOGRAPHICAL BOUNDARIES OF MAGNA HUNGARIA IN EASTERN EUROPE**V. A. Ivanov**

The archaeological culture of the Ugrians-Magyars (Hungarians) changed over time during their stay in the Urals, but retained its ethnic semantics. Therefore, the issue of the Ural ancestral homeland of the Magyars-Hungarians (Magna Hungaria) should be solved with the use of processual archaeology techniques. They can be used in order to outline a series of archaeological sites marking the chronological, geographical and morphological boundaries of Magna Hungaria in the region. Their interpretation by the contemporary researchers is only making them more unstructured and uncertain, stretching from the Tobol to the Volga and from the Sylva to the Samara Bend. This makes the very idea of the ancient Hungarian homeland located in the Urals rather unconvincing, as in this case the ancient Hungarians-Magyars were virtually “everywhere”. The existing archaeological sources considered in the context of positivistic-processual archaeology demonstrate that the Magna Hungaria as an ethnogeographical concept can be associated with the Chiyalik archeological culture genetically ascending to the archaeological cultures of the Cis-Urals and the Kama region in the second half of the 1st Millennium A.D.

Keywords: Magna Hungaria, Hungarians, Kushnarenkovo, Karayakupovo, Lomovatovo, Nevolinsk, Polomsk, Chiyalik cultures.

About the Author:

Ivanov Vladimir A. Doctor of Historical Sciences, Professor. Bashkir State Pedagogical University, Oktyabrskoi revolyutsii, 3A, Ufa, 450008, Russian Federation; ivanov-sanych@inbox.ru

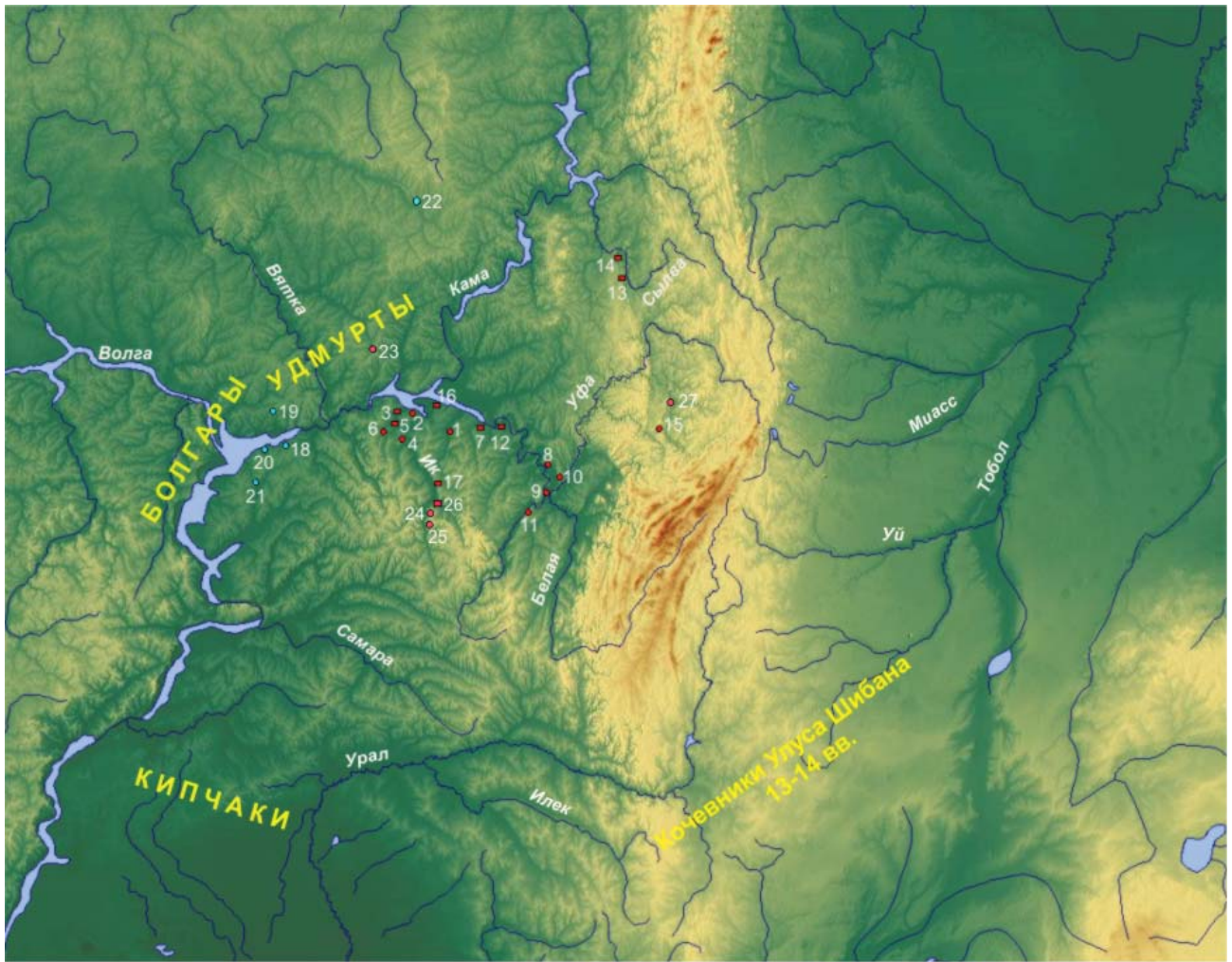

Рисунок 1. Карта памятников чияликской культуры (иштяки) XII-XIV вв. в Предуралье.

● ■ - памятники чияликской культуры; ● - памятники, где чияликская керамика присутствует.

Рис. 1. Карта памятников чияликской культуры XII-XIV вв. в Предуралье.

1 – Чияликское пос.; 2 – Игимское пос.; 3 – Такталачукский мог.; 4 – Меллятамакское пос.; 5 – Азметьевский мог.; 6 – Усаевское пос.; 7 – Кушулевульский мог.; 8 – Кара-Абыз гор.; 9 – Уфа II гор.; 10 – Уфимское (Чортово) гор.; 11 – пос. Горный; 12 – Казакларовский мог.; 13 – Кишертский мог.; 14 – Селянино озеро мог.; 15 – Турналинское гор.; 16 – Дербешкинский мог.; 17 – Сасыкульский мог.; 18 – Остолоповское пос.; 19 – Чаллы гор.; 20 – Алексеевское пос.; 21 – Биляр; 22 – Иднакар гор.; 23 – святилище Чумойтло; 24 – Тукмак-Каран пос.; 25 – Ново-Какрыбашевское пос.; 26 – Кара-Яр мог.; 27 – Гумеровское гор.

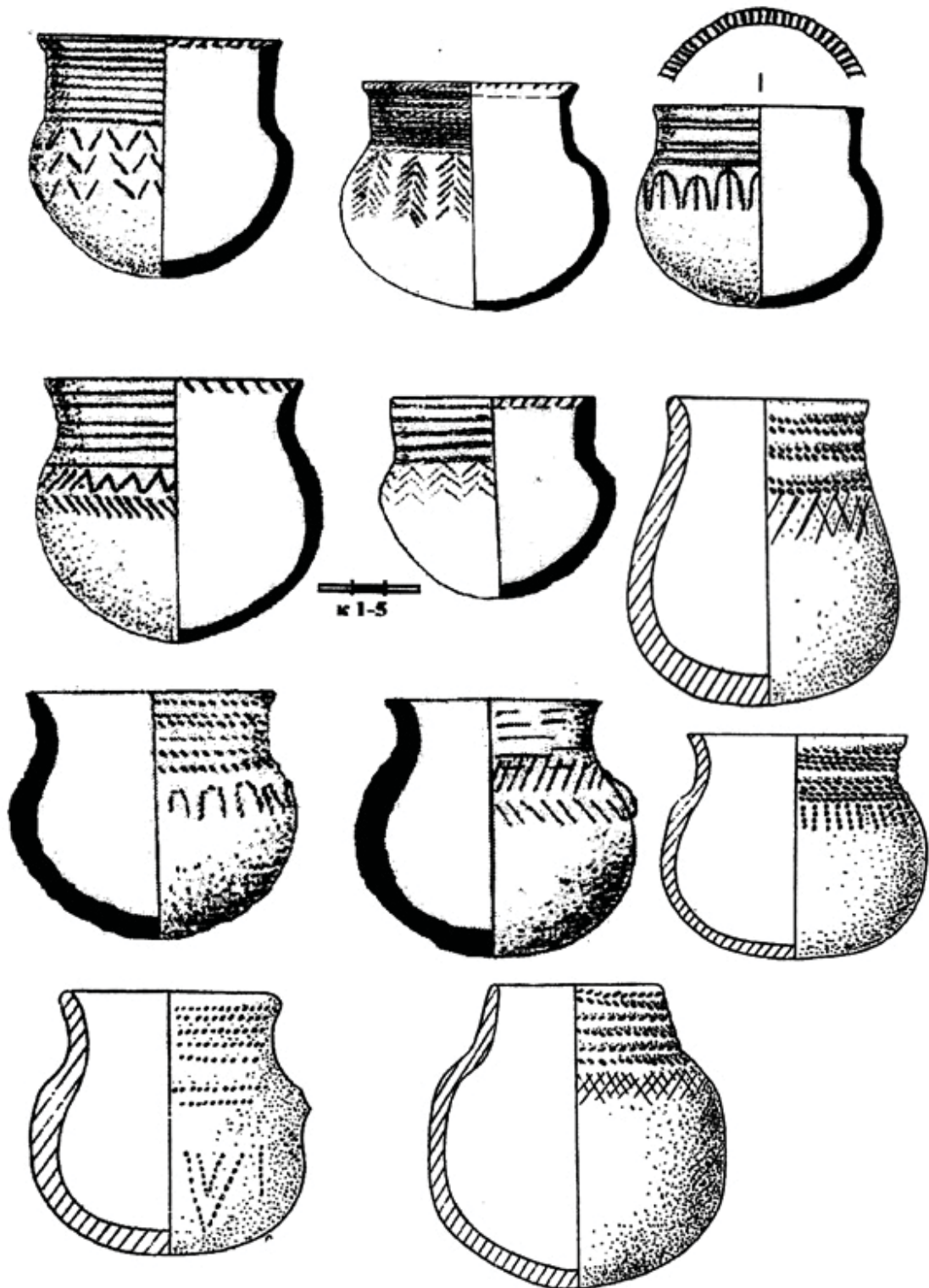

Рис.2. Керамика чияликской культуры (по Е.П. Казакову и Г.Н. Гарустовичу).

УДК 902/904

ГУННЫ НА АЛТАЕ: МАРКЕРЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

© 2018 г. А.А. Казаков

На основании анализа новых материалов, соотносимых с гуннами, значительно сдвинута на восток граница гуннского влияния. Находки изделий полихромного стиля, гуннских котлов и погребений с кольцевой лобно-затылочной искусственной деформацией черепов в более чем 17 пунктах юга Западной Сибири, из которых около половины локализованы на территории Алтайского края, позволяют достаточно уверенно включить эти территории в регион гуннского влияния. Определены признаки, позволяющие выделить памятники, принадлежащие как собственно гуннам, так и представителям местного населения, в которых встречаются элементы гуннской материальной культуры. Кратко охарактеризованы последствия взаимодействия аборигенного населения с гуннами, приведшего к формированию новой археологической культуры (одинцовской), изменившей культурный облик крупного региона.

Ключевые слова: Алтай, Западная Сибирь, гунны, культура, полихром, искусственная деформация, памятник, анализ, признак.

До последнего времени о пребывании гуннов на территории лесостепного Алтая говорилось крайне мало и уклончиво. Памятники, связанные с материальной культурой гуннов и не вписывающиеся в рамки культурообразующих признаков археологических культур лесостепного Алтая, характеризовали эпохальным термином – памятники эпохи великого переселения народов. Лишь немногие достаточно осторожно связывали их именно с гуннами, отмечая единичные проникновения представителей этого образования на территорию Алтая.

И это не случайно. До недавнего времени на территории Алтайского края и всей Западной Сибири был известен только 1 памятник, исследованный в 1959 г. А.П. Уманским, из которого происходят материалы, вычленившиеся из существующей культурно-хронологической схемы развития региона и соотносимые с эпохой великого переселения народов, позволяющие достаточно осторожно заявить, что реконструкция внешнего облика захороненного в этом погребении, выполненная М.М. Герасимовым, «...обнаруживает большую близость физического типа тугозвонковского «князя» и так называемого «гунна из Кенкола». Материалы этого погребения были опубликованы только в 1978 г. и связывались с сармато-аланским миром (Уманский, 1978, с. 162–163).

Уникальность захоронения позволила исследователю наметить восточную границу распространения изделий полихромного стиля (Уманский, 1978, с. 129, 163). Та же уникальность, большое расстояние от других

восточных находок полихрома, порождали серьезные сомнения во включенности юга Западной Сибири в сферу влияния культур гуннского круга. Существовала возможность и случайного проникновения этих предметов столь далеко на восток.

За прошедшие 40 лет после публикации материалов Тугозвонковского погребения ситуация изменилась. Значительно пополнилась источниковая база, которая в настоящее время насчитывает более десятка памятников, достаточно уверенно соотносимых с гуннами.

Ввиду большой сложности гуннской проблемы не удалось выявить определенной категории инвентаря, которая маркирует принадлежность комплексов материальной культуры к гуннской культурной среде. Пока с большой долей уверенности к таким категориям можно относить изделия полихромного стиля, бронзовые тюльпановидные котлы с грибовидными ручками, так называемые котлы гуннского типа. Еще одним маркером, не относящимся к инвентарному комплексу, но связанному с определенными традициями, является одна из разновидностей деформации черепа (кольцевая, лобно-затылочная).

Следует отметить, что сами по себе, отдельно от других признаков, эти маркеры не несут в себе культуродиагностирующей нагрузки, позволяющей отнести тот или иной комплекс к гуннам. Эту функцию они выполняют только в случае их взаимовстречаемости при определенных особенностях инвентарного комплекса, о которых речь пойдет ниже.

Как уже было сказано, в последнее время значительно пополнился корпус источников,

содержащих в своем составе изделия полихромного стиля гуннского облика, маркирующих восточную границу их распространения. Кроме Тугозвовского (Уманский, 1978) это погребение на реке Ераська в лесостепном Алтае (Егоров, 1993), погребение на могильнике Сопка-2 (№ 688) в Барабе (Молодин, Чикишева, 1990), погребение на могильнике Ивановка-6 в Новосибирской области (Бородовский, 2003), погребение кургана 35 Тимирязевского курганного могильника 1 (Беликова, Плетнева, 1983), погребение кургана 6 курганного могильника Крохалевка-23 (Троицкая, Новиков, 1998), погребение 2 кургана 1 курганного могильника Крохалевка-16 (Сумин, Евтева, Ануфриев, Росляков, 2013), поминально-погребальный комплекс Аржан-Бугузун из юго-восточного Алтая (Кош-Агачский район Республики Алтай) (Кубарев, 2010), материалы с могильника Бома в северном Притяньшанье (Алкин, 2007), случайная находка у с. Урлапово Шипуновского района Алтайского края калачиковидной серьги (АГКМ ОФ 12470/18; А 3005; Дз-7).

Случайная находка гуннского котла на Поликарповой гриве у с. Черная Курья Мамонтовского района Алтайского края (Иванов, 2016), погребения людей с искусственной кольцевой лобно-затылочной деформацией черепа, связываемого исследователями со среднеазиатскими традициями (Тугозвово, Усть-Пустынка (Алехин, Гельмель, 1991), БЕ (Грязнов, 1956) и т.д.) (Тур, 1996) дополняют список памятников на территории Алтая, которые можно соотнести с гуннским образованием.

Кроме того, калачиковидные серьги, аналогичные случайной находке у с. Урлапово, на территории Сибири известны и ранее. Четыре из них происходят из Сибирской коллекции Петра I и еще две присутствуют на изображениях предметов из коллекции Н.К. Витзена (Руденко, 1962, с. 22, 23, Табл. XX – 20, 26, 27, 28, 29).

Достаточно большое количество памятников как на территории Западной Сибири, так и Алтайского края, в которых мы можем наблюдать наличие маркеров, позволяющих говорить о их принадлежности к гуннам, либо о прямом гуннском присутствии на этой территории, позволяет в настоящее время включить территорию Алтайского края, как и Западной Сибири в целом, в круг культур гуннского влияния.

Одним из важнейших культурно-хронологических индикаторов является погребаль-

ный обряд. Попробуем унифицировать имеющиеся сведения по погребальному обряду погребений, в которых встречены изделия полихромного стиля на восточной периферии его распространения.

Из 9-ти 3 погребения являются грунтовыми, совершены по обряду ингумации (Тугозвово, Ераська, Сопка-2), 4 – подкурганными по обряду ингумации (Ивановка-6, Крохалевка-23, Крохалевка-16, Бома), 2 (Тимирязевский-1, Аржан-Бугузун) подкурганная кремация. Тугозвовский погребенный ориентирован головой на ВЮВ, Ераська – ССВ, Сопка-2 — ССВ (на север с отклонением к востоку), Крохалевка-16 – ССВ, Крохалевка-23 – СВ. 7 из 9 захоронений совершены по обряду ингумации, костяки в 5 случаях лежат вытянуто на спине, в трех случаях (Ераська, Сопка-2 и Бома) захоронения в сопровождении коня. В двух случаях (Ераська и Сопка-2) конь ориентирован в том же направлении, что и костяк человека. В одном случае конь захоронен справа от погребенного (Ераська), в другом – слева (Сопка-2).

Еще одной особенностью погребального обряда, зафиксированной в двух случаях, является кольцевая лобно-затылочная деформация черепов погребенных (Тугозвово, Сопка-2). К сожалению, прямых сведений о наличии или отсутствии таковой на других памятниках не имеется.

Дальнейший анализ погребального обряда позволяет разделить анализируемые погребения на две основные группы. Первую составляют погребения, в которых изделия полихромного стиля органически вписываются в комплекс инвентаря, представлены комплексно, в составе законченного изделия, а не единичными экземплярами. Эти изделия не имеют признаков вторичного использования, переделки и приспособления для их крепления не в составе целого комплексного изделия и используются по своему прямому назначению. Кроме того, эти погребально-поминальные комплексы по своему обряду отличаются от массового, типичного для конкретной археологической культуры региона обряда захоронения, вычлняясь из него по ряду признаков. В то же время они объединяются рядом схожих признаков погребального обряда. К этим погребально-поминальным комплексам относятся Тугозвово, Ераська, Сопка-2, Аржан-Бугузун и Бома.

Погребально-поминальные комплексы Тугозвово, Ераська и Сопка-2 локализованы в регионах кулайско-фоминского культурно-

го единства и хронологически совпадают с раннеодинцовскими памятниками. В погребально-поминальной обрядности их объединяет ориентация преимущественно в восточном направлении, одиночная ингумация, бескурганые захоронения в грунтовых ямах.

Несмотря на некоторые общие черты эти комплексы выделяются из общей массы такими особенностями, как захоронения вне могильного поля (одиночные), богатство инвентаря, глубокие могильные ямы, отсутствие в погребениях и рядом с ними керамических сосудов. Это позволяет соотнести их с собственно гуннами.

Вторую группу составляют погребения, совершенные по типичному для региона погребальному обряду. Изделия полихромного стиля представлены в них единичными экземплярами. Кроме того, ряд изделий имеют признаки их переделки для вторичного использования. Это Ивановка-6, курган 35 Тимирязевского курганного могильника-1, курган 6 курганного могильника Крохалевка 23 и курган 1 курганного могильника Крохалевка-16. Эту группу погребений следует отнести к типичным погребениям культур региона, подвергшихся гуннскому влиянию.

Вторичное использование полихромных изделий в этих погребениях, изъятие их из единого комплекса, не позволяет рассматривать эти находки как четкий хронологический или культуродиагностирующий маркер. В этом случае они схожи с нумизматическими находками, которые в погребально-поминальных комплексах ввиду их достаточно длительного хождения, способны определять лишь нижнюю хронологическую границу, оставляя верхнюю открытой.

Как уже было отмечено, погребения первой группы можно соотнести с собственно гуннами. Об этом свидетельствует в двух

случаях антропологический тип погребенных, не свойственный местному населению (Тугозвоново и Сопка-2) и во всех трех случаях – особенности погребальной обрядности, позволяющими вычленивать гуннские погребения из всех остальных. Это глубокие ямы, в двух случаях сопроводительное захоронение коня (Ераська и Сопка-2), наличие изделий полихромного стиля, богатство (большое количество и разнообразие инвентаря), отсутствие керамики, кольцевая лобно-затылочная деформация черепа, зафиксированная в Тугозвоново и Сопке-2. Редкость и изолированность подобных комплексов, отсутствие отдельных некрополей так же является отличительной чертой гуннских захоронений.

Высокий социальный статус пришельцев способствовал тому, что многие элементы материальной культуры перенимались у них местным населением. Так, для территории лесостепного Алтая, можно говорить, что именно благодаря контактам гуннов с представителями местного населения были запущены культурогенетические процессы, приведшие к трансформации фоминского этапа кулайской культуры в одинцовскую культуру с выделением переходного этапа – сошниковского (Казаков, 2014, Григоров, Казаков, 2018). Обряд кремации был замещен обрядом ингумации, широкое распространение получил обычай искусственной деформации черепа, который ранее на этой территории не фиксируется, появляется, вероятнее всего, привнесенный пришельцами предтюркский компонент – обряд сопроводительного захоронения коня.

Не абсолютизируя гуннского влияния, признавая участие и других культурных компонентов в формировании одинцовской культуры, можно говорить, что именно юго-западногуннский компонент являлся доминирующим.

ЛИТЕРАТУРА

Алехин Ю.П., Гельмель Ю.И. Курган гунно-сарматского времени у с. Усть-Пустынка Краснощековского района // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Сборник тезисов конференции (Барнаул, 12–13 апреля 1991 г.). Барнаул: Барнаульский государственный педагогический университет, 1991. С. 94–95.

Алкин С.В. Коллекция из кургана Бома в Северном Притяньшанье: материалы к изучению гунно-сарматского времени в Восточном Тупкестане // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности: сборник научных статей / Под ред. Ларичева В.Е. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. С. 91–100.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск: Изд-во Томск. Ун-та, 1983. 245 с.

Бородовский А.П. Древнее серебро в Сибири (обзор проблематики) // Древности Алтая. 2003. № 11. С. 44–58.

Григоров Е.В., Казаков А.А. Барнаульско-Бийское Приобье в I–XII вв. (по данным погребального обряда). Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2018. 230 с.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка / МИА №48. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 163 с.

Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири, Барнаул, 1993. С. 77–80.

Иванов Г.Е. Алтайская деревня на перекрестках истории: летопись Мамонтовского района. Барнаул: Изд-во, 2016. 500 с.

Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2014. 152 с.

Кубарев Г.В. Уздечный набор в полихромном стиле из памятника Аржан-Бугузун (Юго-Восточный Алтай) // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии: сборник научных трудов / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Азбука, 2010. С. 27–31.

Молодин В.И., Чикишева Т.А. Погребение воина IV–V вв. н. э. в Барабе // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии / Отв.ред. Ю. С. Худяков, Ю. А. Плотников. Новосибирск, 1990. С. 161–179.

Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. / САИ ДЗ-9. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 52 с.+27 табл.

Сумин В.А., Евтеева Е.М., Ануфриев Д.Е., Росляков С.Г. Археологические памятники Коченёвского района Новосибирской области. Новосибирск: Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области, 2013. 272 с.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1998. 152 с.

Тур С.С. К вопросу о происхождении и функциях обычая кольцевой деформации головы // Археология, антропология и этнография Сибири / Отв.ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Издательство АГУ, 1996. С. 237–249.

Уманский А.П. Погребение эпохи "великого переселения народов" на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири / Отв.ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1978. С. 129–163.

Информация об авторе:

Казаков Александр Альбертович, кандидат исторических наук, Барнаульский юридический институт МВД РФ (г. Барнаул, Россия); kaa-2862@mail.ru

THE HUNS IN THE ALTAI: MARKERS AND CONSEQUENCES

A. A. Kazakov

The boundary of the Huns' influence has been considerably shifted to the East on the basis on an analysis of new materials associated with the Huns. The polychrome articles, Hunnic cauldrons and burials with circular occipitofrontal artificial deformation of the skulls discovered at over 17 locations in the South of Western Siberia, about half of which were located in the territory of Altai Krai strongly suggest that these territories should be included in the region of the Huns' influence. The authors determined the features allowing to allocate monuments associated both with the Huns and the representatives of the local population, which feature elements of the material culture of the Huns. The article presents a brief outline of the consequences of interactions between the aboriginal population and the Huns, which resulted in the establishment of a new archaeological culture (Odintsovo) having changed the cultural appearance of the vast region.

Keywords: Altai, Western Siberia, Huns, culture, polychrome, artificial deformation, monument, analysis, features.

About the Author:

Kazakov Alexander A. Candidate of Historical Sciences, Barnaul Law Institute, MIR. Chkalov St., 49, Barnaul, 656038, Russian Federation; kaa-2862@mail.ru

УДК 902/904

К ПРОБЛЕМЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КУЛЬТУР УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

© 2018 г. Е.П.Казаков

Статья посвящена характеристике и взаимодействию средневековых культур Урало-Поволжья. Этот регион входил в зону влияния всех эпохальных событий Евразии, что отражалось на появлении здесь новых культур и их миграциях. Особенно важным является археологическое утверждение угорских культур, начало которому положили широкие раскопки, начиная с 60 - 70-х гг. XX в., языческих могильников ранней Волжской Болгарии. В результате изучения и анализа их материала выявлено, что угорские племена, в основном мансийского круга, занимали широкую территорию Большого Урала и Волго-Камья. Они, находясь в многолетнем взаимодействии с Волжской Болгарией, составляли значительную часть её населения. Определено также, что прикамские культуры: неволинская, ломоватовская, полумская, которые ранее связывали с финнами, являлись угорскими. Лишь в X - XI вв. их сменили чепецкая и родановская культуры предков удмуртов и коми, мигрировавшие под натиском Руси на восток.

Ключевые слова: волжские болгары, угры, мансийские фратрии, постпегромская культура, чияликская культура

Одним из богатейших в природном отношении регионов Евразии является Урало-Поволжье, которое всегда привлекало население, особенно с непрочной оседлостью, обилием пищи для скота и неисчерпаемыми биоресурсами долины крупнейших рек: Волги, Оки, Камы, Вятки, Белой.

Благодаря многолетним, широким исследованиям археологов Татарстана, Башкортостана, Удмуртии и других к настоящему времени накоплен и, в значительной мере опубликован, обширный материал по средневековой истории региона который распределяется по культурам. Известно, что основной формой организации этого времени было племя, в которое входили более мелкие родоплеменные подразделения. Археологи могут выявить древние населения только по материальным остаткам. Комплекс этих находок, имеющих свою специфику в культуре, хронологии, территории часто определяют как культуры. Но ясно, что такие элементы вырабатываются только в течение времени. Поэтому культуры в Урало-Поволжье указанного времени или привнесены из других регионов, или вырабатывались в течении длительного обитания на определенной территории. Практически в связи с близостью обширных южных и восточных областей, где проживало, в основном, кочевое население, регион неоднократно подвергался миграциям.

Благодаря накопленным материалам на рассматриваемой территории выявлен ряд культур, которые по площади не уступают

крупным образованиям степей и леса Евразии. Так, одной из них являлась турбаслинско-именьковская общность, памятники которой отмечаются от Приуралья до Мордовии (Казаков, 2011, с. 8-39). В отличие от прежних представлений, эта культурная общность несомненно связана с сарматами, имеющими заметное сходство в культуре с древностями джеатарской культуры Приуралья. Особенно мощный приток этого населения в Приуралье отмечается в середине VI в., когда тюрки разбили в Приуралье племена огоров, авар и хионитов.

Во второй половине VII в. в регион проникают с юго-востока кочевые угры, которые оставили памятники кушнаренковской культуры. Они фактически заняли всю турбаслинско-именьковскую территорию. На ряде памятников отмечаются следы насильственного прекращения их деятельности.

Угорские кочевники господствовали в Урало-Поволжье до IX в., когда в культуре их произошла трансформация, отражающая приход родственных кочевых групп (Мажитов, 1981). В IX в. как следствие глобальной конфронтации печенежского и угорского миров начались нападения печенегов на угров Приуралья. Об ожесточенности этой борьбы свидетельствуют, в частности, материалы Чишминского могильника на территории Татарстана (Казаков, 1978, с. 20-28).

Печенеги совершали и дальние походы на север (рис. 1), где предки манси оставили

неволинскую, ломоватовскую и полоцкую культуры.

Самих печенежских погребальных памятников на рассматриваемой территории, кроме нескольких единичных, разрушенных захоронений на вершинах курганов (Чишминский курган), нет, так как печенеги проживали и возвращались в степь.

Нападения печенегов на более северных угров, родственных кушнареновским кочевникам, привело к тому, что в Прикамье исчезли целые культуры. Так, вслед за кушнареновской была неволинская культура, а также южные памятники ломоватовской и полоцкой культур. В первую очередь кочевники напали на расположенную ближе к ним и не отделенную от них рекой Камой неволинскую группу. Это население тесно связано с сарматовским миром, имея представление о народах, проживающих по Волжскому пути, в том числе, определенные связи с салтово-маяцким населением, возможно, узнали о приходе в Среднее Поволжье волжских болгар, в состав которых входили и сарматы (Казаков, 2008, с. 24–33). Видимо, поэтому неволинское население появилось, судя по керамике, на самых разных этапах формирования культуры болгар (Большетарханский могильник). В третьей четверти IX в. идет массовая миграция неволинского населения в страну болгар, что подтверждается посудой танкеевского могильника (Казаков, 2008, с. 24–33).

Выделение среди шнуровой посуды угров Урало-Поволжья фратрий мощ и пор несомненно являются большим успехом средневековой археологии. Однако наиболее четко прослежена и структурирована культура фратрии пор, с ее четко сохраняющейся керамикой с X до XI вв. В течение этого времени она сохраняет «паспорт» основных признаков: круглодонность, высота равна или близка к диаметру тулова, цилиндрическая шейка высотой до 3 см, скос по венчику внутри сосуда, украшенный гребенкой. По шейке обязательные отески веревочки, по верхней части тулова – обязательные отески гребенки. Это так называемая постпетрогромская посуда.

Некоторые элементы данной керамики явно имеют близость к посуде петрогромской культуры, занимавшей большую площадь среднего Урала. Хотя также изразцы на святилищах Сухая гора, Голый Камень имеют отличия: по выемки венчик бордюром во внутрь, композиция орнамента близка к вышеописанному. Особенно близки, практически идентич-

ны, с данной посудой, посуда из памятников южных могильников петрогромской культуры. Один из них, Аяцкий, исследован в 50-е годы XX в. (Берс, 1957).

Правда, для угров, для которых серебро было священным металлом, в тесто примешивались тальк, который давал такой отблеск. При движении на запад, уже не было талька, угры вынуждены были заменить тальк толченой раковинной, которая давала тот же отблеск в виде серебра.

О том, что постпетрогромские памятники оставлены предками манси фратрии пор, свидетельствуют и другие источники. По сведениям Плано Карпини татаро-монгольское войско после покорения Волжской Болгарии продвинулось «еще на север, против Баскарт, то есть Великой Венгрии, они победили и их. Выйдя отсюда, они пошли дальше к северу и прибыли к Пароситам» (Плано Карпини, 1975, с. 66).

Как отмечалось, одним из важных военно-политических центров населения фратрии пор было Елабужское городище. Здесь преобладала постпетрогромская посуда, хотя было много болгарской круговой и поволжско-финской керамики.

В целом регион Елабужского Татарстана и Южной Удмуртии был насыщен жителями фратрии мощ и пор. М.Г. Атамановым отмечается здесь много угорских назначений (Атаманов 1987, с. 133–141). Видимо, на месте одного из поселений их возник поздний удмуртский город Можга. Это тем более вероятно, что на восточной окраине этого города Р.Д. Голдиной изучено мансийское святилище с культом охотничьей магии (Казаков, 2007, с. 57; Голдина, 1987, с. 84–106).

Расстояние от г. Елабуга до г. Можга составляет всего 70 км к северу. По сведениям М.Г. Атаманова в удмурдских хозяйствах, которые после миграции в XI в. сменили угров, работали «девки поры».

По пути неволинских мигрантов и другие пришельцы закамских угров. На ранних раскопках Танкеевского могильника ломоватовская керамика даже превосходит круговую болгаро-салтовскую посуду. Но такое переселение не было простым: им надо было переправиться через р. Каму и пройти районы, контролируемые печенегами. Возможно, об одном из эпизодов такой миграции свидетельствует материал Игимского могильника. Здесь наряду с другими захоронениями мужчин, вооруженных саблями, копьями, луком со стрелами, выявлено несколько безинвентар-

ных могил (Казаков, 2007, с. 139, рис. 20). Судя по сопровождению погребений лепной круглодонной с примесью толченой раковины в тесте сосудов (рис. 3, 25) блоковидной шейкой, имеющей диаметр тулова намного больше высоты ее, такая керамика аналогично поломско-ломоватовской посуде фратрии мощ. Возможно, какой-то отряд этого населения, стремившегося прорваться в страну болгар, вынужден был довольно длительное время скрываться в чащобах крупнейшего болота Кулегаш Татарстана недалеко от р. Камы.

После того как огузы изгнали печенегов, на степи Южного Урала вернулись угорские кочевники Южного Урала, тесно связанные с тюркскими кочевниками. Однако в Прикамье и Северную Башкирию переселяются кочевые угры из Среднего Урала. Они оставили Мрясимовский, Каранаевский и другие некрополи с отмеченной постпетрогромской керамикой. Некоторые исследователи называли эти памятники мрясимовской культурой (рис.4).

Мансийское происхождение их определяется и по культовым материалам. Об этом свидетельствует находка из кургана №5 Бакалинского могильника. Здесь встречена кукла, аналогичная мансийским иттермам (по И.Н. Гемюеву) (рис.5).

В целом постпетрогромские памятники были переходными от язычества к исламу. Однако во многих регионах посуда четко соблюдала элементы своего «паспорта». Во многих регионах севера и Приуралья Башкирии, а также в области лесостепи сылвенской лесостепи (рис. 4) в памятниках вместе находятся погребения язычников и мусульманские захоронения. Во всех крупных поселениях Волжской Болгарии, как правило встречается много такой посуды (рис. 5).

Многие традиции постпетрогромской культуры сохранялись в древностях чияликской культуры. Но это был уже золотоордынский переход, когда мансийское население мусульманизируется и выступает в качестве племенных подразделений башкир.

ЛИТЕРАТУРА

Атаманов М.Г. Об угорских названиях в удмуртской топонимике // Проблемы изучения древней истории Удмуртии / Отв.ред. Л. А. Наговицин Ижевск: УдНИИ, 1987. С. 133–141.

Голдина Р.Д. Жертвенное место Чумойтло в Южной Удмуртии // Проблемы изучения древней истории Удмуртии / Отв.ред. Л. А. Наговицин Ижевск: УдНИИ, 1987.С.84–106.

Берс Е.М. Отчет о раскопках Среднеуральской археологической экспедиции за 1957 год // Архив ИА АН СССР. Р1, №1529.

Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978, С. 20–28.

Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX– XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007. 208 с.

Казаков Е. П. Сылвенско-неволинская керамика памятников ранней Волжской Болгарии и проблемы миграции угров на Волгу в VII–IX вв. // FU. 2008. №11. С. 24–33.

Казаков Е.П. Этнокультурная ситуация IV–VII вв. н.э. в Среднем Поволжье // FU. 2011. №12–13. С. 8–39

Мажитов Н.А. Курганы южного Урала VIII– XII вв. М.: Наука,1981. 164 с.

Плано Карпини. История монголов, , которых мы называем Татарами // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Под ред. Н.П. Шастина. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. С.66.

Информация об авторе:

Казаков Евгений Петрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); erkaz@mail.ru

THE ISSUE OF CHARACTERIZATION OF MEDIEVAL CULTURES IN THE URAL-VOLGA REGION

E. P. Kazakov

The article considers the characteristics and interactions between the medieval cultures of the Ural-Volga region. The region was influenced by all landmark events in Eurasia, which reflected in the cultures emerging in the area and migrations thereof. Of particular significance is the archaeological confirmation of the Ugric cultures on the basis of large-scale excavations which began in the 1960-1970s at pagan burial grounds of the early Volga Bulgaria period. As a result of studies and analysis of obtained material, it was established that the Ugric tribes, primarily of the Mansi circle, populated the vast territory of the Great Urals and the Volga-Kama region. After many years of interactions with Volga Bulgaria, they constituted a significant portion of its population. It has also been determined that the Nevolinskaya, Lomovatovskaya and Polomskaya cultures of the Kama region previously associated with the Finns were in fact of the Ugric origin. In the 10th-11th centuries they were superseded by the Chepetskaya and Rodanovskaya cultures of the Udmurt and Komi ancestors having migrated to the East as a result of oppression by Rus.

Keywords: Volga Bulgars, Ugric peoples, Mansi phratries, Postpegromskaya culture, Chiyalikskaya culture.

About the Author:

Kazakov Evgenii P. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ncai@mail.ru, epkaz@mail.ru

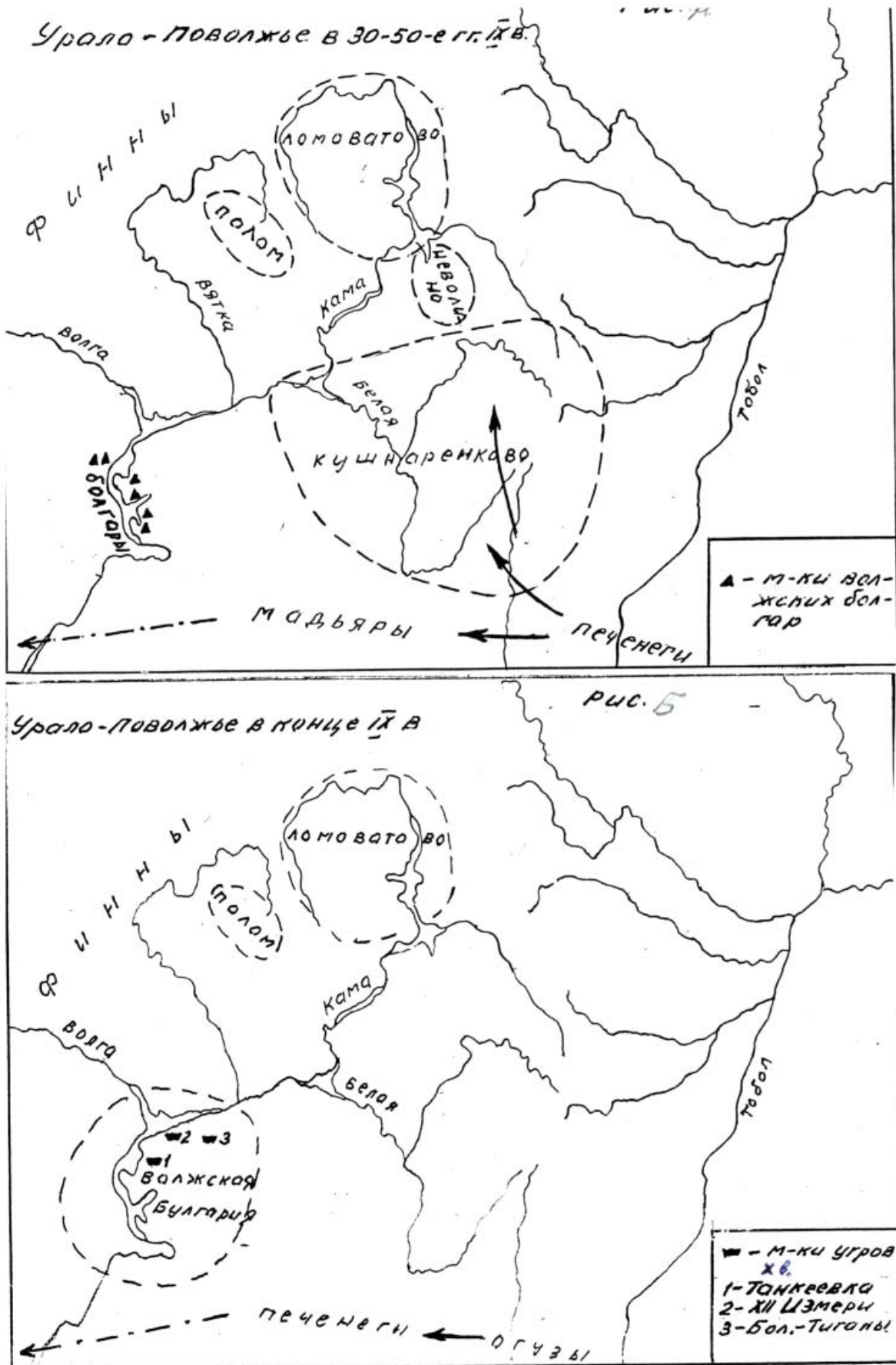

Рис. 1 Печенежские нашествия в Урало-Поволжье.

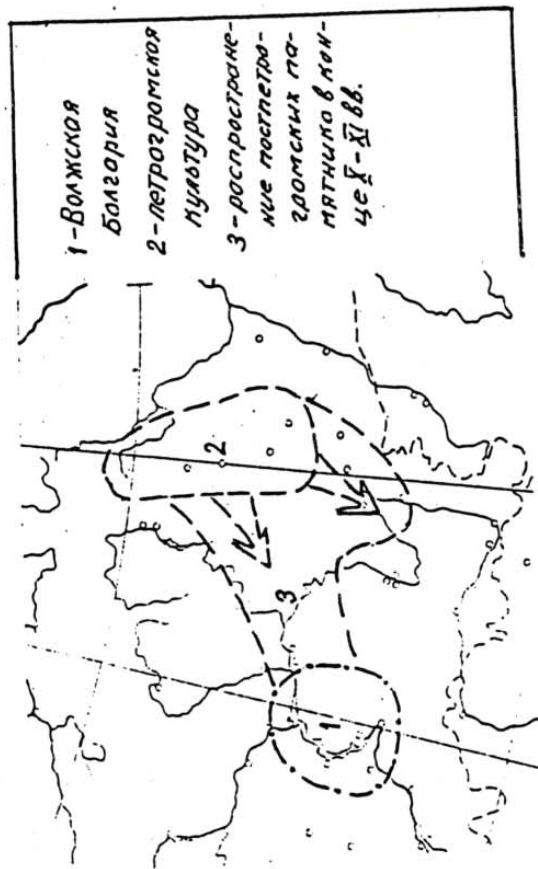
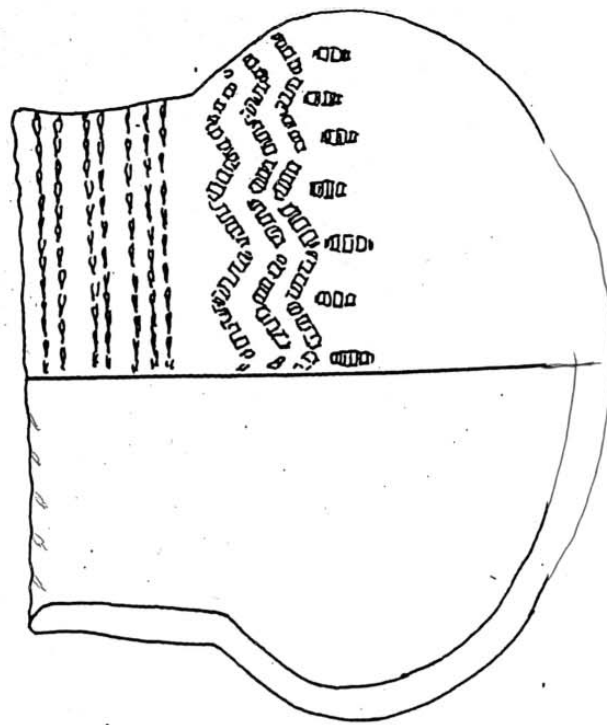

Рис. 2. Распространение постбулгарской культуры в Урало-Поволжье

Рис. 3. План погр. 2 Игимского могильника. 1 – 10 – цветной металл, 18 – кость, 19 – дерево, 11 – 17, 20 – 22, 24 – железо, 23, 25 – железо и дерево, 26 – керамика.

Рис. 4. Постпетрогромкая керамика Приуралья (по Р.Д. Голдиной).

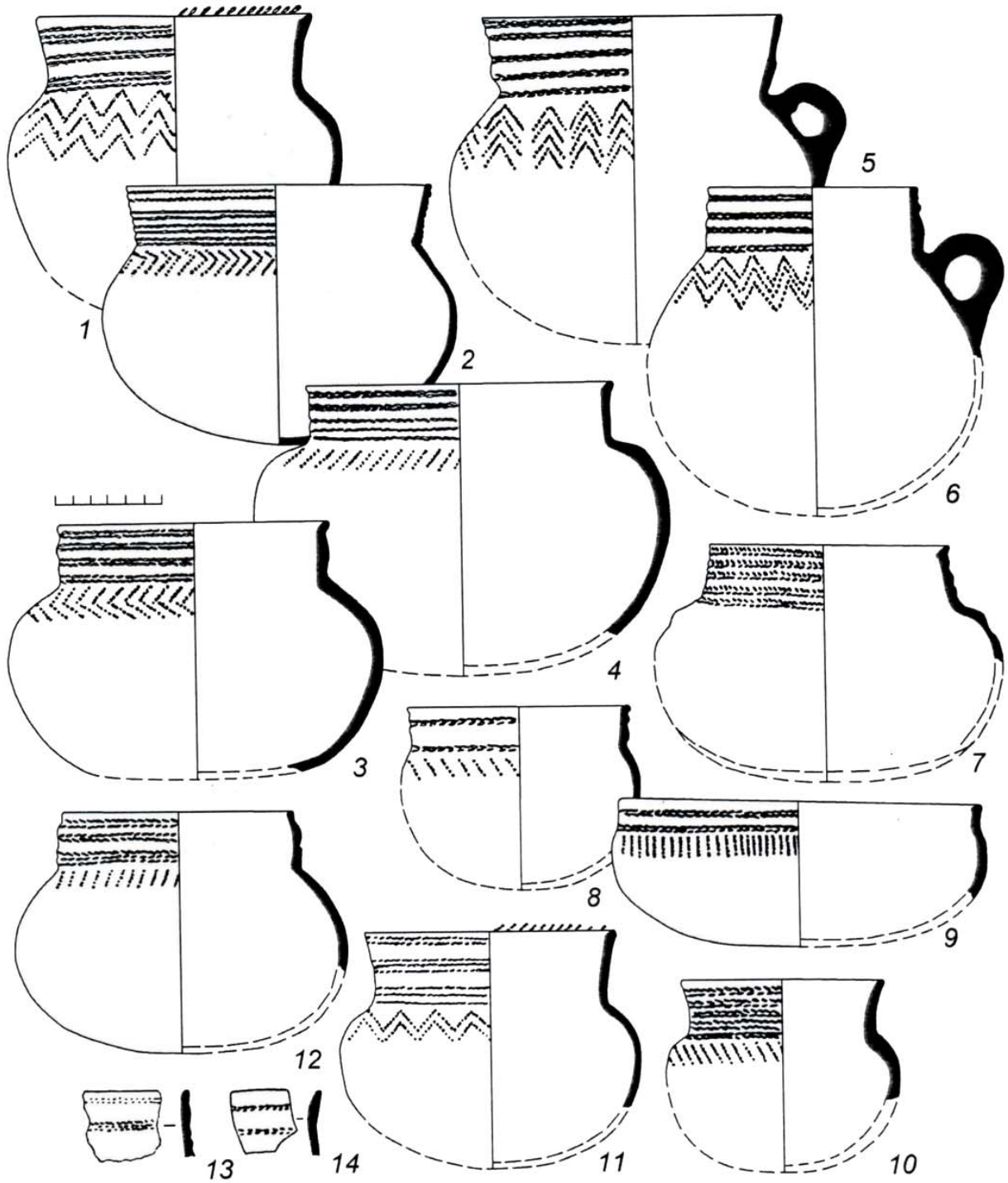

Рис. 5. Постпетрогромская керамика Волжской Болгарии (по Т.А. Хлебниковой)

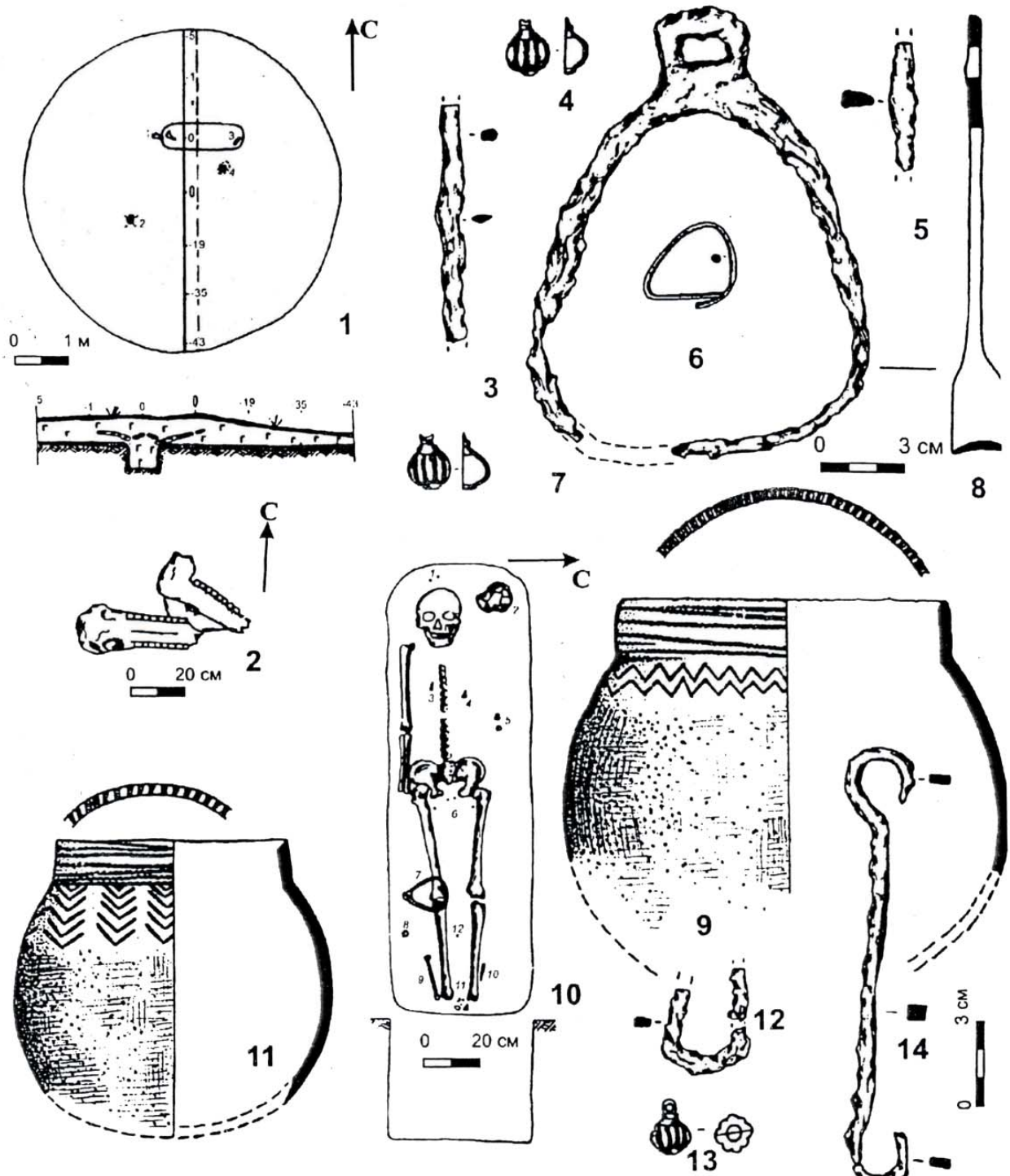

Рис. 6. Постпетрогромские коммунгение Бакаленского могильника

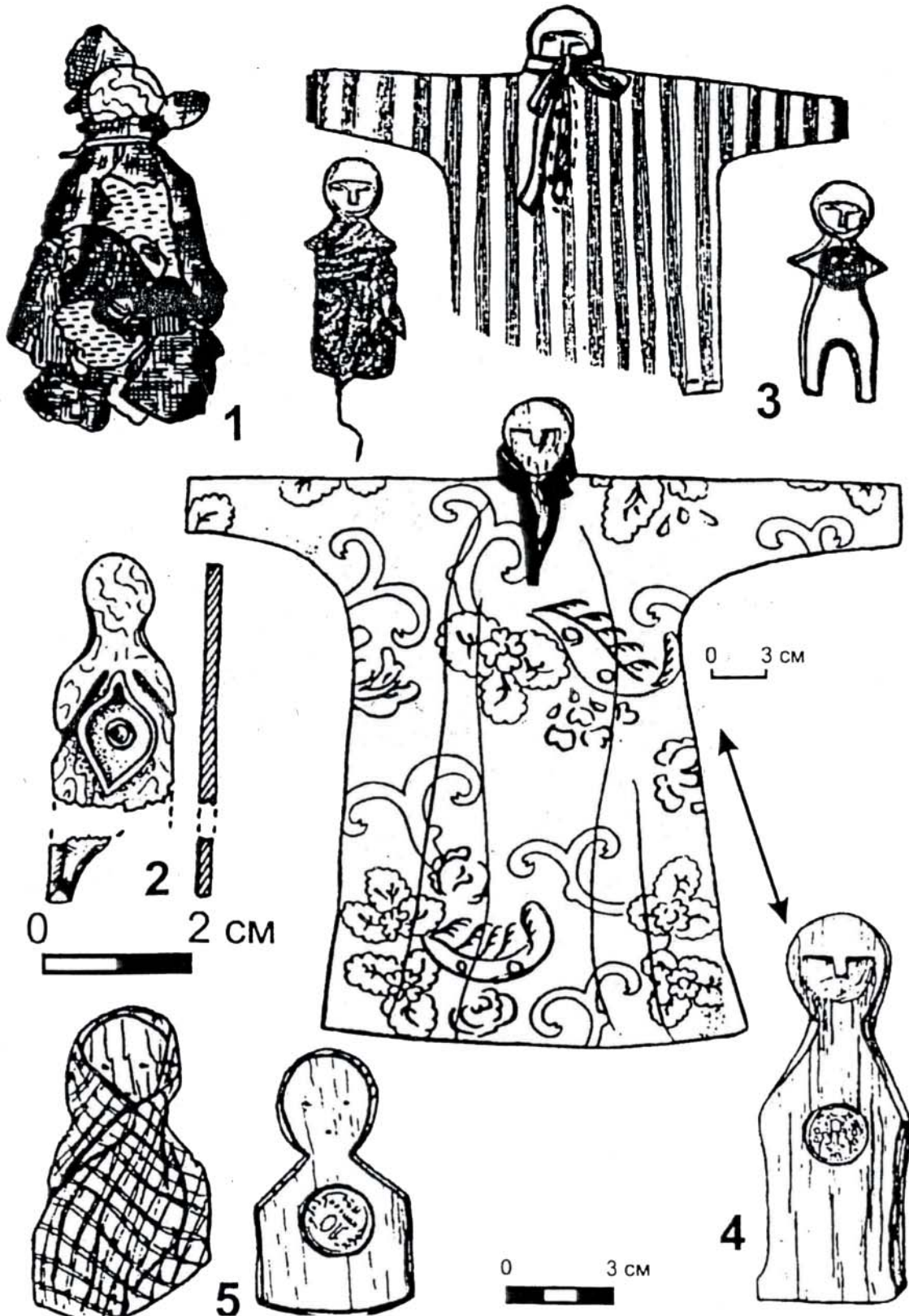

Рис. 7. Мансийский культовый онгон Бакаленского могильника (1,2). 3,5- мансийская иттерна (И.Н. Гемеву).

УДК 902/904

ИСТОЧНИКИ О ВОСТОЧНЫХ МАДЬЯРАХ В УЛУСЕ ДЖУЧИ

© 2018 г. А. К. Кушкумбаев

Статья посвящена обзору извлечений латиноязычных, монгольских и арабо-персидских источников по истории восточных мадьяр XIII-XV веков, проживавших на территории чингизидских улусов-владений евразийского региона. Наиболее ценные сведения о восточных мадьярах сообщают латиноязычные манускрипты XIII-XIV веков и подтверждаются свидетельствами параллельных восточных сочинений: «Тайная история монголов», «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина и другими арабскими и персидскими источниками. Достоверно установленным можно считать, что отдельная мадьяроязычная группа проживала на территории Джучиева улуса в конце XIV – середине XV веков в районе золотоордынского города Азак, в низовьях реки Дон. Другие группы восточных мадьяр зафиксированы на территории Северного Кавказа, Центральной Азии. Особо важные сведения сообщают о восточных мадьяр письмо папы Иоанн XXII, обращенное вождю Йеретамиру, находившемуся в Самарканде.

Ключевые слова: восточные мадьяры, латиноязычные источники, арабские и персидские сочинения, монгольские источники, Джучиев улус, «Великая Венгрия», евразийский регион.

Основные сведения о существовании восточных мадьяр сохранились в различных письменных памятниках периода средневековья. Условно их можно разделить на две группы: западные, как правило, латиноязычные записи, и разноязычные восточные (арабские, персидские, монгольские и тюркские) источники. Речь, прежде всего, идет о мадьяроязычном населении, которое по каким-то причинам осталось в восточной части евразийских степей, после исхода мадьяр эпохи Арпада из причерноморского региона в конце IX века.

Латиноязычные источники. Первые сведения о мадьярах, проживавших на Востоке от Дунайской Венгрии, появились в латиноязычных источниках. Согласно мнению В.П. Шушарина, основанному на сообщениях «Деяния мадьяр» магистра П. (Аноним), составленному на рубеже XII–XIII вв., традиционная передача информации о восточных мадьярах, сохранялась в Венгрии в течении XI–XIII веков (Шушарин, 1997, с. 159). Неизвестный автор «Деяний», вероятно, опирался на сведения ранее написанной в XI веке хроники «GestaUngarorum», не дошедшей до нас.

Для обозначения исходной территории обитания мадьяр на востоке магистр П. (Аноним) использует понятие Дентумогер (*Dentü-mogyer*), которая локализовывается им севернее Черного моря, в районе реки Танаис (Дон). *Dentü-mogyer*, скорее всего, обозначает ранних (древних) мадьяр – дентюмодьер (см.: «Деяния венгров», 2007, с. 91; Христианский мир, 2002, с. 241). Термин *Dentü-mogyer* пере-

водится как «речные мадьяры» или мадьяры, проживающие у реки.

Последующие розыски восточных мадьяр опирались на смутные известия старых венгерских исторических хроник о существовании древней «старейшей» Венгрии – «*Maior*» (Старшей), располагавшейся на востоке, откуда пришли предки дунайских венгров.

Путешествие венгерских миссионеров, в частности, монаха Юлиана на восток в поисках восточных соплеменников многократно анализировалось в венгерской научной литературе (см.: Зимони, 2000, с. 18–21).

Приблизительно в 1231–1232 гг., начался поиск оставшихся на востоке мадьяр, которые «пребывали в неверии и остаются язычниками и в настоящее время», предпринятый братьями из доминиканского ордена. Судя по записи брата Рикардуса (Рихард), из четырех человек этой первой восточной экспедиции, живым вернулся один человек – священник Отто, который и сообщил сведения о восточных мадьярах. Как следует из письма брата Рикардуса, трое из них в пути погибли, но четвертый, «священник Отто», в одной из областей отыскал людей, которые «говорили на их языке» и получил от них точную информацию, где находится эта страна. Вернувшись в Венгрию, он планировал подготовить новую экспедицию и еще раз совершить путешествие к восточным мадьярам, но умер через восемь дней после прибытия, тем не менее, успев рассказать собратям о своем открытии (Хаутала, 2015, с. 364; Аннинский, 1940, с. 77).

Вторая экспедиция, состоящая из четырех братьев доминиканского ордена, преодолевая невероятные трудности и лишения на своем пути, в лице одного брата Юлиана, наконец, добралась до заволжских мадьяр. После возвращения Юлиана, с его слов, или по его путевым заметкам Рикардус и составил, вероятно, в начале 1236 года (Хаутала, 2015, с. 357) письменный отчет о результатах этого путешествия.

Юлиан, как сообщает источник, был отправлен в составе группы из четырех братьев, в далекие земли на поиски именно восточных мадьяр (древних соплеменников). Терпя лишения и муки на своем пути, похоронив всех своих спутников, этот самоотверженный человек, наконец, нашел тех, кого упорно пытался найти. В одном из городов Волжской Булгарии, скорее всего, находившимся на востоке или юго-востоке этой державы, он встретил мадьярскую женщину, в ходе разговора, которая показала ему путь на ее родину.

Впервые, полный перевод этих латиноязычных документов на русский язык был сделан С.А. Аннинским в 1940 г. Он обозначил интересующий нас раздел так: «О существовании Великой Венгрии, обнаруженном братом Рихардом» (Аннинский, 1940). Буквально недавно, финский исследователь Р. Хаутала опубликовал новый критический (уточненный) перевод латиноязычного текста с комментариями (Хаутала, 2015, Хаутала, 2016, Хаутала, 2017). В данной работе мы использовали перевод, предложенный Р. Хаутала («О Великой Венгрии, найденной братом Рикардусом во время господина папы Григория девятого»).

Согласно этому тексту, «братья-проповедники, узнавшие из «Деяний венгров» и сочувствующие тем венграм, от которых, как они узнали, они происходили, но которые все еще пребывали в грехе неверия; послали к ним четырех из братьев, чтобы разузнать, где они могли бы, помощью Господа, их найти. Поскольку они знали из писаний древних, что те находились на востоке; но где те были, они не имели никакого понятия» (Хаутала, 2015, с. 364).

В этой связи, интересно также, что и сами восточные мадьяры говорили брату Юлиану так: «Ибо они [т.е. *заволжские или восточные мадьяры*. – А.К.] знают из древних повествований, что эти венгры происходят от них; но где они были, они не знали» (Хаутала, 2015, с. 367). Как справедливо отмечает В.П.

Шушарин, «мадьярская традиция XI–XIII вв. хранила память об отколовшейся от основной массы мадьяр их части. *Эта отколовшаяся часть, существовавшая в первой половине XIII в., вела свое начало от тех мадьяр восточка, о которых знали мадьярские информаторы Константина Багрянородного»* (Шушарин, 1997, с. 160).

Появление в поволжско-уральском регионе этой восточной (заволжской) группы мадьяр, которые были обнаружены Юлианом юго-восточнее Волжской Булгарии, вероятно, связано с ранним (первым?) нападением печенегов на мадьяр, вследствие чего они были вынуждены отойти на север, к землям волжских болгар (Зимони, 2000, с. 32–33).

Восточные мадьяры, судя по разрозненным данным, оказали упорное сопротивление монгольским завоевателям. Об этом сообщает брат Юлиан, посетивший этот район проживания восточных мадьяр в 1235 г.¹ накануне монгольского нашествия.

Вот как это описано в самом источнике: «В одном большом городе той же области, который, говорят, может выставить пятьдесят тысяч воинов, брат нашел одну венгерскую женщину, которая была отдана туда замуж из земли, которую он искал. Она объяснила брату путь, по которому он должен был идти, утверждая, что за два дня пути он наверняка бы нашел тех венгров, которых он искал; что и было сделано. Нашел же он их рядом с великой рекой Итиль» (Хаутала, 2015, с. 367). Эта местность проживания мадьяр находилась, как следует из текста, не очень недалеко. Хотя следует признать, что под понятием «две дневки», как справедливо отмечено в литературе, надо понимать не буквально – двое суток, а гораздо больший промежуток времени, возможно, равный нескольким дням пути.

Под рекой Этиль, здесь подразумевается не Волга, а один из его притоков, вероятно, река Белая, которая называлась по-башкирски «Ак-Идель». Однозначно и ясно, что страна восточных мадьяров находилась за рекой Едиль, Атиль, Итиль (Волгой) – к востоку от нее (см.: например, Зимони, 2000, с. 20; Казаков, 2007, с. 63), а не западнее, как думают некоторые исследователи.

¹ Ранее, мы полагали, что Юлиан добрался до волжских мадьяр в 1236 г., но после уточненного обоснования Р. Хаутала (Хаутала, 2015, с. 358; Хаутала, 2016, с. 159-163; Хаутала, 2017, с. 342–345), нет сомнений в том, что он находился в землях восточных мадьяр в 1235 г. и к концу этого вернулся домой в Венгрию.

Следуя указанным путем, Юлиан действительно обнаружил своих далеких сородичей изъяснявшихся с ним по-венгерски (на мадьярском языке). Встреча с восточными мадьярами, в какой-то мере, оправдала его надежды. В изложении источника это выглядело так: «Они, увидев его и узнав, что он венгр-христианин, немало были обрадованы его прибытию и водили его от дома к дому и из селения в селение, доверительно расспрашивая о короле и королевстве венгров-христиан, их братьев. И все, кому он хотел говорить о вере или о другом, слушали его внимательно, поскольку все они говорят на венгерском языке. И они понимали его, и он – их. Они – язычники, и не имеют никакого понятия о Боге, но не поклоняются идолам и живут как звери: они не возделывают землю и едят мясо лошадей, волков и тому подобное, пьют молоко и кровь лошадей. Они имеют в изобилии лошадей и оружие и отважны в сражениях. Ибо они знают из древних повествований, что эти венгры происходят от них; но где они были, они не знали. Народ тартар находится рядом с ними, но, вступив с ними в сражение, эти тартары не смогли победить их в войне; напротив, в первом сражении они были ими побеждены. Из-за чего они предпочли иметь их друзьями и союзниками, так что, соединившись вместе, они полностью опустошили пятнадцать царств» [подчеркнуто мной. – А.К.](Хаутала, 2015, с. 367).

Как видно из этого сообщения Юлиана, по образу жизни мадьяры были типичными кочевниками: употребляли, как видно из рассказа, в еде конское мясо и «лошадиное молоко» (*кумыс*). Примечательно также, и на это особо следует обратить внимание: мадьяры не возделывали землю, т.е. не были оседлыми, были хорошо вооружены и имели достаточное количество коней. Все это позволяет относить восточных мадьяр к кругу кочевых или полукочевых народов этого региона, слабо знакомых с навыками ведения стационарного земледельческого хозяйства или ведущих подвижное скотоводческое хозяйство с доминирующей ролью коневодства.

При повторном возвращении Юлиана в «Великую Венгрию» в 1237 году он узнал, что земли восточных венгров были разгромлены вторгнувшимися монголами. Юлиан, в письме, адресованном епископу Перуджи, пишет, что «согласно предписанному мне послушанию, я должен был отправиться в Великую Венгрию вместе с присоединившимися ко мне братьями, желая поспешно исполнить

предписанное нам путешествие, мы пришли к крайним пределам Руси; где узнали истинное положение дел, *что все тартары*, которых также зовут язычниками-венграми, и болгары и многие царства тартарами были совершенно опустошены»² (Хаутала, 2015, с. 382).

² Аннинский С.А.: «Когда, в силу вмененного мне послушания, я должен был идти в Великую Венгрию с братьями, данными мне в спутники, и мы, желая выполнить порученное нам путешествие, дошли до крайних пределов Руси, мы узнали действительную правду о том, что все те, что называются венгры-язычники, и болгары и множество царств совершенно разгромлено татарами» (Аннинский, 1940, с. 83). Перевод этого фрагмента письма Юлиана, направленный папскому легату Сальвиусу де Сальви, опубликован А.Г. Юрченко в 2002 году: «Когда, в силу возложенного на меня послушания, я должен был отправиться в Великую Венгрию вместе с братьями, данными мне в спутники, и мы, желая совершить порученное нам путешествие, достигли отдаленных пределов России, то нам удалось получить истинные свидетельства того, что все Баскарты, а ведь именно так называются венгры-язычники, а также болгары и множество других царств разгромлены татарами» (Христианский мир, 2002, с. 241). Здесь видно, что между «баскартами» (башкирами, башкирами) и венграми (мадьярами) - язычниками Востока поставлен знак равенства. Казалось бы, это наиболее раннее отождествление восточных мадьяр и «баскардов» (башкирдов), которое становится традиционным для латиноязычных авторов XIII века (Плано Карпини, Бенедикт Поляк, Вильгельм Рубрук и др.). По мнению Н.Н. Напольских, здесь страна Baskartattestована как «Великая Венгрия» под влиянием восточной литературной традиции. Так, в арабо-персидской географической литературе X в. мадьяры «'(al-) mʒʒr (-jja)» Ибн Руста и башкиры «(baʒʒrd / baʒʒrd)» Ибн Фадлана обозначены как один и тот же народ. Такое отождествление сохранялось вплоть до начала XIII века. Эта арабо-персидская традиция использования этнонимов «baʒʒkord» (башкиры) и «maʒʒar» (med' er - maʒʒar) «практически могли рассматриваться как варианты одной формы «b(a)ʒʒr (t)». Но при этом, «на самом деле эти два этнонима никак друг с другом не связаны и имеют совершенно различное происхождение» (Христианский мир, 2002, с. 245–246). Противоположная точка зрения высказана И. Зимони, который считает, что латиноязычная традиция, в вопросе отождествления мадьяр и башкир, никак не связана с арабо-персидской (см.: Зимони, 2000, с. 25). Но как отмечает, Р. Хаутала, который сделал сравнение манускриптов, при прочтении названия этого этнонима, переписчик Ватиканского манускрипта конца XIII века, не смог воспроизвести непонятное для него слово и вставил в это «место хорошо знакомое ему имя «тартар». Впоследствии, публикатор и исследователь «Генрих Дёрри, следуя предположению Ласло Бендефи ..., заменил имя «тартар» этнонимом «баскарды»; поскольку, согласно его утверждению, в последующих

В письме венгерского короля Бела IV германскому королю Конраду IV Гогенштауфену говорится, что «свирепые народы, называющие себя *Тартарами* пришли с востока, как саранча из пустыни, и опустошили *Великую Венгрию*, Булгарию, Куманию и Россию, но также и Польшу и Моравию. Лишь немногие замки, оборонявшиеся до сегодняшнего дня, остались невредимы. Бессчетные толпы людей были жестоко истреблены» (Baerwald, 1866, s. 347–348). Под «Великой Венгрией» здесь явно понималась Старшая (Большая) Венгрия (*Ungariamaior*), локализуемая на Востоке.

Указанные разрозненные сведения, синхронно проверяются информацией монгольского источника об ожесточенном сопротивлении, оказанном завоевателям с востока и подчинении им восточных (приуральских) мадьяр.

Монгольские источники. Сведения западных (латинских) авторов о мадьярах, проживавших в приуральских степях, дополняются единственным монгольским источником «Тайная история монголов» или «Сокровенное сказание 1240 года». Согласно этому рассказу после всемонгольского курултая, состоявшегося в 1228 г., где был избран *кааном* (хаганом) третий сын Чингисхана – Угэдэй, монгольские войска были отправлены в поход на запад евразийских степей – Дашт-и Кыпчак. Именно об этой стране мадьяр говорит автор «Тайной истории» сообщая в § 262, что Субэдэй-бахадур был направлен на запад (в тексте на север) покорять одиннадцать народов и стран: «Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Оросут, *Мачжарат*, Асут, Сасут, Серкесут, Кешимир, Болар, Рарал (Лалат)» (Козин, 1941, § 262) и должен был, перейти через многоводные реки «Идил и Аях» (Волга и Урал).

Второе известие сообщает: «так как Субеетай-Баатур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему было поручено», а именно «Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Оросут, Асут, Сесут, *Мачжар*» и др. (Козин, 1941, § 270).

Таким образом, страна восточных мадьяр называлась по-монгольски «*Мачжарат*» (**Madžar(at)**), т.е. «*мачжар*» – этноним,

латинских источниках «баскарды» неизменно отождествляются с мадьярами ... Однако следует отметить, что это наименование ни разу не встречается ни в записи брата Рикардуса, ни в настоящем письме брата Юлиана». До сих пор, остается открытым вопрос, что это за этноним. (Хаутала, 2015, с. 391; Хаутала, 2016, с. 166).

а окончание «*ат*» – множественное число. Следовательно, здесь совершенно ясно имеется в виду страна и народ мадьяр, живших поблизости с этим народами западной части Евразии. Причем, это название в монгольский источник попало от каких-то тюркских информаторов, проживавших на территории Дашт-и Кыпчака, так как монгольская форма «*мачжар*», что довольно прозрачно видно, есть производная от тюркской основы «*маджар*» или «**мажар**». Как известно, понятие «Венгрия» (*Magyarország* – страна мадьяр) в тюркских языках также обозначается термином «*Мажарстан*» (*Mazh(j)arstan*).

В «Алтан тобчи» (Золотое сказание) – источнике XVII века – этот эпизод описан без упоминания мадьяр: «Отправил он [*m.e. Чингисхан*. – А.К.] Субэгэтэй-багадура против народов канглы, кипчак, оросат, сангут, асут, хасут, сэркэсут, башмир, булар, кэрэл – против этих чужих народов одиннадцати стран, чтобы он переправился через многоводные реки Иджил и Дзайхан...» (Алтан тобчи, 1973, с. 228). Одиннадцатый народ, который не указан, скорее всего, были мадьяры («*мачжар*»).

Стратегической задачей монгольских отрядов в этом регионе было покорение местных народов – кипчаков, башкир, мадьяр, болгар, саксинов и др.

Монголы, как известно, завоевав территорию Дашт-и Кыпчака и прилегающую западную часть Евразии, распределили все подчиненное им кочевое население по крыльевой и улусной системе, прикрепив всех боеспособных (прежде всего мужчин) к введенной им десятичной структуре, для отбывания воинской повинности. Эта же участь постигала и восточных мадьяр.

Такая военно-организационная модель существовала долгое время и коренным образом изменила этнополитическую ситуацию в завоеванных землях, так что подвластные номады неоднократно реорганизовывались и переподчинялись завоевателями. В дальнейшем родоплеменные группы и их воинские подразделения по воле золотоордынских властителей, особенно в XIV в. постоянно дробились, делились, перераспределялись и переселялись с запада на восток, с юга на север и обратно и т.д. Кочевые и даже оседлые подданные должны были следовать за своими улусными владельцами в любом направлении.

Восточные (персидские и арабские) источники. О знаменитом Западном походе Чингизидов 1236–1242 гг. есть интересные свидетельства источников, в частности Рашид

ад-Дина – официального историка монгольской династии Хулагуидов в Иране. В этом походе Бату (сын Джучи), Менгу (сын Толуя) и Гуюк (сын Угэдэя) «с другими царевичами и многочисленным войском отправились в области кипчаков, русских, булар (поляков), *маджар*, башгирд, асов, Судак и те края...». Далее идет «рассказ о войнах, которые вели царевичи и войско монгольское в Дашт-и Кыпчаке, Булгаре, Руси, Мокше, Алании, *Маджаре*, Буларе (Польше) и Башгирде (Венгрии) и завоевании ими тех стран (Собрание сведений, 2006, с. 82–83). Автор источника четко разграничивает термины: «*Маджар*» от «*Башкирд*» (Венгрии), так как для него это хотя и близкие, но географически разные понятия. Логично и обоснованно нужно полагать, что «*Маджар*» – это страна и народ, который располагался на востоке, рядом с Дашт-и Кыпчаком, Булгаром, Аланией и Русью. В тоже время, следует отметить, что мусульманские авторы, традиционно давно увязывают два термина «*маджар*» и «*башкирд*», используя их как две взаимозаменяемые этногеографические категории. Совмещение этих этнонимов в средневековой географической литературе порой до сих пор приводит к путанице при применении данных названий.

После разгрома и завоевания этих земель, местное мужское население (прежде всего, боеспособный воинский состав) в соответствии с имперской традицией был включен в армию Монгольской империи.

Восточные мадьяры были задействованы в военных кампаниях монголов и составляли заметный военный компонент вооруженных сил Чингисидов в конце XIII в. Об этом сообщает такой авторитетный автор, как Рашид ад-Дин, подробно описывая численность войск царевичей – Джучидов. Персидский историк особо отмечает, что «большая часть войск Токтая и Баяна [конец XIII– начало XIV в. – А.К.] есть потомство [насл] этих четырех тысяч [имеется ввиду монголов – А.К.], а что прибавилось [к ним] за последнее время, то – из войск русских, черкесских, кипчакских, **маджарских** и прочих, которые присоединились к ним» (Рашид ад-Дин, 1952, с. 275).

По другому изданию эти сведения изложены Рашид ад-Дином так: «В настоящее время большая часть войск Токтая и Баяна суть из рода этих 4000, а то, что прибавилось в это последнее время, состоит из войск русских, черкесов, кипчаков, *маджаров* и прочих, которые присоединены к ним.

В смутах между родственниками некоторые ушли туда» (Собрание сведений, 2006, с. 81). Такое «прибавление» продолжалось в течение всего XIII столетия.

Как известно, Токта был ханом Золотой Орды в 1291–1312 гг., а Баян – потомок первого сына Джучи – Орду (-Ичена, Иджана) правил на территории Казахстана и был одним из владельцев (или главой) восточного крыла Улуса Джучи в это же время. Здесь также надо обратить внимание на то, что «маджарские» войска перечислены сразу за «кипчаками». Такой порядок перечисления допускает считать наличие какой-то военной иерархии в армии Джучидов. Между тем указывает ли это на действительный военный статус воинских подразделений джучидских войск по этническим наименованиям ответить однозначно нельзя, но их действительное присутствие в структуре вооруженных сил Золотой Орды, в это время не подлежит сомнению.

По мнению М.В. Горелика, мадьяры на юге Восточной Европы появились после монгольских завоеваний, что подтверждается названием северокавказского города Маджар (Горелик, 2009, с. 112).

Именно в монгольский период начинается (или возможно уже продолжается) тюркизация какой-то группы мадьярского населения, т.к. совершенно очевидно, что в Улусе Джучи (Золотая Орда) основная часть населения была представлена тюркоязычными племенами как степного Дашта, так и этногруппами, пришедшими в ходе монгольских завоеваний с Востока из Центральной Азии.

О процессе тюркизации населения Улуса Джучи есть косвенные данные. Так, в сообщении Юлиана можно встретить, что когда он был у восточных мадьяр, он видел «татарского» (монгольского) посланца: «В этой земле венгров упомянутый брат обнаружил тартар и посланца предводителя тартар, который знал венгерский, русский, куманский, тевтонский, сарацинский и тартарский языки» (Хаутала, 2015, с. 367). Вполне очевидно, что восточные мадьяры знали, по крайней мере, такие соседние тюркские языки этого региона, как болгарский и кумано-кыпчакский.

В сочинении ибн Фадлаллаха ал-‘Умари указаны народы населявшие Золотую Орду среди которых упоминаются кыпчаки, черкесы, русские, асы, *маджары* и другие народы северных стран. В этом произведении *маджары*, наряду с другими народами, отмечены дважды.

Первое сообщение: «Хотя они (Кипчаки) одержали верх над ратями Черкесов, Русских, *Маджаров* и Асов, но эти народы похищают детей их и продают их купцам» (Сборник материалов, 2005, с. 173–174).

Второе сообщение характеризует границы Турана: «с Юга его охватывают земли (сперва) Синда, потом Инда, с Севера – земля Хифджахов, т.е. народа Кипчакского, земли Саклабов (т.е. Славян), Черкесов, Русских, *Маджаров* и живущих по соседству с ними разноплеменных народов, населяющих Север» (Сборник материалов, 2005, с. 184).

Как показывают арабские источники, выходцы с территории Золотой Орды четко различались по прозваниям (именам) исходя из места своего обитания и этнического происхождения. Так, выходцы из Крыма («крымцы») назывались ал-Кирими, «Сарайцы» – ал-Сарай, хорезмийцы – ал-Харазими, «маджарцы» – ал-Маджари (Сборник материалов, 2005, с. 20) и т.д. Прозвание ал-Маджари указывает либо на этническое происхождение индивида, то есть города или местности, откуда был выходцем этот человек.

Ибн Батута, путешествуя по золотоордынским владениям, останавливался в известном городе *Маджар*. «Поехал я в Маджар – пишется через *ма*, *джа*, и *р* – город большой, (один) из лучших тюркских городов, на большей реке, с садами и обильными плодами» (Сборник материалов, 2005, с. 215). Золотоордынский город Маджар находился на реке Куме, вблизи современного города Буденновск, Ставропольского края РФ. По восточным источникам г. Маджар относился к правому крылу Золотой Орды (Сборник материалов, 2007, с. 127).

Маджар имел стратегическое значение в XIII–XIV вв., так как прикрывал опасное для Золотой Орды северо-кавказское направление в период перманентного военного противостояния с государством Хулагуидов (иранские монголы).

Город Маджар был захвачен войсками Амира Тимура в 1395–1396 годах о чем сообщает нам тимуридский историк Шараф ад-Дин Али Йазди в «Зафар-наме» (Книга побед). В списке народов, которые подверглись нападению наряду с русскими, черкесами, аланами упомянуты и «*башкирды*» (Сборник материалов, 2006, с. 344), которые здесь (территория Северного Кавказа, предкавказских и волгодонских степей) никогда не жили. Регион их традиционного (постоянного) обитания – это

Южный Урал (поволжско-уральский регион). Скорее всего, под этим этническим наименованием понимались золотоордынские маджары (мадьяры). Йазди, также как и его предшественники, перенес название восточных «башкирдов» на золотоордынских «маджар», обитавших в правом крыле Джучиева Улуса.

Этноним «*маджар*» присутствует в надмогильном камне волжских болгар датированном 1311 г. (Róna-Tas, 1986, 78–81; Хакимзянов, 1987, с. 35–36). Все эти разрозненные данные позволяют считать, что маджары прочно входили в этноструктуру золотоордынского общества и занимали приметные позиции.

Интересные сведения сообщает о мадьярах в своей книге «Тухфат ал-ариб ва хадийат ал-адиб» Абу Мухаммада Мустафа ал-Джаннаби. В конце XIV века, в ходе второго похода Амира Тимура на Золотую Орду его войска столкнулись с народом «маджар».

«И в году [семьсот] девяносто седьмом [1394–1395 г.] достигло до Тимура сведение о том, что Туктамыш-хан, владетель Дашт-и Кыфджака, вернулся в Сарай. И сразу он [Тимур] преследовал его [Туктамыш], сражался с ним до тех пор, пока он [Тимур] не завоевал его [Туктамыш] владение, [и] он [Туктамыш] ушел в Булгар. Вторгся Тимур в его страну в той степени, что дошел до русов, черкесов, *маджаров* и Азака, где учинил им резню, захватывал в плен и рабство, грабил и разорял. Именно с этой эпохи перешел *род маджар* из части Востока в сторону Запада и обосновался в окрестностях Ниха Туны, и взяли [*маджары*] там многочисленные укрепленные города и великий из их укрепленных городов [город] Бидж. Они являются из числавеличайших неверных [известных] храбростью, силой и многочисленностью»³ (Charmoy, 1836, p. 359–360).

³ Перевод с арабского был сделан к.и.н., ведущим научным сотрудником Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МОН РК А.Ш. Нурмановой и д.и.н., профессором А.К. Муминовым, которым приносим свою признательность. Немного другой перевод этого сообщения предложен в книге И.М. Миргалеева: «В (7)97 году [1395 г.] Тимур узнал, что Туктамыш-хан, повелитель Дешт-Кыфджак, вернулся в Сарай. Он начал снова его преследовать, и сражался с ним до тех пор, пока не захватил его власть. Он же спасся бегством в Булгар. Тимур вторгся в его страну и продвигался вплоть до территории русских, черкесов, *маджаров* и Азака, где он снова учинил резню, рабство и пленение, грабеж и опустошение. Именно в это время нация мадьяров эмигрировала в западные районы и обустроилась в окрестностях Туна,

Откуда автор почерпнул эти сведения нам неизвестно. Но, в целом, достоверность этой информации о наличии в Золотой Орде именно в этом районе какого-то мадьярского населения не вызывает сомнений.

По всей вероятности, эта этническая группа мадьяр не была мусульманами (это вытекает из их характеристики – «неверные») и проживало примерно на территории нижнедонских степей, где-то недалеко от города Азака (Азова). Это очень важное свидетельство о местонахождении восточных мадьяр на территории Золотой Орды в конце XIV столетия, которое согласуется с данными других источников. Конечно, ни о каком переселении мадьяр в Паннонию в это время не может быть и речи. В тоже время автор недвусмысленно связывает мадьяр золотоордынских (восточных) и мадьяр западных из Центральной Европы. Примечательно, что сведения арабского источника вполне согласуется с данными латиноязычных авторов середины XV века (об этом ниже).

Латиноязычные источники. В золотоордынское время мадьярское население, вероятно, было разбросано по всем чингизидским улусам и, тем самым, проживали дисперсно на территории бывшей Монгольской империи. Письменных известий, проливающих свет на историческую судьбу этих мадьяр очень мало, но они есть. В частности, сейчас известен ряд латинографических документов XIV–XV вв., где есть хоть и краткие, но в целом достоверные сообщения о каких-то отдельных группах восточно-мадьярского населения.

Гуманист Эней Сильвий Пикколомини (папа Пий IX), автор сочинения «Космография» (1458 г.) оставил рассказ, где «говорит также о беседе с человеком родом из Вероны, который в наше время объездил Скифскую область и заявлял ему, что в Азиатской Скифии у истоков Танаис (Дона) он нашел людей, общего языка с мадьярами, населяющими Паннонию; наконец, вернувшись со многими профессорами священного писания, благочестивыми мужами из ордена святого Франциска, которые знали их язык, он захотел туда отправиться и проповедовать святое евангелие Христа, так как они [мадьяры] были преданы идолопоклонству; но государь Москвы, подчиненный вероломству греков,

помешал им туда отправиться, поскольку ему не нравилось, чтобы азиатские мадьяры соединились с римской церковью и приняли священные обычаи» (цит. по: Шушарин, 1997, с. 163).

В одном из писем автор пишет, что «за Танаисом (Доном) и болотами Меотиды и сегодня проживают люди, которых называют «*унгари*» (Ungari) и которые говорят на том же языке, что и наши [*мадьяры*] у Буды и Дуная». Далее: «Те [проживающие за Доном] называют себя родственниками (parentes) этих [проживающих у Дуная]» (цит. по: Шушарин, 1997, с. 163).

По данным итальянского гуманиста Антонио Бонфини (жил при дворе венгерских королей), во времена правления Матиаша Корвина (1458–1490 гг.) готовился план переселения восточных мадьяр в Венгрию, но смерть короля помешала реализовать задуманное (см.: Шушарин, 1997, с. 163).

Если сравнить эти данные со свидетельствами «Тухфат ал-ариб ва хадийат ал-адиб» Абу Мухаммада Мустафа ал-Джаннаби о маджарах (мадьярах в Золотой Орде) конца XIV века, которые обитали в азовско-донской зоне, то речь, вероятно, идет именно об этой группе восточных мадьяр названных «неверными». Показательно, что эти мадьяры также обозначены у Пикколомини как «идолопоклонники» (язычники). «Тухфат ал-ариб ва хадийат ал-адиб диб» хронологически говорит о маджарах конца XIV в., а Пикколомини дает информацию на 40–50 лет позже (середина XV века).

Какие-то группы восточных мадьяр оказались по каким-то причинам за пределами Джучиева улуса. Так, 29 сентября 1329 года Римский папа Иоанн XXII направил письмо на восток, адресованный восточным мелькитам⁴, аланам и мадьярскому вождю Йеретамиру (*Jeretomir/Jeretamir*, по Р. Хаутала), находившемуся где-то в Центральной Азии. В этом послании, «всем христианским венграм, мелькитам и аланам» особо отмечалось, что Йеретамир – глава восточных мадьяр, был «из рода католических повелителей, королей Венгрии». В письме говорилось также о том, что в эти земли, для укрепления и распространения христианской веры, был отправлен в город Самарканд, католический

где она построила множество сильных укреплений, самым значительным из которых был Бидж (Пешт. – И.М.). Это наиболее примечательные из неверных своей храбростью, силой и числом» (Миргалеев, 2007, с. 64). []

⁴ Мелькиты – приверженцы мелькитской католической церкви – одной из ветвей Восточной католической церкви, соблюдавших византийский обряд, то есть принадлежащих к числу адептов греко-католической церкви.

епископ Томмазо, а также другие священнослужители и «братья Орденов проповедников и миноритов» (Хаутала, 2016, с. 366–367). Причем, как установил Р. Хаутала, под «христианскими венграми» здесь подразумевались восточные мадьяры, которые проживали или находились в городе Самарканде – одном из центров Чагатаева улуса в Центральной Азии (Хаутала, 2016, с. 171–172; Хаутала, 2017, с. 351).

По русским источникам XV–XVI вв. известно, что на этой территории встречаются отдельные этнические группы, носившие эндо- и экзо-этноним: «мачар», «мочар», «можар», «можарин» (в ед.ч.), «маджар»⁵. На территории Поволжья и южной России топонимы и комонимы (названия населенных пунктов, селений) «Можар», «Маджар», «Мажар» устойчиво фиксируются различными свидетельствами и документами.

Таким образом, реальность существования восточных мадьяр на территории поволжско-уральского региона ясно засвидетельствована известиями венгерских миссионеров из ордена доминиканцев, которые были посланы на Восток найти восточную «Великую Венгрию», и описывали события накануне и в начале Западного семилетнего похода монголов 1236–1242 гг.

Сохранившиеся латиноязычные источники первой половины XIII века о мадьярах востока дают достаточно достоверную и ценную информацию об образе жизни и регионе обитания этого маджаро-язычного населения.

Исторический водораздел, который окончательно изолировал восточных мадьяр от западных, был связан, прежде всего, с монгольскими завоеваниями и образованием империи Золотая Орда XIII–XV веков.

ЛИТЕРАТУРА

Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. Т. III. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 71–112.

Горелик М. Военная организация и вооружение войск Чингиз-хана // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII–середина XV в. / Гл. ред. М. Усманов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 111–124.

«Деяния венгров» магистра П., которого называют Анонимом / Пер. В.И. Матузовой, вступ. статья и комментарии М.К. Юрасова // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2007. № 1/2. С. 87–98.

Зимони И. Венгры в Волжско-Камском бассейне? // *FU*. 2000. № 1. С. 5–41.

Козин С.А. Сокровенное сказание монголов. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol-un niᡆᠦᠨ ᠲᡠᡵᡠᠨ*. Юань чао би ши. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. I. 611 с.

Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание») / Пер. с монг., введ. коммен. и прилож. Н.П. Шастиной. М.: Наука, 1973. 440 с.

Миргалеев И.М. Материалы по истории войн Золотой Орды с империей Тимура. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. 108 с.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с пер. О.И. Смирновой. Прим. Б.И. Панкратова и О.И. Смирновой. Ред. проф. А.А. Семенова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. I. Кн. 2. 315 с.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем / История Казахстана в арабских источниках. Подгот. к нов. изд., введ., допол. и коммент. Б.Е. Кумекова и А.К. Муминова. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. I. 711 с.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / Отв. ред. М.Х. Абусейтова. Пер. и доп. подг. к нов. изд., введ., пер., комм., состав. указ. М.Х. Абусейтовой и Ж.М. Тулибаевой. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. Т. IV. 617 с.

Хакимзянов Ф.С. Новые болгарские эпиграфические памятники из Закамья // Чувашский язык: история и этимология / Отв. ред. Н.И. Егоров. Чебоксары: Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР, 1987. С. 32–48.

Хаутала Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плебса сатаны». Антология ранних латинских известий о татаро-монголах. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 496 с.

Хаутала Р. Запись брата Рикардуса об открытии Великой Венгрии (начало 1236 года) // История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые

⁵ Взаимосвязь с финским названием «*мещера*» не доказаны. Более вероятно, что «маджары» (мажары, можары) и «*мещера*» – это разные этно-наименования. Вопрос о соотношении этнонимов «*мишари*» и мадьяры (мажары, маджары, можары) также не ясен и требует дальнейшего осмысления.

государства / Под ред. Хакимов Р.С., Ситдилов А.Г. и др. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 330–340.

Хаутала Р. Послание папы Иоанна XXII христианским венграм, мелькитам и аланам Чагатайского улуса с рекомендацией нового епископа Самарканда Томмазо Манказоле. 29 сентября 1329 года // История татар Западного Приуралья. Том I. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства / Под ред. Хакимов Р.С., Ситдилов А.Г. и др. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 366–367.

Хаутала Р. Открытие «Великой (Старшей) Венгрии» и судьба восточных венгров после татарского завоевания 1236 года // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 340–357.

Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. / Критич. текст, пер. с лат. «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа С.В. Аксенова и А.Г. Юрченко. Экспоз., исслед. и указат. А.Г. Юрченко. СПб: Евразия, 2002. 478 с.

Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. 512 с.

Ваервальд Н. 1866. *Das Baumgartenberger Formelbuch: eine Quelle zur Geschichte des XIII. Jahrhunderts vornehmlich der Zeiten Rudolfs von Habsburg. (Fontes rerum Austriacarum II. XXV).* Wien: Aus der Kaiserlich-Königlichen Hof- und Staatsdruckerei, XIII + 493 s.

Charmoy F.-V. 1836. Expédition de Timour-i-lenk ou Tamerlan contre Toqtamische, Khân de l'Ouloûs de Djoûtchy, en 793 de l'hégire ou 1391 de notre ère, par M. Charmoy In *Mémoires de l'Académie impériale des sciences de Saint-Petersbourg. Sixième série, sciences politiques, Histoire et philologie.* Tome III. St.-Petersbourg, 89–505.

Róna-Tas A. 1986. A Magyar népnév egy 1311-es volgai bolgár sírfeliraton In *Magyar Nyelv.* LXXXII. Évf. Március. 1. Szám. O. 78–81.

Информация об авторе:

Кушкумбаев Айболат Кайрслямович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, профессор кафедры регионоведения Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан); kushkumbaev.magyar2011@yandex.kz

SOURCES ON THE EASTERN MAGYARS IN THE ULUS OF JOCHI

A. K. Kushkumbaev

The article is concerned with a review of extracts from Latin, Mongolian and Arabic-Persian sources on the history of the Eastern Magyars in the 13th-15th centuries populating the territory of Chingisid Uluses in Eurasia. The most valuable information on the Eastern Magyars is contained in Latin manuscripts of the 13th-14th centuries and is confirmed by Oriental works of the same historic period: The Secret History of the Mongols, Jami' al-tawarikh by Rashid-al-Din and other Arabic and Persian sources. It can be stated with confidence that a separate Magyar group populated the territory of the Ulus of Jochi in the late 14th - mid-15th centuries near the Golden Horde town of Azaq in the lower reaches of the Don river. Other groups of Eastern Magyars have been traced in the territory of the North Caucasus and Central Asia. Of special importance is the information on the Eastern Magyars contained in the letter by Pope John XXII to their leader Jeretamir in Samarkand.

Keywords: Eastern Magyars, Latin sources, Arabic and Persian works, Mongolian sources, Ulus of Jochi, Great Hungary, Eurasia.

About the Author:

Kushkumbayev Aibolat K. Doctor of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Professor of the Department of Regional Studies, L.N. Gumilyov Eurasian National University. Kanysh Satpaev St., 2A, Astana, 010008, The Republic of Kazakhstan; kushkumbaev.magyar2011@yandex.kz

УДК 902/904

EASTERN RELIGIOUS MOTIFS ON THE BELT MOUNTS OF SUBOTSI GROUP, KUSHNARENKOVO CULTURE AND LOMOVATOVO CULTURE^{1,2}

© 2018 г. Klima László

The spread of Buddhism from the Indian subcontinent in the northern direction towards Bactria began in the 4th century B.C. In the 1st century A.D. its spread in the steppe area was continued by the Kushans settling in Bactria. Trade between Europe, Middle and Far East at the Central Asian stations of the Great Silk Road was regulated by the Sogdians. They were also the mediators in the relations between individual cultures and religions. A significant role in the spread of Buddhism was played by the Sogdians speaking the East-Iranian language related to the Kushan language. The spread of Buddhism in the steppe area has also been confirmed by Chinese travelers. During his trip to India in the 8th century, a Buddhist monk Wu-k'ung visited the territories of the Western Turkic Khaganate which was under the rule of the Turgesh, where he discovered the attributes of Buddhist religious life. These facts have been widely accepted by historiographers. Another accepted fact is that the toretics of the ancient Hungarians was influenced by the Sogdians. In addition to the technical methods of metal processing, masters of the Sogdian origin, or Hungarian masters having acquired the metal processing techniques from Sogdian artisans, could have been familiar with the myths and legends associated with Buddhism, which were spread across the steppe area. Therefore, Sogdian artisans probably depicted the motifs of Buddhist iconography, equally known to themselves and their customers, on the items they crafted. Patterns on belt plates discovered in Subbottsy village, burial ground 2, indicate their relation to ancient Hungarian findings from Magna Hungaria and the Carpathian Basin. However, images of a man sitting down in the lotus position (padmasana) or dancing winged girls/angels have not yet been discovered in the territory of Hungary. Findings of the Subbottsy type include belt set with a dancing girl/angels from Katerinovka. The position of the right hand of a man sitting down in the lotus position, or a stick with a T-shaped tip in his right hand have not been discovered in the Buddhist iconography. Therefore, it cannot be established which Buddha or Bodhisattva is represented by the sitting man from Subbottsy village. However, the dancing girl/angels can be identified as the Apsarasas of the Buddhist iconography on the basis of their characteristic features. Buddhist motifs have also been traced in the territory of the Kushnarenkovo culture. They include a belt tip with the image of a man with four arms the grave No. 3 of barrow No. 3 at Ishimbayevo burial ground, which can be identified as Avalokitesvara (in the Chenrezik Lamaism).

Keywords: religious motifs, belt mounts, Subotsi Group, Kushnarenkovo Culture, Lomovotovo Culture, Sasanian-Sogdian metallurgy, Buddhist symbols, Manichaeism, 9-10th century, Early Hungarians.

1. Introduction

It is a well-known fact for researchers of Hungarian prehistory that Hungarian metallurgy was strongly influenced by Sasanian-Sogdian metallurgy in the 9–10th century. However, Sogdian merchants coming from Central Asia did not only trade in their silver objects such as jars, cups, dishes, they did not only spread the artistic style of these pots among the peoples speaking Turkic and Iranian languages in the steppe region and peoples speaking Finno-Ugric languages in the forest region, but they also had a cultural mission. While they had a leading role in managing trade along the Silk Road, they

also spread Buddhism and Manichaeism among the people they traded with. Researchers of Hungarian prehistory have not studied Sogdian cultural influence on ancient Hungarians, as no historical or archeological traces of this influence have been known. Here I propose that some archeological finds suggest that the teachings and symbolism of Manichaeism as well as Buddhist symbols used in Manichaeism were known for 9–10th century Hungarians.

2. Belt mounts with images of humans from Subotsi Grave 2

The primary source of information for Hungarian archeologists about the

¹ The title of the article has been changed from “Buddhist motifs” to “Eastern religious motifs” owing to new insights gained during a deeper analysis.

² Nóra Wenzky translated this article from Hungarian into English, and the quotations from Russian into English. The original Russian quotations are given in footnotes.

graves excavated in Subotsi, Soviet Union (now Ukraine) was an article published in Hungarian by N.M. Bokij and S.A. Pletneva in 1989³. The finds are explicitly related to finds of the Hungarian conquerors. However, it was problematic to relate these finds to the Hungarians both for the dating of the excavation site and for the interpretation of the belt mounts found in Grave 2. Bokij and Pletneva dated the jug of Tmutarakan type found in Grave 2 to the second half of the 10th century, i.e. after the Hungarian conquest in the Carpathian Basin. Concerning the belt mounts, they wrote: «the long-bearded old man on the buckle plate and the young man in various strange positions on the belt mounts are figures from some eastern legends or tales» (Bokij – Pletneva, 1988: 113; 1989: 96)⁴.

Aleksey Komar systematized finds from Subotsi and similar finds from the territory of Ukraine and Moldova (Komar, 2011). Following his terminology, this well-defined find complex is referred to as *Subotsi-type finds*, *Subotsi Circle or Subotsi Horizon*.

Four scenes are depicted on the belt mounts found in Subotsi Grave 2. The images on the hexagonal mounts from the same grave depict a person turning to the right, with both legs bent (Fig. 1). This is not a static figure, the artist depicted the person while moving or hovering⁵. The person's position resembles a dancer who is in the air after jumping upwards. While the arms are bent in front of the body, the hands are touching. On both sides of the head the same veil-like object is depicted as in the case of the old man on the buckle plate. There is a scarf-like garment tied around the person's neck. The scarf is sticking out on both sides just the same way as the «veil» around the head. Next to the figure's waist, another veil or a wing can be seen. According to Bokij and Pletneva, who published these finds, the person is holding this object in his hand. The wide trouser legs of the dancer are held by a belt.

Besides the hexagonal belt mounts, three further belt mount types from the same grave depict humans. People with their knees open

³ The article was originally published in Russian: (Бокий, Н.М. – Плетнева, С. А. (1988)

⁴ «...длиннобородый старик на пряжке и молодой человек в различных причудливых позах на бляшках – персонажи какой-то восточной легенды или сказки» (Bokij-Pletneva, 1988: 113., 1989: 96).

⁵ According to the description of Bokij és Pletneva «стоит «на левом колене», i.e. «is standing» on his left knee» (Bokij-Pletneva, 1988: 106; 1989: 90). We do not agree with this interpretation.

and feet closed are depicted on oval pendant belt fittings with a ring (Fig. 2). Supposedly, the artist wished to show a dancing movement, just like in the case of hexagonal belt mounts⁶. The objects surrounding the people and their hand position is similar to the images on the above described finds. There is a veil-like object protruding from the head on both sides, the hair (and the veil?) is held by a diadem, the arms are bent, the hands are making a fist, and on both sides of the waist there is a wing-like object. It is clearly visible on the better quality pendant belt fitting that the hands are holding a lotus. Therefore, we can suppose that the figures on the hexagonal belt mounts are also holding lotus flowers or lotus buds⁷. On the pendant belt fittings, the figures are unambiguously wearing a neck band, while in the case of hexagonal belt mounts, the figures are rather wearing scarves with the ends jutting out on both sides.

The last type of belt mounts depicting humans from this find is the half-disc formed plate with a hole (Fig. 3). The figure is hovering in a lying position above the hole in the object. The artist used the same clothes and attributes as in the previously described belt mounts. However, in this case it is clearly visible that the person is holding some kind of veil in his/her hands. This fact and the known parallels (Komar, 2016) render it probable that the figures on the hexagonal plates and on the pendants hold a veil in their hands besides the lotus.

The most finely wrought depiction of a person is found on the buckle plate in the belt set of Subotsi Grave 2. The figure of an old man sitting in lotus position can be seen on the buckle plate (Fig. 4). The man has long hair, a long moustache and a beard reaching his knees as he is sitting. There are trapezoidal shapes (maybe a special hairstyle or veil) on both sides of the head. The man is wearing drop earrings with spherical pendants, and his hair is kept together by a diadem. He is holding a stick with a T-shaped end in his left hand. He is giving blessings with his right hand: his arm is reaching up, three of his fingers are bent, his index finger and middle finger are pointing upwards.

⁶ According to the description of Bokij and Pletneva «Человек изображен сидящим», i.e. «the person is depicted sitting» (Бокий, Н.М. – Плетнева, С. А. 1988: 107; Bokij – Pletneva, 1988: 107; 1989: 91). We do not agree with this interpretation.

⁷ Lotus buds are depicted on the cup from Korobchino as well (Subotsi Horizon; Prihodnuk, O.M. – Churilova L.N., 2002).

Belt mounts similar to the above described ones are also known from Katerinovka (Fig. 5), another archeological site of the Subotsi Horizon (Komar, 2011: рис. 8). The belt mounts similar to the hexagonal belt mounts from Subotsi have rounded edges, and the pendants with a ring and the pendants with a hole are quite worn. Despite the wear, it is visible that the figures' movement is the same as on the belt mounts from Subotsi. However, no plate with an old man sitting in lotus position was found at the Katerinovka site.

3. Motifs on belt mounts

Bokij and Pletneva regard the figures depicted on the hexagonal mounts, the oval mounts with a ring and the mounts with a hole as males⁸ (Bokij – Pletneva 1988: 107, 1989: 91), while Komar calls them dancers or angels, and does not determine their sex (Komar 2016: 550–553).

Based on parallels in other arts like sculpture and painting, it can be stated that the belt mounts from Subotsi depict dancing angels, female angels. The goldsmith artists depicted them in positions well-known from Buddhist iconography. These dancing angels resemble *apsaras*, i.e. the celestial female spirits of clouds and rain, which originate in Indian art and are depicted on various Buddhist works of art as well. Both leg positions depicted on the Subotsi and Katerinovka finds is well-known from the images of *apsaras*. The figure on the hexagonal mounts turns both bent legs in the same direction. The same leg position is seen on a relief from Borobudur, Indonesia (Fig. 6).

The figures on the oval mounts with a ring open their knees and touch their feet together. The same position can be observed on a relief depicting dancers from Angkor Wat, Cambodia (Musée Guimet, Paris), as shown on Figure 7.

The figure depicted above the hole of the half-disc formed belt mounts is floating in a lying position. A parallel to this is found on a relief belonging to Serindian art. These angles floating in a lying position are generally depicted on a Buddha's or a Bodhisattva's two sides. The angel's leg position on the relief in Figure 8 is similar to that of the dancers on the oval belt mounts with a ring from Subotsi.

⁸ «Очевидно, несмотря на безбородые и безусые лица, на всех 17 описанных бляхах изображены мужчины» «It is clear that although the figures have no beard or moustache, all the 17 mounts depict males» (Бокий, Н. М. – Плетнева, С. А. 1988:107, Bokij – Pletneva, 1988: 107, 1989: 91).

The parallel works of art are of high significance because their cultural background and interpretation leading to the world of Buddhism are known. The Buddhist cultural background does not only help the interpretation of belt mounts from Subotsi, Ukraine, but also the interpretation of similar images found on other belt mounts, silver bowls and jars. However, in the course of interpretation of mythological scenes it is not sufficient to look for parallels among Buddhist motifs, as possible parallels range from Hellenism to Christianity. Interpretation is further complicated by the fact that a given scene may be interpreted on the grounds of more than one religion or belief system.

Buddhism started to spread eastwards from the Bactria region. The Buddha's teachings reached China as early as the 1st century AD. From there, with state help, the doctrines spread back to the west to serve as the ideological foundation for the Chinese expansion. At the same time, the Yuezhi people entered Bactria and continued to spread Buddhism eastward. The main role in this process was played by Sogdian merchants, who spoke an East Iranian language related to the language of the Yuezhi. The elite Sogdian merchants played a decisive role in the formation of steppe empires. The official language of the First Turkic Khaganate was Sogdian, Sogdian texts were written in Sogdian script. It has long been recognized by scientists that the Buddhist basic vocabulary of Turkic languages is partly of Sogdian origin (Sims-Williams, 1983).

Chinese travellers also reported the spreading of Buddhism in the steppes. On his way to India, Wu-k'ung Buddhist monk crossed western Turkic territories dominated by the Turgesh at the time: Semirechye (or Zhetysu) and the valleys of Rivers Chu and Ili. The Turgesh khagan Ocirlıq/Wuzhile (699–706) was also a Buddhist, supposedly on Sogdian influence, as he had Sogdian inscriptions minted on his coins. The first Buddhist finds in the Chu Valley were discovered by archeologists more than a hundred years ago. Ever since several Buddhist finds have been unearthed, including some buildings as well (Torgoev et al., 2012). The above facts just give a glimpse into the enormous number of publications by our learned predecessors and colleagues written on the presence of Buddhism in the steppe region (cf. Litvinsky, 1968; Puri, 1987; Foltz, 1999; Elverskog, 2010 and the literature cited by them).

The golden age of Buddhism in the steppe region was terminated when the Second Turkic Khaganate created its own script, the Turkic

runic script (Old Turkic Script) in order to protect the country from Chinese ideological and political expansion. They also wanted to return to the old faith of their ancestors, i.e. Tengrism. The Uyghur Khaganate, however, supported still another religion, namely Manichaeism.

When interpreting the image of the old man sitting in lotus position on the buckle plate, Károly Mesterházy (1994) thought that this old man is the principal god himself. He traced this representation back to Sogdia and post-Sasanian Iran, and mentioned the Painted Vase from Merv as a parallel. One of the scenes painted on this vase depicts a Zoroastrian monk in the same position as the old man on the belt from Subotsi. Mesterházy regarded the band worn on the Subotsi god's forehead as part of a diadem. He noticed that the stick in the old man's hand is a crosier with a T-shaped head, which alludes to Christ's cross and is the most ancient form of crosiers of high-ranking Christian priests (Mesterházy, 1994: 198, 200).

Contrarily, G. G. Korol linked the motifs of the Subotsi belt plates with the Nart Sagas (Король, 2005: 157–158, cited by Комар, 2016. С. 548). In Chapter *Хазарский сюжет...* of his book, V. Ya. Petruhin, however, relates the male figure on the belt plate with the Eurasian cosmogonic myth. He identified the old man as the long-haired one out of the males fighting forever in the myth (Петрухин, 2014. С: 348). Aleksey Komar compared the same man to a Taoist teacher in his 2016 study *Поясные наборы IX–X вв. с «мифологическими сюжетами»*, and added: „It seems, the jeweler faced the task of presenting not so much a ruler as an elder sage, and to achieve this goal he had to combine the image with elements of Buddhist or Taoist iconography” (Комар, 2016. С. 551)⁹. Unfortunately, Komar did not elaborate on what he had identified as elements of Buddhist and Taoist iconography. Presumably, he regarded the old man's body position (lotus position) as a motif from Buddhist iconography. The wings or veil-like phenomena depicted around the old man's head remind us of a basic text of Taoism, namely the Zhuangzi, especially its Chapter 2. According to a story in this chapter, Zhuang Zou turns into a butterfly in his dream. The dream and the metamorphosis into a butterfly can be interpreted as a metaphor for death (Kósa, 2008).

⁹ «По-видимому, перед ювелиром стояла задача представить не столько правителя, сколько старейшину-мудреца, и для достижения цели ему пришлось совместить образ с элементами буддийской или даосистской иконографии» (Комар, 2016. С. 551).

The man's sitting position is called «lotus position», but this is only one out of several possible explanations. It is a general resting position in steppe nomadic cultures to sit with legs drawn close to the body on the the ground or on a soft object. In Hungarian, this position is called *törökülés* «Turkish sitting position», which is not a coincidence. Attila Türk (2011: figures 265 and 266) and Aleksey Komar (2016: 547/рис. 2, 549/рис. 3, 552/рис. 4) show parallels from the Sasanian–Sogdian metallurgy to the sitting figure of the buckle plate from Subotsi Grave 2. Literature discusses objects depicting Sasanian rulers, sometimes surrounded by dancers and musicians. The rulers are wearing sacred symbols as diadems, which can be explained on the grounds of Mazdaism.

However, certain figures sitting in the lotus position cannot be identified with Sasanian rulers owing to their special hand position and objects in their hands. The attributes of the old man on the Subotsi buckle plate can be traced back to Buddhist and Christian motifs. Based on the presence of these motifs, the sitting position of the depicted person (a god, a prophet?) must be interpreted as lotus position.

The wings, ribbons or veils around the old man's head indicate that he is a special person. However, the hand position of the right hand giving blessings is unknown in Buddhist iconography, while the sacredness of the gesture is widely acknowledged in Christian cultures. The T-ended crosier in the old man's left hand is also known from Christianity. A similar crosier is in an old man's hand on a fragmentary belt mount found in Verkhniy Saltov, Soviet Union (now Ukraine) in 1985, from the Saltovo Cultural-Historical Community region. Furthermore, another belt mount from the same Verkhniy Saltov grave depicts another person sitting in lotus position (Aksenov, 2001; cf. Komar, 2016: 547). It is self-evident that some mutual cultural influence can be the cause of the high similarity of the finds from Subotsi and Verkhniy Saltov.

In my opinion, the mixing of Buddhist and Christian motifs in the depiction of the old man reflects the syncretism of Manichaeism, which has also been discussed widely. See for example Klima (1962), Widengren (1965), Hosroev (2007), Simon (2011), Smagina (2011) and the literature suggested there. A bibliography was completed by Mikkelsen (1997). However, the researchers of Hungarian prehistory have not studied the field of Manichaeism in detail.

Mani, the founder of Manichaeism, preached that before his coming three prophets

had walked the Earth: Shakyamuni, i.e. the historical Buddha, Zoroaster and Jesus. Mani declared himself to be the fourth prophet of the Earth. While the Christian church fought against the spread of Manichaeism desperately, no conflicts arose with Buddhism. The dualistic cosmology of Manichaeism could be reconciled with the beliefs of people who feared the forces of nature, believed in benevolent and malevolent spirits and respected shamans.

The eastward spreading Manichaeism started at the end of the 7th century, when a Manichaean bishop travelled to China in 694. Mani and his disciples tried to convert rulers first, and then the nobles, especially wealthy ladies of birth. They also aimed at converting the youth. Mani and his followers supported trade and financial transactions, thus Manichaean missionary work was primarily done by travelling salesman, especially Sogdian merchants. A number of authors discussed that Sogdian trade and missionary work had been intertwined (e.g. Maenchen-Helfen (1951), Foltz (1999), both cited by Simon 2011: 411–413.). Boris Marshak, who excavated Penjikent (Panjakent), wrote about the complexity of Sogdian cosmology and the myths and symbols combined into it (for an overview of his research see Marshak (2002)). In their joint study, Marshak and Belenickij cite examples to prove that religious syncretism is visible on Penjikent frescoes (Беленицкий А.М., Маршак Б. И, 1976. С. 79–89). Motifs can be traced back as far as India, and signal the presence of Shiva cult in Sogdia. Previously, we have discussed the role of Buddhism and Manichaeism in connection with Sogdians, we must add Shaivism to the list. However, we must not forget about Lukonin's opinion, according to which 'Shiva on Kushano-Sasanian coins was interpreted as Ahura Mazda'¹⁰ (Лукинин, 1967: 20, cited by Беленицкий – Маршак, 1976:79).

Syncretism is reflected in Manichaean art as well. Buddhist and Manichaean motifs mixed in the Eastern Asian version of Manichaean art on the territory of the Uyghur Empire. Prophets were depicted in a lotus position, wearing a long robe and with a glory over their head (Gulácsi, 2009: 128–129). Jesus was depicted in the same manner, with a cross in his hands (Gulácsi, 2009: Fig. 1a, 1c; Gulácsi, 2015). On a relief, an angel sitting in lotus position is holding a cross in his hands (Gulácsi, 2009: Fig. 4f, based on Parry, 2005).

The deliberate syncretism of Manichaeism, the way it built on other religions offers a very good explanation for the mixed symbolism of buckle plate from Subotsi Grave 2. The old man's lotus position can be derived from Buddhist iconography. There are probably wings around his head, as wings are well-known attributes of non-earthly beings in several religions. The position of the blessing right hand, with the two fingers and the T-ended crosier are known from Christian iconography. This syncretic mixture of symbols points to Manichaeism.

However, up to now we have not seen any image from Manichaean art that would be similar to the image on the belt plate from Subotsi Grave 2. Therefore, we must be cautious when guessing the identity of the person depicted here. It is quite extraordinary and unique that the old man sitting in the lotus position has long hair and a long beard. Mani was depicted with a long beard on a seal, but this is not characteristic of Manichaean art (Gulácsi, 2013).

I suppose that the old man sitting in a lotus position on the buckle plate of Subotsi Grave 2 depicts Mani himself out of the four prophets recognized by Manichaeism, owing to his attributes signalling his connection to the upper world, i.e. the T-headed crosier, and the hand in the Christian blessing position. The Christian motifs of the image might mean that Mani had been a Christian before founding Manichaeism, he was a member of the Elcesaites sect. As we have discussed it above, Buddhism and Manichaeism was spread among the peoples of the steppe by traders of Sogdian origin. In the 9–10th century, Hungarians learnt the stylistic marks and collection of motifs from Sogdian metallurgy from the same Sogdian tradesmen. Therefore it is valid to suppose that Sogdian culture did not only influence Hungarians' decorative art, but also their cosmology.

4. Belt mounts depicting humans from Ishimbay, Novonikolaevka and Redikor

Finds from the Subotsi horizon have great many connections to the finds excavated in the cemetery of Bolshie Tigani, Russia and to the whole of Karayakupovo–Kushnarenkovo culture. This fact was already noted by the archeologists first publishing about the Subotsi excavation site (Бокий –Плетнева, 1988, Bokij – Pletneva, 1988, 1989). Additionally, publications dealing with the finds from the Subotsi horizon regularly mention and analyze this relationship (Комар, 2011; Türk, 2011). The supposition that the people who created the artifacts from

¹⁰ «Шива на кушано-сасанидских монетах понимался как Ахура Mazda» (Lukonin, 1967: 20).

the Subotsi horizon had lived in the area of the Karayakupovo–Kushnarenkovo area earlier is getting more and more certain.

In the 1960s, N. A. Mazhitov (1981) excavated three new kurgans in the Ishimbay excavation site, which had been explored ever since the end of the 19th century. Grave 3 in Kurgan 3 was supposedly a symbolic one, as human bones were missing from it. According to a photo published of a roughly wrought belt mount (Fig. 9), the mount depicts a man, with male features and a moustache. He is dressed in a long robe which is fastened with a belt¹².

In my opinion, the artist wanted to depict a human figure with four arms on the belt mount. The human figure has two extra arms growing upwards from his shoulders, in a similar manner to other images of multi-armed gods. The arms are bent and the figure is probably a male.

The human figure on the strap end from Ishimbay is not so finely wrought as the old man on the buckle plate from Subotsi. However, this image helps us interpret the human figures on the strap end from Novonikolaevka (Ханенко Б., Ханенко В., 1902. С. 23, 42, Табл. XIX/679.), and the buckle and strap end from Redikor (Путешествие Ибн Фадлана 2016: 363; for a detailed description of the finds see ОАК 1909–1910: 228, 230.) as well.

The finds from the Novonikolaevka Kurgan got into the Hanenko Collection in 1902. It is clear that this collection of finds belongs to the Subotsi Horizon. As the photo taken from the strap end depicting a human figure proves (Fig. 10), the same person is depicted here as on the Ishimbay strap end. This strap end is heavily worn. The human figure is roughly wrought. He is wearing trousers and maybe a long robe. His feet are pointing in the same direction. The artist depicted several arms or veils (or wings?) around his head. It seems as if he was holding two of his bent hands in front of himself, and he was raising his two other hands. There is a veil or a kerchief around his waist.

Redikor is situated along the River Visera, in the Upper Kama region. The ancient homeland of Komi-Permyaks is outstandingly rich in

mementoes of the commercial relations of the 9-10th century. The area delimited by the Rivers Kama, Visera and Kolva is called the «silver triangle». Several stray finds and cemeteries are known from Redikor, and archeological excavations were pursued in Gorodishche, Redikor as well. Strap ends belonging to the Lomovatovo Culture were found in Redikor in 1909, which are parallel to the strap ends from Ishimbay and Novonikolaevka. The objects are made of gilded silver, and the figure's head is quite grotesque. It is difficult to see it on the buckle plate, but it is easier to identify a special hairstyle, a ribbon or wings around the head of the figure on the strap end. Concerning the Ishimbay strap end, it seems ribbons are going into two directions from the top of the head. There is a very high number of arms and legs on the Redikor belt mounts, which is difficult to interpret. It is possible that veils or wings surround the figure's body around the waist, in a similar manner to the figure on the finds from Subotsi. But they might also be interpreted as the bent and folded arms of the figure. It seems there are fingers of a human in the middle of the mounts. There are two additional uplifted arms depicted above the “veils” or bent arms. Moreover, there are two extra pairs of legs pointing downwards on the strap ends.

Based on the similarities of images on the belt mounts from Ishimbay, Novonikolaevka and Redikor, I suppose the figures depict the same person on all of these finds.

5. Motifs of the belt mounts

The Southern Uralic Mountains, i.e. the wide region around Karayakupovo–Kushnarenkovo culture, was an important trade center from the 8-9th centuries. Here the Volga Bulgarian Khanate received and forwarded goods arriving from different regions. Sogdian merchants were probably also present in the area. They paid for the furs coming from the Finno-Ugric regions by so called “Eastern silver”, i.e. the products of Sasanian-Sogdian metallurgists, such as jugs, bowls and cups. These were carried primarily by Volga Bulgarians to both sides of the Uralian Mountains, to Siberia and to regions along the Upper Kama inhabited by Komi-Permyak and Ob-Ugric peoples. However, based on Muslim geographical sources we can suppose that merchants arriving from the south reached territories occupied by Finno-Ugric peoples, i.e. to Aru, Visu and the «Land of Darkness» (Klima, 2016: 182–208.). Based on findings from archeological sites of the Lomovatovo culture we can suppose that merchants from the south took a

¹² Other finds from the same grave include a sabre and a disc-shaped mount, which is divided into four fields and depicts four three-petalled flowers (Мажитов, 1981: 90). Exactly the same type of flowers can be found on the belt mounts from Bolshie Tigani and Novonikolaevka, Subotsi Horizon (Halikova, 1976: 59, 60, 66; Комар, 2011: 58). Besides other parallels, these also support the hypothesis that the kurgans in Ishimbay belong to the remains of ancient Hungarians.

rest for a shorter or longer period of time in these places.

The human figures depicted with multiple limbs on the belt mounts found in Ishimbay, Redikor and Novonikolaevka can be interpreted based on Buddhist-Manichaeist iconography. It must be added here that Belenickij and Marshak found an image of a four-armed goddess in Penjikent. This four-armed goddess from Penjikent is sitting on an imaginary animal, and ribbons are attached to her headband (Беленицкий А.М., Маршак Б. И., 1976: 77)¹³. A four-armed goddess can be seen on a silver cup from an unknown location, holding the symbols of the Moon and the Sun in her hands (Smirnov, 1909: item 43, picture XVIII: «ранее 1875 г. С Нижегородской Ярмарки», i.e. «before 1875, from the Nizhny Novgorod Fair»). This motif can be traced back to India, which was spread in Middle Asia and Eastern Turkestan by Sogdians (Беленицкий А.М., Маршак Б. И., 1976. С. 77–80). However, owing to the syncretism of Sogdian population described above it is rather difficult to identify the symbolism of a given artifact. The four-armed goddess can not only be identified with Shiva, but also with Anahita (Djakonova – Smirnova, 1967). It is also possible that the client and the artist of goldsmith's product, fresco or relief interpreted the same symbol in a different way.

Male figures with four or five arms are also known from Buddhist iconography. Buddhists have a very high respect for Bodhisattvas, i.e. people who have already been enlightened but have not reached the state of being in Nirvana forever. They have reached enlightenment for our sake and they are waiting in the Tusita Heaven for us to reach enlightenment as well. Avalokiteśvara was one of these Bodhisattvas. He is the Lord looking down on us (like Tengri, the Turkic god of the sky...), he is compassionate with us and loves together with us. Avalokiteśvara has been known by various names (e.g. his name in Tibetan Buddhism is Chenrezik). The mantra “Om maṇi padme hūṃ” is directed to him. He is depicted in several forms, sometimes with a high number of arms, but the “Om maṇi padme hūṃ” mantra must be said to Chenrezik with four arms.

Based on the above details, the person depicted on the strap end from Ishimbay may originate from the cult of Avalokiteśvara/

¹³ “Изображено сидящим на спине фантастического животного”, “Заметны остатки от нимба и от лент головного убора” (Беленицкий А.М., Маршак Б. И., 1976: 77). Ribbons similar to these ones are depicted at the head of human figures on belt mounts from Subotsi as well.

Chenrezik. Naturally, we do not know whether the people of Ishimbay knew of the Buddhist or the syncretistic Manichaeist background. We do not know it either whether some new meaning was attached to the four-armed male god figure owing to the mixing of religions.

6. Contacts between the early Hungarian state and Central Asians

The contacts between Hungarians and Sogdian culture and Sogdian people continued after the Hungarian conquest. Based on historical sources, during the reign of kings from the Árpád Dynasty elite merchants called ‘káliz’ (Khwarezmian)¹⁴, possibly of Sogdian origin, took part in Hungary's economic and financial life, what is more, they had leading roles. Hungarian kings hired mercenaries from Central Asia (Zimonyi, 2009: 22). Khwarezmians, however, were already Muslims, as following the Arabian conquest the inhabitants of Sogdia converted to the Islam. This process was terminated by the turn of the 9th and the 10th centuries¹⁵.

7. Conclusion

This article proposes that certain aspects of Buddhist and Manichaeist teachings were known by Hungarians before the Hungarian conquest. This proposition is based on an analysis of certain archeological finds, namely belt mounts depicting human figures. These objects show the characteristic stylistic features of Sogdian metallurgy. I suppose that both the style and the motifs used prove that Sogdians had a cultural impact on Hungarians. During their migration to the Carpathian Basin, Hungarians were continuously in touch with Central Asian merchants and thus also with the cultural values they transmitted. As a result of these contacts, certain elements of Buddhist and Manichaeist iconography appeared in the motifs applied by Hungarian metallurgists.

It is widely known that Sogdian merchants coming from Central Asia played a crucial role in the organization of trade along the Silk Road. Moreover, they facilitated the formation of states along this route, and played an important role in organizing the economy of the newly emerging states. In his book on the sources of Manichaeism, Robert Simon claimed that scientific monographs both on the role of the

¹⁴ The Hungarian word ‘káliz’ originates from the name Horezm (Harmatta, 1994), just like the English word Khwarezm, which is the name of an oasis region in Central Asia.

¹⁵ As proved by Ibn Fadlan's travel reports from 921–922, by that time Islam had spread among Volga Bulgarians (Togan, 1939).

Silk Road and that of Sogdian merchants in the spreading of Manichaeism, and on the coexistence of Buddhism and Manichaeism are missing. The historical, economic and religious role of Sogdians in the life of peoples they traded with still needs to be studied (Simon, 2011: 411, note 192; 420, note 231). I wish to contribute to this research with this study on the emergence of Buddhist and Manichaeist motifs on Hungarian belt mounts.

REFERENCES

- Bokij, N. M., Pletneva, S. A. 1989. Nomád harcos család 10. századi sírjai az Ingul folyó völgyében. *Archaeologiai Értesítő* (116), 86–98.
- Elverskog, J. 2010: *Buddhism and Islam on the Silk Road*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press.
- Foltz, R. C. 1999. *Religions of the Silk Road. Overland Trade and Cultural Exchange from Antiquity to the Fifteenth Century*. New York, St. Martin's Griffin; 2nd edition: Foltz, R. C. (2010): *Religions of the Silk Road: Premodern Patterns of Globalization*. New York, Palgrave Macmillan.
- Gulácsi, Zs. 2009. A Manichaean Portrait of the Buddha Jesus. Identifying a Twelfth-Thirteenth-century Chinese Painting from the Collection of Seiun-ji Zen Temple. *Artibus Asiae* 69(1): 91–145.
- Gulácsi, Zs. 2013. *The Crystal Seal of 'Mani, the Apostle of Jesus Christ' in the Bibliothèque nationale de France*. In: Pedersen, N. A. – Larsen, J. M.: *Manichaean Texts in Syriac. First Editions, New Editions and Studies*. Corpus Fontium Manichaeorum. Series Syrica. Turnhout, Brepols Publishers. 245–267, Plates 16–23.
- Gulácsi, Zs. 2015. *Images of Jesus in Manichaean Art*. In: Richter, S. G., Horton, Ch., Ohlhafer, K. (ed.): *Mani In Dublin. Selected Papers from the 7th International Congress of Manichaean Studies in the Chester Beatty Library, Dublin, 8–12 September, 2009*. Nag Hammadi and Manichaean Studies: Leiden, Brill. 185–195.
- Halikova, E. A. 1976: Ösmagyar temető a Káma mentén. Magna Hungaria kérdéséhez. *Archaeologiai Értesítő* 103: 53–78.
- Harmatta, J. 1994: *Kálizok*. In: Kristó, Gy. (szerk.): *Korai magyar történelmi lexikon (9–14. század)*. Budapest, Akadémiai Kiadó. 314.
- Klima, L. 2016: *Jürkák, tormák, merjék. Szemelvények a finnugor nyelvű népek történetének korai forrásaiból*. Források és tanulmányok 1. Budapest, MTA Bölcsészettudományi Kutatóközpont.
- Klima, O. 1962. *Manis Zeit und Leben*. Praha, Verlag der Tschechoslowakischen Akademie der Wissenschaften.
- Kósa, G. 2008. A létezők átváltozása. A pillangó motívuma a Zhuangziben. *Vallástudományi Szemle* IV(1), 93–108.
- Litvinsky, B. A. 1968. *Outline history of Buddhism in Central Asia*. Moscow: "Nauka" Publ..
- Maenchen-Helfen, O. 1951. *Manicheans in Sibiria*. In: Fischel, W. J. (ed.): *Semitic and Oriental Studies*. Presented to W. Popper on the Occasion of his Seventy-Fifth Birthday Oct 29, 1949. (Univ. of California Publ. In Semitic Philology 11). Berkeley–Los Angeles, Univ. of Calif. Press. 311–326.
- Marshak, B. I. 2002. *Legends, Tales, and Fables in the Art of Sogdiana*. With an appendix by Vladimir A. Livshits. New York, Biblioteca Persica Press.
- Mesterházi, K. 1994: *Többgyökerű ősi vallásunk emlékei*. In: Kovács L. (szerk.): *Honfoglalás és régészet*. Budapest, Balassi Kiadó.
- Mikkelsen, G. B. 1997. *Bibliographia Manichaica. A Comprehensive Bibliography of Manichaeism through 1996*. Corpus Fontium Manichaeorum: Subsidia (SUB) 1. Turnhout, Brepols Publishers.
- Parry, K. 2005. *The Iconography of the Christian Tombstones from Quanzhou*. In: Lieu, S. – Gardner, I. – Parry, K. (eds.): *From Palmyra to Zayton: Epigraphy and Iconography*. Silk Road Studies X. Turnhout, Brepols Publishers. 229–246.
- Prihodnûk, O. M., Čurilova, L. N. 2002: The Korobčino find (Ukraine) and some problems of the Hungarian ethnogenesis. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* (53), 183–193.
- Puri, B. N. 1987. *Buddhism in Central Asia*. Buddhist Tradition Series, Vol IV. Delhi, Motilal Banarsidass Publishers.
- Simon, R. 2011. *Utószó*. In: Simon R., Simonné Pesthy M. (szerk.). *Máni és a fény vallása. A manicheizmus forrásai*. Budapest, Corvina.
- Sims-Williams, N. 1983 *Indian Elements in Parthian and Sogdian*. In: Röhrborn, K., Veenker, W. (Hrsg.). *Sprachen des Buddhismus in Zentralasien*. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica, Bd. 16. Wiesbaden, Harrassowitz. 132–141.
- Togan, Z. 1939. *Ibn Faḍlān's Reisebericht*. Leipzig, Brockhaus. [Reprinted: Nendeln, Liechtenstein, Kraus Reprint Ltd., 1966].

Türk, A. 2011 *A magyar őstörténet és a szaltovói régészeti kultúrkör*. PhD kézirat. Szeged, Szegedi Tudományegyetem.

Widengren, G. 1965. *Mani and Manichaeism*. London, Weidenfeld & Nicolson. (In Russian)

Zimonyi, I. 2009. *Az iszlám és a középkori Kelet-Európa*. In Balogh, L., Kovács, Sz. (szerk.): *Térítés – Megtérés. A világvallások terjedése Kelet-Európa népei között*. Magyar Őstörténeti Könyvtár 25. Budapest, Balassi Kiadó. 11–28.

Аксенов В.С. Редкий тип бляшек-амулетов из Верхнесалтовского катакомбного могильника // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). Материалы III Международной археологической конференции (Самара, 14-18 марта 2000 г.) Том 2. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина, 2001 С. 132–140.

Беленицкий А.М., Маршак Б.И. Черты мировоззрения согдийцев VII–VIII вв. в искусстве Пенджикента // Под ред. Б. Г. Гафуров и Б. А. Литвинский. История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М.: Наука, 1976. С. 75–89., 179–186. Илл.

Бокий Н.М., Плетнева С.А. Захоронение семьи воина-кочевника X в. в бассейне Ингула // СА. 1988. № 2. С. 99–115.

Виденгрен Г. Мани и манихейство / Пер. с нем. Иванова С.В. СПб.: Евразия, 2001. 256 с.

Дьяконова Н.В., Смирнова О.И. К вопросу о культе Наны (Анахиты) в Согде // СА. 1967. № 1. С. 74–83.

Комар А.В. Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований // Мадьяри в Середньому Подніпров'ї / Археологія і давня історія України. Вип. 7. / Отв. ред. Моця О.П. Київ: ІА НАН України, 2011. С. 21–78.

Комар А.В. Поясные наборы IX–X вв. с «мифологическими сюжетами» // *Zwischen Byzanz und der Steppe. Archäologische und historische Studien Festschrift für Csanád Bálint zum 70. Geburtstag. Between Byzantium and the Steppe. Archaeological and Historical Studies in Honour of Csanád Bálint on the Occasion of His 70th Birthday*. Budapest, Institute of Archaeology, Research Centre for the Humanities Hungarian Academy of Sciences, 2016. 545–556.

Король Г.Г. Антропоморфно-сюжетные изображения на ременных украшениях кочевников Евразии конца I начала II тыс. н.э. // *Снаряжение кочевников Евразии* / Под ред. Тишкин, А. А. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2005. С. 157–162.

Луконин В.Г. Кушано-сасанидские монеты. // ЭВ. 1967. Вып. XVIII. С. 16–33.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 164 с.

Отчёт Императорской археологической комиссии за 1909 и 1910 годы. Санкт-Петербург: Типография главного управления уделов. 1913

Петрухин В.Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. 2-е издание. М.: Форум-Неолит, 2014.с.

Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара / Каталог выставки. М.: Издательский дом Марджани, 2016. 560 с

Смагина Е.Б. Манихейство: по ранним источникам. М.: Восточная литература, 2011. 524 с.

Смирнов Я.И. Восточное серебро / Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. Санкт-Петербург, Издание Имп. Археологической Комиссии ко дню 50-летия её деятельности. 1909

Торгоев А.И., Кий, Е.А., Кольченко В.А., Викторова О.С. Казмирова Р.А., Кулиш А.В. Новый буддийский памятник в чуйской долине (Северная Киргизия) // СГЭ. 2012. Вып. LXX. С. 191–200.

Ханенко Б., Ханенко В. Древности Приднепровья. Эпоха славянская (VI–XIII в). Вып. V. К.: Типография Кульженко С.В., 1902. 78с.

Хосроев А.Л. История манихейства (Prolegomena). СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2007. 493 с.

About the Author:

László Klima. Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Eötvös Loránd University, Department of Finno-Ugric Studies, Pázmány Péter promenade 1/C, 23–27, Budapest, 1075, Hungary; klima.laszlo@btk.elte.hu

ВОСТОЧНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ НА ПОЯСНЫХ НАКЛАДКАХ СУББОТЦЕВСКОЙ ГРУППЫ КУШНАРЕНКОВСКОЙ И ЛОМАТОВСКОЙ КУЛЬТУР

Клима Ласло

Начиная с 4-го столетия до н.э. буддизм стал распространяться с индийского субконтинента на север, в сторону Бактрии. В 1-ом столетии н.э. в зоне степи кушаны, вселявшиеся в Бактрию, продолжали распространять его. Торговлей между Европой, Ближним и Дальним Востоком на станциях Средней Азии Великого шёлкового пути управляли согды. Кроме этого они были и посредниками связи между культурами и религиями. В распространении буддизма значительную роль играли согды, говорящие на восточно-иранском языке, родственном с кушанским языком. О распространении буддизма в зоне степей свидетельствуют и китайские путешественники. В 8-ом столетии, во время своего путешествия в Индию, буддийский монах, Укун (Wu-k'ung) бывал и на территории Западно-тюркского каганата, бывшего под властью тюркешей, где он обнаружил признаки живой буддийской религиозной жизни. Данные факты известны для историографии. Также известный факт, что в тюркешах древних венгров наблюдается влияние согдов. Кроме технических приёмов обработки металла, мастера согдийского происхождения, или венгерские мастера, принявшие приёмы обработки металла у мастеров-согдов, могли знать и распространённые в зоне степей мифы и предания, связанные буддизмом. Поэтому, на предметах, изготовленных для заказчиков, мастера-согды, наверное, изображали мотивы буддийской иконографии, одинаково известные для них самих и для заказчиков. Узоры на поясных накладках, найденных в д. Субботцы в мог. 2, указывают на связь с древневенгерскими находками из Магна Хунгарии и из Карпатского бассейна. Но изображение мужчины, сидящий в позе лотоса (padmasana) и танцующих девушек/ангелов с крыльями до сих пор не известны с территории Венгрии. Среди находок типа Субботцев поясной набор с танцующей девушкой/ангелов известна из Катериновки. Позиция правой руки мужчины, сидящего в позе лотоса, и палка в левой руке с Т-образным концом до сих пор не известны в буддийской иконографии. Поэтому не можем установить, которого будду или Бодхисаттву изображает сидящая мужчина из д. Субботцы. Но танцующих девушек/ангелов по своему характерному признаку можно отождествлять с апсарами буддийской иконографии. Буддийские мотивы появляются и на территории кушнаренокской культуры. К ним относится наконечник ремня с изображением человека с четырьмя руками из могилы № 3 кургана № 3 Ишимбаевского могильника, который можно отождествлять с Авалокитешварой (в ламаизме Ченрези).

Ключевые слова: религиозные мотивы, поясные накладки, субботцевская группа, кушнаренокская культура, ломатовская культура, сасанидско-согдийская металлургия, буддистские символы, Манихейство, 9-10 вв., ранние венгры.

Информация об авторе:

Клима Ласло, кандидат исторических наук, доцент, заведующий Кафедрой финно-угроведения Будапештского университета имени Лоранда Этвеша (г. Будапешт, Венгрия); klima.laszlo@btk.elte.hu

Fig. 1. Hexagonal belt mount from Subotsi Grave 2.
Source: Komar 2011: рис. 6/12.

Fig. 2. Oval pendant belt fittings with a ring from Subotsi Grave 2. Source: Komar 2011: рис. 6/11.

Fig. 3. Half-disc formed belt mount with a hole from Subotsi Grave 2. Source: Komar 2011: рис. 6/13.

Fig. 4. Buckle plate from Subotsi Grave 2. Source: photo by Attila Türk.

Fig. 5. Belt ornaments from Katerinovka, Subotsi Horizon. Source: Komar 2011: рис. 8/5-10.

Fig. 6. Belt mount from Subotsi, Ukraine (left), relief from Borobudur, Indonesia (right). Sources: Bokij, N. M., Pletneva, S. A. 1988: 104, 1989: 92; Komar 2011: рис. 6/12; https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Apsara_Borobudur.jpg – Wikimedia Commons, CC-BY-SA 3.0.

Fig. 7. Belt mount from Subotsi, Ukraine (sides), relief from Angkor Wat, Cambodia (middle). Sources: Bokij, N. M., Pletneva, S. A. 1988: 104, 1989: 92; Komar 2011: рис. 6/11; Musée Guimet, Paris, https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Fronton_Guimet_240907_3.jpg – Wikimedia Commons, CC-BY-SA 3.0.

Fig. 8. Belt mount from Subotsi, Ukraine (left), Serindian relief from Musée Guimet, Paris (right). Sources: Bokij, N. M., Pletneva, S. A. 1988: 104, 1989: 92., Komar 2011: рис. 6/13, <https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/a0/SerindianGroup.jpg> – Wikimedia Commons, CC-BY-SA 3.0.

Fig. 9. Strap end from Ishimbay – Grave 3, Kurgan 3. Source: Mazhitov 1981: 90., рис. 47/1.

Fig. 10. Strap end from Novonikolaevka. Source: Hanenko, B., Hanenko, V. 1902: Табл. XIX/679.

Fig. 11. Strap ends from Redikor. Source: Ibn Fadlan's Journey, 2016: 363.

УДК 902/904

О МИГРАЦИЯХ ИЗ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ЕВРОПУ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ И В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

© 2018 г. Н. П. Матвеева

Совокупность археологических и антропологических данных показывает переселение полукочевников - носителей гороховской культуры с восточных склонов Урала на запад под давлением населения саргатской культуры в IV-III вв. до н.э. и размещение их в степном и лесостепном Приуралье в составе объединений сарматов. Затем в первые века н.э. начинаются войны и подвижки в южной части саргатского ареала под влиянием гуннов и поздних сарматов и отток в II-III вв. кочевых групп на запад. Следы их переселения в виде характерных каркасно-столбовых жилищ и керамики фиксируются в Поволжье и Подунавье. В IV-VII вв. имели место несколько вторжений кочевников в бакальскую среду Тоболо-Ишимья и вытеснение части западносибирского населения на запад под влиянием протоболгар, авар и ранних тюрков. Установлено, что развитию кочевой культуры и миграциям способствовали периодические волны аридизации климата и даже существенные подвижки природных зон на север, включавшие западную часть западносибирской лесостепи в ареал хозяйствования казахстанских кочевников.

Ключевые слова: археология, степи Евразии, гороховская, саргатская, бакальская культуры, миграции.

Исходя из накопленных археологических и антропологических данных можно утверждать, что миграции с территории Западной Сибири в Европу на протяжении раннего железного века и эпохи Великого переселения народов осуществлялись неоднократно.

Занимавшее юго-восточные склоны Урала до долины Тобола на востоке население гороховской культуры VI-III вв. до н.э. на начальном этапе своей истории оказалось в довольно выгодной ситуации посредника между иткульским горно-металлургическим очагом и кочевниками Южного Зауралья, а также лесостепным населением Тоболо-Иртышья. Ведя полукочевой образ жизни, оно взаимодействовало с приаральскими номадами и оседлыми обитателями джетысарских городищ (Левина, 1996, с. 195, 246), савроматами на юге (Смирнов, 1964, с. 287), а также с лесостепными байтовскими и саргатскими насельниками. Для защиты своих форпостов от последних и организации торговли и обмена, прежде всего, цветным металлом, они возвели систему небольших городищ, также в ареале их обитания остались сезонные стоянки и отдельные курганы (рис. 1). Площадь кочевий гороховских насельников маркирована также оригинальными жертвенниками в виде каменных плит, увенчанных головой барана.

Но в IV- начале III в. до н.э. состоялась смена бронзы железом в быту и военном деле,

подорвавшая экономическую систему, основанную на цветной металлургии и металлообработке на Урале и в сопредельных землях. Иткульская культура исчезает, а территорию гороховской постепенно крубежу III-II вв. до н.э. занимает саргатская культура, население которой первоначально длительно расселялось в Притоболье чересполосно с гороховским (конец V-III в. до н.э.), торговало, вступало в браки, воевало, судя по отдельным случаям взаимовстречаемости керамики разных типов в могилах.

Гороховское население было европеоидным с характерным для монголоидной примеси уплощенным в горизонтальной плоскости лицом (Багашев, 1996, с. 24, 27). Отток его на запад зафиксирован в виде существенного изменения состава теста, форм и декоров посуды на Южном Урале в раннепрохоровское время под влиянием зауральских мигрантов (Мошкова, 1974, с. 36, 47), что в последние годы получило подкрепление анализом саргатского гончарства, проведенным Л.А. Краевой (Краева, 2010, с. 63-64). Одна из групп гороховских переселенцев, вероятно, участвовала в сложении памятников айского типа в Башкирии (Савельев, 2007, с. 181). Также показано, что антропологические особенности оренбургской группы сарматов состоят именно во включении компонента, представленного в гороховской культуре (Багашев, 1997, с. 74), что, на мой

взгляд, также является аргументом в пользу миграции ее носителей на Южный Урал.

После исчезновения гороховских памятников на северо-западе освободившегося ареала расселяются носители кашинской культуры южно-таежного происхождения, продолжившие эксплуатировать Тоболо-Ишимье совместно с саргатскими поселенцами. Несмотря на преобладание в новой популяции европеоидного компонента, в антропологическом составе присутствует существенная доля примеси уральских монголоидов. Лесостепное Зауралье становится западной окраиной саргатского постстарого объединения, называемого китайским именем Уи-Бейго, за неимением других письменных источников. Саргатское население перехватило посредничество в международной караванной торговле к III в. до н.э., расширило ее с разными странами Центральной Азии и таежными землями Западной Сибири и само вошло в тесный контакт с древними цивилизациями. Наиболее тесные связи прослежены с Кангюем, Бактрией, Ферганой, Китаем, хунну и Яньцай. И во время своего несомненного доминирования в лесостепи в конце I тыс. до н.э., и в первые века н.э., в саргатский социум были инкорпорированы группы инокультурных кочевников, занимавшие в нем лидирующее положение, судя по воинским и аристократическим могильникам (Тютринский, Абатский-1, Савиновский, Абатский-3) с новациями в погребальном обряде, принесенными из регионов Средней Азии (Матвеева, 2000). В I–III вв. н.э. существенным выглядит хуннское влияние: в распространении престижных предметов воинской субкультуры (котлов, деталей декора поясов, упряжи, сюжетов искусства), захоронении голов лошади, кольцевой деформации черепов, что не противоречит идее о возникновении полиэтничной Азиатской Гуннии на юге Зауральской лесостепи и в степи (Боталов, Гуцалов, 2000, с. 180). Однако мнение А.П. Зыкова и Н.В. Федоровой об овладении гуннами всей лесостепью Западной Сибири в это время, послужившим главной причиной падения саргатской культуры (2001, с. 20), мы не поддерживаем, так как серией радиоуглеродных датировок установлено продолжение существования саргатских городищ на севере лесостепи до рубежа III–IV в. н.э. (Матвеева, 2017). Речь может идти об ослаблении саргатского постстарого объединения, децентрализации управления, утрате части северных и южных территорий,

уходе воинских формирований с гуннами и поздними сарматами на запад.

Еще недавно основным свидетельством саргатской миграции в конце раннего железного века считали появление курганного обряда захоронения в Прикамье (Голдина, 2004, с. 268–269), но новации в погребальном обряде IV–V вв., объясняемые переселениями с востока, следует относить к раннебакальскому времени, поскольку отсутствуют типично саргатские керамика, ориентировки покойных, инвентарь (Матвеева, Зеленков, 2016).

Но там мы видим, скорее, компоненты формирующейся в данное время ранне-средневековой зауральской культуры, а также собственно южно-приуральские влияния. Саргатский субстрат отчетливо представлен в последующей бакальской культуре Западной Сибири. Поскольку установлены генетическая преемственность саргатского и бакальского населения (Пошехонова, Зубова, Слепцова, 2016, с. 119), а также наследование местных традиций гончарства и обрядов (Матвеева, 2016), то ранее высказывавшийся тезис о запустении лесостепи из-за оттока саргатских насельников на запад (Могильников, 1992, с. 311) следует признать не точным. Большая часть рядового населения осталась на своих местах, но сложились условия для доминирования новых групп кочевников.

А вот следы оригинального саргатского домостроительства в виде обширных многокамерных каркасно-столбовых жилищ, возведенных в технике заплота, зафиксированные в полосе расселения поздних сарматов могут указывать на включение групп саргатского происхождения в собственно степные контингенты кочевников. Например, это каркасно-столбовое жилище с канавками по периметру и середине площади пола на Пролетарском городище в Поволжье (Сташенков, 2009, с. 228). На территории Подунавья разновременные наземные жилища поселения Школа Сатимаз-Макражек, датированные II–III вв. н.э. и первой половиной IV в. н.э. оставили фундамент в виде четких прямоугольников, очерченных канавками с ритмично располагающимися внутри них столбами, свидетельствующими о строительстве в технике заплота (Beres, 2005, p. 219. Pictures 4, 7, 11). М. Береш пишет, что ей известно 7 поселений на окраине сарматского мира, датированных II–VII вв. н.э. с остатками каркасно-столбовых наземных сооружений, которые являются собственным архитектурным достижением и инновацией на данной территории

(Beres, 2005, p.220). Мы же считаем жилища данной конструкции «в заплот» яркой самобытной чертой саргатской культуры (рис. 2), хорошо известной на протяжении многих веков в Западной Сибири (Корякова, 1988; Матвеева, 1993), проявившейся в жизнеобеспечении западносибирских мигрантов или их потомков при оседании их на окраинах Барбарикума.

В начальный период средневековья в западной части Западной Сибири (IV–V в. н.э.) видим систему жизнеобеспечения с доминированием коневодства, сезонными жилищами и грубую керамику. Произошло упрощение культуры и нивелировка имущественных различий, сокращение импорта по караванным путям, прекращение строительства больших курганов. Социальная дезинтеграция отразилась в десятикратно меньшем количестве памятников бакальской культуры по сравнению с предшествующей саргатской, и, видимо, убыли населения (Матвеева, 2016).

Погребальные памятники бакальской культуры включают немногочисленные традиции раннего железного века с инновациями, обусловленными наслоениями разнородных элементов культуры мигрантских групп. Появились могильники из низких мелких насыпей с одним-двумя погребениями, образующих слитные ряды захоронений на мысах, вдающихся в пойму рек или зеркала озер, впускные погребения в ранние насыпи, вторичные ингумации, пеленание покойников, использование наряду с деревянными мивместилищами для тел кошмы, ковров, циновок; западные и юго-западные ориентировки. Инвентарь захоронений составляют украшения, с акцентом на поясные наборы, декорированная конская упряжь, предметы вооружения единичны. В западносибирских некрополях имеются общие обрядовые черты с неволинскими и кушнаренковско-караякуповскими, с мазунинскими и харинскими, указывающие на участие одних и тех же групп в культурогенезе Зауралья и Приуралья.

Установлена существенная роль в культурогенезе таежного карымского импульса с конца III по начало V в. н.э., причем пришельцы сосредоточились в подтаежной зоне и северной лесостепи. В IV–V вв. имели место несколько волн переселенцев из Приаральско-Казахстанского региона, что составило среднеазиатский суперстрат в формировании бакальской культуры. Население было европеоидным с оригинальным внешним

обликом – башнеобразными головами, что объясняется нами как демонстрация физического превосходства и престижа со стороны пришельцев, а затем как заимствование традиции кольцевой деформации покоренным населением.

Одну из инвазий номадов отражает группа захоронений с конем, которую объединяет с аварскими могильниками расположение могил рядами (Эрдели, 1986, с. 324, 326), северо-западная ориентировка, наличие среднеазиатской керамики общих с металлической посудой форм. С раннеболгарскими погребальными традициями в памятниках новинкинского типа, сближает наличие черепов лошади в насыпях, пеленание покойников, размещение коней над могилой на ступеньке или в выше, чем ингумация человека, у торцевой стенки могилы, параллельная установка на дне могилы гробов (Аксенов, 1995, с. 11; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 50, 53, 61).

Захоронения VI–VIII вв. малочисленны, отличаются юго-западными ориентировками, впускным и вторичным характером ингумаций, ярусностью, высокой долей коллективных захоронений, размещением горшков у могил. В инвентаре появляются наборы геральдического стиля, фибулы и пряжки из круга древностей тюркских кочевников, что говорит о внедрении новой волны мигрантов, или даже нескольких, в этот период. Городища и поселения, функционировавшие в VI–VIII вв., также имеют образцы тюркского вооружения и преобладающий бакальский керамический комплекс. Местная продукция сочетается с явным импортом из Средней Азии и Хазарии (Боталов и др., 2013).

Формирование средневекового бакальского населения в лесостепи проходило в обстановке конфликтов и доминирования пришлых групп. Поэтому оно сопровождалось несколькими передвижками населения на запад и появлением отдельных суперстратных элементов сибирского происхождения в общностях Прикамья. Поддерживая мнение В.А. Могильникова (1993) о хронологии событий, считаем, что в VI в. только одна из групп, принявших участие в кушнаренковском культурогенезе, передвинулась в Приуралье. Она сложилась на саргатской основе под влиянием северных и среднеазиатских мигрантов и представляла собой ремесленный центр гончаров, производивший престижную столовую посуду для бакальских потребителей, поскольку показано, что

собственного, только ей присущего погребального обряда нет (Зеленков, 2017), не выявлено и антропологическое сходство с населением Приуралья (Пошехонова, Зубова, Слепцова, 2016, с. 120).

Благоприятные условия для включения западной части Западной Сибири в хозяйственные ареалы кочевников создали периодические волны аридизации и сдвиг ландшафтных зон на север (Рябогина, Иванов, 2013).

ЛИТЕРАТУРА

Аксенов В.С. Захоронения с конем у населения северо-западной части Хазарии // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тезисы докл. конф. / Отв. ред Д.А. Сташенков. Самара: Самарский историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1995. С. 10–12.

Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э. Праболгары на Средней Волге. Самара: Полдень. 22 век, 1998. 286 с.

Багашев А.Н. Материалы по краниологии населения гороховской культуры // Тюменский исторический сборник. Материалы науч. конф., посвящ. 50-летию ист. фак. Тюмен. гос. ун-та / Отв.ред. В. В. Коновалов ТюмГУ, 1996. С. 20–28.

Багашев А.Н. Этногенетические связи саргатских племен // Второй международный конгресс этнографов и антропологов. Ч. 1. (Уфа, 1–5 июня 1997 г.). Уфа: Восточный университет, 1997. С. 63–64.

Боталов С.Г. Историко-культурные горизонты в эпоху раннего железного века и средневековья лесостепного Зауралья // Археология Южного Урала. Лес. Лесостепь / Под ред. Боталова С.Г. и др. Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2016. С. 468–541.

Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2000. 266 с.

Боталов С.Г., Гуцина Е.В., Кайдалов А.И., Сечко Е.А. К итогам исследования бакальского историко-культурного горизонта // II-й Междунар. Мадьярский симпозиум. Отв. ред. С.Г. Боталов, Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 14–37.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. 2-е издание. Ижевск: ИД «Удмуртский университет». 2004. 422 с.

Зеленков А.С. Статистический анализ раннесредневековых погребений лесостепной и подтаежной зон Зауралья // Тр. V(XXI) Всероссийского археологического съезда. Том II. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. С. 409–410.

Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад. Коллекция древностей III–IV вв. из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: ИД Сократ, 2001. 176 с.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Урала и Западной Сибири. Свердловск: изд-во УрГУ, 1988. 240 с.

Корякова Л.Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века). Препринт. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1991. 53 с.

Краева Л.А. К вопросу о примеси талька в сарматской керамике Южного Приуралья // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения / Отв. ред. Ю. Б. Цетлин, Н. П. Салугина, И. Н. Васильева. М.: ИА РАН, 2010. С. 58–65.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приуралья. М.: Восточная литература, 1996. 396 с.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 175 с.

Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. Новосибирск: Наука, 2000. 399 с.

Матвеева Н.П. Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов. Тюмень: изд-во ТюмГУ, 2016. 264 с.

Матвеева Н.П. Радиоуглеродная хронология памятников саргатской культуры (Западная Сибирь) // РА.2017. № 3. С. 3–20.

Матвеева Н.П., Зеленков А.С. К вопросу о миграции западносибирского населения в Приуралье // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию. XX Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции (Ижевск, 25–29 октября, 2016 г.). Ижевск: ИД УдГУ, 2016. С. 246–251.

Могильников В.А. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР / Отв.ред. М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 274–311.

Могильников В.А. К проблеме исходной территории миграции протовенгров // Новое в средневековой археологии Евразии / Отв. ред. А.В. Богачев. Самара: Историко-культурная ассоциация "Артефакт", 1993. С. 170–172.

Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Наука, 1974. 52 с.

Пошехонова О.Е., Зубова А.В., Слепцова А.В. Краниология и одонтология раннесредневекового населения Притоболья по материалам могильника Устюг-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. Вып. 4 (35). С. 110–122.

Рябогина Н.Е., Иванов С.Н. Реконструкция облика ландшафтов в Притоболье в раннем средневековье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. Вып. 1 (20). С. 134–138.

Савельев Н.С. Месягутовская лесостепь в эпоху раннего железа. Уфа: Гилем, 2007. 260 с.

Смирнов К.Ф. Савроматы. М.: Наука, 1964. 397 с.

Сташенков Д.А. Памятники мадьярского круга в Самарском Поволжье // Археология евразийских степей. Вып. 13 / Материалы научно-практической конференции «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей (Казань, 7–11 декабря, 2009 г.) Казань: ООО «Фолиант»; Институт истории им. Ш. Марджани, 2011. С. 228–229.

Эрдели И. Археология Венгрии VI–XI вв. // Археология Венгрии. Конец II тыс. до н.э. – I тысячелетие н.э. Т. 2. / Отв. ред. В.С. Титов, И. Эрдели. М.: Наука, 1986. С. 310–346.

Beres M. 2005. Buildings supported by posts from the Sarmatien ages from the outskirts of Szatymaz. A szanto kovacs museum enkonnye (7), 199–234.

Информация об авторе:

Матвеева Наталья Петровна, доктор исторических наук, профессор, профессор Кафедры археологии, истории Древнего мира и Средних веков Тюменского Государственного университета, заведующая лабораторией археологии и этнографии (г. Тюмень, Россия); nataliamatveeva1703@yandex.ru

MIGRATIONS FROM WESTERN SIBERIA TO EUROPE IN THE EARLY IRON AGE AND THE MIGRATION PERIOD

N.P. Matveyeva

The aggregate archaeological and anthropological information reveals a migration of the half-nomadic population of Gorokhovo culture from the eastern slopes of the Urals to the West in the 4th-3rd centuries B.C. under the influence of the representatives of Sargatka culture. They settled among the Sarmatians in the steppe and forest-steppe areas of the Cis-Urals. Then, wars and transformations began in the southern part of the Sargatka areal under the influence of the Huns and last Sarmatians, along with a westward migration of nomadic groups in the 2nd-3rd centuries A.D. Traces of their migrations have been observed in form of the original pit-frame houses and ceramics on the Volga and at the Danube. Several nomadic invasions of the Tobol-Ishim area of Bakalskaya culture occurred in the 4th-7th centuries A.D. A portion of Western Siberian population were forced out to the West by Proto-Bulgars, Avars and the early Turks. It has been established that these migrations were facilitated by aridity waves and the movement of natural areas to the North which resulted in the inclusion of Western Siberia into the nomadic environment.

Keywords: archaeology, Eurasian steppe, Gorokhovo, Sargatka, Bakalskaya cultures, migrations

About the Author:

Matveyeva Natalia P. Doctor of Historical Sciences, Professor, Tumen State University Volgogradsky St., 6 Tumen, 615003, Russian Federation; nataliamatveeva1703@yandex.ru

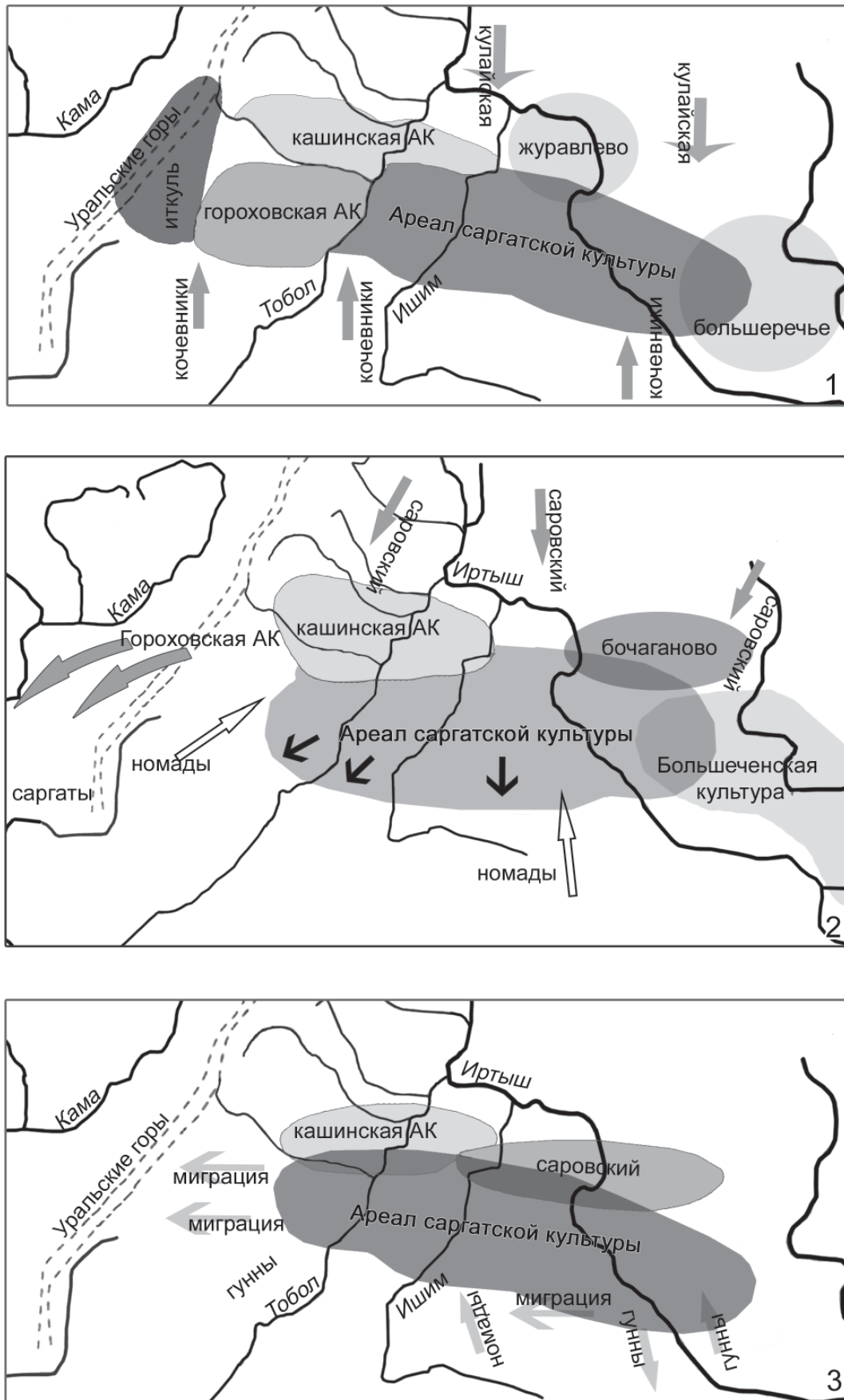

Рис. 1. Схема ареалов культур раннего железного века в западной части Западной Сибири. 1- V-III вв. до н.э. ; 2- II в. до н.э. –II в. н.э.; 3- III- начало IV вв. н.э.

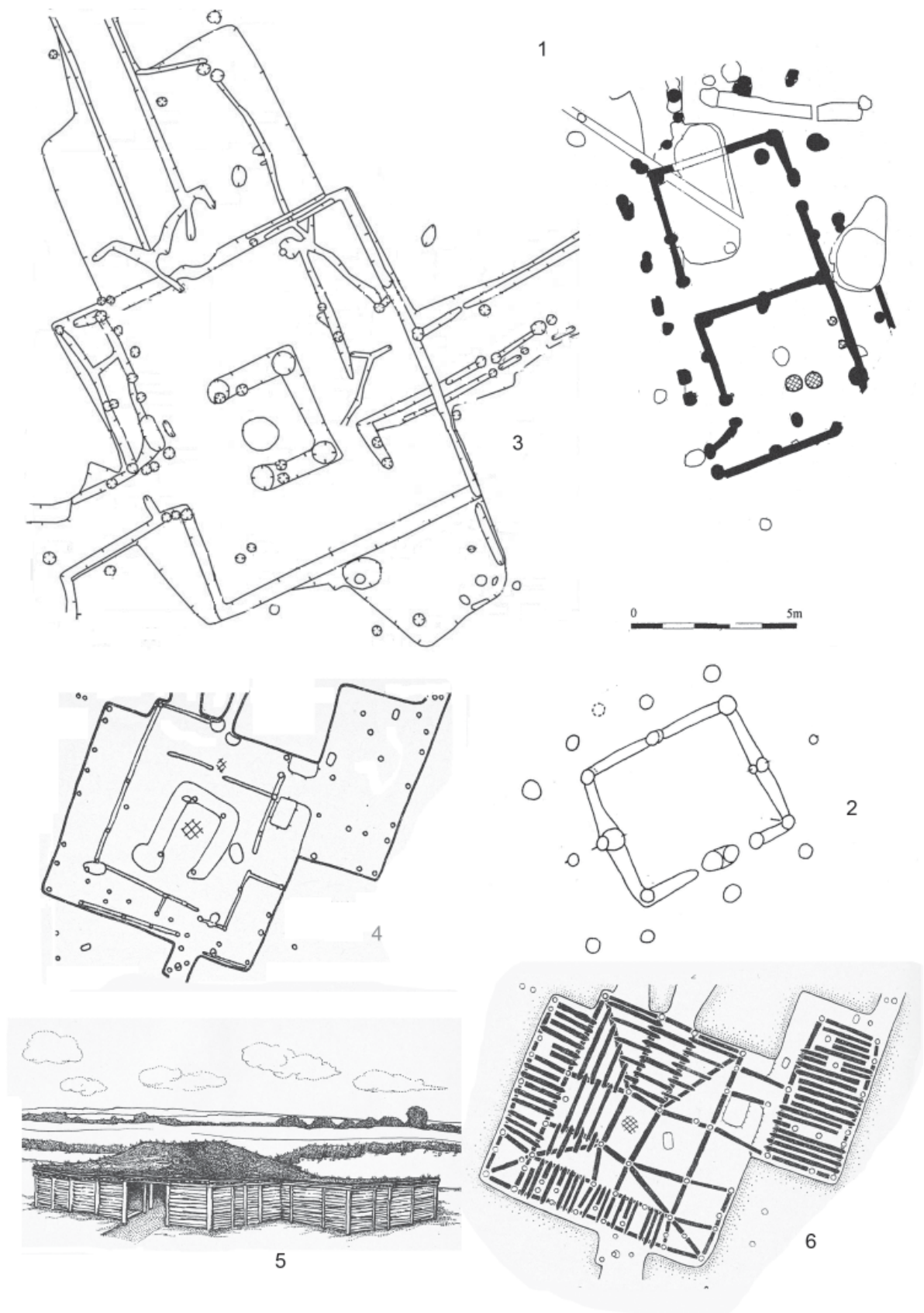

Рис. 2. Каркасно-столбовые жилища раннего железного века. 1, 2 – поселение Макражек, Венгрия; 3- саргатская культура, Коловское городище; 4- саргатская культура, план жилища 2 поселения Ингалинка-1; 5- реконструкция внешнего вида, 6- реконструкция каркаса кровли жилища 2 поселения Ингалинка-1.

УДК 902/904

ПОЯСНЫЕ НАБОРЫ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ IX–XI ВВ. ВЕТЛУЖСКО-ВЯТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

© 2018 г. Т. Б. Никитина

В работе рассмотрены материалы 6 могильников Ветлужско-Вятского междуречья, на которых пояса или их части выявлены в 44,5–87,5% погребальных комплексов (погребения и жертвенные комплексы в межмогильном пространстве). Установлена тенденция к уменьшению поясов, особенно наборных, в памятниках, переходящих за рубеж XII века. При систематизации материала сделан основной акцент не на отдельные категории украшений, а на особенности комплектации всего набора с учетом по возможности способа ношения пояса. В результате выделено 52 поясных набора, среди которых различаются 4 основных типа. В качестве аналогий использованы предметы, соответствующие следующим позициям: точное сходство формы, повторение орнамента в деталях, место предмета в составе набора. В том случае если один из трех признаков не работал, аналогии не использованы. Широкие аналогии в древностях мордвы, Пермского Предуралья, мадьярских памятников позволили выявить особенности поясных наборов для могильников IX–XI Ветлужско-Вятского междуречья.

Ключевые слова: марийская культура, типология поясных наборов, Ветлужско-Вятское междуречье, культурные связи, мордва, мадьяры, Пермское Предуралье.

Наборные пояса являются частой находкой в памятниках рубежа тысячелетий на широкой территории от Подунавья до Тихого океана и анализ этой категории источников проводился неоднократно в многочисленных публикациях: разработаны типологии отдельных элементов поясной гарнитуры, вопросы семантики, хронологии и т.д. Но, к сожалению, в большинстве публикаций материал представлен по отдельным категориям вещей (накладки, пряжки и т.д.) без учета их места и роли в составе набора; аналогии, как правило, определены по общей форме и способу крепления без учета индивидуальных деталей в оформлении. При наличии многочисленных «общетюркских» форм отдельных изделий, доминировании в орнаментации растительных и геометрических мотивов, которые укладываются в стиль «степного орнаментализма» (Федоров-Давыдов, 1976, с. 61) трудно выделить региональные особенности поясов. Причины понятны и объективны. Плохая сохранность кожи, порой неудовлетворительное состояние металлических изделий, неполные комплексы украшений, обусловленные особенностями погребальных традиций или несовершенной методикой раскопок и др. создают трудности для реконструкции полного поясного набора. Легко заблудиться и в массовом материале металлических деталей костюма из-за внешней схожести форм.

Предпринимались попытки выделять и систематизировать поясные наборы, но при этом основное внимание обращалось

на богатство пояса и наличие в его составе той или иной категории (пряжка, наконечник, накладки) вещей (Казаков, 1992, с. 100; Крыласова, 2001, с. 89, 95, 96; Мурашева, 2000, с. 70; Никитина, 2016). Учитывая, что в погребениях по причине различных обстоятельств (плохая сохранность, потеря во время раскопок или хранения; традиция класть в погребение только часть изделия) могут находиться не все элементы поясного набора, для выяснения региональных особенностей такой подход к систематизации кажется неэффективным.

При систематизации материала из могильников Ветлужско-Вятского междуречья сделан основной акцент не на отдельные категории украшений, а на особенности комплектации всего набора с учетом по возможности способа ношения пояса. Неплохая сохранность органических материалов из могильников Ветлужско-Вятского междуречья позволяет создать источниковую базу для реконструкций. В качестве аналогий использованы предметы, соответствующие следующим позициям: точное сходство формы, повторение орнамента в деталях, место предмета в составе набора. В том случае если один из трех признаков не работал, аналогии не использованы.

На могильниках Ветлужско-Вятского междуречья пояса или их части были обнаружены в погребениях (независимо от половозрастной принадлежности) и в жертвенных комплексах, зарытых между могилами.

Процент погребальных комплексов с такими находками достаточно высок (от 44,5 до 87,5%), но заметна тенденция к уменьшению поясов, особенно наборных, в памятниках, переходящих за рубеж XII века (табл. 1).

По материалам погребальных памятников Ветлужско-Вятского междуречья удалось реконструировать 52 поясных набора, среди которых выделено 4 типа. Пятый тип не имеет четких критериев, поэтому обозначен аморфно без количественных характеристик.

Тип 1. Пояса, состоящие из основного ремня, длина которого в пределах охвата корпуса человека в области талии в один оборот иногда имеют небольшой спускающийся конец – 12 экз. Пояс имеет накладку одного типа, пряжку и концевой наконечник (иногда в погребении найден только один из этих предметов). Накладки крепятся таким образом, что образуют сплошную металлическую ленту, окольцовывая корпус человека. Такой эффект достигался за счет способа крепления накладок. Независимо от типа накладок они имеют небольшой выступ на одном конце и выемку на втором.

Вариант 1А. На кожаный ремень шириной 1,2–1,3 см крепятся накладки из трех выпуклых горошин, соединенных двумя рифлеными ободками (накладки напоминают голову животного с имитацией глаз и носа и в большинстве работ названы зооморфными): пп. 7, 59 Дубовского, п. 31 Нижней стрелки, п. 2 Русенихинского могильников.

Вариант 1Б. На кожаный ремень шириной 1 см прикреплены накладки круглой формы с двумя выступами с одной стороны: жк 11 Выжумского могильника (рис. 1).

Вариант 1В. На кожаную основу шириной 2 см прикреплены накладки луновидной формы (одночастные или двучастные) с горошинами по краям: пп. 2, 30 Веселовского, жк 6 Нижней стрелки.

Вариант 1Г. На кожаную основу шириной 1,6–1,8 см закреплены накладки прямоугольной формы с полукруглым выступом на одной короткой стороне и выемкой на противоположной. На поверхности нанесен геометрический орнамент: жк 7, 8, 10 Нижней стрелки, жк 1 могильника Затон Михеева.

В наборах вариантов 1А, 1Б ширина наконечников меньше просвета в рамках пряжек, что позволяло застегивать пояса без дополнительных ремешков. В том случае, если дополнительные ремешки для застегивания поясов существовали, они были очень

короткими, не свисали и не выполняли декоративной функции.

Наборы вариантов 1Б и 1В могли иметь по одному боковому ремешку, который собирался из накладок разного типа и не был строго стандартизирован.

Тип 2. Основной ремень изготовлен из кожи шириной 2–2,5 см, имел длину значительно превышающую охват корпуса человека в области талии – 12 экз. К основному кожаному ремню сбоку крепился дополнительный ремешок, конец которого продевался в пряжку и замыкал пояс. Свободный конец основного ремня, богато украшенный накладками и концевым наконечником, перекинут через ремень, образуя на животе еще один ряд (иногда не полный), и свисал вниз, образуя подобие дополнительного ремешка: пп. 3, 5, 8, 12, 19 Веселовского, п. 10 Нижней стрелки, пп. 3, 4, Дубовского, пп. 4, 6, 7 Русенихинского могильников, п. 1, 2 Затон Михеева (рис. 2).

Аналогичные пояса в многочисленных публикациях обозначены как пояса венгерского типа, вероятно по той причине, что впервые были реконструированы по материалам венгерских могильников Пербете, Башхалом, Яношсаллаш. Автор венгерских реконструкций И. Диенеш связывает их появление с «Понтийской Болгарской державой» (Диенеш, 1959). Название это следует признать условным, так как пояса подобного типа имели широкое распространение у хазар, финно-угорских народов, протоболгар (Артамонов, 1958, с. 53–56; Мурашева, 2000, рис. 109; Пантелеев, с. 135, 136). Такие пояса часто имеют дополнительные ремешки (п. 12 Веселовского – 4 ремешка, а п. 12 этого памятника – 6 ремешков).

В захоронениях Ветлужско-Вятского междуречья на основном ремне, как правило, крепились накладки 2-х типов, выполненные в одном орнаментальном стиле. Накладки с различными орнаментальными мотивами встречаются редко. Дополнительные ремешки (обычно более узкие) имели накладки других типов.

Тип 3. Ремень изготовлен из кожи шириной 2–2,5 см, имел длину, позволяющую охватить корпус человека в 2 оборота; на животе ремень располагался в два ряда, украшенные разными накладками, а на спине или сбоку ремни перекрещивались – 18 экз. Использованы накладки двух типов в одном художественном исполнении: пп. 6, 11, 13, 20 Веселовского, пп. 1, 3, 5, жк 2, 6, 13 Русенихинского, пп. 26, 28 Нижней стрелки, п. 14, жк 15, 18, 19

Выжумского, п. 2 Юмского, п. 10 Анаткасинского могильников. Отдельные экземпляры имели дополнительные ремешки, также украшенные накладками (рис. 3).

Пояса в два оборота имеют немногочисленные аналогии: 1 случай в Крюково-Кужновском (Материалы по истории, 1952, табл. XXVII: 1), 1 в Кельгининском мордовских могильниках (Кельгининский..., рис. 20) и, возможно, в кургане 95 Гнездово (Мурашева, 1997).

В составе этой группы выделяется серия поясов с одинаковой комплектацией: одинаковые пряжки и концевые наконечники, накладки подквадратной и сердцевидной формы с прорезью, орнаментированные растительным узором: п. 13 Веселовского, 28 Нижней стрелки, жк 2, п. 3 Русенихинского, жк 19 Выжумского, п. 2 Юмского и п. 10 Анаткасинского могильников. Накладки из могильников Ветлужско-Вятского междуречья имеют также золочение по бортику и в центральной фигуре орнаментального поля. Аналогичное сочетание типов накладок известно по материалам п. 67 Крюково-Кужновского мордовского могильника и кургане 190 Тимирево (Мальм, 1963, рис. 39: 1) в Верхнем Поволжье.

Тип 4. Основной ремень состоит из нескольких коротких ремешков, соединенных металлическими кольцами, к которым также прикреплены боковые ремешки, имеет пряжку и наконечник основного ремня, а также наконечники боковых решеков – 9 экз.

Вариант 4А. В составе пояса использовано до 5 типов накладок: зооморфные, круглые, прямоугольные, но набор стандартизирован как по сочетанию типов, так и по их месту в составе изделия: пп. 4, 11, 15, 16, 40 могильника Нижняя стрелка. Копия подобных наборов обнаружена и в других могильниках Ветлужско-Вятского

междуречья: п. 5 Юмского и п. 6 Черемисского кладбища.

Точных аналогий целым поясам выявить не удалось из-за отсутствия опубликованных реконструкций, но близкое сочетание типов накладок и наконечников в одном комплексе наблюдается в могильниках Пермского Предуралья (Белавин, Крыласова, 2012, рис. 10: 10–12; 37: 1, 2; 50: 7, 10). К сожалению, при погребальном обряде могильников Пермского Предуралья, ремни представлены разрозненными фрагментами, по которым трудно сделать полную реконструкцию.

Вариант 4Б. Набор накладок ограничен 2 типами, выполненными в одном художественном стиле: п. 21, 22, 24 Веселовского, п. 18 Нижней стрелки.

Тип 5. В погребальных комплексах обнаружены разрозненные накладки от 3 до 7 различных типов. Местонахождение их не зафиксировано, поэтому невозможно установить являются они элементами одного или нескольких поясов. В могильниках Ветлужско-Вятского междуречья находки нескольких поясов в составе одного погребения (на погребенном и в составе дополнительного комплекса) встречаются неоднократно: п. 5 Веселово (на талии ив изголовье), п. 58 Дубовского могильника (в области пояса и в ногах и т.д.). Но не исключено, что разнотипные накладки принадлежат одному изделию. Наибольшим разнообразием отличаются погребения 36, 52, 73 Дубовского могильника, в которых нет данных о наличии двух поясов. Присутствие в одном поясе разнотипных накладок практиковалось у многих народов: в Пермском Предуралье (Белавин, Крыласова, 2012, рис. 20, 25; Добжанский, 1990, табл. XXVI).

Таким образом, поясные наборы позволяют выявить направление торговых контактов населения Ветлужско-Вятского междуречья, а также обозначить собственный стиль, подчеркивающий своеобразие костюма.

ЛИТЕРАТУРА

- Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Огурдинский могильник // Археология Пермского края / САИ. Вып. II. Пермь: ПГПУ, 2012. 259 с.
- Диенеш И. Пербетейская находка. Каким был пояс венгров-завоевателей родины? // *Archaeologiai ertesito*. Budapest, 1959. Vol. 86.
- Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: НГУ, 1990. 164 с.
- Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.
- Кельгининский могильник: раскопки 1990-х гг. Саранск: Типография «Красный октябрь», 1998. 167 с.
- Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2001. 259 с.

Мальм В.А. Поясные и сбруйные украшения // Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимиревского, Михайловского и Петровского могильников / Под ред. А.П. Смирнова. М.: ГИМ, Ярославский музей-заповедник, 1963. С. 64–70.

Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Дневник археологических раскопок П.П. Иванова. Моршанск: Издание Моршанского краеведческого музея, 1952. 232 с.

Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: УРСС, 2000. 136 с.

Мурашева В.В. Реконструкция облика древнерусского наборного пояса X–XI вв. (По материалам «дружинных» курганов) // Погребальный обряд. / Труды ГИМ, Вып. 93. М.: ГИМ, 1997. С. 71–79.

Никитина Т.Б. Поясные наборы IX–XI вв. по материалам Русенихинского могильника // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание). Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. (г. Ижевск, 23–29 октября, 2016. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2016. С. 326–329.

Пантелеев С.А. Об одном поясном наборе (X – начала XI вв) из Астраханской области // Археология евразийских степей. Вып. 13 / Материалы научно-практической конференции «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей (Казань, 7–11 декабря, 2009 г.) Казань: ООО «Фолиант»; Институт истории им. Ш. Марджани, 2011. С. 133–137

Фёдоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М.: Искусство, 1976. 222 с.

Информация об авторе:

Никитина Татьяна Багишевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Марийский НИИЯЛИ им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола, Россия); научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); tshikaeva@yandex.ru

BELT SETS FROM THE 9TH-11TH CENTURY BURIAL GROUNDS ON THE VETLUGA-VYATKA INTERFLUVE

T.B. Nikitina

The article considers the materials from 6 cemeteries on the Vetluga-Vyatka interfluve with belts or their fragments discovered in 44.5-87.5% of the burial complexes (burials and sacrificial complexes between the graves). The author established a tendency towards a reduction in the number of belts, especially of the composite type, at sites dating back to the period after the turn of the 12th century. In the systematization of the material the author focused not on the individual categories of adornments, but rather on the features of the complete set of findings, if possible, considering the way that the belt was worn. As a result, a total of 52 belt sets were identified, which were classified into 4 primary types. Articles with the following attributes were treated as analogues: precise similarity of the shape, repetition of the ornament in details, place of the item within the set. If one of the three attributes was missing, the articles were not treated as analogues. Wide analogies in the antiquities of Mordva, Perm Cis-Urals and Magyar monuments allowed to reveal the features of belt sets for the 9th-11th century burial grounds on the Vetluga-Vyatka interfluve.

Keywords: Mari culture, typology of belt sets, Vetluga-Vyatka interfluve, cultural relations, Mordva, Magyars, Perm Cis-Urals.

About the Author:

Nikitina Tatyana B. Doctor of Historical Sciences. Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; tshikaeva@yandex.ru

Таблица 1.

Встречаемость принадлежностей поясов в могильниках Ветлужско-Вятского междуречья

п/н	Наименование памятника ¹	Кол-во изученных комплексов ²	Дата памятника	Доля комплексов с принадлежностями пояса
1	Затон Михеева	3	X в.	100%
2	Русенихинский	33	X – XI вв.	87,5%
3	Веселовский	30	X – XI вв.	73,3%
4	Нижняя стрелка	53	IX – XI/XII вв.	68,0%
5	Дубовский	83	X – нач. XII вв.	44,5%
6	Выжумский	46	X – XII вв.	58,3%

¹ В обработку введены памятники с погребальным обрядом, позволяющим проследить полный комплекс.

² В подсчет включены только неразрушенные погребения.

Рис. 1 – поясной набор из жертвенного комплекса 11 Выжумского могильника.

Рис. 2 – поясной набор из погребения 2 могильника Затон Михеева

Рис. 3. 1, 2 – поясной набор из жертвенного комплекса 19 Выжумского могильника; 3 – накладки из погребения 3 Русенихинского могильника

УДК 902/904

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ЛИНГВИСТИКА ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ ДРЕВНИХ ВЕНГРОВ (В СВЕТЕ НОВЫХ ВЕНГЕРСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)¹

© 2018 г. Саболич Йожеф Полгар

В Венгрии до рождения современной лингвистической науки и археологии историки пользовались только письменными источниками, языковые отношения не были важными для них, а археологический материал не был открыт. С середины XIX века положение изменилось: в Венгрии исследования по сравнительной и исторической лингвистике и археологии открыли новые перспективы. С начала XX века теория венгерских тюркологов об отношениях древнетюркских и древневенгерских языков значительно определяла концепции историков. Это воздействует и в наши дни. Историки и археологи стараются учитывать результаты лингвистики. Важнейшие вопросы о языковых контактах: где и когда? В XX веке сформировались² две основные теории: 1. Среднее Поволжье, VII–IX вв., 2. Предкавказье и Прикубанье, V–VIII вв. Позже эти территории добавлялись западной периферией Хазарского каганата. А в новейшей концепции имеются альтернативные возможности: от Прикубанья до Карпатской котловины. Но эта концепция исключает Среднее Поволжье из возможных мест языковых отношений. Результаты новых археологических исследований позволяют предположить о том, что до второй половины IX века венгры обитали на Среднем Поволжье, наверно на территории находящейся между нынешней Самарой и Оренбургом. А когда-то в IX веке (или ещё в VIII в.) они переселились в регион между Донцем и Южным Бугом. Этот вывод подтверждается хронологией и типологией находок, и также письменными источниками. В докладе обращается внимание на основные вопросы языковых отношений: 1. зону тюркских языков (диалектов) в Восточной Европе в VI–IX вв., 2. на динамику этих языковых контактов между древнетюркскими и древневенгерскими языками.

Ключевые слова: лингвистика, этногенез, древние венгры, IX в., кавар, мадьяры Хазарский каганат, Карпатская котловина

Так как мало письменных источников, в реконструкции древнейшей истории венгров (мадьяр) необходимо в значительной мере опираться на археологию и лингвистику.

Результаты новых археологических исследований позволяют предположить о том, что во второй половине IX века мадьяры обитали на севере степи или на юге лесостепи между Донцем и Южным Бугом. Они переселились на эту территорию из Среднего Поволжья, наверно из территории находящегося между нынешней Самарой и Оренбургом (или из региона Предуралья-Поволжья)². Этот вывод подтверждается хронологией и типологией находок, а также письменными источниками.

Что касается контактов древневенгерского языка с тюркскими языками, результаты лингвистики отличаются от археологических.

По лингвистическим исследованиям территория контактов между мадьярами и тюркоязычными племенами была на степной зоне (южнее ареала археологических местонахождений «древневенгерского типа») и пребывание мадьяр на степи было продолжительнее, чем археологи думают.

В докладе я обращаю внимание на это противоречие, и стремлюсь уничтожить его, имея в виду: 1. зону тюркских языков (диалектов) в Восточной Европе в VI–IX вв.; 2. в конце IX – начале X века союз древних мадьярских племен был многоязычный и разные племена присоединились к ним до переселения в Карпатскую котловину.

Что касается отношения между древнетюркским и древневенгерским языками, историки в первую очередь интересуются местом и временем их. Появления тюрко-

¹ Статья является переработанным вариантом текста, опубликованного в сборнике «Бюллетень» (Институт Востоковедения РАН) № 21. Материалы VII международной конференции «Источники по истории кочевников средневековой Евразии». Москва 2014, С. 226–234.

² Напр. Иванов 1995; Иванов 1999; Казаков 2001, с. 9–11; Сташенков 2009; Комар 2008; Комар 2011; Türk 2010.; Тюрк 2012; Fodor 2009. (датируя начало миграции мадьяр из Поволжья второй половиной VIII века, ок. 750 г.). Новый каталог о местонахождениях «древневенгерских» находок Восточной Европы: Erdélyi 2008.

зычных племен в Поволжье и Прикавказье обычно датируется VI веком н. э. или второй половиной V века (Vásáry 1999, p. 141, 159.; Róna-Tas – Berta 2011, T. I., pp. 19-20.). В письменных источниках упоминаются *огуры* или *угуры*, которые обитали в Нижнем Поволжье в VI в. (Moravcsik 1930, p. 62.). Их территория наверно простиралась на север до границы лесостепи и там они имели связи с народами среднего Поволжья, в том числе и древневенгерскими племенами. Но об этих связях нет никакого письменного источника. Надо отметить, что исходя из этнонима трудно определять, на каких языках говорили, но этнонимы могут указывать косвенно на языческие отношения. Значит, не можем быть убеждены, что древнетюркский язык был широко распространен в Поволжье в это время. Например, в VII в. племена Западно-тюркского каганата с точки зрения языка, были смешанные, среди них была значительная группа ираноязычного населения, но, конечно, сами тюрки были тюркоязычные³. Племена, которые говорили на древневенгерском языке, в VI веке обитали наверно в регионе среднего Поволжья или Южного Урала. Имеются разные гипотезы о месте и времени этих отношений: по одной гипотезе тюркско-венгерские языковые отношения происходили в Поволжье в VII–VIII или IX в., по другой гипотезе, мадьярские племена переселились из Среднего Поволжья на юг (Приазовье, Прикубанье) уже в VI или VII веках, и там, на юге, перешло в древневенгерский язык большинство древнетюркских слов (эта гипотеза опирается на несколько названий растений и слова виноделия в венгерском языке, считая, что они могли быть заимствованы только в этом южном регионе, где те растения росли)⁴.

³ Ligeti 1986, 329–330. (анализ китайской записки о названиях западнотюркских племен)

⁴ В начале 20 века Золтан Гомбоц считал, что древнетюркские слова перешли в древневенгерский в Среднем Поволжье в VII–IX вв. Позже он изменил свою точку зрения и переместил зону контактов на степь на север от Кавказа, а хронологические рамки изменил на 6-8 вв.; Дюла Немет присоединился к мнению Гомбоца, но позже вернулся к первой реконструкции Гомбоца. Лайош Лигети расширял зону языковых контактов, считая, что в Хазарии также говорили на тех диалектах древнетюркского языка, из которых были заимствованы слова в древневенгерский язык. Зимони 2002, с. 164–165.; Zimonyi 1988. О важнейших вопросах древневенгерских и тюркских контактах, о месте и времени заимствований в свете новых исследований: Róna-Tas 1999, p. 108-114; Róna-Tas – Berta 2011.

Андраш Рона-Таш обратил внимание на некоторые названия деревьев. В анализе встречаются девять слов, которые являются заимствованиями в венгерском: венг. *Tölgy* 'дуб' (*Quercus*), венг. *bükk* 'бук' (*Fagussylvatica*), венг. *dió* '(грецкий) орех', венг. *gyertyán* 'граб' (*Carpinus*), венг. *gyümölcsény* (*galagonya*, *Crataegus*) 'боярышник', венг. *gyűrűfa* (*éger*, *Alnus*) 'ольха', венг. *kóris* (*Fraxinus* sp.) 'ясень', венг. *mogyoró* (*Corylus*) 'орешник, лещина'. Из них названия ясень, боярышник, граб, ольха, грецкий орех, орешник и еще одно название растения, венгр. *Som* кизил(ь) являются заимствованиями из западного древнетюркского языка или диалектов. Точнее, (кизил(ь)) – слово аланского происхождения, с древнетюркским посредничеством (Róna-Tas 2004; Róna-Tas 2005; Róna-Tas, Berta, 2011, T. II., p. 1148).

С точки зрения палеоботаники Рона-Таш отделил четыре региона, которые могли быть местами контактов между древневенгерским и древнетюркским языками: 1. Кавказско-Кубанский, 2. Крымский, 3. Днестро-Карпатский, 4. Карпатская котловина. По историческим данным, можно отменять Крым, потому что там древние мадьяры не обитали. Рона-Таш считает, что слово *tölgy* 'дуб' перешло в древневенгерский из аланского языка, возможно в кавказско-кубанском регионе, но можно полагать также и о Подонье. Слово *kóris* 'ясень' перешло из древнетюркского, тоже на Подонье или Прикубанье. Но остальные – бук, граб, боярышник, ольха, орешник и кизил(ь) – могли быть заимствованы древними мадьярами и в Днестровско-Карпатском регионе или Карпатской котловине (Róna-Tas 2004, pp. 436-437; Róna-Tas, Berta, 2011, T. II., p. 1148). Что касается грецкого ореха, слово, наверно, перешло в древневенгерский посредничеством торговцев, то есть трудно определить точное место и время его заимствования. Орех был торговым товаром и мусульманских купцов, например, Ибн Фадлан писал о том, что торговцы-мусульмане подарили огузскому главарю орехи⁵. Орех (и, наверно, сам грецкий орех) был известен среди тюркоязычных племен в X веке (возможно и раньше). Важно отметить, что слово *kóris* 'ясень' древнетюркского происхождения в осетинском и в венгерском Róna-Tas 2004, p. 424.).

Что касается археологии, важнейшая цель археологов найти археологический мате-

⁵ Ибн Фадлан: Ковалевский 1956, с. 128 (пер.), 336 (текст). В тексте имеется собирательное существительное *джауз(ат)* 'орех', подробнее не выясняется, о каком роде ореха идет речь.

риал, археологические следы древних мадьяр. Материал «мадьярского типа» в Карпатской котловине довольно многочисленный, а его параллели в Восточной Европе распространяются в широком ареале. Опираясь на археологический материал, реконструировать древние страны мадьяр до завоевания Карпатской котловины и маршрут миграции мадьяр до Карпатской котловины не просто. Находки «мадьярского типа» имеют параллели в археологическом материале «восточного типа» Приуралья, Поволжья, нынешней Мордвы и в материале Руси IX–X веков («дружинная культура»). Новая группа «мадьярских параллелей» была определена на среднем Приднепровье – так называемый «горизонт Суботци» (Комар 2011, с. 56–64.). Западная зона распространений «восточноевропейского» материала – Приднестровье, Нижний Дунай (территория дунайских булгар) и Карпатская котловина. Появление и распространение восточного стиля в Урало-Волжском регионе наверно было связано с торговлей с цивилизацией ислама (Центральная Азия, Иран, Закавказье и т. д.)⁶. В распространении «восточного» стиля на запад, наверно, играла роль и торговля, и миграция мадьяр в IX веке. Археологический материал Карпатской котловины X века резко отличается от материала сопредельных территорий того же самого хронологического периода. По поводу «восточной» части материала Карпатской котловины надо отметить, что по вопросам пропорций, происхождения и распространения мнения расходятся (Fodor 1979; Fodor 1982, pp. 244–247; Mesterházy, 1997; Казаков, 2001; Langó 2005, pp. 300–306.). Но кажется, что появление и распространение этого «восточного элемента» тесно связано с восточной миграцией в Карпатскую котловину, с миграцией мадьяр. Исследователи уже долгое время исходят из этого материала и стремятся находить его параллели в Восточной Европе. Можно полагать, что зона параллелей, которая находится на западе от Предуралья и Поволжья, на северном краю степи, может быть в связи с мадьярами. Эти местонахождения отражают путь мадьярских племен в IX веке. Если это так, то значит, что миграция мадьяр была относительно быстрая, они не обитали долго на территории между Поволжьем и Карпа-

тами. По письменным источникам, с первой трети IX века мадьяры были в Приднепровье, и в середине 90-х годов IX века вторглись в Карпатскую котловину (время появления мадьяр в Приднепровье является спорным вопросом) (Комар 2011, с. 38). Мадьяры, обитавшие в Поволжье и мигрировавшие в Карпатскую котловину, возможно, говорили на древневенгерском языке. Может быть, к ним присоединились группы, говорящие на других языках.

Если посмотрим ареал распространения древнетюркских языков от VI до X века, то увидим, что он распространяется широко от Поволжья до Предкавказья, до Черного моря, в степном поясе и лесостепи. Имея в виду места обитания древневенгероязычного населения до IX века и в период западной миграции, языковые контакты могли быть осуществлены в широком просторе. Считают, что древнетюркские слова в венгерском языке — конечно говорю только о тех, которые были заимствованы в раннем периоде, до XIII века — перешли в древневенгерский в разных местах и разные времена. Одна часть могла перейти в зоне лесостепи, в Поволжье, но некоторые слова только в ограниченном ареале. Такие слова были анализированы Андрашом Рона-Таш. Он, и еще раньше другие считали, что эти слова были заимствованы в южной зоне, в Прикубанье, или где-то в степи, к северу от Кавказа, или на Нижнем Дону. Поэтому они реконструировали миграцию мадьяр по-другому, чем большинство археологов: мадьяры когда-то между VI и IX веками обитали на юге Восточной Европы (Róna-Tas 1999, pp. 321–324.).

Гипотеза лингвистов обоснована по правилам лингвистики, а гипотеза археологов – по правилам археологии. Но если на основе этих гипотез реконструируем историю мадьяр, можно выводить разные заключения, разные пути миграции, пребывания мадьяр одновременно в двух местах. Эти гипотезы противоречат друг другу.

Как можно исключить противоречие? Например, можно предположить, что источником вышеупомянутых названий деревьев было такое тюркоязычное население, которое присоединилось к мадьярам, вместе с ними переселилось в Карпатскую котловину и там передало слова им. Те деревья росли и растут там, но по данным археоботаники большинство их не было в Среднем Поволжье. Из этого следует, что тюркоязычной части мадьярского племенного союза были знакомы те растения

⁶ О торговых связях Поволжья с Востоком в VIII–IX вв. напр. Даркевич 2010², с. 144–160.; Noonan 2000. О влиянии искусства Средней Азии на искусство народов Поволжья VIII–IX вв.: напр. Fodor 2008, pp. 152–153.

на новой родине, и конечно, они называли их своими словами, а венгероязычные мадьяры заимствовали эти названия. Сам Рона-Таш тоже не исключил эту возможность, но он считает, что эти слова были заимствованы не от союзников мадьяр, а тюркоязычного автохтонного населения Карпатской котловины (наверно, потомков авар). Но, можно думать, о восточноевропейских тюркоязычных союзниках, потому что в этом случае не надо полагать, что древневенгероязычные мадьяры обитали на юге, где не упоминаются в письменных источниках (под собственным этнонимом *мадьяр* или под названием племенного союза *башкир*⁷). Первое упоминание этнонима *мадьяр* имеется в сочинении Ибн Хордадбе-ха (хотя в искаженной форме дж.ф.р. (>*[ма]джгар) (Ибн Хордадбех: BGAVI, p. 31). Его труд имеет так называемые первую и вторую редакции. Первая редакция датируется около 845 г., а вторая – около 885 г. В тексте этноним *мадьяр* находится в перечислении племен или народов «тюрки», между огузами (*гузз*) и печенегами (*баджанак*), то есть на восточной периферии Хазарского каганата. Это перечисление должно было принадлежать еще первой редакции, потому что около 885 г. мадьяры уже обитали к северу от Черного моря, далеко от печенегов и огузов. На юге упоминается другое название, которое тесно связано с мадьярами, *унгри*, из этнонима *оногур*⁸. Но

первоначально этноним *оногур* был названием, наверно, древнетюркоязычного племенного союза. Чтобы найти истоки этих слов, необходимо обратить внимание на огуров, оногуров и протобулгаров, и судьбу так называемых *черных болгар*. Наверно из этих болгар, которые были подданными хазар, одна значительная группа присоединилась к мадьярам (Polgar 2014, pp. 207–208.). Хотя в письменных источниках по поводу мадьяр нет этого этнонима, только название *кавар* (или *кабар*)⁹. На основе косвенных данных, язык древних болгар принадлежал к так называемым западным древнетюркским языкам или диалектам (Róna-Tas, 1999, pp. 108–114.; Róna-Tas, Berta, 2011, I., pp. 19–20.). Вышеупомянутые названия деревьев почти все имеют критерии этого типа древнетюркского языка. Место обитания этих хазарам подданных болгар было в Восточном и Западном Приазовье, в Подонье и в Крыму. Наверно, на северном краю их страны, в Среднем и Нижнем Поднепровье (или может быть на границе степи и лесостепи между Днестром и Северским Донцом) появились мадьяры в начале или первой трети IX века, и с этого времени они были соседями и потом союзниками.

Это тоже только гипотеза, но это один из возможных ответов на уничтожение противоречия между результатами лингвистики и археологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Горелик М.В. Три племени кабар. Бюллетень (Newsletter) // Общество востоковедов № 9 Hungarorossica: история и культура евразийской степи. 2002. С. 47–59.
- Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. М.: Наука, 2010. 198 с.
- Зимони И. Венгры в Волго-Камском бассейне? // Общество востоковедов 2002. № 9. С. 130–186.
- Иванов В.А. Мадьярский путь на запад // Культуры степей Евразии второй половины II тыс. н. э. / Отв.ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 1995. С. 33–34.
- Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа: Гилем, 1999. 123 с.
- Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Харьковский государственный университет, 1956. 343 с.
- Комар А.В. Древние венгры // Еуразиядағиң турк мұрасы. Тюркское наследие Евразии VI–VIII вв. / Науч. ред. А. Досымбаева. Астана, 2008. С. 214–216.

⁷ Ранние упоминания о башкир сохранились в трудах Ибн Хордадбе-ха и Гардизи. Ибн Хордадбех почерпал известия о башкирах из сочинения переводчика Саллама (первая треть IX в.) а Гардизи опирался на труд Ибн ал-Мукаффы (VIII в.). По обоим авторам эти древние башкиры обитали к северу Хазарии, и к востоку от средней Волги. О дальших упоминаниях и разных формах этнонима «башкир» в сочинениях мусульманских авторов: напр. Зимони 2002, с. 156–159; Zimonyi 2014, pp. 50–61.

⁸ Напр. Róna-Tas 1999, pp. 284.; Комар 2011, с. 51. Об оногурах: напр. Ромашов 1994.

⁹ Язык кавар неизвестный, но отличался от языка мадьяр. Он был одним из языков Хазарии, с которым соприкасались мадьяры до завоевания Карпатской котловины. Róna-Tas 1999, pp. 347–350; Róna-Tas – Berta 2011, II, p. 475. Об этническом составе кавар напр. Горелик 2002, с. 50–53.

Комар А.В. Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований // Мадьяри в Середньому Подніпров'ї / Археологія і давня історія України. Вип. 7. / Отв. ред. Моця О.П. Київ: ІА НАН України, 2011. С. 21–78.

Ромашов С.А. Болгарские племена Северного Причерноморья в V–VII вв. // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1994. №8. 207–252.

Сташенков Д.А. Памятники мадьярского круга в Самарском Поволжье // Археология евразийских степей. Вып. 13 / Материалы научно-практической конференции «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей (Казань, 7–11 декабря, 2009 г.) Казань: ООО «Фолиант»; Институт истории им. Ш. Марджани, 2011. С. 228–229.

Тюрк А. Новые результаты и перспективы археологических исследований ранней истории древних венгров (угров-мадьяр) // IX Евразийский научный форум «Наследие Л. Н. Гумилева и современная евразийская интеграция» (Астана, 10–11 октября 2012 г) Астана, 2012 С. 22–26.

BGA VI Kitāb al-masālik wa'l-mamālik auctore Abu 'l-Kāsim Obaidallah ibn Abdallah Ibn Khordādhbeh. In M. De Goeje (ed.). *Bibliotheca Geographorum Arabicorum* T. 6. Lugduni-Batavorum (Leiden) 1889.

Erdélyi I. 2008. *Scythia Hungarica. A honfoglalás előtti magyarság régészeti emlékei* [Археологические находки древних мадьяр до завоевания родины]. Budapest.

Fodor I. 1979. Einige Beiträge zur Entfaltung der ungarischen Kunst der Landnahmezeit. В кн.: *Kunst und Mythologie der landnehmenden Ungarn*. Red. J. Fitz. Székesfehérvár.

Fodor I. 1982. In Search of a new Homeland. The Prehistory of the Hungarian People and the Conquest. Budapest.

Fodor I. 2008. *Prémkereskedelem, művészet, hitvilág (Pelzhandel, Kunst, Glaubenswelt). Kereskedelem és hatása Őseink korában. Az Arany János Múzeum Közleményei 9. Tradicionális kereskedelem és migráció az Alföldön*. Red. Novák L. F. Nagykörs.

Fodor I. 2009. *Őstörténet és honfoglalás* [Предыстория венгров и завоевание родины]. Magyarország története [История Венгрии] 1. Budapest.

Langó P. 2005. Archaeological Research on the Conquering Hungarians: A review. В кн.: *Research on the Prehistory of the Hungarians: A review*. Ed. B. G. Mende. Budapest 2005, pp. 175–340.

Ligeti L. 1986. A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. [Контакты венгерского языка с тюркскими языками в период до завоевания Карпатской котловины и в эпоху династии Арпадов] Budapest.

Mesterházy K. 1997. Die Kunst der landnehmenden Ungarn und die Abbasidisch-Irakische Kunst. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* (49), 385–418.

Moravcsik Gy. 1930. Zur Geschichte der Onoguren. *Ungarische Jahrbücher* (10). 53–90.

Noonan Th. S. 2000. The Fur Road and the Silk Road: The Relations between Central Asia and Northern Russia in the Early Middle Ages. *Kontakte zwischen Iran, Byzanz und der Steppe im 6.-7. Jahrhundert*. Hrsg. Cs. Bálint. Budapest – Napoli – Roma. 285–301.

Polgar Sz. 2014. Black Bulgaria and the Black Bulgars. In T. Olajos (ed.). *A Kárpát-medence, a magyarság és Bizánc. The Carpathian Basin, the Hungarians and Byzantium*. Szeged. 199–214.

Róna-Tas A. 1999. Hungarians and Europe in the Early Middle Ages. An Introduction to Early Hungarian History. Budapest.

Róna-Tas A. 2004. Néhány megjegyzés faneveinkről (bükk, dió, gyertyán, gyümölcsény, gyűrűfa, éger, kőris, mogyoró, tölgy) [Some remarks on Hungarian names of trees]. *Magyar Nyelv* (100), 260–273, 419–438.

Róna-Tas A. 2005. Turkic-Alanian-Hungarian Contacts. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* (58), 205–213.

Róna-Tas A., Berta Á. 2011. L. Károly West Old Turkic. *Turkic Loanwords in Hungarian I-II*. Wiesbaden.

Türk A. A. 2010. A szaltovói kultúrkör és a magyar őstörténet régészeti kutatása. [Исследования по салтовской КИО и по археологии древних мадьяр]. In Tóth P., Szabó P. (szerk.) *Középkortörténeti tanulmányok*. 6. [Доклады по истории средних веков] p. 261–306.

Vásáry I. 1999. *Geschichte des frühen Innerasiens*. Herne.

Zimonyi I. 1988. Ligeti Lajos magyar őstörténet-koncepciója [Концепция Лайоша Лигети о предыстории венгров]. *Századok* 122(1–2), 216–221.

Zimonyi I. 2014. A magyarság korai történetének sarokpontjai [Ключевые вопросы предыстории венгров]. Budapest.

Информация об авторе:

Саболч Йозеф Полгар, PhD, историк-археолог, адъюнкт Сегедского Университета, Кафедра Средневековой Мировой Истории (г. Сегед, Венгрия); polgarss@freemail.hu

HISTORICAL SCIENCE AND LINGUISTICS ON THE ETHNOGENESIS OF ANCIENT HUNGARIANS (IN THE CONTEXT OF NEW HUNGARIAN STUDIES)

Szabolcs József Polgár

Prior to the establishment of contemporary linguistic science and archaeology, historians only used written sources and were not interested in linguistic interactions, whereas archaeological material had not yet been discovered. The situation changed in the mid-19th century when the studies on comparative and historical linguistics and archaeology broke new ground in Hungary. Since the early 20th century, the theory suggested by Hungarian turkologists concerning the interactions between the Ancient Turkic and Ancient Hungarian languages has had a decisive influence on historical concepts. The influence has remained until the present day. Historians and archaeologists do their best to consider the results of linguistic studies. The most important questions in terms of linguistic contacts are "where?" and "when?" The two major theories which formed in the 20th century were as follows: 1. The Middle Volga region, 7th-9th centuries, 2. Cis-Caucasia and Cis-Kuban, 5th-8th centuries. Later, these theories were further supplemented by the western outskirts of Khazar Khaganate. At the same time, the newest concept features alternative options, e.g. from Cis-Cuban to Carpathian Basin. However, the concept does not include the Middle Volga region as a possible location of linguistic interactions. The results of new archaeological studies suggest that the Hungarians populated the Middle Volga region until the second half of the 9th century, and presumably settled in the territory between the contemporary Samara and Orenburg. Then, they eventually migrated to the region between the Donets and the Southern Bug in the 9th century (or as early as the 8th). This conclusion has been confirmed by the chronology and typology of findings, as well as written sources. The report focuses on the following major issues of linguistic interactions: 1. The area of Turkic languages (dialects) in Eastern Europe in the 6th-9th centuries, 2. The dynamics of these linguistic contacts between the Ancient Turkic and Ancient Hungarian languages.

Keywords: linguistics, ethnogenesis, ancient Hungarians, 9th century, Kavar, Magyars, Khazar Khaganate, Carpathian Basin.

About the Author:

Polgár Szabolcs József, PhD, historian-archaeologist, Adjunct of the University of Szeged, Department of Medieval World History, Dugonics Sq., 13, Szeged, H-6720, Hungary; polgarss@freemail.hu

¹⁰ The article is a revised version of the text published in the Bulletin No. 21 (Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences). Proceedings of the 7th International Conference "Sources on the History of Nomads in Medieval Eurasia". Moscow 2014, pp. 226-234.

УДК 902/904

ПОГРЕБЕНИЯ КОЧЕВНИКОВ X ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ ЗАКАРПАТСКОЙ ОБЛАСТИ УКРАИНЫ: ПРОБЛЕМА ПЛЕМЕННОЙ АТТРИБУЦИИ

© 2018 г. И. А. Прохненко

На сегодняшний день среди памятников Верхнетисского региона X в. н.э. выделена значительная группа кочевнических погребений, получившая в историографии название древностей периода обретения уграми новой Отчизны. Проведённая конкретизация датировки захоронений номадов и маршрута их проникновения в регион позволила поставить под вопрос их племенную принадлежность и подвергнуть сомнению устоявшееся в научной литературе мнение о продвижении угров Алмоша через Верецкий перевал.

Ключевые слова: Верхнее Потисье, угры, печенеги, номады, городище, погребение.

Закарпатская область Украины входит в особенный историко-географический микро-регион в северо-восточной части Верхнего Потисья, климатическое и ландшафтное своеобразие которого определили его сравнительно слабую заселенность относительно соседних территорий практически во все периоды древней и средневековой истории. Каждый ощутимый прирост численности местного населения был связан не с внутренними демографическими процессами, а с внешними инвазиями в результате определенных обострений ситуации в Европе, заставлявших людей искать спасения на отдаленных от культурных центров заболоченных лесистых землях под Карпатскими горами.

Новые поселенцы обычно приносили в Верхнее Потисье передовые идеи и технологии, что заметно отличало их на фоне автохтонных жителей края, контакты с которыми приводили к появлению новых синкретических явлений в местной материальной культуре. Несмотря на периферийность Верхнетисского региона в историографии крепко укоренилось утверждение о его транзитном характере. Будто бы именно через него в различных направлениях постоянно передвигались значительные группы людей, используя горные перевалы. По данным же археологии четко прослежены только инвазии с запада и юга, которые всегда останавливались перед Карпатами. В этом аспекте интересно отметить, что первое проникновение номадов-скотоводов на эти земли произошло с юго-восточного направления, через труднопроходимые горные массивы лишь в эпоху средневековья и, учитывая наличие более приемлемых альтернативных маршрутов, явно не по доброй воле. В популярной,

научно-популярной и научной литературе это переселение связывается с древними венграми вождя Алмоша и значительно мифологизируется.

На основании сообщений средневековых авторов, в частности Анонима и Нестора, в историографии укрепилась мысль о движении кочевых племен «черных угров» лесной полосой современной Украины с востока на запад в конце IX в. Большинство ученых утверждают, что номады прошли около Киева, потом через Воынь и Галичину к Верецкому перевалу и, преодолев его, оказались в Карпато-Дунайском ареале. Здесь они осели и на рубеже X–XI вв. сформировали раннефеодальное государство – Венгерское королевство. Эти ученые без необходимого критического анализа свидетельств письменных источников приняли утверждение автора художественно-документальной хроники рубежа XII–XIII вв. «Gesta Hungarorum» о завоевании кочевниками Киева, унижении ими несуществующих в то время князей Галича и Владимира и дальнейшем героическом захвате территории Закарпатья с трагическим финалом – позорной виселицей для местного славянского князя Лаборца.

В разрез с этим традиционным подходом отдельные исследователи в последнее время справедливо сомневаются в переселении «черных угров» на «новую Отчизну» северным, а не обычным для кочевников южным степным маршрутом (Моця, 2011, с.16). Несмотря на сомнительность самого факта прохождения угров северным лесным маршрутом через Верецкий перевал, в научной литературе основная дискуссия сконцентрирована вокруг характера миграции этих номадов, в частности, отношений пришлого насе-

ления со славянами (мирный или военный конфликт). В решении этого вопроса ученые привлекают, как правило без критического анализа, свидетельства письменных источников и вещественные материалы о передвижении угров в направлении Карпат и их проникновения в северо-восточную часть Верхнего Потисья (Закарпатье).

Путь переселения кочевников коротко изобразил Нестор (Літопис..., 1989, с.14). Более полную информацию о движении угров на запад дал анонимный нотариус венгерского короля Бейлы III (1172–1196 гг.) в работе «Gesta Hungarorum» (Gesta..., 2005, с.25–26). События, поданные Анонимом – литературная выдумка, потому что на время возможного прохождения венгров упомянутые в пассажах Суздальское, Владимир-Волыньское и Галицкое княжества вообще не существовали. Сомнения вызывают также верблюды, арабские скакуны и другие описанные подарки. Несмотря на это, большинством ученых принято утверждение, что в конце IX в. (не ранее 898 г.) основная масса «черных угров» преодолела Карпатские перевалы. Более того, Нестор описал события за Карпатами как военный конфликт между уграми и славянами, а его данные совпали со свидетельствами Анонима (Gesta..., 2005, с.27–28). За отсутствием альтернативных именно они были поставлены в основу исторических реконструкций отечественных исследователей. Была признана достоверность информации Анонима о военных успехах угров на землях Закарпатья без критического подхода к письменному источнику. Это объясняется желанием достичь компромисса вопреки исторической правде. Лишь при условии достоверности факта венгерского погрома имеет право на существование гипотеза об историчности личности «князя» Лаборца и государственности у славян Закарпатья в IX в. Однако, чтоб осознать, что существование подобного «княжества» в то время было бы как минимум странным, не обязательно переворачивать множество земли и страниц научных работ. Ни одной монеты, украшения или предмета вооружения, соответствующих высоко задекларированному статусу княжества.

Из-за вольной трактовки свидетельств письменных источников и пренебрежения археологическим материалом время мифического захвата венграми «новой Отчины» остается «белым пятном» истории края. Упоминание Анонимом замков (горо-

дищ) Закарпатья позволяет рассматривать эту категорию памятников как опорную при решении кардинальных проблем средневековой истории региона. В эпицентре проблемы лежит вопрос доверия или недоверия свидетельствам о них «Гесты». Его решение возможно лишь с привлечением данных археологии, отображающих конкретные хронологические реалии. Согласно с автором «Gesta Hungarorum» захват проходил довольно стремительно с незначительными, удачными для венгров столкновениями, в ходе которых были взяты Ужгородский и Боржавский замки – грады. После анализа археологических материалов можно утверждать, что из-за отсутствия конкретных подтвержденных фактов можем уверенно отнести к выдумкам нотариуса Бейлы III бои между венграми и славянскими дружинами в северо-восточной части Верхнего Потисья с целью захвата городищ Унг и Боржава (Прохненко, 2007). Картографирование и анализ материалов существующих средневековых городищ Верхнего Потисья позволяет говорить, что все они стояли в основе нового районирования при территориальной организации Венгерского государства в конце X – в начале XI в. и возведены для защиты северо-восточной границы. А о городищах IX в. на Закарпатье, возведенных для защиты от венгров, нет ни малейшей достоверной информации.

Акцентирование внимания исследователей на возможном разгроме уграми славянских городищ в конце IX – в начале X в. отвлекло их от решения более существенного вопроса: проникали ли вообще эти кочевники на земли Верхнего Потисья в указанный период? Ключевыми для поиска ответа на этот вопрос являются древности, которые должны бы были остаться после номадов на северном пути, которым они могли передвигаться на земли «новой Отчины».

Путь кочевников после их прохождения мимо Киева к Карпатам археологи традиционно определяют по единичным погребениям или их группам (Крылос, Судова Вышня, Перемышль) (Ahoňfoglaló..., 1996, old.438). Правда иногда отмечается «спорность» этих памятников (Моця, 2011, с.18). Передвижение угров территорией Закарпатья фиксировалось по находкам в Нижних Воротах, Пидполозье, Сваляве, погребениям в Берегове, Чоме, Соломонове (Ahoňfoglaló..., 1996, old.130–135), а также по кладу арабских монет первой половины X в. (400 экз.) возле г.Хуст (Кропоткин, 1972, с.201). Все эти находки без необходимой

аргументации были зачислены к кругу венгерских древностей с датировкой в значительном диапазоне – от проникновения этих племен на территорию Закарпатья до формирования ими политического образования. В историографии этот период получил название времени «завоевания венграми Отчизны». Отметим, что этноним «венгры» употребляется исследователями в историческом понимании, то есть без учета многоплеменного состава кочевой орды, участия «поздних аваров» в последующем формировании скотоводческого населения и проникновения новых групп кочевников, в частности, печенегов.

С накоплением вещевого материала была сделана попытка уточнить археологическое содержание исторического названия «венгры Карпато-Дунайского ареала». Территориальные отличия в обряде погребения и погребальном инвентаре «ранних памятников» позволили разделить их на две значительные группы. Первая была связана собственно с венграми, присутствующими на начальном этапе проникновения на землях Среднего Потисья, вторая – с кабарями, примкнувшими к венграм во время переселения и осевшими в верховьях Тисы, в частности, и на Закарпатье (Кобаль, 1996, с.33).

Определение характерных черт материальной культуры кабаров Карпато-Дунайского ареала, осуществленное по принципу поиска «невенгерского в венгерском мире», легло в основу выделения набора вещей, характерных для этих тюркских племен. В первую очередь, с кабарями были отождествлены пластинчатые сумочные бляхи и арабские монеты – дирхемы (Немет, 1972, с.219). Подобное историческое построение свидетельствовало о кабарском (тюркском) происхождении наиболее эффектных памятников «венгров – завоевателей» и, соответственно, вошло в противоречие с теорией о фино-угорской этнической принадлежности вождя Арпада и его ближайшего окружения. С другой стороны, оно оставляло за кочевниками всего Потисья сборное название союза племен – «венгры».

Необходимо отметить, что своеобразие материальной культуры кочевников северо-восточной части Карпато-Дунайского ареала действительно сомнений не вызывает. Однако, на основании топонимики и археологических материалов рубежа IX–X вв., в венгерской историографии была справедливо отмечена невозможность кабарской атрибуции верхнетисских племен (Эрдели, 1983, с.174–181). Анализ древностей кочевников реги-

она свидетельствует, что практически весь их вещевой набор датируется более поздним временем, чем рубеж IX–X вв. и происходит с территорий, расположенных на восток от Карпат (рис.1–4). Попытки объяснить эту особенность торговыми связями с населением, проживающим за горами, оказались безуспешными. Все материалы четко указывают на проникновение в Верхнее Потисье во второй половине Xв. значительной группы кочевников, не связанной с венгерским переселением во главе с Алмошем.

После конкретизации хронологии и маршрута передвижения кочевников на Закарпатье и анализа свидетельств средневековых авторов племенную принадлежность памятников было предложено пересмотреть (Прохненко, 2010, с.410–420). На основании полученной информации можно утверждать, что новое население проникло на земли региона через Верецкий перевал во второй половине Xв. с Северного Причерноморья, где в то время, по свидетельствам письменных источников, локализовались исключительно печенеги. Пришлые племена за несколько столетий были полностью ассимилированы населением Венгерского королевства.

Факт проникновения печенегов на территорию Закарпатья сомнений не вызывает. Однако остается целая группа вопросов о хронологии, характере, причинах и масштабах этого события, а также о дальнейшей судьбе племен, перекочевавших с причерноморских степей за Карпаты. Из-за мизерности данных письменных источников ответы на эти вопросы можно получить только на основании археологических материалов. Первый шаг – выделение вещей, характерных для печенежской культуры Карпато-Дунайского ареала. Поставленное задание облегчено тем, что с «кабарскими» древностями они или совпадают, или нет, что указывает на начальное направление поиска.

Связанные с печенегами вещи отличаются проникновением с расположенных на восток от Карпат территорий через северо-восточные перевалы во второй половине X в. Инвентарь может отличаться происхождением (с территорий хазар, славян или норманов), однако на момент преодоления перевалов он весь принадлежал именно печенегам. Необходимо отметить, что не все памятники Карпато-Дунайского ареала, где зафиксировано наличие характерного для этих племен инвентаря, оставили именно печенеги. Вещи могли оказаться и у венгров, которые на

то время занимали доминирующую часть Карпатского бассейна, – в результате обмена, дарения, потери, захвата как военных трофеев и так далее. Учитываем также и возможность обратного процесса – поступления венгерских вещей к печенегам.

На сегодняшний день по концентрации инвентаря «восточного» происхождения X в. можно выделить печенежские территории, а синхронных вещей «западного» происхождения – венгерские. Только после этого можно говорить о контактных зонах со смешанной материальной культурой, где, вероятно, эти два народа проживали совместно. Причем на момент проникновения печенегов Верхнее Потисье не могло быть контактной зоной, так как здесь отсутствуют следы венгерского заселения первой половины X в.

Анализ погребальных комплексов свидетельствует, что вместе с печенегами в Карпато-Дунайском ареале появились арабские дирхемы, серьги экимауцкого типа, керамические бусины, застежки сумочных ремней черниговского типа, пластинчатые сумочные бляхи типа Веч, бляхи с растительным орнаментом, украшавшие вплетенные в косы ленты, палаши, сосуды-кувшины, а также другие предметы. То есть это те категории вещей, которые выделялись своим богатством на фоне других находок ареала и были ошибочно зачислены к классическим венгерским. Именно они, по мнению ученых, определяли своеобразную и высокохудожественную культуру прибывших с вождем Алмошем племен угров, хотя хронологически от этих событий их отделяло почти столетие.

Картографирование находок внутри Карпатской дуги указывает на их особую концентрацию в верхнем течении р.Тисы. Скорее всего, именно эта территория и была заселена печенегами в конце X в. В меньшем количестве подобные вещи известны в Среднем Потисье и Северо-Восточном Подунавье. Этот факт, в комплексе с анализом мест обнаружения западноевропейских монет, позволяет определить указанные районы как «контактные зоны венгерской и печенежской культур».

Распространение характерного для печенегов Верхнего Потисья инвентаря на «восток» от Карпатской дуги позволяет установить механизм поступления к ним различных вещей во время определенных исторических событий. Это и участие в разгроме Хазарского каганата в 965 г., и убийство на днепровских порогах князя Святослава в

972 г., и уничтожение в 970 – 980-х гг. тиверских городищ Пруто-Днестровского междуречья.

Верхнее Потисье можно определить как основную территорию оседания печенегов после преодоления ими Верецкого перевала в последней четверти X в. Современные данные археологии о локализации печенегов в Карпатском ареале, севернее от венгров, совпадают со свидетельствами византийского императора Константина Багрянородного о расположении здесь орд пачинакитов (печенегов) (Багрянородный, 1982). Остается конкретизировать только время их переселения в регион. Трактат «Об управлении империей» был завершён до 955г., а по археологическим материалам основное проникновение печенегов не могло произойти ранее 970–980-х гг. Не исключено, что данные о локализации части этих номадов внутри Карпатской дуги были вставлены в парижскую редакцию произведения (конец XI в.) после смерти императора, когда расположение отдельных племен Европы уже изменилось.

Необходимо обратиться и к сообщению того самого венгерского хрониста Анонима. Он упоминает поселение значительного количества бешенеев (печенегов) на севере Венгрии с целью защиты страны в то время, когда венгры прекратили продвижение на запад и осели в Карпато-Дунайском ареале, то есть после 955 года (Gesta..., 2005).

Данные археологии и письменных источников о проникновении печенегов в Карпатский бассейн находят подтверждение и в значительном количестве топонимов печенежского происхождения на северных территориях и сохранении здесь печенежской ономастики до XIII в. (Немет, 1972, с.211, 213–214). Дополнительными свидетельствами присутствия этих кочевников в регионе служит анализ народного творчества, насыщенного историями о бешеневцах. Локализация печенежских древностей на территории Венгрии по данным топонимики, осуществленная сотрудником Эгерского музея им.Иштвана Добо А.Надем в конце 1960-х гг. (Nagy, 1969, old.129–157), совпадает с нашими выводами, полученными на основании археологических материалов.

Особый интерес вызывают причины переселения печенегов в регион непопулярным для кочевых народов маршрутом – через Карпатские перевалы. В середине и во второй половине X в. в Европе происходили важнейшие исторические события. Это и пораже-

ние венгров, ознаменовавшее завершение их экспансии в Европе (955 год), и уничтожение Хазарского каганата Святославом (965 год), и войны Византии и Болгарии, Византии и Руси с участием венгров и печенегов и т.д. Как одну из возможных причин, заставивших печенегов выйти на северные окраины венгров, рассматриваем их конфликт с Киевской Русью. Более конкретно – это могла быть серия ударов, нанесенных номадам князем Владимиром (978 – 1015 гг.) в конце Хв. после убийства ими Святослава. Однако в таком случае тяжело объяснить направление движения печенегов с Северного Причерноморья на начальном этапе их переселения. Скорее всего, проникновение печенегов в Верхнее Потисье через Верецкий перевал могло произойти в следствии внутренних конфликтов в Степи, особенно после появления здесь в 960-х гг. очередного значительного контингента номадов.

Вероятно, на переселявшихся в северном направлении по долине реки Днестр печенегов напали дружинники киевского князя Владимира. Осведомленные о передвижении кочевников, они атаковали их ослабленные и разрозненные отряды недалеко от горных перевалов. Хронологически эти события можно связать с походом князя на города Перемышль и Червен в 981 г. (Літопис..., 1989, с.49). Свидетельством ударов по отдельным печенежским отрядам были клады арабских дирхемов, оставленные номадами возле Карпат (Галич, Перемышль, Хустский р-н). Археологические материалы свидетельствуют о том, что большая часть кочевников все-таки достигла Верхнего Потисья, ставшего основной территорией их оседания в Карпатском бассейне. Скорее всего, для облегчения передвижения и спасения от нападений воинов киевского князя печенегам пришлось разделить на несколько групп еще до перехода Карпат. После прохождения Верецкого перевала они двигались различными маршрутами. Тем, кто пошел в западном направлении долиной Латорицы, удалось спастись от дружинников Владимира. А другую часть, убегающую на юг долиной р. Рики, настигла смерть в виде воинов князя. Исходя из Хустского клада, это могло произойти где-то в районе впадения этой реки в р.Тису.

Интересен также тот факт, что венгры позволили части этих племен, которые спаслись бегством через Карпаты, поселиться недалеко от контролируемых ими регионов,

в частности, на Закарпатье. Его лесистые и заболоченные земли в то время не интересовали венгров как территория для кочевания, и одновременно решался вопрос защиты северной пограничной зоны «чужими, но дружественными руками». Именно поэтому венгерские отряды не нанесли удар по печенегам, пришедшим из-за Карпат со сравнительно значительными ценностями.

Проведенное выделение древностей печенегов за Карпатами позволяет проследить перемещение племен, на счету которых были как минимум три громкие победы: над хазарами в Саркеле, над князем Святославом на днепровских порогах и тиверцами в Пруто-Днестровском междуречье. Соответственно, северный маршрут передвижения венгров в Карпато-Дунайский ареал через Верецкий перевал по собранным археологическим материалам на сегодняшний день можно отнести к выдумке Анонима. На основании этой средневековой легенды были существенно искажены реалии исторического развития значительных территорий, что крепко укрепились в историографии. Единственный выход из создавшейся ситуации – рассмотрение «с нуля» всей совокупности памятников номадов с целью их реальной племенной атрибуции. Это в первую очередь касается тех древностей кочевников, которые расположены на «северном пути венгров», то есть от Киева до Верхнего Потисья (Судовая Вышня, Галич, Перемышль, Хуст, Свалява, Берегово, Чома, Земплин, Добра, Стреда над Бодрогом и др.). Вопрос может получить свое решение исключительно на основании конкретизации хронологии упомянутых комплексов и с учетом картографирования аналогий их вещевого материала.

В завершение отметим, что по имеющимся на сегодня материалам венгры вождя Алмоша не переходили через северные карпатские перевалы. Они проникли в Карпато-Дунайский ареал, а более конкретно на земли Тисо-Дунайского междуречья, обычным для кочевников южным маршрутом – Дунайским коридором, находящимся от Закарпатья в нескольких сотнях километров. Соответственно, в конце IX в. не было захвата славянских городищ Закарпатья (не было что штурмовать и кому это сделать) и убийства местного князя по причине отсутствия такого. Значительная же часть импозантных погребальных памятников кочевников Верхнего Потисья, которые традиционно определяются как древневенгерские, относятся к концу

Х в. и могут быть отождествлены с древностями печенегов, поспешно бежавших с причерноморских степей и переживших перед Карпатами нападение дружинников князя Владимира. Соответственно, нужно признать сложный полиплеменный характер процесса формирования венгерской народности в Карпатском ареале и отметить активное участие в нем на северных территориях печенежского компонента.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Багрянородный Константин Об управлении империей // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 267–320.

Кобаль Й.В. Закарпаття та угорці – завойовники Батьківщини // Екзиль. 1996. № 1. С. 32–33.

Кропоткин В.В. Время и пути проникновения куфических монет в Среднем Подунавье // Проблемы археологии и древней истории угров / Отв. Ред. А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1972. С. 197–202.

Літопис руський. За Іпатським списком переклав Леонід Махновець. К., 1989.

Моця О.П. Мандрівка угрів за Карпати: інформація писемних джерел та археологічні реалії // Археологія і давня історія України. Мадяри в Середньому Подніпров'ї. К., 2011. Вип. 7. С.15–20.

Немет П. Образование пограничной области Боржавы // Проблемы археологии и древней истории угров / Отв. Ред. А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1972. С. 206–220.

Прохненко І. “Протистояння” чорних угрів і східних слов’ян у контексті історії Українських Карпат // Військово-історичний альманах. 2007. 2(15). С. 30–44.

Прохненко І.А. К вопросу о племенной атрибуции кочевнических древностей Верхнего Потисья X в. н.э. // Науковий і мистецький світ Федора Потушняка. Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 100-річчю від дня народження видатного українського письменника і вченого. Ужгород, 2010. С. 410–420.

Эрдели И. Кабары (кавары) в Карпатском бассейне // СА. 1983. №4. С. 169–183.

A honfoglaló Magyarorság. Budapest, 1996.

Gesta Hungarorum. Літопис Анонімуса про діяння угорців під час пошуків і віднайдення Батьківщини / Пер. з лат. та угор. К. Найпавера. Ужгород, 2005.

Nagy Á. Eger környéki és tiszavidéki besenyő települések a X – XI században (Kísérlet a magyarországi besenyők régészeti hagyatékának meghatározására) // Az Egri Múzeum évkönyve. Eger, 1969. Old. 129–157.

Информация об авторе:

Прохненко Игорь Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, доцент, кафедра истории древнего мира и средних веков Ужгородского национального университета (г. Ужгород, Украина); prohnenkoigor@ukr.net

BURIALS OF 10TH CENTURY NOMADS IN THE TERRITORY OF THE ZAKARPATIA OBLAST IN UKRAINE: THE ISSUE OF TRIBAL ATTRIBUTION

I. A. Prohnenko

Considerable group of nomadic burials has been identified among the sites of Upper Tisza region dating back to the 10th century A.D. In historiography, this group has acquired the name of Hungarian antiquities of the “Conquest of the Motherland” period. The precise dating of the nomadic burials and the routes of their penetration into the region has allowed to question the tribal affiliation of the burial complexes and. It has also allowed to confront the widespread opinion on the crossing of Verecke Pass by the Almos Hungarians.

Keywords: Upper Tisza region, Ugric peoples, Pechenegs, nomads, settlement, burials.

About the Author:

Prohnenko Igor A. Candidate of Historical Sciences, Uzhhorod National University. Narodna Sq., 3 Uzhhorod, 88000, Transcarpathian region, Ukraine; prohnenkoigor@ukr.net

Рис. 1. Чома. Арабский дирхем.

Рис. 2. Чома. Серьги экимауцкого типа.

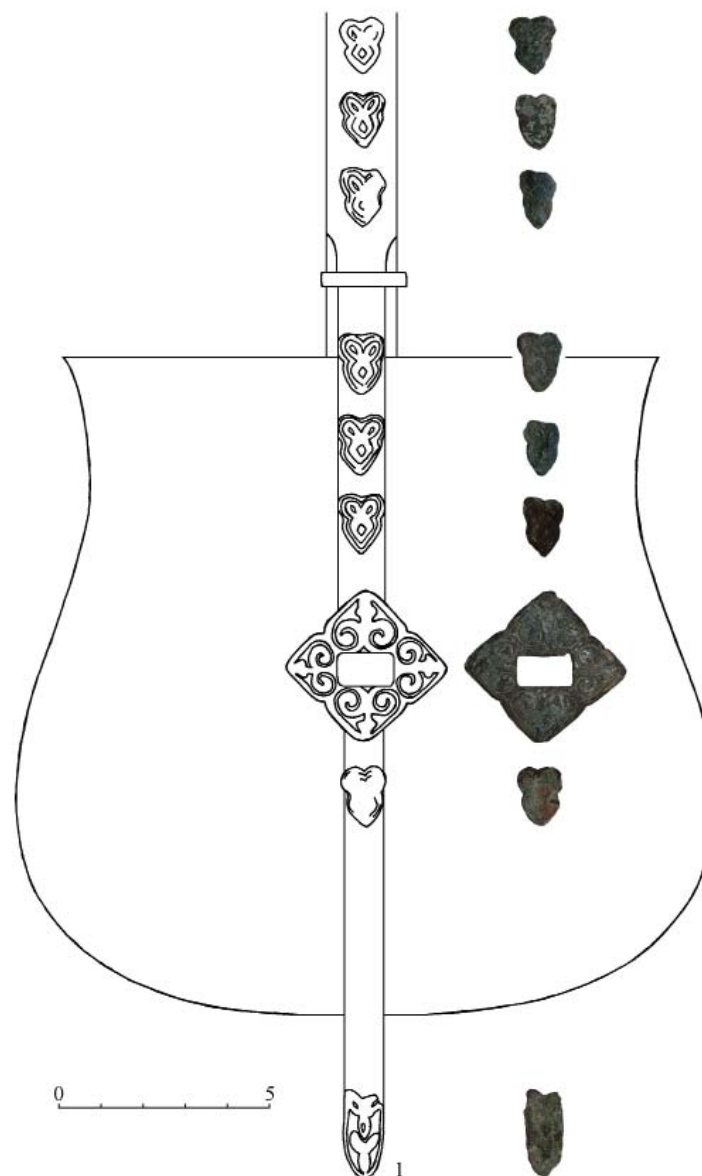

Рис. 3. Чома. Металлические детали сумки.

Рис. 4. Чома. Украшения и элементы одежды.

УДК 902/904

О ВОЗМОЖНОЙ РОЛИ ВЕНГРОВ В ИСТОРИИ КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКИХ ЗЕМЕЛЬ В IX–X ВВ.

© 2018 г. Р. А. Рабинович

Изучение данных письменных и археологических источников позволяет предположить, что венгры оказывали существенное влияние на Карпато-Днестровский регион во второй половине IX–X вв. Здесь располагалась Ателькуза – место пребывания венгров накануне «обретения родины». Пребывание венгров в регионе повлияло на взаимоотношения местного населения с Дунайской Болгарией и Киевской Русью. Венгры задержали приход в Карпато-Днестровские земли Руси, что способствовало изоляции местных древностей от скандинавского влияния. Кроме того, венгры повлияли на складывание престижной дружинной субкультуры в Карпато-Днестровском регионе и могли сыграть роль политически господствующего этнокласса, консолидирующего местное полиэтничное общество.

Ключевые слова: Карпато-Днестровские земли, IX – X вв., полиэтничное население, венгры, «обретение Родины», Древняя Русь, консолидирующий фактор.

Отвечая на вопрос о возможной роли венгров в истории Карпато-Днестровских земель (далее – КДЗ) в IX–X вв., выдвигаем гипотезу: венгры могли выступить в качестве консолидирующего фактора для полиэтничного населения этого региона в период обретения ими Родины.

Именно здесь располагалась Ателькуза, или западная окраина Ателькузы, – место пребывания венгров накануне их решающего перехода на новую родину. Если следовать результатам анализа письменных источников, то надо полагать, что непосредственное пребывание венгров в регионе оказало существенное влияние на взаимоотношения местного населения, в том числе поднестровских племен уличей и тиверцев с могущественными соседями – Дунайской Болгарией и Киевской Русью. Но на основании данных археологии мы также можем предполагать и консолидирующее влияние венгров на местное полиэтничное население, они в КДЗ могли сыграть роль, подобной той, которую играли скандинавы на территории Древней Руси.

Данная тема настолько объемна, что в рамках такой небольшой по размерам публикации невозможно достаточно подробно представить аргументацию обозначенной гипотезы. Поэтому мы кратко, в первом приближении, иногда прибегая к тезисной форме, рассмотрим ее основные моменты.

Строго говоря, защите объявленной гипотезы должна предшествовать аргументация двух моментов, которые еще не являются общим местом в историографии: 1) было ли население КДЗ в IX–X вв. полиэтничным, и вообще каким оно было? и 2) насколько

обоснованным можно считать вообще само присутствие венгров в этот период в этом регионе?

Нам уже приходилось затрагивать вопрос о полиэтничности населения КДЗ в IX–X вв. (Рабинович, 2006; 2014; 2018; Рабинович, Рябцева, 2009; 2016). Письменные источники – древнерусские летописи, Баварский Аноним, Константин Багрянородный знают в этот период два народа – уличей и тиверцев, часть которых населяла Поднестровье (ПВЛ, 1950, I, с. 14, 20–21, 23–24, 33–34; НПЛ, 1950, с. 106, 109–110; Константин Багрянородный, 1991, с. 157; Назаренко, 1993, с. 13–15).

Но только этими двумя этническими общностями не исчерпывается население КДЗ в этот период. Данные археологии убедительно свидетельствуют о присутствии здесь разнообразного и не только оседлого, но и полукочевого и кочевого населения. Причем оседлое представлено, условно для этого времени говоря, всеми тремя ветвями славянства – южной, западной и восточной (Рабинович, 2014; 2018).

С восточнославянским компонентом связаны древности лука-райковецкой культуры, которые, по нашему мнению, принадлежали летописным уличам. С западнославянским этнокультурным компонентом отождествляются памятники типа Екимаяцы-Алчедар, которые связываются нами с летописными тиверцами. И, наконец, с южными славянами – вероятно, непосредственно с выходцами с территории Первого Болгарского царства – памятники балкано-дунайской культуры в Запрутской Молдове и южной части Пруто-Днестровья. Все три типа древностей отли-

чаются несхожестью присущих им вариантов фортификации, погребальной обрядности, домостроительства, керамики, в целом вещевого инвентаря и ювелирного убора (Древняя культура..., 1974; Федоров, Чеботаренко, 1974; Чеботаренко, 1979; 1982; 1983; Тельнов, 1990; 2003; Рабинович, Рябцева, 2009; 2016, там же литература; Рябцева, 2006).

Но помимо славянского в регионе, бесспорно, присутствует и население, которое связывается с салтово-маяцким культурным кругом (тюрко-болгары; возможно, как считают некоторые исследователи – аланы), а также, с большой вероятностью, венгры (Хынку, 1969; 1970; 1973; Великанова, 1978; 1983; Чеботаренко, 1979; 1982; 1983; Федоров, Негруша, 1979; Рабинович, 1990; 1991; 2018; Зверев, Ткачук, 2012; Рябцева, Рабинович, 2007; 2014; Postica, Tentiuc, 2014, p. 45–72; Тельнов, 2017, с. 512–513).

Имеет принципиальное значение, что в некоторых районах КДЗ поселения выше указанных групп населения располагались чересполосно, что с неизбежностью ставит вопрос о характере и структуре власти на рассматриваемой территории. Что представляло собой все это полиэтничное население в потестарном и шире – политическом плане, как оно было организовано и существовали ли общетерриториальные надэтнические структуры власти? Кто мог инициировать их создание и возглавить? Путь к одному из ответов на этот самый сложный вопрос, нам может дать рассмотрение возможной роли венгров.

Письменные источники, которые бы прямо сообщали о присутствии древних венгров на большей части территории современной Молдовы, за исключением упоминаний о том, что печенеги своими нападениями на нижнедунайские стоянки венгров в 895 г., заставили их покинуть этот регион (Шушарин, 1961, с. 171; История Венгрии, I, 1971, с. 93–95), науке неизвестны. Но мы знаем: с Карпато-Днестровским регионом территориально связан последний этап их истории накануне обретения «новой родины». Венгры должны были, как минимум, пересечь данный регион для того, чтобы оказаться в Альфельде и Трансильвании.

Вопрос о том, когда венгры оказались в Причерноморье, к западу от Днестра, дискуссионен. Называются исследователями разные даты, но если судить по историографии последних десятилетий, то наиболее аргументирована датировка 30-е годы IX века (Артамонов, 2001, с. 454, 459 и сл.; Фодор, 2015, с.

41–42; Вернадский, 2004 ДР, с. 213–216; Рябцева, Рабинович, 2007; Комар, 2013).

Сведения о локализации венгров применительно к Причерноморью содержатся, как известно, в сочинении Константина Багрянородного, упоминающего в связи с ними о «Леведии» и «Ателькузе» (Константин Багрянородный, 1991, с. 159–161). Дискуссии вызвали и определение расположения Леведии и Ателькузы, и время появления венгров в Леведии и Ателькузе (Шушарин, 1961, с. 134–135; Константин Багрянородный, 1991, с. 391–393; Артамонов, 2001, с. 455–460; Комар, 2013, с. 183 и сл.; Юрасов, 2007, с. 23; Фодор, 2015, с. 42, 53).

Мы можем предположительно говорить о пребывании в КДЗ венгров уже в конце 30-х гг. IX в. на основании следующих письменных известий:

а) Сюжет из рассказа Продолжателя Георгия Амартола и некоторых других византийских авторов об антиболгарском мятеже македонских пленников (локализованных между Сиретом и Днестром) во время византийско-болгарской войны (ориентировочно 836–838 гг.), когда болгары, занятые войной с Византией, чтобы подавить мятеж, обратились за помощью к мадьярам. Македонцы нанесли «бесконечному множеству» врагов (мадьяров) поражение. В дискуссии о том, где размещалась упомянутая мадьярская группа, мы согласны с Г.В. Вернадским, М.И. Артамоновым и другими, считающими, что упомянутые мадьяры проживали поблизости от Днестра и Дуная или, во всяком случае, не дальше течения Днестра (Артамонов, 2001, с. 457–458; Вернадский, 2004 ДР, с. 306, 312; Юрасов, 2007; 2014, с. 76; Комар, 2013, с. 189; Фодор, 2015, с. 58; Spinei, 1999, p. 47).

б) Сохранившееся в «Бертинских анналах» письмо византийского императора Феофила императору Людовику о причинах отправить в 839 г. прибывшее к нему посольство Руси домой в обход – через Германию: «*поскольку дороги, по которым они пришли в Константинополь, перерезаны дикими и жестокими племенами*» (Вернадский, 2004 ДР, с. 312; Артамонов, 2001, с. 460; Комар, 2013, с. 189). Данное письмо свидетельствует, на взгляд многих исследователей и на наш взгляд также, о контроле именно венгров над степным районом между Нижним Дунаем и Поднепровьем в конце 30-х гг. IX в. Это не могли быть ни хазары, ни печенеги (подробно – Рябцева, Рабинович, 2007, с. 197).

в) В контексте влияния или присутствия венгров в КДЗ важны и последующие свидетельства их активности в Среднедунайском регионе. В 862 г. венгры появились на франкской границе в области Эльбы (хроника Гинкмара в Бертинских анналах). Следующее вторжение венгров на территорию Австрии произошло в 881 г., когда источником фиксируются два военных события «под Веной» и «под Кульмите». Паннонское Житие Мефодия сообщает о встрече в 881 году одного из «солунских братьев» с «*королем венгерским*», когда тот «*пришел в дунайские края*». Венгры продолжали воевать и позднее, в 883–884 гг., когда бои велись на территории Паннонии. В 892–894 гг. они, то в качестве наемников короля франков Арнульфа воевали против моравского князя Святоплука, то, наоборот, на стороне моравян (Фульдские анналы), в 894 г. они совершили поход в Паннонию (Артамонов, 2001, с. 458; Шушарин, 1961, с. 177; 1972, с. 166; Сказания, 1981, с. 101; Spinei, 1999, p. 50–51; Комар, 2013, с. 193, 196; Фодор, 2015, с. 55–66).

Однако в связи с такими частыми и территориально протяженными походами логично выглядит присутствие венгров уже относительно недалеко от Дуная, по крайней мере, уж точно в Ателькузе, откуда они и могли совершать свои передвижения.

По мнению многих исследователей, Ателькуза – это обширная область в пределах от Днестра до Сирета и Нижнего Дуная. В то же время, учитывая обстоятельства противостояния венгров и печенегов в конце 880–890-е гг., мы можем предполагать, что основной район локализации венгров в этот период располагался в западной части этой области – в Днестро-Дунайском районе. О том, что само название Ателькуза относится именно к этому региону, говорят и лингвистические исследования: О.Н. Трубачева, проводящие параллель между Ателькузой и Оггосом (Буджаком) (Трубачев, 1961, с. 189–190); происхождения названия Орхей (Орыга) (Федоров, 1974, с. 141–142; Семенова, 1984, с. 114–119; Рябцева, Рабинович, 2007, с. 199); топонима у озера Кагул – Этулия (Етулия), созвучного реке Этул (Etul) – древневенгерского названия Дона (Юрасов, 2007, с. 23).

Рассуждая о роли венгров в истории Карпато-Поднестровья в IX–X вв., мы в первую очередь видим ее важное значение в борьбе уличей и тиверцев с Киевской Русью. Об этом противостоянии скудную информацию предоставляют летописные известия

под 885, 907, 940 и 944 гг., а также известие Константина Багрянородного (Рябцева, Рабинович, 2007, с. 199–205, там же литература). Хотя о войне с уличами и тиверцами киевского князя, без указания того, чем она закончилась, сообщается в Повести временных лет еще под 885 г., только летописные сообщения под 940 и 944 гг. и близкое к нему по времени известие Константина Багрянородного свидетельствуют о недавнем подчинении Киеву летописных поднестровских племен (ПВЛ, 1950, I, с. 20–21). Оно произошло в интервале 934–940 гг., когда произошли кардинальные изменения во взаимоотношениях Византии, Болгарии, Венгрии и Руси, а именно изменился состав противоборствующих пар: Византия все больше сближается с Болгарией, а Русь с Венгрией. Последние уже вместе совершают походы против Константинополя (Коновалова, Перхавко, 2000, с. 155–156; Фодор, 2015, с. 75). Единственной политической силой, которая могла воспрепятствовать подчинению уличей и тиверцев Русью до середины 30-х годов X в., были венгры, контролировавшие КДЗ и после обретения новой Родины (подробно см. Рябцева, Рабинович, 2007, с. 199–205).

О присутствии и роли венгров в Карпато-Поднестровье мы можем судить и по данным археологии. Они позволяют ставить вопрос и о значительном и даже системном влиянии венгров на оседлое население в Карпато-Поднестровье, поскольку археология и свидетельствует о том, что последнее как раз воспринимало в качестве престижных культурных образцов многие элементы венгерской воинской субкультуры.

Наиболее выразительные предметы, происходящие с территории КДЗ, могут свидетельствовать как непосредственно о венгерском присутствии, так и о распространении специфической дружинной культуры, на сложение набора престижных артефактов которой как раз оказывала влияние венгерская традиция. Конечно, эти две группы древностей часто четко разграничить сложно и не всегда возможно. К тому же в собственно венгерской культуре на исходе заключительного этапа «обретения родины» среди носителей были не только этнические венгры. Как отмечает Э. Галл: «Археологический инвентарь «венгерских завоевателей» не может рассматриваться как отражение этнической специфики. Скорее, речь идет о макрорегиональной культуре, которая характеризовала Карпатский бассейн и не принадлежала насе-

лению с гомогенной этнической идентичностью» (Э. Галл и др., 2011, с. 229).

В свете предлагаемой гипотезы о военно-политической роли венгров в КДЗ особое внимание нужно обратить на найденные здесь презентативные специфичные для венгров предметы вооружения, убранства коня и всадника. К ним можно отнести:

Найденный на Екимауцах серебряный позолоченный наконечник ножен сабли, декорированный характерным для венгерской торевтики растительным узором. В этом же стиле орнаментирована и серебряная позолоченная листовидная поясная бляшка, найденная на поселении Тарасова (Рябцева, Чокану, 2009, с. 166, рис. 1, 5). Найденное на Екимауцах перекрестие сабли аналогично встречающимся в венгерских древностях.

Наконечники стрел. В представительной коллекции (ок. 300) стрел с городищ Алчедар и Екимауцы более 43% наконечников могут быть связаны с финно-угорским миром, в том числе 10% с характерными венгерскими древностями (Чера, 2013, с. 199–202).

Поясные наборы, предметы ременной и сумочной гарнитуры и декорировки одежды из Екимауц, Старых Бедражей, Рэдукэнень и Слободзеи (Щербакова, Тащи, Тельнов, 2008, с. 119, рис. 8; Рябцева, Рабинович, 2014).

О непосредственном присутствии венгров в регионе, особенно на памятниках типа Ханска, свидетельствуют найденные здесь украшения, в том числе предметы декорировки женского костюма (каплевидные подвески, круглые накладки и др.) (Рябцева, 2006). В результате недавнего исследования по периодизации могильников Кэпрэрия, Лимбарь и Бранешть в центральной зоне Молдовы было выявлено, что доля участия венгерского компонента, чье присутствие отмечалось исследователями, в формировании этих древностей была выше, чем считалась ранее (Зверев, Ткачук, 2012, с. 146–147).

Отметим еще ряд важных фактов. В КДЗ специфичные для венгров находки встречаются:

– абсолютно на всех типах памятников – сельских (например, Ханска, Дэнешть) и протогородских (Екимауцы, Орхей, Тарасово) поселениях, могильниках (Лимбарь, Кэпрэрия) и кладах (Рэдукэнень);

– на разных в культурном и этнокультурном отношении памятниках. Это и группа кольцевых городищ типа Екимауцы-Алчедар, и памятники центральной зоны Молдовы –

культурные группы Петруха-Лукашевка и Ханска-Рэдукэнень.

Для памятников типа Ханска можно предположить, что за венгерскими находками стоит непосредственно присутствие представителей венгерского этноса или венгерской культуры. Другой контекст имеет присутствие находок венгерского происхождения на памятниках типа Екимауцы-Алчедар.

Можно вести речь о распространении на территории Карпато-Поднестровья дружинной субкультуры, на сложение набора престижных артефактов которой оказывала влияние венгерская традиция. Из Екимауц и Рэдукэнень происходят сабля и наборные пояса, изготовленные в венгерской традиции. Сосредоточенность на Екимауцах предметов вооружения, прямо или опосредованно связанных с венграми, возможно, означало присутствие какого-то венгерского военного отряда.

И, наконец, еще один важный момент в связи с «венгерской проблемой». При сложении дружинной субкультуры во многих регионах Восточной Европы, как правило, обязательно присутствие скандинавского компонента. Он проявляется и в материалах погребений и многочисленных артефактах – оружие, украшения и т.д. Но мизерно присутствие скандинавов в соседних западнорусских землях, а на территории КДЗ этот скандинавский компонент вообще полностью отсутствует¹. Отсутствуют в КДЗ и элементы элитарной древнерусской культуры, например, срубные и камерные погребения. Венгры, задержав приход в КДЗ Руси, видимо, тем самым изолировали местное население и местные древности от скандинавского влияния.

Итак, есть основания полагать, что венгры периода «Обретения родины» сыграли в КДЗ для местного полиэтничного населения роль консолидирующего (возможно, господствующего, или, что нельзя исключить, служилого этнокласса) в политическом и культурном отношении фактора. В условиях чересполосно проживавшего полиэтничного населения венгры могли создать надэтнические структуры верховной политической власти в регионе. После изменения ситуации в международной политической конфигурации Венгрия–Русь–Болгария–Византия

¹ Единственное исключение – серебряная позолоченная подвеска «гнездовского типа», найденная в составе денежно-вещевого клада на территории посада городища Алчедар (Рябцева, Тельнов 2010: 285–300).

в 30-х гг. X в. КДЗ входят в состав Киевской Руси. Весьма показательно, что тенденция к формированию государственного организма КДЗ – регионе с традиционно полиэтничным населением, все же реализовалась именно благодаря венгерскому фактору: спустя четы-

ре столетия марамурешский воевода Драгош, вассал венгерской короны, создал в полиэтничном Восточном Прикарпатье на реке Молдова одноименное княжество в составе Венгерского королевства.

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов М.И. История хазар. Издание 2. СПб.: Лань, 2001. 688 с.

Великанова М.С. Данные палеоантропологии о перемещении населения в Днестровско-Прутское междуречье в I-II тысячелетиях // Славяно-волошские связи / Отв. ред. Н.А. Мохов. Кишинев: Штиинца, 1978. С. 30—76.

Великанова М.С. Итоги и перспективы палеоантропологических исследований в Днестровско-Прутском междуречье // Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдаван / Отв. ред. В.С. Зеленчук. Кишинев: Штиинца, 1983. С. 20–31.

Вернадский Г.В. История России. Том 1. Древняя Русь. М.: Аграф, Тверь: Леан, 2004. 448 с.

Галл Э., Галл С., Времир М., Гергей Б. Погребение № 10 из могильника Клуж-Заполья и динамика завоевания венграми Трансильвании // *Stratum plus*. 2011. №5. С. 223–242.

Древняя культура Молдавии / Отв. ред. В.С. Зеленчук. Кишинев: Штиинца, 1974. 231 с.

Зверев Е.Ю., Ткачук К.Т. К вопросу о периодизации могильников Кэпрэрия, Лимбарь и Бранешть в Пруто-Днестровском междуречье // *Stratum plus*. 2012. №5. С. 125–148.

История Венгрии. В трех томах. Т. I / Отв. ред. Шушарин В.П. М.: Наука. 1971. 644 с.

Комар А.В. Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований // II-й Международный Мадьярский симпозиум. Сборник научных трудов / Отв. ред.: С.Г. Боталов, Н.О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. С. 182–230.

Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. Древняя Русь и Нижнее Подунавье. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 272 с.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. Изд. 2., М.: Наука, 1991. 496 с.

Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1993. 240 с.

НПЛ 1950 – Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. / Под ред., предисловие А. Н. Насонова. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 651 с.

ПВЛ 1950 – Повесть временных лет, ч. I, II / Подготовка текста, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Рабинович Р.А. К проблеме культурной и этнической интерпретации памятников типа Петруха-Лукашевка // Археологические исследования молодых ученых Молдавии / отв. ред. В.А. Дергачев. Кишинев: Штиинца, 1990, С. 51–57.

Рабинович Р.А. Гончарный горн на поселении X–XII вв. у с. Рудь. // Хозяйственные комплексы древних обществ Молдовы / Отв. ред. Н.А. Кетрару. Кишинев: Штиинца, 1991. С. 99–109.

Рабинович Р.А. К вопросу о полиэтничности в раннесредневековой Молдове // Русин. 2006. № 4(6). С. 81–89.

Рабинович Р.А. Межславянское культурное единство в Карпато-Днестровских землях в эпоху раннего средневековья // Славяне в Карпато-Дунайском регионе: вопросы взаимовлияния этносов и культур. Материалы международной научно-практической конференции. Славянский университет / Отв. ред. Т.В. Млечко, Кишинев, 2014. С. 7–13.

Рабинович Р.А. Пруто-Днестровское междуречье в контексте культурно-исторических связей окружающих регионов в середине V – середине XI вв. // Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия Н.П. Тельнова / Отв. ред. В.С. Синика, Р.А. Рабинович / Библиотека *Stratum*. Кишинев-Тирасполь, 2018. С. 465–482.

Рабинович Р.А., Рябцева С.С. Особенности развития древнерусской культуры в Пруто-Днестровском междуречье // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 14–18 мая 2007 г.) / Труды Государственного Эрмитажа. Вып. XLIX. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2009. С. 292–308.

Рабинович Р.А., Рябцева С.С. О соотношении древностей Лука-Райковецкой культуры и памятников типа Екиматуцы-Алчедар в Пруто-Днестровском регионе // *Od Bachórze do Światowida ze Zbrucza. Tworzenie się słowiańskiej Europy w ujęciu źródłoznawczym. Księga jubileuszowa Profesora Michała Parczewskiego /red.: Barbara Chudzińska, Michał Wojenka, Marcin Wołoszyn / Instytut Archeologii UJ / Instytut Archeologii UR. / From Bachórz to Svantovit from Zbruch. The Making of Slav Europe - evidence from archaeology, history and linguistics. Source studies dedicated to Professor Michał Parczewski on his 70th birthday anniversary / sub redacția dr. M. Wojenka, M. Wołoszyn, Kraków / Rzeszów 2016. S. 323–341.*

Рябцева С.С. Ювелирные украшения Пруто-Днестровского междуречья в контексте этнокультурных связей региона в X–XI вв. // *Revista Arheologică. Serie nouă. 2006. Volumul II., № 1–2. С. 14–168.*

Рябцева С.С., Рабинович Р.А. К вопросу о роли венгерского фактора в Карпато-Днестровских землях в IX–X вв. // *Revista Arheologică, Serie nouă. 2007. Volumul III, № 1-2, Chișinău, С.195-230.*

Рябцева С.С., Рабинович Р.А. О возможности выделения венгерских древностей в Карпато-Днестровском регионе в IX–X вв. // *Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура / Отв. ред. Макаров Н.А., Леонтьев А.Е. М.-Вологда: Русский Север, 2014. С. 259–275.*

Рябцева С.С., Тельнов Н.П. Алчедарский клад и центры ювелирного производства Восточной Европы конца IX – начала XI вв. // *Stratum plus. 2010. №5. С. 285–300.*

Рябцева С.С., Чокану М.М. Находки средневекового времени с поселения Тарасова в Молдове (по материалам частной коллекции) // *Stratum plus. 2009. №5 (2005–2009). С.164–198.*

Семенова Т.Ф. Тюркские *jağ-aryk-jařuga-aryk* на карпатской территории // *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология / Отв. ред. Л.А. Гиндин. М.: Наука, 1984. С. 114–119.*

Сказания о начале славянской письменности / Отв. ред. В.Д. Королюк. М.: Наука, 1981. 200 с.

Тельнов Н.П. Восточнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII–X вв. Автореф. дисс... канд. ист. наук, Л., 1990. 18 с.

Тельнов Н.П. Восточнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII–X вв. // *Stratum Plus. 2003. №5 (2001–2002). С.142–264.*

Тельнов Н.П. К вопросу об этнокультурной ситуации в IX веке в Нижнем Поднестровье // *Добруджа. 2017. № 32. С. 503–513.*

Трубачев О.Н. О племенном названии уличи // *Вопросы славянского языкознания. 1961. Вып.5. С. 186–190.*

Федоров Г.Б. Население Прутско-Днестровского междуречья и левобережья Нижнего Дуная в конце I и начале II тысячелетия н.э. / *Рукопись. 1974 / Хранится в Архиве Высшей Антропологической школы (Кишинев, Молдова).*

Федоров Г.Б., Негруша В.М. Славяне и балкано-дунайская археологическая культура // *Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы: Итоги и перспективы исследований / Отв. ред. Д.Ф. Марков. М.: Наука, 1979. С. 48–56.*

Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф. Памятники древних славян (VI–XIII вв.) / *Археологическая карта Молдавской ССР. Вып.6. Кишинев: Штиинца, 1974. 136 с.*

Фодор И. Венгры: древняя история и обретение родины. Пермь: Зэбра, 2015. 132 с.

Хынку И.Г. Поселения XI–XIV веков в Оргеевских кодрах Молдавии. Кишинев: Издательство АН МССР, 1969. 116 с.

Хынку И.Г. Лимбарь – средневековый могильник XII–XIV веков в Молдавии. Кишинев: РИО АН МССР, 1970. 78 с.

Хынку И.Г. Кэпрэрия – памятник культуры X–XII вв. Кишинев: Штиинца, 1973. 64 с.

Чеботаренко Г.Ф. К вопросу об этнической принадлежности балкано-дунайской культуры в южной части Пруто-Днестровского междуречья // *Этническая история восточных романцев / Отв. ред. В.Д. Королюк. М.: Наука, 1979. С. 86–105.*

Чеботаренко Г.Ф. Население центральной части Днестровско-Прутского междуречья в X–XII вв. Кишинев: Штиинца, 1982. 82 с.

Чеботаренко Г.Ф. Балкано-дунайская археологическая культура в зарубежной историографии // *Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдаван / Отв. ред. В.С. Зеленчук. Кишинев: Штиинца, 1983. С. 58–79.*

Чера С.В. К вопросу о выделении финно-угорского компонента в коллекции наконечников стрел с городищ Алчедар и Екиматуцы // *Stratum plus. 2013. №5. С.197–202.*

Шушарин В.П. Русско-венгерские отношения в IX в. // Международные связи России до XVII в. Сборник статей / Отв. ред. А.А. Зимин, В.Т. Пашуто. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С.131–180.

Шушарин В.П. Этническая история Восточного Прикарпатья IX-XII вв. // Становление раннефеодальных славянских государств. Материалы научной сессии польских и советских историков. Киев, 1969 г. / Отв. ред. Б.А.Рыбаков. Киев: Наукова думка, 1972. С. 166–179.

Щербакова Т.А., Тащи Е.Ф., Тельнов Н.П. Кочевнические древности Нижнего Поднестровья. (По материалам раскопок кургана у г. Слободзея). Кишинев: Elan Poligraf, 2008. 138 с.

Юрасов М. К. Влияние поисков венграми новой родины на освоение восточными славянами между-речья Днестра и Прута // Русин. 2007. № 2 (8). С.20–25.

Юрасов М.К. Венгерско-хазарские отношения в IX в. и складывание Древнерусского государства // Русь в IX – XII веках. Общество, государство, культура / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.Е. Леонтьев. М.-Вологда: Древности Севера, 2014. С.74–80.

Postică Gh., Tentiuc I. Amulette-călăreți din bronz din perioada medievală timpurie în spațiul carpato-nistrean Carpato-Nistrean // Tyragetia, serie nouă. 2014. Vol. VIII [XXIII]. № 1, Arheologie. Istorie Antică. Chișinău. P. 45–72.

Spinei V. Marile migrații din Estul și Sud-Estul Europei în secolele IX–XIII. Iași: Institutul European, 1999. 516 p.

Информация об авторе:

Рабинович Роман Аронович, кандидат исторических наук, доцент, Университет Высшая антропологическая школа (г. Кишинев, Молдова).

ON THE POSSIBLE ROLE OF HUNGARIANS IN THE HISTORY OF THE CARPATHIAN-DNIESTER LANDS IN THE 9TH-10TH CENTURY

R. A. Rabinovich

A study of written and archaeological sources makes it possible to suggest that the Hungarians had a significant impact on the history of the Carpatho-Dniester region in the second half of the 9th-10th century. It was the location of Atelkuza which the Hungarians populated before the “Conquest of the Homeland”. The presence of Hungarians in the region affected the relationships of the local population with Danube Bulgaria and Kievan Rus. The Hungarians withheld the penetration of Rus to the Carpathians-Dniester region which accounted for the isolation of local antiquities from the Scandinavian influence. Moreover, the Hungarians had an impact in on the development of a prestigious military subculture in the Carpathian-Dniester region and they could have played the role of a politically dominating ethnic class which consolidated the local multi-ethnic society.

Keywords: Carpathian-Dniester territories, 9th-10th century, multi-ethnic population, Hungarians, “Conquest of the Homeland”, Rus, consolidating factor.

About the Author:

Rabinovich Roman A. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, The Higher Anthropological School, University, Zimbrului, St., 10A, Chisinau, MD – 2024, Moldova.

УДК 745/749+902 (419)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ВСАДНИКА УРАЛО-ВЕНГЕРСКОГО ЦЕНТРА IX ВЕКА

© 2018 г. К. А. Руденко

Статья посвящена исследованию редких артефактов, связанных своим происхождением с урало-венгерским центром изготовления художественных изделий. Как считает Н.В. Федорова этот центр был расположен в район Урала и функционировал в IX - X столетиях. В статье изучаются серебряные блюда и накладка-медальон на которых есть изображение всадника (рис.1). На большинстве из них изображен всадник с птицей на правой руке. Фигура его развернута вправо или влево. Мужчина одет в длинный кафтан и сапоги. На его голове - высокая шапка. Кроме птицы на правой руке над головой лошади как правило изображена еще одна птица. Иногда встречаются изображения зайца. Конь имеет искаженные пропорции. Вместе с тем, Фон рисунка позолочен. Автор считает, что рисунок всадника символизирует силу и могущество правителя. Это вероятно связано с византийской традицией. Другой контекст имеют изображения на круглых медальонах с изображением сцены охоты (рис.2). Эти артефакты изготавливались в разное время на основе разных художественных традиций: мусульманской, христианской, языческой.

Ключевые слова: археология, Великая Венгрия, хазары, Урал, Волга, средневековое искусство.

В исследовании ранних страниц истории венгров важную роль играют предметы художественного металла. Они давно привлекали внимание ученых. Имеется большое количество публикаций где представлены эти артефакты в основном с территории самой Венгрии (László Gyula, 1988, s. 64–71; Theancient, 1996). Особое место среди них занимают находки с территории России, где встречено немало изделий, имеющих отношение к угорским древностям. Часть из них из собрания Эрмитажа в С.-Петербурге была опубликована еще в начале XX в. (Смирнов, 1909), но существенное пополнение коллекции, в большинстве своем в фонды региональных музеев произошло в последней трети этого столетия.

Существенным вкладом в изучение этих артефактов стали исследования Н.В. Федоровой, выделившей особый урало-венгерский центр художественного металла IX–X вв., как и ее публикации материалов, хранящихся в музеях Западной Сибири (Федорова, 2003, с. 16–17). В числе редких артефактов средневековой эпохи, известных в настоящее время и отнесенных к урало-венгерскому центру, являются находки различных предметов с изображением всадников. Рассмотрим их.

Первый – центральный медальон серебряного блюда, разрезанного на пластины (рис.1:1) (Сокровища, 2003, с. 57, кат.22). Диаметр сохранившейся части изделия – 20,3 см. На нем изображен всадник с птицей на правой руке. Фигура его развернута вправо.

Мужчина одет в длиннополый распашной двубортный кафтан и сапоги. На его голове – высокая шапка с отворотами. Кроме птицы на правой руке над головой лошади изображена еще одна (эта часть рисунка практически полностью утрачена). Фон позолочен.

Второй – серебряное блюдо диаметром 18 см (рис.1:2) (Сокровища, 2003, с. 53, кат.19). В центральном медальоне на позолоченном фоне изображен вооруженный всадник на взнузданном коне в длиннополом распашном кафтане или халате и в сапогах. Левою рукою он держит длинное древко, скорее всего штандарт. На левом боку всадника изображена длинная сабля, прикрепленная к поясу двумя ремнями. Фигура его развернута в левую сторону. Вокруг центрального медальона идет орнамент в виде растительного побега. Фон рисунка обработан канфарником.

Третий – серебряное блюдо диаметром 17,5 см с изображением всадника в доспехах (рис.1:3) (Сокровища, 2003, с. 56, кат. №21). Здесь мы видим тяжеловооруженного всадника, в шлеме с чешуйчатой бармицей, доспехе, с колчаном (?). В отличие от предыдущих изображений на данном рисунке лица всадника мы не видим, а его экипировка на других изображениях не встречается. Интересно, что из украшения конской сбруи кроме подвесок на нагрудном и подхвостном ремнях показан науз – декоративная кисть, подвешивавшаяся на ремне под шеей лошади.

Четвертый – орнаментированная накладка диаметром 12 и высотой 0,8 см, выпол-

ненная из серебра с позолотой (рис. 1:4), из собрания Фонда Марджани (Москва) (Руденко, 2016, с. 64–71). Ее точное место находки, к сожалению, не известно. Накладка выполнена из тонкого листа металла, имеет полусферическую форму с небольшим бортиком по краю. На бортике и по краям выпуклой поверхности пробиты сквозные отверстия: три – в верхней части и одно – в нижней, самое крупное из которых – около 2 мм. Все орнаментальное поле накладки занимает изображение всадника на позолоченном фоне, обработанном канфарником. Изготовлен этот артефакт во второй половине IX – первой трети X в. Ряд деталей на данном изображении имеют полные аналогии на согдийской серебряной посуде IX в. школы «В», по Б.И. Маршаку (Маршак, 1971, с.42–44).

Сравнение изображений на данных изделиях заставляет обратить внимание на ряд моментов. На всех этих артефактах изображены конные мужчины в богатых одеждах с оружием. В двух случаях: в первом, это сюжет царской охоты, поскольку на руке всадника изображен охотничий орел, и в другом, гарцующий всадник со штандартом (?). Объединяют их композиция рисунка, мотивы декора, например, полупальметты, а также золочение фона.

Изображенные люди европеоидного типа с прямым носом; с волнистыми или гладкими волосами на голове и лице. Брови длинные, глаза большие, широко открытые. Отличается одно изображение, на котором изображенный персонаж показан с раскосыми глазами и сходящимися на переносице бровями.

Кони изображены с нарушением пропорций, при этом – взнузданные и оседланные. Хвосты лошадей подстрижены и иногда перевязаны в нижней части. Грива во всех случаях аккуратно расчесана на пряди. Кроме поводыев изображены нащечный, затылочный, наносный ремни. Если ремни оголовья не показаны, то подразумеваются поскольку изображены псалии, а без ремней оголовья их использовать невозможно. Выделяется амуниция коня всадника со штандартом (рис. 1:2). В этом случае отсутствует наносный ремень, нет S-видных псалий, очевидно вместо них художник изобразил кольчатые удила; кроме того, от затылочного ремня к поводам идет декоративная привеска, показанная мелкими перлами.

Из ремней для крепления седла показаны: нагрудный, подхвостный, оба украшен-

ные накладками (в одном случае круглые или прямоугольные), причем к ним же прикреплены и декоративные подвески (ромбовидные или сердцевидные), что в принципе бывает не всегда. Само седло вероятно стандартное – с двумя луками, с положенным под него чепраком и прикрепленными ремнями стремянами с жесткой подножкой. Из оружия всадники имеют только саблю в ножнах. И в одном случае – без оружия, но с ловчей птицей.

По ряду деталей выделяется вышеупомянутый рисунок всадника со штандартом (рис.1:2). Также формальное сходство имеют рассмотренные сюжеты с изображением вооруженного всадника на другой чаше (рис.1:1). В этой связи упомянем недавно опубликованную находку серебряной пластины (рис.1:5) с согдийским сюжетом (Бауло, 2013, с. 123–128), близкой рассматриваемой накладке со всадником.

Заметим, что композиция с всадником и сопутствующими ему животными и птицами, а также с сидящими на руке ловчими птицами, с IX в. была весьма популярна в средневековом прикладном искусстве, как на мусульманском Востоке, так и в Византии. Скорее всего эта композиция не связана напрямую с какой-то этнической средой, поскольку в IX–XI вв. фиксируются несколько весьма близких по композиции ареалов бытования этого сюжета: юг Европы (провинции Византии); Средняя Азия и Иран; Прикаспье, Венгрия и Предкавказье.

Вместе с тем, изображения всадника на изделиях урало-венгерского центра IX в. отличаются определенной цельностью образа и его трактовки. Сам образ достаточно выдержан и на наш взгляд выполнен в традициях византийского искусства. В последнем образ всадника, в том числе и в охотничьих сценах, был связан с византийской царской традицией, прославлявшей правителя, его величие и могущество. Эта традиция сложилась не позднее VI–VII вв. н.э. и использовалась в византийской иконографии в IX–X вв. (Грабар, 2000, с. 64–69, 76–78). Впрочем, аналогичный образ правителя можно встретить и в иранском искусстве V–VII вв. н.э. Вероятно, в этой трактовке образ всадника мог присутствовать в венгерском искусстве и символике и в период обретения Родины.

Отдельные элементы изображений, например, сюжет хищной птицы стоящей на спине животного, характерный по мнению, Н.В. Федоровой именно для венгерской группы торевтики, могли иметь и некий общий

мифологический контекст, возможно общий для всего урало-западносибирского региона и отразившаяся в торевтике Великой Венгрии, Волжской Булгарии и Прикамье в целом (Бауло, Маршак, Федорова, 2004, с.114).

При всем при этом, стоит обратить внимание на аналогии и художественно-технологическую близость артефактов урало-венгерского круга с согдийской торевтикой IX в., что согласуется и с находками художественного металла, прежде всего серебряных сосудов (котелки, чаши, блюда) согдийского или восточноиранского производства в Предуралье (Руденко, 2017, с. 96–100). Это касается и сюжета с всадником, точнее, конным охотником. Он относится к так называемым «бродячим сюжетам» со сценой охоты. Данная композиция пережила достаточно долгий путь развития от идеи царственного всадника, бога-всадника к персидскому герою-рыцарю и постепенно трансформировалась в светский идеал правящей элиты. Как писал Л.И. Ремпель, «образы древней мифологии растворяются сначала в эпосе, а затем и в романтической поэзии века. Герой теряет личные черты и становится излюбленным сюжетом светской жизни» (Ремпель, 1987, с. 149).

В Предуралье в XI–XIV вв. данный сюжет неожиданно получил свое развитие на небольших бляхах-медальонах с изобра-

жением сокольника (рис.2). А.М. Белавин, Н.Б. Крыласова и В.А. Иванов отнесли эти артефакты к изделиям пермского звериного стиля, подразумевая местные истоки этой иконографии, определив при этом главное действующее лицо на этих изображениях как верховное божество манси, – таежных жителей Западной Сибири, – Мир-сусне-хум. Ими же отмечается и вероятность изготовления этих артефактов болгарскими ювелирами (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 191, 204, 200, 234–235, рис.61; 62: 1–14).

Однако, к болгарскому ювелирному делу эти изделия вряд ли имеют прямое отношение (Руденко, 2015, с. 92). Бóльшая вероятность их производства, как считают К.А. Руденко и Н.В. Федорова, в Предуралье или Западной Сибири (Федорова, 2014, с. 172). Маловероятно и их автохтонное развитие. Между изделиями урало-венгерского центра и прикамскими бляхами с сокольничим хронологический разрыв в несколько столетий, и скорее всего непосредственной связи между ними нет. Учитывая типологическое разнообразие блях с сокольничим и достаточно большой промежуток времени их изготовления и бытования, они формировались из разных источников, относящихся как к христианскому, так и исламскому миру на протяжении XI–XIV вв. (Руденко, 2015, с. 93–97).

ЛИТЕРАТУРА

- Бауло А.В. Без лица: серебряная бляха с восточных склонов Урала // АЭАЕ. 2013. №4 (56). С. 123–128.
- Бауло А.В., Маршак Б.И., Федорова Н.В. Серебряные блюда с реки Войкар // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. №2 (8). С.107–114.
- Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: Изд-во БГПУ, 2009. 278 с.
- Грбар А. Император в византийском искусстве. М.: Ладомир, 2000. 328 с.
- Маршак Б.И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М.: Главн. ред. вост. лит-ры, изд-во «Наука», 1971. 156 с.
- Ремпель Л. И. Цепь времен. вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1987. 192 с.
- Руденко К. А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. Казань: Заман, 2015. 528 с.
- Руденко К.А. Редкие находки эпохи хазарского каганата (заметки о хазарско-венгерском искусстве) // Теория и практика археологических исследований. 2016. №3 (15). С.63–82. DOI: 10.14258/tra1(2016)3(15).-05.
- Руденко К.А. Новые находки художественных серебряных сосудов VIII — IX вв. н.э. из Предуралья и их место в средневековой торевтике Востока // Вестник КазГИК. 2017. №3. С. 96 – 100.
- Смирнов Я.И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. Издание Имп. Археологической Комиссии ко дню 50-летия её деятельности. СПб: [2-го февраля] 1909. 18 с., 130 табл.
- Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья. Каталог выставки / Предисл. М. Б. Пиотровский; Вступ. ст. Н. В. Федорова; Перевод Т. В. Говорухина. Салехард-СПб., 2003. 96 с.

Федорова Н.В. Сокровища Приобья в истории западно-сибирского средневековья // Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья. Каталог выставки. Салехард-СПб., 2003. С.9–18.

Федорова Н.В. Справа от солнца, слева от месяца: бляхи с сокольников (Предуралье и Западная Сибирь, эпоха средневековья) // Археология Арктики. Вып. 2 / Отв. ред. Н. В. Фёдорова. Екатеринбург: Деловая пресса, 2014. С. 162–174.

Шатунов Н.В. Медальон с сокольников из Сибирской коллекции Ф.Р. Мартина // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург-Сургут: Уральское изд-во, 2008. С. 50–55.

László Gyula Árpád népe. Budapest: Helikon, 1988. 180 s.

The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue. 1996. István Fodor. (ed.). Budapest: Hungarian National Museum.

Информация об авторе:

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

ARTISTIC ARTIFACTS WITH THE HORSEMEN IMAGE OF THE URAL-HUNGARIAN CENTER IX CENTURY

K.A. Rudenko

The article is dedicated to the study of rare artifacts associated by their origin with the Ural-Hungarian center for the manufacture of art products. According to N.V. Fedorova, the center was located in the Urals and functioned in the 9th-10th century. The article features a study of silver dishes and a roundel with an image of a rider (Fig. 1). Most of the items feature a rider with a bird on his right arm. The figure is turned to the right or to the left. The man is dressed in a long caftan and boots. There is a tall hat on his head. In addition to the bird on the right hand arm, another bird is usually depicted above the horse's head. Sometimes the items feature images of a hare. The horse has distorted proportions. The background of the image is gilded. The author is convinced that the figure of the image of the rider symbolizes the strength and power of the ruler. This is probably associated with the Byzantine tradition. Another contextual images on round medallions feature a hunting scene (Fig. 2). These artifacts were crafted in various time periods on the basis of different artistic traditions: Muslim, Christian, and pagan.

Keywords: archaeology, Great Hungary, Khazars, Ural Mountains, Volga, medieval art.

About the Author:

Rudenko Konstantin A. Doctor of Historical Sciences. Professor, Kazan State Institute of Culture. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; murziha@mail.ru

Рис. 1. Изделия урало-венгерского круга с изображениями всадника. 1 - центральный медальон серебряного блюда; 2- центральная часть серебряного блюда; 3 - центральная часть серебряного блюда; 4 - серебряная накладка; 5 - серебряная накладка; 6 - бронзовая матрица из Болгар. 1-3: по: (Сокровища, 2003, кат.19,21,22); 5 - Фонд Ш. Марджани; 5 - прорисовка А.В. Бауло (Бауло, 2013, рис.1); 6 - прорисовка по фото К.А. Руденко (Руденко, 2015, илл.172). 1-3 - фонды МВК им. И.С. Шемановского ЯНАО; 4 - собрание фонда Ш.Марджани (Москва).

1a

Рис. 2. Бляхи с изображением всадника из Предуралья (1) и Зауралья (2). По: (Шатунов, 2008).

УДК 902/904

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ФОРМИРОВАНИЯ НАБОРА ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЗАХОРОНЕНИЯ ЗНАТНОЙ ПОЛОВЧАНКИ В БАЛОТАПУСТА (КИШКУНХАЛАШ, ВЕНГРИЯ)¹

© 2018 г. С.С. Рябцева, А.А. Пескова

Набор предметов, сопутствовавших женскому захоронению XIII в. из Балотопуста (Венгрия), отличается богатством и разнообразием. Он позволяет выделить несколько основных групп изделий, характеризующих возможные пути формирования элементов погребального костюма знатной половецкой женщины. К наследию периода пребывания половцев на территории Восточной Европы относятся серебряные шейная гривна, пластинчатые браслеты, позолоченные дужки от рогообразного головного убора, хрустальный медальон, ритуальный жезл. Традиция украшения костюма нашивными бляшками, вероятно, была воспринята половцами у венгров. При этом единая система декора ряда предметов (браслеты, медальон, бляшки), свидетельствует о том, что они, возможно, были изготовлены одним мастером и уже в Центральной Европе. На это указывает и то, что аналогичный сканый декор представлен в оформлении подставки жезла, которая представляет собой основание литургического предмета западноевропейского происхождения. К предметам, характерным для костюма населения Карпато-Балканского региона XIII–XIV вв. относятся пряжка, перстень и украшения с псевдозернеными бусами. В целом инвентарь захоронения представляет собой своеобразный сплав нескольких культурных традиций.

Ключевые слова: Восточная и Центральная Европа, Венгрия, XIII век, погребальный инвентарь, ювелирный убор, культурные традиции.

В 1892 г. в Балотопуста было открыто самое богатое женское половецкое захоронение, происходящее с территории Малой Южной Кумании (материалы хранятся и экспонируются в Венгерском национальном музее). В состав погребального инвентаря входит 152 предмета, в том числе, золотая монета никейского императора Иоанна III Ватаца (1222–1254) (Natházi, 2005, о. 42–54; Pálóczi Horváth, 2014, о. 142–150, 286, 287). Возможно, погребенная принадлежала к первому поколению половцев, переселившихся сюда из Восточной Европы.

Целый ряд предметов из этого захоронения объединяет своеобразный декоративный прием – наличие сканых косичек. Это позволяет, на наш взгляд, выделить среди сопутствующих погребенной вещи группу предметов, заказанных совместно одному местному мастеру или выполненных разными ювелирами, но в едином стиле.

Косичками из сканой проволоки украшено основание загадочного предмета, являвшегося, по всей видимости, ритуальным «жезлом». Это серебряное позолоченное изде-

лие представляет собой подставку-основание и закрепленный в ней длинный полый штырь. Подставка декорирована скаными линиями и расположенными между ними драгоценными камнями, обрамленными зубчатыми кастами. Исследователи рассматривают это основание как нижнюю часть креста-реликвария или чаши (Natházi, 2005, о. 51, fig. 43; Pálóczi Horváth, 2014, о. 150, fig. 108). Можно предположить, что была действительно использована нижняя часть чаши или монстранция западноевропейского производства² (или подставку специально изготовили по образцу основания чаши). В ней была укреплен трубка («жезл»), верхняя часть которой к настоящему времени не сохранилась. Трубка зафиксирована в ажурной бусине, которой заканчивается основание чаши. Об использовании данного предмета в качестве жезла может свидетельствовать относительно близкая по конструкции и археологическому контексту находка с территории Восточной Европы. Целый жезл с шаровидным завершением, но без подставки, выполненный на деревянной основе и обложенный серебряным листом, был обна-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта NKM-12/2016: The archaeological and numismatic evidence of contacts between the population of Hungary and Moldova in the 9–16th centuries (from the period of the Hungarian Conquest period until the formation and development of the Moldovian state) и гранта РФФИ, проект 18-09-00753: Большое Шелетовское городище: материалы и исследования (результаты раскопок М.К. Каргера 1957–1964 гг.).

² Приносим глубокую благодарность за консультацию И.А. Стерлиговой (Москва, Оружейная палата).

ружен в богатом кочевническом захоронении в Таганче (быв. Каневский у. Киевской губ.). Там же были найдены кольчуга, сабля, серебряная чаша, золотая разогнутая крученая гривна и другой разнообразный погребальный инвентарь (Хойновский, 1896, с. 120–123, таб. VII).

Скаными косичками декорированы и серебряные позолоченные нашивные бляшки, предназначенные для украшения одеяния (Hatházi, 2005, о. 46, 47, fig. 31–35; Pálóczy Horváth, 2014, о. 149). Традиция украшения нашивными бляшками печенежского, а затем и половецкого костюма, известная также и в восточноевропейских материалах, могла быть позаимствована у венгров, в изобилии украшавших свою одежду подобными нашивками (например: Дончева-Петкова, 2005, с. 138, 168; Витковский, 1878, с. 24). Бордюры из сканой косички применены и в декоре краев пластинчатых серебряных браслетов (рис. 1: 8, 9), найденных в захоронении из Балотапушта (Hatházi, 2005, о. 50, fig. 40).

Аналогичное обрамление использовано и в декоре серебряного медальона с хрустальной вставкой в зубчатой оправе (Hatházi, 2005, о. 44, fig. 29) (рис. 1: 1). В контексте половецких захоронений сходные медальоны были несколько раз найдены на территории Восточной Европы. Это овальный медальон в золотой зубчатой оправе из впускного половецкого погребения в курганном могильнике близ с. Родионовка в Запорожье (Украина) (рис. 2: 5) и круглый хрустальный медальон в частично сохранившейся металлической оправе, найденный вместе с зеркалом и фрагментами ткани около тазовых костей погребенной в кургане у с. Новоивановка в Донецкой обл. Украины (Колекції, 2007, с. 24, кат. № 89/1; Комар, 2009, фото на с. 474; Швецов, 1974, с. 96). Кроме того, среди материалов из урочища Лучки у с. Россава быв. Каневского у. Киевской губ. упоминается «стеклянный медальон из двух граненых, склеенных прозрачных пластинок» наряду с диадемой, состоящей из двух деревянных валиков, украшенных двадцатью металлическими полукольцами каждый (Самоковасов, 1908, с. 224).

Но еще чаще подобные хрустальные и стеклянные медальоны (в основном в петельчатой, но есть и в зубчатой оправе) встречаются на древнерусских поселениях предмонгольского времени (рис. 2: 1–4). Археологические находки таких украшений локализируются в юго-западных землях Древней Руси – в пределах исторической Болоховской земли (в

верховьях рек Южного Буга, Случи и Горыни) и Галицкого княжества (в бассейне Среднего Днестра и Верхнего Прута). К настоящему времени в этом регионе в семи пунктах обнаружено 18 таких медальонов в оправках и 2 хрустальные вставки (заготовки?) без оправы (Пескова, Рябцева, 2018, в печати).

Синхронные аналогичные медальоны с горным хрусталем, происходящие с территории Центральной или Юго-Восточной Европы, нам не известны. В качестве относительных и более поздних аналогий можно привести более сложные изделия (медальоны?) со вставками из горного хрусталя, также обрамленными зубчатыми кастами, происходящие из клада XIV–XV вв. Олтень в Румынии (Dumitriu, 2001, p. 130–131). Отдельные овальные хрустальные вставки (без оправы) происходят из двух венгерских местонахождений Nyáregyháza-Pustapótharaszti и Szank (Vargha, 2015, p. 69, fig. 42,1; p. 73, fig. 46) и из клада, найденного во время раскопок у села Дупляжа³. В Szank хрустальная вставка найдена совместно с выпуклыми золотыми нашивными бляшками с розетчатым декором, но не литыми, как в Балотапушта, а очень тоненькими, тиснеными.

К шейным украшениям в погребении из Балотапушта относится и серебряная крученая гривна (Hatházi, 2005, о. 45, fig. 30; Pálóczy Horváth, 2014, о. 144, fig. 101,5) (рис. 1: 7). Традиция ношения таких гривен была принесена половецкими из Восточной Европы, где подобные украшения, по всей видимости, были восприняты у древнерусского населения (рис. 3: 8–11). Отмечается преимущественное ношение у половцев именно этого типа гривен (крученых и витых, с петлями на концах), а также использование их в распрямленном виде в качестве специфических ритуальных жезлов (Плетнева 1981, с. 215–217, рис. 82, 84) (рис. 3: 10).

Узкие пластинчатые дужки с отверстиями по краям являются, по всей видимости, обкладками специфического рогообразного украшения, характерного для половецкого головного убора (Hatházi, 2005, о. 43, fig. 25; Pálóczy Horváth, 2014, о. 142–143, fig. 99–100) (рис. 1: 4–6). Большинство находок подобных деталей головных уборов происходит с территории Восточной Европы. Иногда их описывают как детали диадем (Витковский, 1878,

³ Приносим глубокую благодарность профессору Деяну Радичичу, от которого мы получили информацию еще об одной неопубликованной находке с территории юга Баната.

с. 24; Хойновский, 1896, с. 106–108; Самоквасов, 1908, с. 223–224; Швецов, 1974, с. 95, рис. 2: 3), иногда как обкладки рогообразных уборов. В недавнее время корпус подобных находок был составлен и подробно проанализирован В.Н. Чхаидзе (2017, с. 218–234). Исследователь, называющий этот своеобразный женский головной убор «очелия в виде рогообразных украшений», отмечает, что его детали размещались в районе висков и лба погребенной. То есть «рога», состоявшие из деревянной основы (иногда это был просто ивовый прут), обернутой тканью и обложенной металлическими полукольцами различной ширины, располагались в уборе по сторонам лица и сочетались в костюме с тканым головным убором (Чхаидзе, 2017, с. 218). Головной убор также был часто богато украшен – нашивными бляшками, резным костяным навершием; полукольца производили впечатление золотых, хотя, как правило, были лишь позолоченными, а изготавливались из бронзы или серебра (Самоквасов, 1908, с. 223–224; Чхаидзе, 2017, с. 218, рис. 2) (рис. 3: 1–7).

К настоящему времени известно 29 погребальных комплексов с подобными головными уборами на территории Восточной Европы (Чхаидзе, 2017, с. 218). Причем в двух случаях они встречаются с медальонами с прозрачными вставками.

В Поросье в могильнике Лучки «рогообразные очелия» были обнаружены в трех захоронениях, причем один раз в кургане 1/1 (по Чхаидзе) (рис. 3: 3) был найден и медальон, составленный из двух склеенных пластинок, определенных как ²стеклянные⁴. Сохранились и остатки парчового головного убора, фрагменты шелковой, шерстяной ткани и позумента от одеяния. На шее погребенной располагалась витая из трех дросов массивная серебряная гривна (загнутые концы на груди), между ними полукругом лежали остатки ожерелья – крупные янтарные и каменные бусы и упомянутый выше медальон. Найдены также несколько поясных бляшек, бронзовая пряжка, серебряная подвеска-бубенчик⁵,

⁴ Упомянутый эти материалы И.А. Хойновской (Хойновский, 1896, с. 106–108, 126, рис. 671) настолько был уверен, что в Лучках были найдены фрагменты диадем, что (в отсутствии их изображения) в качестве иллюстрации ссылается на таблицу с вещами с Княжей горы и на изображение известной диадемы оттуда.

⁵ Необходимо отметить, что позолоченная подвеска-бубенчик есть и среди материалов из Балотапушта (Natházi, 2005, о.48, fig. 36)

мешочек с вложенным в него зеркальцем, железный нож. На левой руке погребенной располагался серебряный крученный двухпроволочный браслет со вставкой из ляпис-лазури и массивный золотой перстень с каменной вставкой (Самоквасов, 1908, с. 223–224; Федоров-Давыдов, 1966, с. 37, 261, № 783; Плетнева, 1973, с. 9, 31, рис. 2, табл. Е; Швецов, 1993, с. 107; Чхаидзе, 2017, с. 220, № 1).

В Подонье в погребении 1/1 у с. Новоивановка была обнаружена хрустальная линза в металлической оправе плохой сохранности. К сожалению, как и в случае с медальоном из погребения в уроч. Лучки, в публикации новоивановского погребения отсутствует изображение медальона, поэтому характер оправы нам не известен. Кроме того, там же было найдено серебряное очелье с дужками на деревянной, обмотанной тканью, основе (рис. 3: 6), золотая шейная гривна, золотые серьги с растительным орнаментом и камнем-вставкой, золотой перстень с греческой надписью, стеклянные кольца, два серебряных и два стеклянных браслета, серебряная распрямленная гривна, медный бубенчик, бронзовое зеркало, нож, бронзовый котел, гончарный кувшин, остатки парчовой ткани (Швецов, 1974, с. 93–98, рис. 1–3; Чхаидзе, 2017, с. 223, № 20).

Найденная в Балотапушта кольцевидная пряжка (рис. 1: 10) относится к типам изделий, популярных как в Западной и Центральной Европе, так и в Карпато-Балканском регионе (Natházi, 2005, о. 48, fig. 37). Перстень углубленным орнаментом и однобусинные серьги с имитацией зерни (рис. 1: 11, 2–3), найденные там же, типичны для древностей Центральной Европы и Карпато-Балканского пространства (Рябцева, Чокану, 2009, с. 176; Oța, Georgescu, 2015, р. 373–392). Подобные штампованные бусины с имитацией зерни использовали и в трехбусинных украшениях, в том числе, и в сочетании с другими типами бус – круглыми гладкими, биконическими, «токайскими», «половецкими» (с коническими выступами) (Oța, Georgescu, 2015, р. 373–392, pl. 1–3).

Таким образом, убор женщины, погребенной в Балотапушта, представляет собой сплав традиций, заложенных еще в восточноевропейский период истории половцев, с новыми вещами, дополнившими его уже в Центральной Европе. При этом, хрустальный медальон, имеющий обширный круг аналогов в памятниках Восточной Европы, судя по общим декоративным элементам с другими

предметами, обнаруженными при погребенной (в первую очередь с подставкой жезла), Венгрии. мог быть изготовлен уже на территории

ЛИТЕРАТУРА

Колекції Наукових фондів Інституту археології НАН України. Каталог / Ред. Н.О. Сон. Київ: Академперіодика, 2007. 356 с.

Комар О.В. Східні слов'яни та кочовики степу // Україна: хронологія розвитку. Давні слов'яне. Київська Русь. Том 2 / Гол. ред. П.П. Толочко. Київ: КРИОН, 2009. С. 450–486.

Пескова А.А., Рябцева С.С. Медальоны с хрустальными вставками в составе социально-престижного убора населения юго-западных регионов Древней Руси // *Stratum plus*. 2018. № 5. (в печати)

Плетнева С.И. Древности черных клобуков / САИ. Вып. Е1-19. Москва: Наука, 1973. 96 с.

Плетнева С.И. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР. / Отв. ред. С.А. Плетнёва. М.: Наука, 1981. С. 213–221.

Самоквасов Д. Могилы русской земли. Описание археологических раскопок и собрания древностей. Москва: Синодальная Типография, 1908. 276 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. Москва: Издательство МГУ, 1966. 276 с.

Свешников И.К. Древнерусский город Звенигород и его торговые связи с Востоком // Славянская археология 1990: Раннесредневековый город и его округа. Материалы по археологии России. Вып. 2 / Ред. В.В. Седов и А.В. Чернецов. Москва: Институт археологии РАН, 1995. С. 43–57.

Хойновский И.А. Краткие археологические сведения о предках славян и руси, и опись древностей, собранных мною, с объяснёнными XX таблицами рисунков. Вып. I. Киев: Типография императорского университета св. Владимира, 1896. 221 с.

Чхаидзе В.Н. Детали женского головного убора из погребений кочевников Восточноевропейской равнины XIII – XIV веков // Памятники средневековой археологии Восточной Европы. К юбилею М.Д. Полубояриновой / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Институт археологии РАН, 2017. С. 218–234.

Швецов М.Л. Багате кочівницьке поховання з Донбасу // Археологія. 1974. №13. С. 93–98.

Dumitriu L. 2001. Der Mittelalterliche Schmuck des unteren Donauebietes im 11-15 Jahrhundert. Bucureşti: MNIR.

Hatházi G. 2005. Sírok, kincsek, rejtélyek. Kiskunhalas: Print 2000 Nyomda KFT. Kecskemét.

Oța S., Georgescu M. 2015. Cercei decorati cu pandantive ornamentate cu pseudogranule. In C. Croitoru, G.D. Hânceanu (eds.). *Miscellanea Historica et Archaeologica in Honorem Vasile Ursachi octogenarii*. Braila: Editura Istros a Muzeului Brailei „Carol” I, 373–392.

Pálóczi Horváth A. 2014. Keleti Népek a Középkori Magyarországon. Besenyők, úzok, kunok és jászok művelődéstörténeti emlékei. Budapest: Piliscsaba, 2014. 326 old.

Vargha M. 2015. Hoards, grave goods, jewellery Objects in hoards and in burial contexts during the Mongol invasion of Central-Eastern Europe. In *Archaeolingua Central European Archaeological Heritage Series 8*. Oxford: Archaeopress Archaeology.

Информация об авторах:

Рябцева Светлана Станиславовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Культурного Наследия АН Молдовы, (г. Кишинев, Молдова).

Пескова Анна Анисимовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург, Россия).

ON THE ORIGINS OF A JEWELRY SET FROM THE BURIAL OF A NOBLE KUMAN WOMAN IN BALOTA PUSZTA (KISKUNHALAS, HUNGARY)⁶

S. S. Ryabtseva, A. A. Peskova

The article considers a rich and diverse set of findings from Balota puszta (Hungary) associated with a female burial dating back to 13th century. A study of these objects allowed to identify individual groups of items characterizing the hypothetical origins of the elements of the funerary costume belonging to a noble Kuman woman. A silver torque, plate bracelets, gilded rings of a horn-shaped headdress, a medallion with a crystal insert and a ritual wand are associated with the period when Kuman tribes populated the East-European territory. The tradition of decorating the costume with plaques was probably inherited by the Kumans from the Hungarians. At the same time, a specific decoration system of a number of items (bracelets, medallion and plaques) indicates that they may have been manufactured by the single artisan in Central Europe. This is also indicated by the fact that similar filigree decoration is reflected in the design of the wand support representing the foundation of a liturgical item of West-European origin. A buckle, a signet ring and ornaments with pseudo-granulated beads are characteristic of the costume worn by the population of the Carpathian-Balkan region in the 13th–14th centuries. In general, the inventory of the burial represents a combination of several cultural traditions.

Keywords: Eastern and Central Europe, Hungary, 13th century, grave goods, jewelry, cultural traditions.

About the Authors:

Ryabtseva Svetlana S. Candidate of Historical Sciences. Institute of Cultural Heritage, Academy of Sciences of Moldova. Stefan cel Mare, St., 1., Chisinau, MD – 20001, Moldova.

Peskova Anna A. Candidate of Historical Sciences. Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. Dvortsovaya Emb., 18, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation.

⁶ The work was conducted with the support of the grant NKM-12/2016: The archaeological and numismatic evidence of contacts between the population of Hungary and Moldova in the 9–16th centuries (from the period of the Hungarian Conquest period until the formation and development of the Moldovian state) and the RFBR grant, Project No. 18-09-00753: Bolshaya Shepetovka settlement: materials and studies (results of excavations by M.K. Karger in 1957-1964).

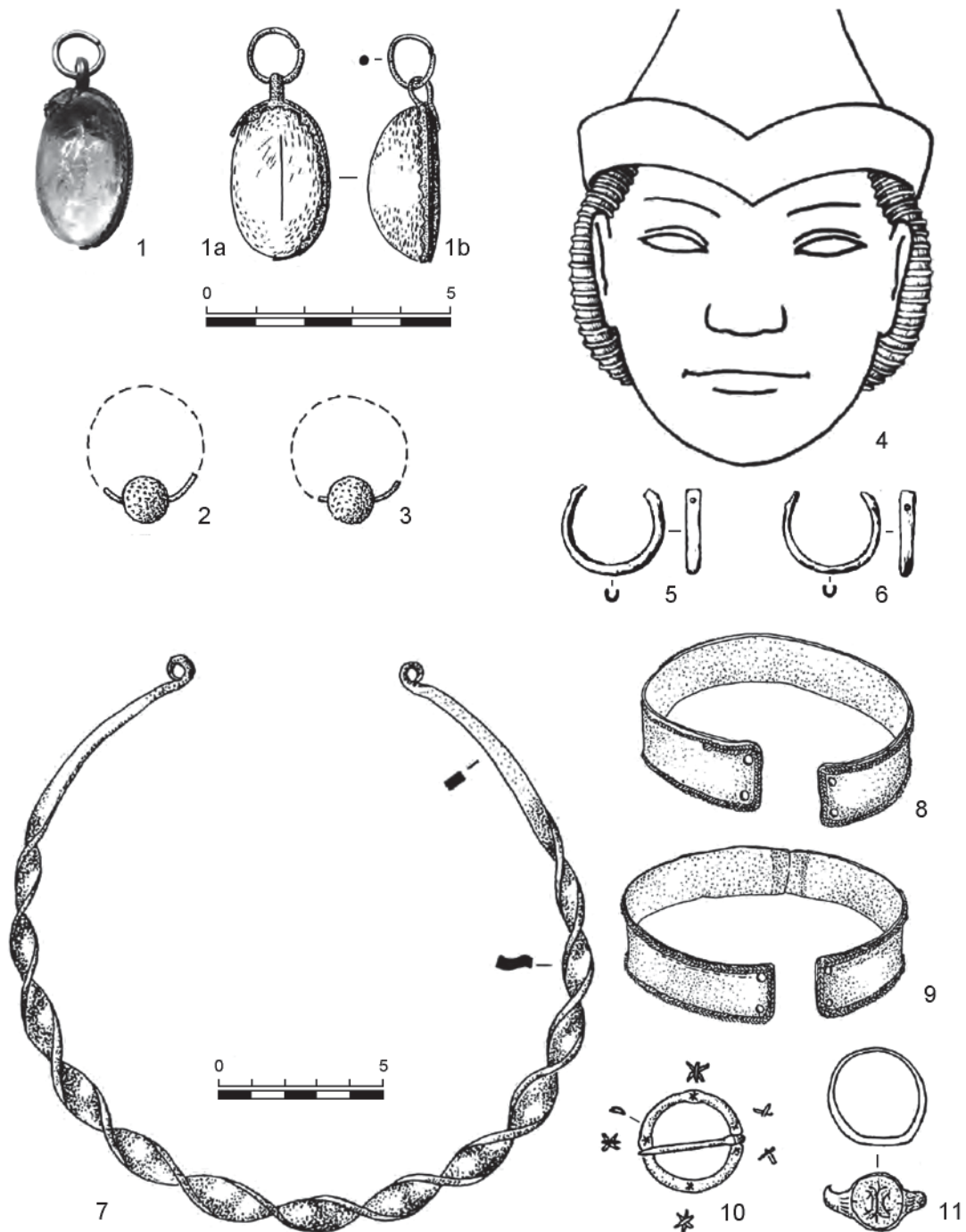

Рис. 1. Материалы из женского погребения в Балотапуста (район Кишкунхалаш, Венгрия): 1 – хрустальный медальон в серебряной оправе; 2, 3 – фрагменты серебряных серег; 4 – реконструкция головного убора с рогообразными украшениями; 5, 6 – серебряные позолоченные дужки; 7 – серебряная крученая гривна; 8, 9 – серебряные браслеты; 10 – серебряная пряжка; 11 – серебряный перстень. Масштабы разные (по Pálóczi Horváth 2014: 1 – o. 145, fig. 103; 1a, 1b – o. 144, fig. 101; 3; 2, 3 – o. 144, fig. 101; 1, 2; 4–6 – o. 142, fig. 99; 7 – o. 144, fig. 101; 5; 8, 9 – o. 147, fig. 105; 1, 2; 10 – o. 147, fig. 105; 3; 11 – o. 147, fig. 105; 5)

Рис. 2. Хрустальные и стеклянные медальоны и заготовка: 1–4 – находки с городища у с. Городище близ Шепетовки (Хмельницкая обл., Украина); 5 – хрустальный медальон в золотой оправе из кургана у с. Родионовка (Запорожье, Украина); 6 – медальон из синего стекла из Звенигорода (Львовская обл., Украина). Масштабы разные. (1–4 – фото из ФО НА ИИМК РАН: О. 2572.67; 5 – по Комар, 2009, фото на с. 474; 6 – по Свешников, 1995, рис. 2: 5)

Рис. 3. Фрагменты рогообразных уборов (1-7) и гривны (8-11). Масштабы разные. 1, 4 – Пришиб 1/7; 2 – Темижбекская 6/4; 3 – Лучки 1/1; 5 – Пришиб 2/34; 6 – Новоивановка 1/1; 7 – Таврия I – 2/5; 8 – Банкут (Bánkút), Венгрия; 9 – Лучки, кург. 1 (1/1 по Чхаидзе) (Среднее Поднепровье); 10 – Скворцовка (Северное Причерноморье); 11 – Среднее Поднепровье (из раскопок Н.Е. Бранденбурга). (1-7 – по Чхаидзе, 2014, с. 221, рис. 2; 8 – по Pálóczi Horváth, 2014, о. 146, fig. 104; 9 – по Плетнева, 1973, с. 9, рис. 2; 9; 10 – по Комар, 2009, с. 477; 11 – по Плетнева, 1973, с. 8, рис. 1: 18)

УДК 902/904

MATERNAL GENETIC COMPOSITION OF EARLY MEDIEVAL (6TH-10TH CENTURY AD) POPULATIONS LIVED IN THE CIS- AND TRANS-URAL AND VOLGA-KAMA REGIONS

© 2018. **Bea Szeifert, Veronika Csákyová, Balázs Stégmár, Dániel Gerber, Balázs Egyed, S. G. Botalov, R. D Goldina., Danich, A. V., Attila Türk, Balázs G. Mende, Anna Szécsényi-Nagy**

Many scientific theories exist about the origin of Hungarians and their migration from Northern Central Asia to Europe in the 8th–9th centuries AD. Ethnic heterogeneity of the Hungarian Conquerors is attested by a number of historical and archaeological evidence due to their associated migration with other populations from the Ural region through the Middle-Volga region (and the Khazar Khaganate) until their arrival in the Carpathian Basin in 895 AD. The source region, direction, and chronology of the migration is still unclear and intensively studied by historians, archaeologists and linguists. In our studies, we approach these issues using archaeogenetic methodology. We investigate early medieval (6th–10th AD) populations from the regions of the Ural Mountains, the presumed migration route and the Carpathian Basin. The sites can be associated with each other and the Hungarian Conquerors as well. Remains of the first cultures (Kushnarenkovo and Karayakupovo) associated with Hungarian prehistory are from the Middle and Southern Urals. Investigating whole mitochondrial genomes, our first series came from the eastern (Uyelgi) and western (Bayanovo, Sukhoy Log, Bartim) side of the Middle-Southern Urals. As a continuation we included samples from the Volga-Kama region, with special attention to Bolshie Tigani site. We might get a better picture of the migration route and can map its stages and stopovers in a genetic context by extending our database with mitochondrial data from the presented series.

Keywords: ancient mitochondrial DNA, maternal lineages, population genetics, Hungarian prehistory, Cis-Ural region, Trans-Ural region, Volga-Kama region.

Introduction

Until recently, the research on early Hungarians has been carried out mainly within the framework of humanities, however traditional anthropological studies always had an impact on the interpretations based on historical-linguistic and archaeological methods. Applying research methods of archaeogenetics can also make a great contribution to the understanding of the spatial and temporal aspects of the Hungarian tribes' migration. In the past few years, a great amount of archaic DNA-samples were collected as a first step of a research project that evaluates archaeological data with the help of bioarchaeological methods. The sampling area was extended from the Carpathian Basin to the Ural Mountains, to those regions that show the closest relations with the traces of the Hungarian migration as it is presumed on the basis of the increasing archaeological assemblages as well as traditional historical data. Our study offers a brief summary of the research of maternal lineages of populations lived in the Ural Mountains and the Volga-Kama region. The collection of the DNA-samples from the area expanding from the Carpathians to Western Siberia, was established with the help of Russian, Ukrainian and

Moldavian archaeologists and anthropologists. Due to the possibility of later publication in scientific journals, the data are presented here on the level of haplogroups, while our analyses are based on the complete mitochondrial DNA (mtDNA) sequences.

Between 2005 and 2010, following the international trends, Hungarian research has created a database depicting the genetic pattern of maternal lineage of the conquering Hungarians. This database not only has broadened since, but due to the spread of whole genome techniques it also has been renewed and rearranged in technological terms. Our current data are based on the so-called whole genome sequencing techniques and evaluation, which method helps to understand the relationship between populations and individuals in a more profound and - regarding the historical context - solid way. Since the conquering Hungarians appeared in the Carpathian Basin only in the 9th century, part of their population history has to be sought along the migration routes of the Hungarian tribes from east to the west. The exploration of these migration routes required research methods based mostly on archaeological artifact typology and traditional historical source analysis, even though

there is more and more legitimate criticism of these traditional methods, the use of which can be particularly problematic in the research of steppe areas. We tried to avoid the mere ethnical interpretation of archaeological cultures, and aimed to apply methodology often employed in similar researches of Indo-European populations. Due to the wide diversity of research and collection conditions within the sampling area, the variety in the amount of burials available in different territories, and also the various preservation statuses of the samples, our research team works with a sampling strategy that is based on archaeological data and accompanied with complex bioarchaeological approach. We collected samples from those cemeteries that revealed connections to the archaeological material of the 10th century Carpathian Basin. In addition, sampling was carried out in populations, presumably one-time neighbours (cemeteries and burials identified as Slavic, Alanic, Khazar or Bolgar) whose genetic compositions - according to historical evidences - are different from our genetic database. In this way, our sampling covers the entire territory of Hungarian ethnogenesis and its stages outlined on the basis of historical, linguistic and archaeological data. Currently, our database contains samples from 250 burials. Russian, Ukrainian and Moldovan archaeologists and anthropologists are also involved into the assessment of maternal lineages of the populations that is carried out along different schedules region by region. (Fig. 1.)

Besides samples suitable for DNA sequencing, we collected samples for radiocarbon dating as well. This not only provides the most accurate dating of the genetically characterized burials or cemeteries, but it also helps to interpret the results obtained by phylogenetic methods.

Our paper serves as a first step of a multi-stage work, and presents the primary results of the bioarchaeological research in the Cis-Ural and Trans-Ural regions. Accordingly, the most important criteria of the sampling were to collect samples from competently excavated and well documented cemeteries that show connections and similarities with archaeological material of the conquering Hungarians. Any samples with uncertain provenance were left out of the sampling procedure and we preferred to have series of samples instead of samples from individual burials taken out of their context.

Archaeological background

According to the current mainstream historical research, the Hungarian language developed in the Trans-Ural region between

1000 and 500 BC, and ancient Hungarians first moved to the Cis-Ural region in the 6th century AD. For some unknown reason, part of the population crossed the River Volga and settled in the Dnieper-Dniester region in the 8th century AD (based on linguistic arguments) or even in the first half of the 9th century (based on written sources and archeological data). They lived there during the second half of the 9th century until the Hungarian Conquest of the Carpathian Basin in 895 (Subbotsy archaeological horizon) (Иванов В. А. 1999; Комар 2011; Türk 2012).

Although the material culture of the 10th century Carpathian Basin changed rapidly, it reveals well-demonstrated archaeological connections with the assemblages of the above discussed Eastern European regions. This also served as a theoretical basis for the sampling procedure of our research. The Volga-Ural region played an important role in the early medieval (6th–10th century AD) history of Eastern Europe because the history of its peoples originated there and also because numerous population movements took place in the region that shaped the history of Europe as well. Instead of sporadic burials there are cemeteries with hundreds of graves suitable for analysis in this territory north of the steppe region, consequently the amount of archaeological data has increased explosively over the last 10–20 years. This meant a crucial aspect in the selection of our topic in this paper that is devoted to the bioarchaeological comparison of the Carpathian Basin and the Volga-Ural region in the early medieval period, with the following regions and cemeteries involved in the investigations.

Brief summary of the sites and archaeological cultures discussed in the archaeogenetic study

Uyelgi cemetery (Trans-Ural region)

The first among the investigated archaeological sites was the survey of the Uyelgi cemetery situated on the eastern side of the Ural Mountains and dated from the end of the 8th century until the beginning of the 11th century. The excavation of the late Kushnarenkovo culture site is still ongoing. Sampling was carried out in the previously discovered 10th century area of the cemetery and also in the 9th century section of the site that has been explored in 2015. The earliest artifact horizon of the cemetery appeared in the kurgans no. 10 and no. 32. On the basis of typochronological analysis, the finds of this horizon can be dated to the 9th century: flat, smooth surfaced silver mounts sometimes with ribs or hemisphere-shaped decoration. A very

archaic archery equipment typical of the 7th–8th centuries was unearthed as well, which refers to the oldest time horizon of the cemetery that can be dated to the turn of the 8th–9th centuries. This assumption is strengthened by the radiocarbon analysis, as it resulted in the period between 770 and 900 AD (with 95,4% probability). The younger part of the cemetery is located on a northern elevation in the northern area of the site. Graves of the 10–11th centuries can be distinguished from the 9th century burials on the basis of the typo-chronological differences of their metal finds: the appearance of plant ornament, gilt background and developed variants of double crescent-shaped mounts, although this issue still requires further research. The child's grave no. 7 of the kurgan no. 9 included finds both from the 9th and the 10th century. The grave no. 5 from the kurgan no. 7 can be dated to the 10–11th centuries according to the typo-chronological and radiocarbon analyses (1040±50 and 1053±50) as well (Грудочко and Боталов 2013).

Nevolino culture in the Cis-Ural Region

The Nevolino culture was located in the Kama-Valley at the western foothills of the Ural Mountains and represents the most significant and well-researched culture of the 4th–9th centuries history of the region. Its end was previously associated with the migration of Hungarians, therefore we investigated samples from all of its three chronological phases in accordance with archaeological chronology. The Brody cemetery can be dated to the 4th–5th centuries AD, the Bartym cemetery to the 6th–7th centuries AD, and Sukhoy Log cemetery after which the late phase of the culture has been named, is dated to the 8th–9th centuries AD. The Nevolino culture occupied about 15,000 sq. km in the southern zone of the forest area. As a result of long-distance trade activity of the population, there are clear archaeological connections with the east of the Urals, the Sasanian Iran, Byzantium, Central Asia and the Baltic Sea Region. The center of its research operates at the Department of Archaeology of the Udmurt State University in Izhevsk (Goldina and Chernykh 2005), (Голдина 2012), (Goldina, Pastushenko, and Chernykh 2013).

The Bayanovo cemetery in the Cis-Ural Region and the Lomovatovo culture

The Lomovatovo culture was situated in the western outskirts of the Urals, northeast of the area of the Nevolino culture in the Kama Valley, and can be dated to the 8th–10th century

AD. The Bayanovo cemetery is not only the most significant site of the culture, but due to its rich archaeological heritage, it also the most important archaeological site of the western territory of the Urals. Although the site has been discovered already in 1951, its intensive research began in 2005 under the guidance of the Department of History at the Perm State Humanitarian-Pedagogical University. The cemetery is dated to the 9th – beginning of the 10th century as it is proven by the radiocarbon analysis as well (Данич 2008).

The Novinki archaeological horizon

The kurgan cemetery of Novinki lay along the middle course of the Volga river, where the river crooks like an elbow in the area of Samara. In 1980, the archaeologist from Samara, Galina I. Matveyeva started to examine the archaeological material of the Khazar Khaghanate and Dmitry A. Stashenkov joined to the research in 1992. The archaeological assemblages from the second half of the 7th – 8th centuries represent the oldest remains of the early Bulgar population appeared in the Volga region. Besides their cemeteries, settlements are also known from the southern part of the Volga crook in Samara, which region offers a strategically suitable area for controlling the crossing of the Volga river (Матвеева Г. И. 1997).

Bolshie Tigani

The Bolshie Tigani cemetery in Tatarstan is one of the most famous sites connected with the ancient history of Hungarians. The early medieval cemetery lies on the left bank of the Santala river running near the Kama river. It was unearthed between 1974 and 1984 by the Tatar archaeologist, A. H. Halikov and his wife Ye. A. Halikova, and 156 graves were discovered during the excavations. The 10th century part of the cemetery was investigated in the 1980's, the first 56 burials of the cemetery's early phase have been published in Budapest in 1981 by the archaeologists of the Kazan Federal University. The recognition of the site significantly changed and advanced the archaeological research of early Hungarians. Most researchers now believe that the cemetery started to be used in the second half of the 9th century, thus the site is likely connected to the Hungarians stayed in the east, not to those who migrated to the west. Although Bolshie Tigani is classified as a site of the Kushnarenkovo-Karayakupovo culture, its different geographical situation together with its material characteristic of the Volga Bulgars distinguish Bolshie Tigani from the typical Bashkir sites of the Kushnarenkovo culture. The

partial horse burials, specific sabres, belt mounts and jewelry as well as the use of death masks and shrouds that are burial habits with Uralic origin, all represent connections with the heritage of the Hungarian Conquest Period (Chalikova and Chalikov 1981).

Chiyalikskaya Culture

The Chiyalikskaya culture dated back to the 10th–13th centuries has been determined in the southern part of Tartarstan by E. P. Kazakov. In our research, the material of Gulyukovo cemetery of the culture was investigated. Due to the local Islamization process, the amount of grave goods decreased significantly during the 12th–14th centuries. The cemetery shows connections with the supposedly Ugric, semi-nomad population of the Ural area, therefore majority of the archaeologists in the region identify this material as the heritage of the Hungarians who stayed in the east and had later been found by Friar Julian in the 13th century. This assumption can be reinforced by the presence of kurgan burials, shrouds placed on the eyes and mouths, handmade pottery with stamped decoration and the sporadic remains of partial horse burials. This material appears in the Trans-Ural region as well (Гарустович 1988).

Methods

During the initially sample collection we chose teeth and pieces of long bones. In the latter cases we examined petrous bone fragments. The majority of sampling was done by our team, during that we adapted our methods to the features and preservation of certain osteological collections in order to choose the best available samples, and avoid cross-sample contamination during the sampling.

Investigation of the ancient DNA, laboratory work

The ancient DNA requires sterile laboratory conditions, which was provided by the Laboratory of Archaeogenetics in the Institute of Archaeology, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences. The work was done in sterile overall, overshoes, face-mask, face shield and gloves. The processes of the work took place in separate laboratory rooms. For the sterility all surfaces and tools were cleaned with DNA-ExitusPlus™ (AppliChem) and/or sodium-hypochlorite and irradiated with UV-C light. The archaic samples were processed in all workflows along with DNA free blank controls (in order to detect exogenous contamination). The mitochondrial DNA (mtDNA) haplotype of the laboratory staff was

also identified in order to percept recent DNA contamination.

In most of the cases we examined petrous bone fragments. This bone wasn't available from 10 individuals, who we analysed using teeth and long bone fragments.

We cut the samples out from the skulls or bones. Then we cleaned the samples' surfaces with sandblasting and sterilize the samples with UV-C light. Bone and tooth pieces were mechanically ground into fine powder in a mixer mill. Then we extracted DNA from bone powder (Dabney et al. 2013) (Lipson et al. 2017). The success of DNA extraction was verified by PCR reaction, which amplified fragments of the mtDNA (Szecsenyi-Nagy et al. 2015).

The next generation sequencing (NGS) requires DNA libraries that were prepared using UDG (uracil-DNA-glycosylase)-half treatment (Rohland et al. 2015), except for the samples from Gulyukovo. Hybridisation method was used to capture the target mitochondrial DNA fragments from the DNA libraries (Haak et al. 2015) (Lipson et al. 2017). This allowed the determination of the whole mitochondrial genome sequence in good quality. We got additional information about the samples (eg. genetic sex, endogenous DNA content) by random (shotgun) sequencing. Sequencing was performed on an Illumina MiSeq platform using the Illumina MiSeq Reagent Kit v3 (150-cycles) (Meyer and Kircher 2010).

Bioinformatics methods

Custom bioinformatics pipeline was created to process NGS data. The mapping was performed by BWA (Li and Durbin 2010), and various softwares were utilized for up and downstream analyses (Csáky et al. 2018).

The consensus sequences were created using the Geneious 8.1.7 (<https://www.geneious.com>) with minimum 3x coverage. Based on the mutational points, the haplogroups of the samples were determined by HaploGrep (v2.1.1) (<https://haplogrep.uibk.ac.at/>) on the basis of the conventional mitochondrial tree (phylo tree.org) (van Oven and Kayser 2009).

Population genetic analyses

We compared statistically the analysed medieval populations with other archaic and recent populations available in international databases like NCBI GenBank. We used these data in the analysis of haplogroup frequencies (PCA - Principal Component Analysis and Ward cluster) and sequence-based statistics (MDS-Multidimensional scaling).

In the PCA and Ward cluster analyses, we compared the examined 4 populations

(RUS_Uyelgi (=site Uyelgi), RUS_W-Ural (=sites Bayanovo, Suhoy Log, Bartim, Brody), RUS-BTI (= site Bolshie Tigani), RUS-GUL (=site Gulyukovo)) with other 35 ancient and 64 modern populations. For hierarchical clustering we used Ward algorithm (Ward 1963) and Euclidean distance measurement.

When we calculated the pairwise genetic distances (FST) between populations, we compared the tested 4 populations with 19 ancient and 43 modern populations with Arlequin software v. 3.5.2.2 (Excoffier and Lischer 2010). We used Slatkin FST results for the MDS plots.

Phylogenetic analyses

Phylogenetic analyses are based on unique mtDNA sequences of the samples. With this method we can shed light on maternal relationships within and between the populations. Phylip software version 3.696 (Felsenstein 1989) was used to calculate the phylogenetic trees one-by-one for the observed haplogroups using neighbour-joining method.

Results

In our present study we investigated archaeological sites, cemeteries from the east (Uyelgi) and the west side of the Ural Mountains and the Kama valley (Bartim, Brody, Suhoy Log, and Bayanovo), from Bolshie Tigani and Gulyukovo cemeteries which represents the Chiyalikskaya culture and from Novinki habitat (from the Samara Bend of the Volga river) The samples from Bayanovo, Suhoy Log, Bartim, Brody represent Nevolino and Lomovatovo cultures. Although there is large chronological difference between these cemeteries (6th–10th AD), we regarded them as one group (West-Ural), due to their relative geographical proximity and related archeological interpretation, which connects them to the Hungarian prehistoric period based on archaeological and historical evidence.

At the current stage of our research we have 69 samples successfully sequenced and haplotyped, which came from Uyelgi site (20), West-Ural group (14), Bolshie Tigani (17), Gulyukovo (13) and Novinki (5) sites.

The distribution of genetic sex in the examined populations is shown in Fig. 2. The morphological sex, based on anthropological features, is confirmed by the genetic analyses. The sex distribution of the analysed samples does not reflect any cultural or biological condition, but only our consecutive sampling strategy, where we preferred anthropologically male remains bearing in mind the plans of subsequent Y chromosomal analyses.

The mtDNA haplogroup composition of the examined groups are illustrated in Fig. 3. The haplogroup compositions are heterogeneous, both European and Asian maternal components are observed in different rates within and between populations.

The samples from Novinki site don't show parallels with the archaeological heritage of the early Hungarians. The selection of the site is not based on archaeological data but on the assumption that its population was neighbours of ancient Hungarians. Owing to the low number of samples (5) from Novinki site, we excluded them from further statistical analyses.

We compared the studied groups (RUS_Uyelgi, RUS_W-Ural, RUS_BTI, RUS_GUL) to ancient and modern populations in the haplogroup frequency based PCA analysis. The PCA separated spectacularly the Asian and European archaic populations on the X axis, where our groups are placed in an intermediate position (Fig. 4). In this plot the studied groups are situated closest to the Altaian Scythians (ALT_Scythians), to the South-Central-Siberian Bronze Age population (Min_BRAge), to the Hungarian Conquerors from the Carpathian Basin (Hun_Conq) and to the Andronovo culture's population from Siberia (SIB_Andronovo).

In all performed statistical tests, the Gulyukovo and Uyelgi populations are the closest to each other. In these analyses the West-Ural group is far from the other three investigated populations. This phenomenon can be at least partially attested to the relative small sample size of the merged group and the relative high frequency of U haplogroups.

The PCA plot with recent populations also represents an East-West Eurasian cline, and while the position of our groups remains approximately intermediate, the closest relatives appeared to be Central Asian, South Asian, Turkmenian and Uzbek populations (plot is not shown).

The Ward clustering is based on the haplogroup frequency as well. This analysis shows a close Uyelgi – Gulyukovo and a West Ural – Bolshie Tigani relationship, placed them together into the same subcluster, but separated by three branches (Fig. 5).

We performed the Ward analysis with modern populations as well. The results almost perfectly mirror the relationships between the ancient groups, as seen in Fig. 5. One subcluster of the dendrogram comprises modern Khanti, Mansi, Turkmenian, Uzbek, Central Asian Pathan and Burusho populations together with the four studied ancient populations (Ward

plot is not shown). These results indicate that the clustering of the ancient populations is independent from the characteristics of the comparative dataset.

The FST calculation is a sequence based analysis, which serve as a basis for multidimensional scaling (MDS) and plotting, used to visualize the genetic connections of the analysed groups. The distribution of the ancient populations on the MDS plot highly resembles the PCA plot. Uyelgi and Gulyukovo populations form an eastern group with the Avar periode elite of the Carpathian Basin, the Thian Shan Central-Asian medieval (C-Asia_Medieval) and the Central-Asian Late Iron Age and Hun period (C-Asia_LIAge) populations. Bolshie Tigani and the Iron Age nomads from Central-Asia are close to each other, between the European and the Asian clusters. The West-Ural, the Russian Bronze Age (RUS_BRAGE), the Hungarian Conquerors (HUN_Conq) and the Eastern-European Scythians from today's Ukraine and Moldova (E-EU_Scythians) form another set, more attached to a cluster composed of mostly European populations (Fig.6).

The studied groups compared to modern populations in the MDS analysis are close to populations of modern Central and South Asia. The modern Hungarians however show connections to modern Central European populations.

Utilizing whole mitochondrial sequences and available GenBank datasets, we were able to create phylogenetic trees of subhaplogroups and shed light on close maternal relationships of each newly analysed individual. Each subhaplogroup has its own phylogeography (geographical distribution of maternal lineages) and history, thus we could trace back the origin of several maternal lines, and define the closest known relatives of a certain individual. Some peculiar subhaplogroups (independent of its geographical origin) has shown close and direct relations between and within the studied populations and the Hungarian Conquerors. A good example for such relations is the phylogenetic tree of T2d1b1 subhaplogroup shown in Fig. 7, where mitochondrial sequences of two individuals from Gulyukovo and two from Bolshie Tigani turned out to be identical, and situated within a Siberian cluster on the tree. This indicates common source of maternal ancestry, but it could even represent a direct family level kinship between the two populations. Same or similar connections can be observed frequently among the detected maternal lineages.

Conclusion

In this study, the populations from four regions under investigation show archaeological connections to the heritage of the early Hungarians. Each represents a highly heterogeneous mitogenome diversity, consisting of a wide range of Eurasian maternal lineages. Our statistical analyses support their intermedial position between classical European and Asian populations. Strong and direct within and between population connections are visible at the individual level in this study, which is also conspicuous comparing them to the Hungarian Conquerors. This observation supports our previous hypothesis (Csősz, et al. 2016.) about the origins of the Hungarian Conquerors, whose mitogenomic diversity was highly influenced by 6th–10th AD ancient populations of the Volga-Ural region. Besides, other maternal genetic connections between populations of the archaeological cultures of the Cis- and Trans-Ural region can be observed, but these seem to be independent from the Hungarian Conquerors themselves. These connections are probably mirroring the geographical proximities and genetic continuity of populations of archaeological and/or chronological horizons. To provide more precise conclusions and descriptions about this phenomenon, the sampling range shall be extended to populations that were independent of the archaeology of the early Hungarian history.

Further plans

To obtain a more comprehensive view of the early history of Hungarians, origins and migration routes with genetic analyses, we would like to involve an elevated number of sites that can be associated with ancient Hungarians or theirs ethnogenesis. It is also important to include samples unassociated to archaeological evidence of the early Hungarian history as a controll to refine the picture of past migration events. Furthermore, we would like to utilize the Y chromosome for inferring paternal lineages, and comparing them to maternal ones in context of kinship, migration, inheritance and origins. We also aim to analyse autosomal variations, which nowadays plays a crucial role in population genetic studies.

Acknowledgement

South Ural State University is grateful for financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (grant No 33.5494.2017/ BP). This research was realized in the frames of OTKA Grant 106369, and this paper

was supported by the János Bolyai Research Scholarship of the HAS.

Special thanks for the help of collection of samples and the archaeological data to I. V. Grudochko, S. R. Gazizova, A. V. Parunin (Chelyabinks), E. M. Chernykh (Izhevsk), N. B. Krylasova and A. M. Belavin (Perm),

S. I. Valiulina, A. G. Sitdikov (Kazan), D. A. Stashenkov (Samara) and for offering the anthropological data and the possibility of the sampling process to A. A. Khokhlov (Samara), I. R. Gazimzyanov (Kazan), N. G. Bryukhova (Perm).

REFERENCES

- Allentoft, Morten E. et al. 2015. Population Genomics of Bronze Age Eurasia. *Nature* 522(7555), 167–72.
- Alt, Kurt W. et al. 2014. Lombards on the Move - An Integrative Study of the Migration Period Cemetery at Szólád, Hungary. *PLoS ONE* 9(11).
- Alzualde, Ainhoa et al. 2006. Insights into the 'Isolation' of the Basques: MtDNA Lineages from the Historical Site of Aldaieta (6th-7th Centuries AD). *American Journal of Physical Anthropology* 130(3), 394–404.
- Brotherton, Paul et al. 2013. Neolithic Mitochondrial Haplogroup H Genomes and the Genetic Origins of Europeans. *Nature Communications* 4:1711–19.
- Chalikova, E. A., Chalikov A. H., 1981. Altungarn an der Kama und im Ural. Das Gräberfeld von Bolschie Tigani. Budapest.
- Changchun, Yu, Xie Li, Zhang Xiaolei, Zhou Hui, and Zhu Hong. 2006. Genetic Analysis on Tuoba Xianbei Remains Excavated from Qilang Mountain Cemetery in Qahar Right Wing Middle Banner of Inner Mongolia. *FEBS Letters* 580(26), 6242–46.
- Crubézy, Eric et al. 2010. Human Evolution in Siberia: From Frozen Bodies to Ancient DNA. *BMC Evolutionary Biology* 10(1).
- Csáky, Veronika et al. 2018. Inner Asian Maternal Genetic Origin of the Avar Period Nomadic Elite in the 7th Century AD Carpathian Basin. *BioRxiv/2018/415760*
- Csákyová, Veronika et al. 2016. Maternal Genetic Composition of a Medieval Population from a Hungarian-Slavic Contact Zone in Central Europe. *PLoS ONE* 11(3), 1–15.
- Csősz, Aranka et al. 2016. Maternal Genetic Ancestry and Legacy of 10th Century AD Hungarians. *Scientific Reports* 6(1), 33446.
- Dabney, J. et al. 2013. Complete Mitochondrial Genome Sequence of a Middle Pleistocene Cave Bear Reconstructed from Ultrashort DNA Fragments. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 110(39):15758–63.
- Damgaard, Peter de Barros et al. 2018. 137 Ancient Human Genomes from across the Eurasian Steppes. *Nature* 1.
- Excoffier, Laurent and Heidi E. L. Lischer. 2010. Arlequin Suite Ver 3.5: A New Series of Programs to Perform Population Genetics Analyses under Linux and Windows. *Molecular Ecology Resources* 10(3), 564–67.
- Felsenstein, J. 1989. PHYLIP - Phylogeny Inference Package (Version 3.2). *Cladistics* 5., 164–166.
- Fu, Yuqin et al. 2009. Ancient DNA Analysis of Human Remains from the Upper Capital City of Kublai Khan. *American Journal of Physical Anthropology* 138(1), 23–29.
- Fu, Yuqin et al. 2007. Molecular Genetic Analysis of Wanggu Remains, Inner Mongolia, China. *American Journal of Physical Anthropology* 132, 285–291.
- Gamba, Cristina et al. 2014. Genome Flux and Stasis in a Five Millennium Transect of European Prehistory. *Nature Communications* 5, 1–9.
- Goldina, R.D., Chernykh E. M. 2005. Forest and Steppe: A Dialogue of Cultures on Archaeological Materials from the Kama Region. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 58(1), 41–58.
- Goldina, R. D., Pastushenko I. Ju., Chernykh E. M.. 2013. The Nevolino Culture in the Context of 7th Century East-West Trade: The Finds from Bartym. In Zuckerman C. (ed.). *Constructing the Seventh Century*. *Travaux et Memoires* 17. Paris
- González-Ruiz, Mercedes et al. 2012. Tracing the Origin of the East-West Population Admixture in the Altai Region (Central Asia). *PLoS ONE* 7(11), 3–13.
- Guimaraes, Silvia et al. 2009. Genealogical Discontinuities among Etruscan, Medieval, and Contemporary Tuscans. *Molecular Biology and Evolution* 26(9), 2157–66.

- Haak, Wolfgang et al. 2015. Massive Migration from the Steppe Was a Source for Indo-European Languages in Europe. *Nature* 522(7555), 207–11.
- Helgason, Agnar et al. 2009. Sequences from First Settlers Reveal Rapid Evolution in Icelandic MtDNA Pool. *PLoS Genetics* 5(1).
- Juras, Anna et al. 2017. Diverse Origin of Mitochondrial Lineages in Iron Age Black Sea Scythians. *Scientific Reports* 7(October 2016), 1–10.
- Keyser-Tracqui, Christine, Eric Crubézy, and Bertrand Ludes. 2003. Nuclear and Mitochondrial DNA Analysis of a 2,000-Year-Old Necropolis in the Egyin Gol Valley of Mongolia. *The American Journal of Human Genetics* 73(2), 247–60.
- Kim, Kijeong et al. 2010. A Western Eurasian Male Is Found in 2000-Year-Old Elite Xiongnu Cemetery in Northeast Mongolia. *American Journal of Physical Anthropology* 142(3), 429–40.
- Knipper, Corina et al. 2017. Female Exogamy and Gene Pool Diversification at the Transition from the Final Neolithic to the Early Bronze Age in Central Europe. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 201706355.
- Krzewinska, M. et al. 2014. Mitochondrial DNA Variation in the Viking Age Population of Norway. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences* 370(1660):20130384–20130384.
- Lalueza-Fox, C. et al. 2004. Unravelling Migrations in the Steppe: Mitochondrial DNA Sequences from Ancient Central Asians. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences* 271(1542):941–47.
- Li, Heng and Richard Durbin. 2010. Fast and Accurate Long-Read Alignment with Burrows-Wheeler Transform. *Bioinformatics* 26(5):589–95.
- Lipson, Mark et al. 2017. Parallel Ancient Genomic Transects Reveal Complex Population History of Early European Farmers. *Nature* 114488.
- Margaryan, Ashot et al. 2017. Eight Millennia of Matrilineal Genetic Continuity in the South Caucasus. *Current Biology* 27(13):2023–2028.e7.
- Mathieson, Iain et al. 2015. Genome-Wide Patterns of Selection in 230 Ancient Eurasians. *Nature* 528(7583):499–503.
- Melchior, Linea, Niels Lynnerup, Hans R. Siegismund, Toomas Kivisild, and Jørgen Dissing. 2010. Genetic Diversity among Ancient Nordic Populations. *PLoS ONE* 5(7), 22–25.
- Meyer, Matthias and Martin Kircher. 2010. “Illumina Sequencing Library Preparation for Highly Multiplexed Target Capture and Sequencing. *Cold Spring Harbor Protocols* 5(6).
- Mittnik, Alissa et al. 2018. The Genetic Prehistory of the Baltic Sea Region. *Nature Communications* 9(1):442.
- Molodin, Vyacheslav I. et al. 2012. Human Migrations in the Southern Region of the West Siberian Plain during the Bronze Age: Archaeological, Palaeogenetic and Anthropological Data.” *Population Dynamics in Prehistory and Early History* 93–112.
- Neparáczi, Endre et al. 2017. Revising MtDNA Haplotypes of the Ancient Hungarian Conquerors with next Generation Sequencing. *PLoS ONE* 12(4):1–11.
- Olalde, Iñigo et al. 2018. The Beaker Phenomenon and the Genomic Transformation of Northwest Europe.” *Nature* 555(7695):190–96.
- van Oven, Mannis and Manfred Kayser. 2009. Updated Comprehensive Phylogenetic Tree of Global Human Mitochondrial DNA Variation. *Human Mutation* 30(2):E386-94.
- Pilipenko, Aleksandr S., Aida G. Romaschenko, Vyacheslav I. Molodin, Hermann Parzinger, and Viktor F. Kobzev. 2010. Mitochondrial DNA Studies of the Pazyryk People (4th to 3rd Centuries BC) from Northwestern Mongolia. *Archaeological and Anthropological Sciences* 2(4):231–36.
- Ricaut, F. X., C. Keyser-Tracqui, J. Bourgeois, E. Crubezy, and B. Ludes. 2004. Genetic Analysis of a Scytho-Siberian Skeleton and Its Implications for Ancient Central Asian Migrations. *Human Biology* 76(1):109–25.
- Rohland, Nadin, et al. 2015. Partial Uracil-DNA-Glycosylase Treatment for Screening of Ancient DNA. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B, Biological Sciences* 370(1660):20130624.
- Šebest, Lukáš et al. 2018. Detection of Mitochondrial Haplogroups in a Small Avar-Slavic Population from the Eighth–ninth Century AD. *American Journal of Physical Anthropology* 165(3), 536–53.
- Szécsényi-Nagy, A. et al. 2015. Tracing the Genetic Origin of Europe’s First Farmers Reveals Insights into Their Social Organization. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences* 282(1805), 20150339–20150339.

Tömöry, Gy. et al. 2007. Comparison of Maternal Lineage and Biogeographic Analyses of Ancient and Modern Hungarian Populations. *American Journal of Physical Anthropology* (76), 989–93.

Türk A. 2012. Zu den osteuropäischen und byzantinischen Beziehungen der Funde des 10.–11. Jahrhunderts im Karpatenbecken. In : Die Archäologie der frühen Ungarn. Chronologie, Technologie, und Methodik. Hrsg.: Tobias B. Mainz, 2012, 3–28.

Vai, Stefania et al. 2015. Genealogical Relationships between Early Medieval and Modern Inhabitants of Piedmont. *PLoS ONE* 10(1), 1–19.

Veeramah, K.R. et al. 2018. Population Genomic Analysis of Elongated Skulls Reveals Extensive Female-Biased Immigration in Early Medieval Bavaria Proceedings of the National Academy of Sciences 201719880.

Ward, J. H. 1963. Hierarchical Grouping to Optimize an Objective Function. *Journal of the American Statistical Association* 236–44.

Гарустович Г.Н. Об этнической принадлежности раннемусульманских памятников Западной и Центральной Башкирии // Проблемы древних угров на южном Урале / Отв. ред. А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1988. С. 130–139.

Голдина Р.Д. Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Предуралье / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Том. 21. Ижевск, 2012. 472с.

Грудочко И.В., Боталов С. Г. Этнокультурная ситуация в Южном Зауралье в VIII–X вв. (в свете новых данных исследований погребального комплекса Уелги) // II-й Международный Магьярский симпозиум: сборник научных трудов. (Челябинск, Шадринск, 13–15 августа 2013 г.). Челябинск: Рифей, 2013.

Данич А.В. Охранные исследования Бояновского (Баяновского) могильника. // ТКАЭЭ. Вып. V. / Под ред. А.М. Белавина; Пермь: ПГПУ, 2008. С. 45–53.

Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа: Гилем, 1999. 123с.

Комар А.В. Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований // Мадяри в Середньому Подніпров'ї / Археологія и давня історія України. Вип. 7. / Отв. ред. Моця О.П. Київ: ІА НАН України, 2011. С. 21–78.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Изд-во Самарского университета. 1997. 227 с.

About the Authors:

Bea Szeifert. Hungarian Academy of Sciences, Research Centre for the Humanities, Institute of Archaeology, Laboratory of Archaeogenetics, Tóth Kálmán St., 4, Budapest, 1097, Hungary; Eötvös Loránd University, Faculty of Science, Department of Genetics, Pázmány Péter promenade 1/C, Budapest, 1075, Hungary

Veronika Csákyová. PhD. Hungarian Academy of Sciences, Research Centre for the Humanities, Institute of Archaeology, Laboratory of Archaeogenetics, Tóth Kálmán St., 4, Budapest, 1097, Hungary

Balázs Stégmár Hungarian Academy of Sciences, Research Centre for the Humanities, Institute of Archaeology, Laboratory of Archaeogenetics, Tóth Kálmán St., 4, Budapest, 1097, Hungary; Eötvös Loránd University, Faculty of Science, Department of Genetics, Pázmány Péter promenade 1/C, 23–27, Budapest, 1075, Hungary.

Dániel Gerber. Hungarian Academy of Sciences, Research Centre for the Humanities, Institute of Archaeology, Laboratory of Archaeogenetics, Tóth Kálmán St., 4, Budapest, 1097, Hungary; Eötvös Loránd University, Faculty of Science, Department of Genetics, Pázmány Péter promenade 1/C, 23–27, Budapest, 1075, Hungary.

Balázs Egyed. Eötvös Loránd University, Faculty of Science, Department of Genetics, Kazinczy St., 23–27, Budapest, 1117, Hungary.

Botalov Sergei G. Doctor of Historical Sciences. South Ural State University. Lenin, Ave., 46, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation; grig@csc.ac.ru

Goldina Rimma D. Doctor of Historical Sciences. Professor. Udmurt State University, Institute of History, Archaeology and Ethnology of Udmurtia. Universitetskay St., 1, building 2, Izhevsk, 426034, Russian Federation; archa@uni.udm.ru

Danich Andrei V. Perm State Humanitarian Pedagogical University. Sibirskaya Str., 24, Perm, 614990, Russian Federation; adanich@yandex.ru

Türk Attila. PhD. Pázmány Péter Catholic University, Department of Archaeology, Szentkirályi, St., 28, Budapest, 1088, Hungary; turk.attila@btk.mta.hu

Balázs Gusztáv Mende, PhD, Hungarian Academy of Sciences, Research Centre for the Humanities, Institute of Archaeology, Laboratory of Archaeogenetics, Tóth Kálmán St., 4, Budapest, 1097, Hungary; mende.balazs@btk.mta.hu

Anna Szécsényi-Nagy, Hungarian Academy of Sciences, Research Centre for the Humanities, Institute of Archaeology, Laboratory of Archaeogenetics, Tóth Kálmán St., 4, Budapest, 1097, Hungary.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПАЛЕОГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МАТЕРИНСКОЙ ЛИНИИ ДНК РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОПУЛЯЦИЙ (VI–X ВВ. Н.Э) ЗАУРАЛЬЯ, ПРИУРАЛЬЯ И ВОЛГО-КАМЬЯ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ ВЕНГЕРСКОГО ЭТНОГЕНЕЗА

**Беа Сейферт, Вероника Чакева, Балаж Стегмар, Даниэл Гербер, Балаж Эгид,
С.Г. Боталов, Р.Д. Голдина, Аттила Тюрк, Балаж Густав Менде,
Анна Сечений-Наги**

О происхождении ранних мадьяр, об их миграции из Северо-Центральной Азии существует несколько научных теорий. Пестрый этнический состав венгров эпохи обретения родины доказан археологическими и историческими источниками. Когда они пришли в Карпатский бассейн через восточноевропейскую степь и территорию Хазарского Каганата, в их составе были разные народы. Исходная территория, направление, хронология миграции мадьяр до сих пор считаются спорными вопросами среди историков, лингвистов, археологов. Наши исследования раскрывают археогенетический аспект этой проблематики. Мы изучаем раннесредневековые (VI – X вв.) популяции в Карпатском бассейне на Урале и на тех территориях, которые, возможно, связаны с миграцией мадьяр. Данные территории связаны друг с другом схожим археологическим материалом. Население кушнаренковской и караякуповской культур отождествляется с мадьярами, их первые памятники появились на Среднем и Южном Урале. В наших исследованиях мы изучали образцы с восточной (Уелги) и западной (Бояново, Бартым, Сухой Лог) сторон Среднего Урала, их полную митохондриальную ДНК. Продолжая эти исследования, мы рассмотрели Волжско-Камский регион, особенно материалы Больше-Тиганского могильника. Данные митохондриальных ДНК этого памятника позволяют обновить нашу базу данных, используя которую мы можем получить более точную картину о пути миграции мадьяр в контексте генетики.

Ключевые слова: Митохондриальная ДНК (мтДНК), материнская линия, популяционная генетика, праистория древних венгров, Приуралье, Зауралье, Волжско-Камский регион.

Информация об авторах:

Беа Сейферт, МА аспирантка, младший научный сотрудник, Центр Гуманитарных наук Венгерской Академии Наук (г. Будапешт, Венгрия); szeitfert.bea@gmail.com

Вероника Чакева, PhD. Центр Гуманитарных наук Венгерской Академии Наук (г. Будапешт, Венгрия);

Балаж Стегмар Центр Гуманитарных наук Венгерской Академии Наук (г. Будапешт, Венгрия); Будапештский университет имени Лоранда Этвеша (г. Будапешт, Венгрия)

Даниэл Гербер. Центр Гуманитарных наук Венгерской Академии Наук (г. Будапешт, Венгрия); Будапештский университет имени Лоранда Этвеша (г. Будапешт, Венгрия)

Балаж Эгид. Будапештский университет имени Лоранда Этвеша (г. Будапешт, Венгрия).

Боталов Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет, (г. Челябинск, Россия); grig@csc.ac.ru

Голдина Римма Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); archa@uni.udm.ru

Аттила Тюрк. PhD. Институт археологии Католического университета им. Петра Пазманя, (г. Будапешт, Венгрия); turk.attila@btk.mta.hu

Балаж Густав Менде, PhD, историк-антрополог, заведующий Археогнетической Лаборатории ИА ВАН, Центр Гуманитарных наук Венгерской Академии Наук (г. Будапешт, Венгрия); Центр Гуманитарных наук Венгерской Академии Наук; mende.balazs@btk.mta.hu

Анна Сечений-Наги. Центр Гуманитарных наук Венгерской Академии Наук (г. Будапешт, Венгрия).

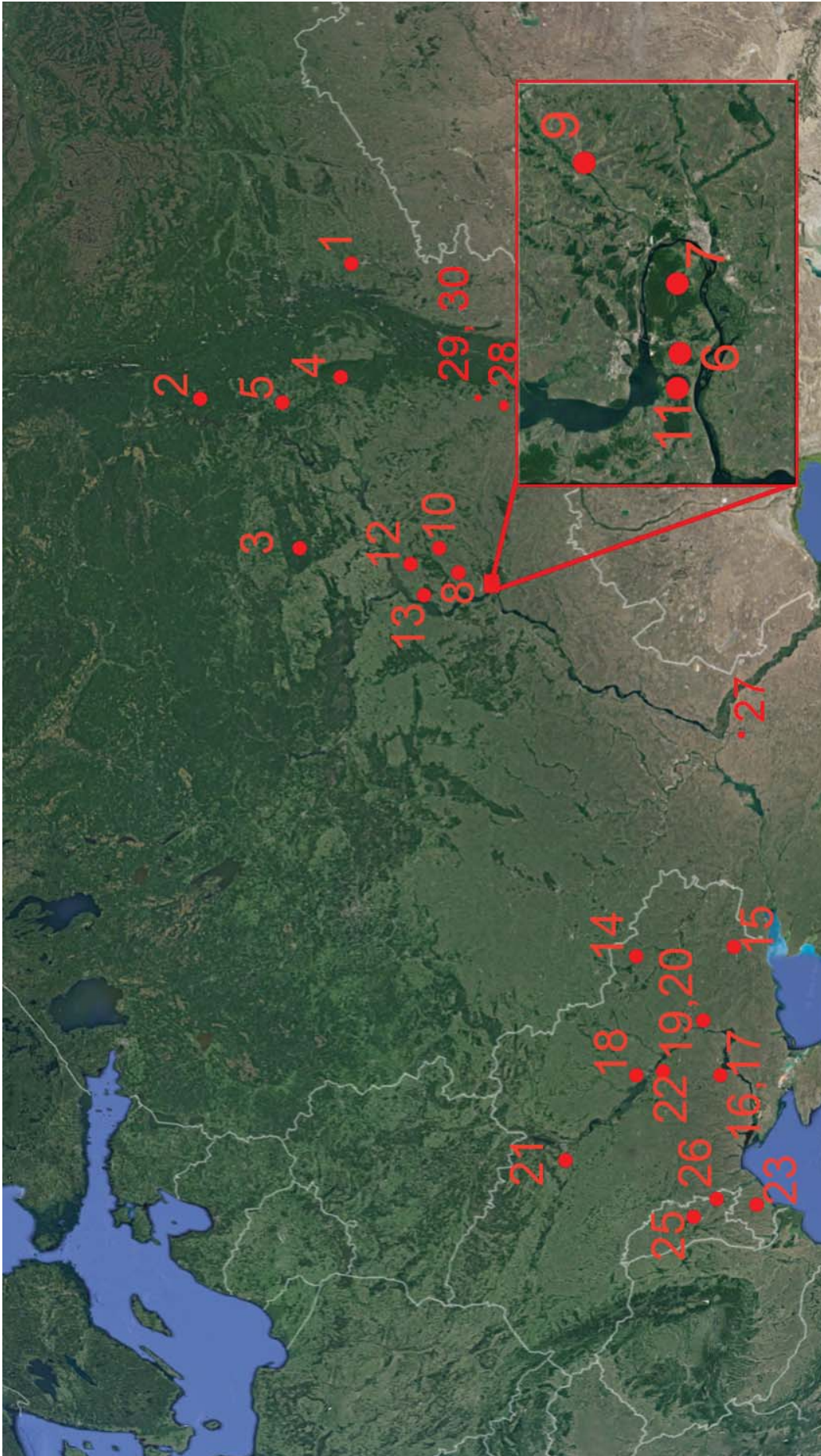

Fig. 1. The origin of the collected samples that have archaeological connections with the history of the early Hungarians.

1 – Uyelgi, 2 – Bayanovo, 3 – Suhoy Log, 4 – Bartim, 5 – Brusyany, 6 – Brody, 7 – Novinki, 8 – Mullovska, 9 – Lebyazhinka, 10 – Shilovka, 11 – Malaya Ryazan, 12 – Bolshie Tigani, 13 – Tankeyevka, 14 – Verhniy Saltov, 15 – Krasnaya Gorka, 16 – Katerinovka, 17 – Novovorontsovka, 18 – Kamennoe, 19 – Dmitrovka, 20 – Zeleny Gaj, 21 – Kazarovichi, 22 – Vinogradovka, 23 – Trapovka, 24 – Zhovtneve, 25 – Kisinov (Sadovo, Alcedar), 26 – Tiraspol (Slobodzeya, Glimoje), 27 – Sokolovskaya Balka, 28 – Karanaevo, 29 – Gornovo, 30 – Gulyukovo

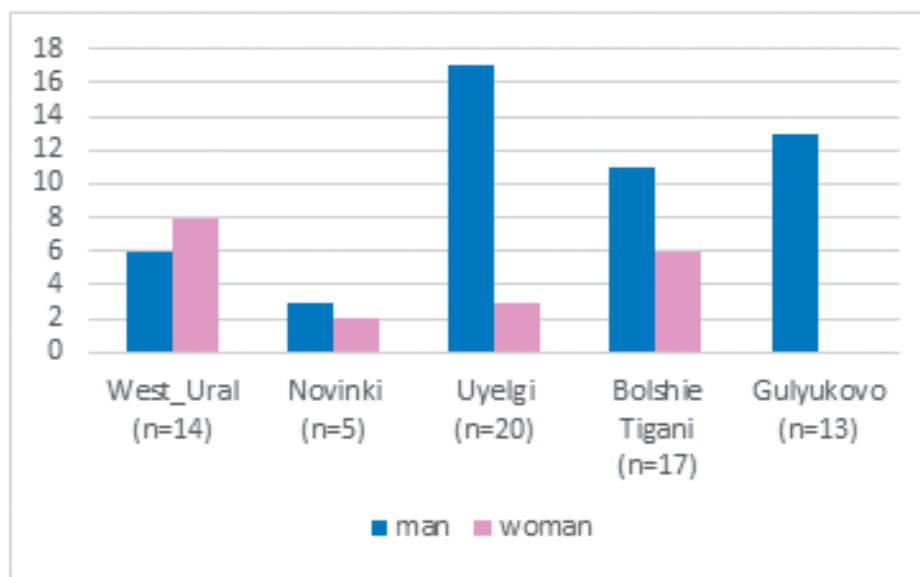

Fig.2. The number of males and females in the examined populations. Determined by genetic methods.

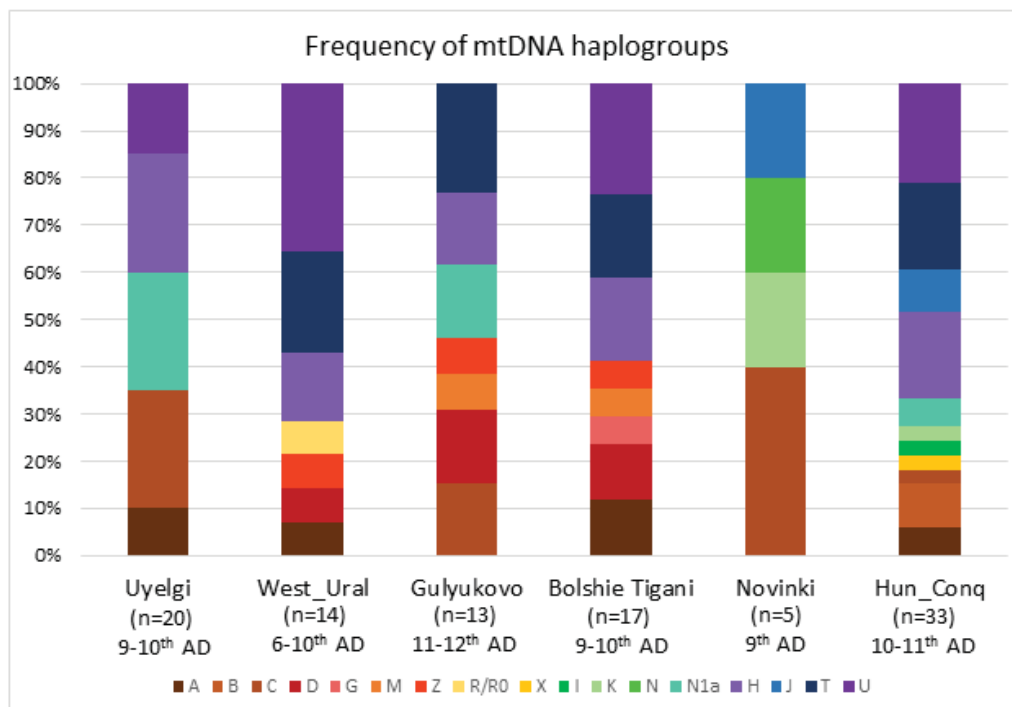

Fig. 3. The haplogroup composition of the examined populations (and the Hungarian Conqueror population). We indicated the population from East to West (migration's supposed route). The red / brown / yellow colors are show the East Eurasian, blue / purple colors are show the Western Eurasian haplogroups. Eight samples in the Hun_Conqueror population (Hungarian Conquerors from the 10th century Carpathian Basin) came from our own unpublished research, whereas 25 samples came from Neparáčzky et al. (Neparáčzki et al. 2017)

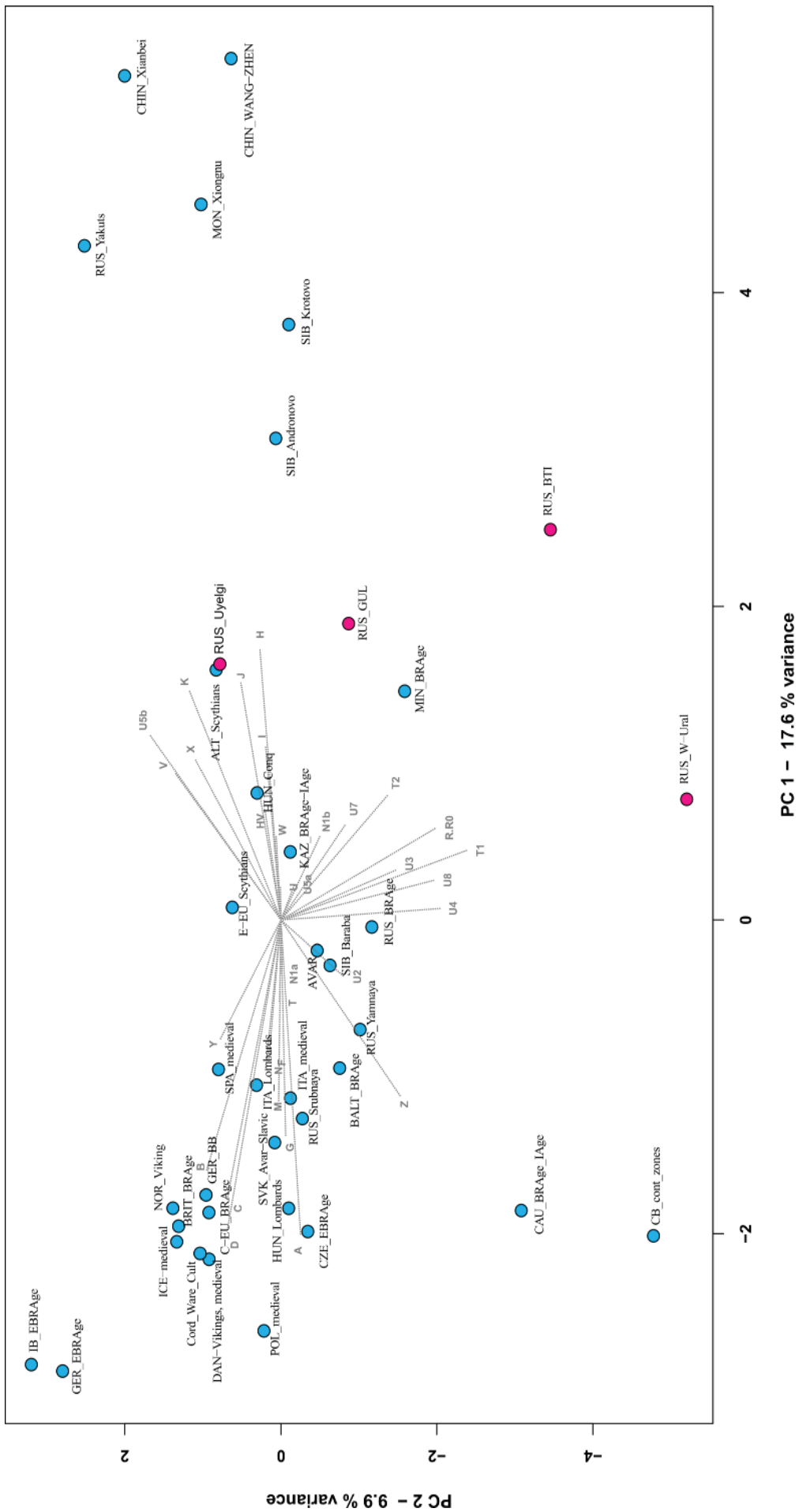

Fig. 4. Two dimensional PCA plot of archaic populations. The populations of this study are shown in magenta color, reference populations are in blue. The abbreviations are listed in Table 1.

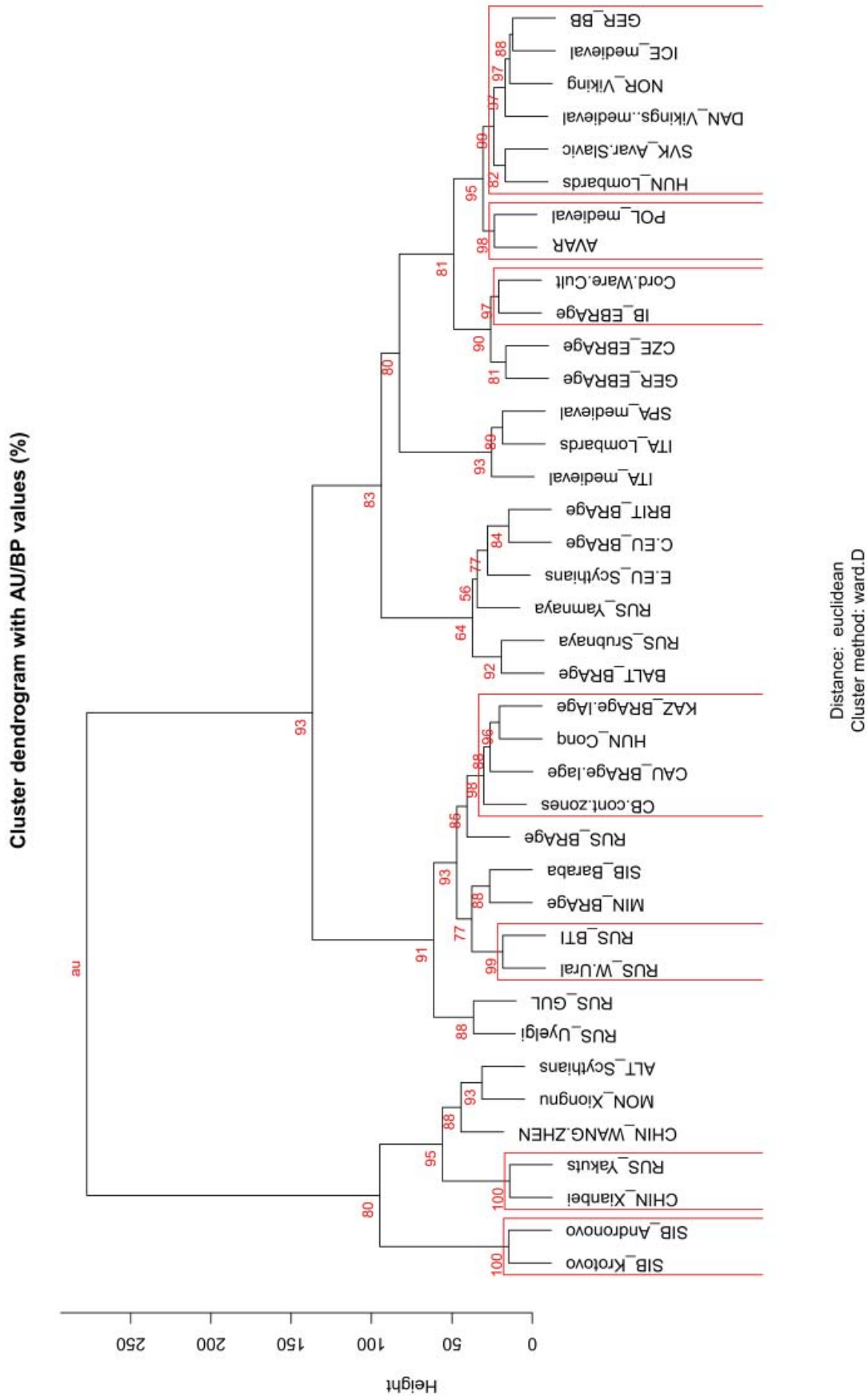

Fig. 5. Archaic populations' Ward clustering result. The abbreviations are listed in Table 1. Red numbers indicate p-values in percent. Red rectangles highlight clusters that obtained significant p-values.

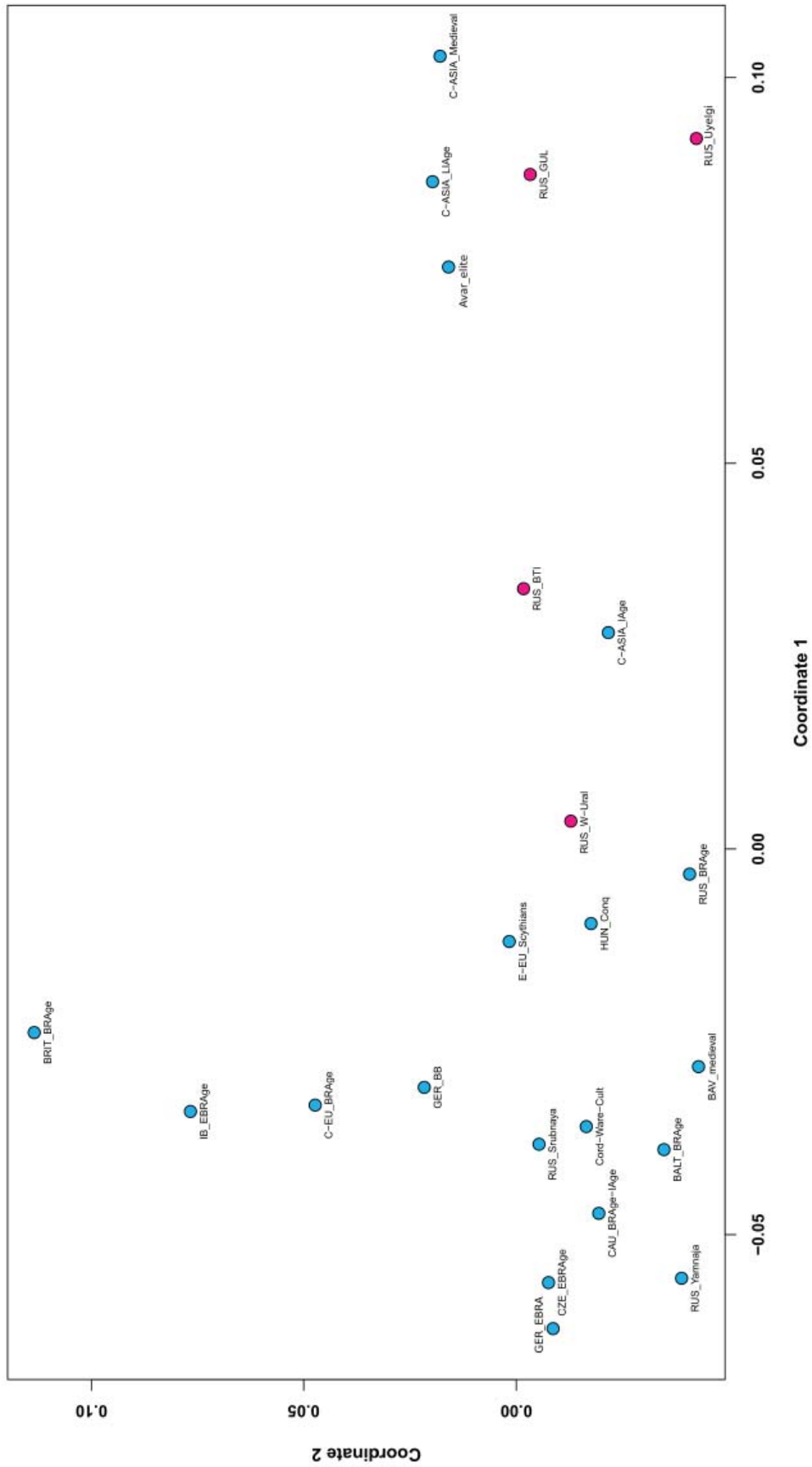

Fig. 6. MDS plot of the archaic populations. The studied populations are shown in magenta color. The abbreviations are listed in Table 1.

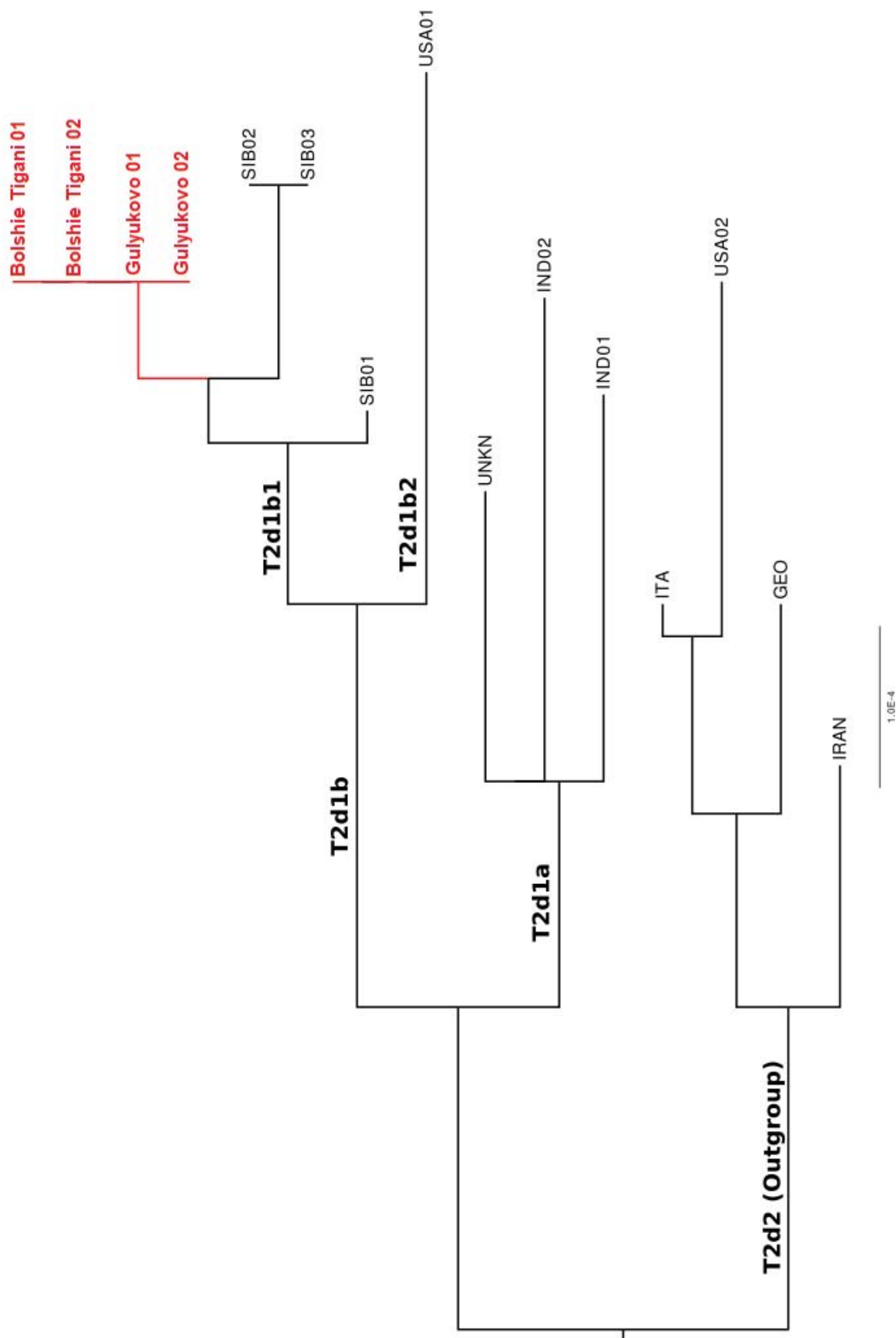

Fig. 7: Phylogenetic-tree of the haplogroup T2d1, using neighbour-joining method. Samples from our own research were marked in red. Red-colored samples are identical at the sequence level, implying close maternal relationship between them.

Table 1.
Abbreviations of archaic populations

Ancient populations					
Abbreviation	Population	Region, Country	Century	Reference	
1. RUS_Uyelgi	Uyelgi	Russia	9 th - 10 th AD	This study	
2. RUS_W-Ural	Bayanovo, Suhoy Log, Bartim, Brody	Russia	7 th - 10 th AD	This study	
3. RUS_BTI	Bolshie Tigani	Russia	7 th - 10 th AD	This study	
4. RUS_GUL	Gulyukovo	Russia	11 th -12 th AD	This study	
5. ALT_Scythians	Scytho-Siberian	Altai Republic, Mongolia	5 th -3 rd BC	(Ricaud et al. 2004) (González-Ruiz et al. 2012) (Allentoft et al. 2015) (Pilipenko et al. 2010)	
6. AVAR	Avar period (catacomb graves group)	Hungary	6 th -8 th AD	(Csósz et al. 2016)	
7. AVAR-elite	Avar period elite	Hungary	7 th AD	(Csáky et al. 2018)	
8. BALT_BR_Age	Baltic Bronze Age	Latvia, Lithuania	2100/2000-230 BC	(Mittnik et al. 2018)	
9. BAV_medieval	Early medieval burials from Bavaria	Germany	5 th -7 th AD	(Veeramah et al. 2018)	
10. BRIT_BR_Age	Great Britain Bronze Age	England, Scotland, Wales	2500-1010 BC	(Olalde et al. 2018)	
11. C-Asia_I_Age	Central Saka, Tian Shan Saka, Sarmatian, Iron Age nomads,	Central Steppe, Thian shan, Caspian steppe	8 th -1 st BCE	(Damgaard et al. 2018)	

Ancient populations					
Abbreviation	Population	Region, Country	Century	Reference	
12. C-Asia_LIAGE	Hun-period Nomads, Hun-Sarmatians and Huns from Tian Shan	Central Steppe, Thian shan	4 th – 5 th BCE	(Damgaard et al. 2018)	
13. C-Asia_Medieval	Turks from Central Steppe and Tian Shan, Karluk, Kipchak, Kimak, Karakhanid Golden Horde and medieval nomads	Central Steppe, Thian shan, Caspian steppe	5 th – 13 th AD	(Damgaard et al. 2018)	
14. CAU_BRAGE-lage	Caucasian Bronze Age-Iron age	Armenia	3500-500 BC	(Margaryan et al. 2017) (Allentoft et al. 2015)	
15. CB_cont-zones	medieval populations from present-day Slovakia	Slovakia, Croatia	10 th - 11 th AD	(Csákyová et al. 2016) (Csósz et al. 2016)	
16. C-EU_BRAGE	Central Europe Bronze Age	Hungary, Poland	2900-1800 BC	(Olalde et al. 2018) (Allentoft et al. 2015) (Gamba et al. 2014)	
17. CHIN_Xianbei	Tuoba Xianbei	China-Inner Mongolia	4 th – 5 th AD	(Changchun et al. 2006)	
18. CHIN_WANG-ZHEN	Wanggu, Upper Capital - Zhenzishan	China-Inner Mongolia	12 th – 14 th AD	(Fu et al. 2007) (Fu et al. 2009)	
19. CZE_EBRAGE	Czech Early Bronze Age	Czech Republic	2500-1700 BC	(Olalde et al. 2018) (Allentoft et al. 2015)	
20. Cord-Ware-Cult	Cord Ware Culture	Germany, Estonia, Poland, Czech Republic	2900-2050 BC	(Haak et al. 2015) (Olalde et al. 2018) (Mathieson et al. 2015) (Allentoft et al. 2015) (Brotherton et al. 2013)	
21. DAN_Vikings, medieval	medieval Danes and Vikings	Denmark	8 th -16 th AD	(Melchior et al. 2010)	
22. E-EU_Scythians	East Europe Scythians	Ukraine, Moldova	7 th – 2 nd AD	(Juras et al. 2017)	

Table 1.
Abbreviations of archaic populations

Ancient populations					
Abbreviation	Population	Region, Country	Century	Reference	
23. GER_Bell-Beaker	Bell Beaker	Germany	2500-2000 BC	(Knipper et al. 2017) (Haak et al. 2015) (Brotherton et al. 2013) (Olalde et al. 2018) (Mathieson et al. 2015) (Allentoft et al. 2015)	
24. GER_EBRAGE	Germany Early Bronze Age	Germany	2200-1500 BC	(Knipper et al. 2017) (Haak et al. 2015) (Brotherton et al. 2013)	
25. HUN_Conq	medieval populations of Conquest period from Hungary	Hungary	10 th - 12 th AD	(Csősz et al. 2016) (Neparáczi et al. 2017) (Tömöry et al. 2007)	
26. HUN_Lombards	Lombards from Hungary: Szóliád	Hungary	6 th AD	(Alt et al. 2014)	
27. IB_EBRAGE	Iberian Early Bronze Age	Spain, Portugal	3100-1700 BC	(Lipson et al. 2017) (Olalde et al. 2018) (Mathieson et al. 2015)	
28. ICE_medieval	early medieval Icelandic	Iceland	10 th - 12 th AD	(Helgason et al. 2009)	
29. ITA_Lombards	Lombards from Italy	Italy - Piedmont	6 th - 8 th AD	(Vai et al. 2015)	
30. ITA_medieval	medieval Italians	Italy - Tuscans	10 th - 15 th AD	(Guimaraes et al. 2009)	
31. KAZ_BRAGE-lage	Ak-Mustafa; Izmaylovka; Oizhaylau-III; Vodokhranilische; Zevakinskiy; Birlík; Molaly, Shubarat; Kok-Mardan; Solyanka; Bulanovo; Stepnoe VII; Bol'shekaraganskii; Kapova cave; Tanabergen II	Kazakhstan, Russia	23 rd - 4 th BC	(Lalueza-Fox et al. 2004) (Allentoft et al. 2015)	
32. MIN_BRAGE	Solenoozernaia; Tatarika; Oust-Abakansty; Bogratsky; Afontova Gora, south central Siberia	Russia - Minusinsk Depression	18 th - 9 th BC	(Keyser-Tracqui et al. 2003) (Allentoft et al. 2015)	
33. MON_Xiongnu	Xiongnu period: Hsiung-nu	Mongolia	3 rd BC - 2 nd AD	(Keyser-Tracqui et al. 2003) (Kim et al. 2010)	

Ancient populations					
Abbreviation	Population	Region, Country	Century	Reference	
34. NOR_Viking	Vikings from Norway	Norway	6 th - 11 th AD	(Krzewinska et al. 2014)	
35. POL_medieval	medieval Slavs from Poland	Poland	11 th - 15 th AD	(Juras et al. 2017)	
36. RUS_BRAge	Russia Bronze Age	Russia	3000-1200 BC	(Mathieson et al. 2015) (Allentoft et al. 2015)	
37. RUS_Srubnaya	Srubnaya, Russia - Samara	Russia	2000-1200 BC	(Mathieson et al. 2015)	
38. RUS_Yakuts	Yakuts	Russia - Eastern Siberia	15 th - 19 th AD	(Crubézy et al. 2010)	
39. RUS_Yamnaja	Yamnaja-Samara, Kalmykia	Russia	3300-2100 BC	(Haak et al. 2015) (Allentoft et al. 2015)	
40. SVK_Avar-Slavic	Cífer-Pác, Avar-Slavic burial	Slovakia	8 th - 9 th AD	(Šebest et al. 2018)	
41. SIB_Krotovo	Early-Late Krotovo	Russia	23 rd - 17 th BC	(Molodin et al. 2012)	
42. SIB_Baraba	Baraba, Late Bronze Age	Russia	13 th - 7 th BC	(Molodin et al. 2012)	
43. SIB_Andronovo	Andronovo	Russia	20 th - 13 th BC	(Molodin et al. 2012) (Allentoft et al. 2015)	
44. SPA_medieval	medieval Spaniards: Basque, Aldaieta	Spain	6 th - 7 th AD	(Alzualde et al. 2006)	

УДК 902/904

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В IX ВЕКЕ В НИЖНЕМ ПОДНЕСТРОВЬЕ И ВЕНГЕРСКИЙ ФАКТОР

© 2018 г. Н.П. Тельнов

Нижнее Поднестровье в IX веке входило в сферу влияния Хазарии, Дунайской Болгарии, Византии и Киевской Руси. Благодаря этому имеются письменные источники, которые содержат определенные данные о проживании в регионе кочевых народов и о некоторых событиях, происходивших здесь. Исходя из имеющихся сообщений, можно заключить, что в IX веке в указанном регионе проживали и венгры. Подтверждением этому являются и археологические материалы, выявленные в регионе при исследовании средневековых памятников, хотя их этнокультурная интерпретация представляется далеко не бесспорной. Поэтому особый интерес представляют средневековые погребения Слободзейского могильника, которые позволяют отнести их к древностям типа Субботцев. Подобные памятники некоторые исследователи довольно обоснованно связывают с венграми, проживавшими в Северном Причерноморье. Совокупный анализ имеющихся данных позволяет аргументировано считать, что венгры действительно проживали в Нижнем Поднестровье перед их переселением в Паннонию и оказывали существенное влияние на взаимоотношения проживавших здесь народов.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Слободзейский могильник, Субботцевский тип, кочевнические древности, погребальный обряд, средневековые древности, предметы вооружения, ювелирные украшения, поясные пряжки.

История населения Нижнего Поднестровья конца I тысячелетия нашей эры еще не получила в литературе достаточного освещения. Специфика региона, выразившаяся в периферийности его расположения к раннефеодальным государствам, не нашла существенного отражения в дошедших до нас письменных источниках. Эта специфика отражена и в периферийности расположения здесь нескольких археологических раннесредневековых культур, что также осложняет изучение археологических источников.

Нижнее Поднестровье в IX в., являясь пограничным регионом между Хазарией и Дунайской Болгарией, часто включалось в политические события, происходившие между ними. Эта территория также входила в сферу интересов Византийской империи и зарождавшегося Древнерусского государства. Все это оказывало определенное влияние на происходившие здесь события.

Анализ как письменных, так и археологических источников позволяет признать, что население этого региона было полиэтничным. Здесь постоянно проживали кочевые, полукочевые и оседлые народы, такие как болгары, аланы, венгры, печенеги, славяне. К сожалению, письменные источники позволяют только в общем констатировать то, что в IX в., находясь в Северном Причерноморье, какие-то народы могли проживать и в Нижнем Поднестровье или упоминают Днестр как пограничную реку между некоторыми племенными

объединениями. Археологические источники также имеют общий фон салтово-маяцкой или балкано-дунайской культур, что не позволяет аргументировано выделить индивидуальные особенности определенных групп памятников. Поэтому исследователям часто трудно прийти к обоснованному единому мнению по вопросам интерпретации письменных и археологических источников. Особую сложность вызывают вопросы, связанные с проживанием в этом регионе венгров. Эти вопросы имеют обширную историографию (Шушарин, 1997). На основании письменных источников довольно аргументировано выделяется последний регион проживания венгров восточнее Карпат перед их переселением в Придунайскую низменность. В этот регион включается и Нижнее Поднестровье (Константин Багрянородный, 1991, с. 160–163).

О несомненном присутствии венгров в Северном Причерноморье уже в первой половине IX в. можно судить по двум таким письменным источникам как «Продолжение Георгия Амартола» и «Бертимским анналам». В первом византийском источнике рассказывается о конфликте между Византией и Болгарией, примерно в 837 г., из-за попытки византийцев эвакуировать плененных болгарскими жителями Македонии, расселенных на левом берегу Дуная, недалеко от его дельты. Болгары вызвали на помощь венгров, которые срочно прибыли в зону конфликта. Для того чтобы оперативно принять участие в конфликте,

венгры должны были находиться близко от места описываемых событий. Этим регионом могло быть и Нижнее Поднестровье, откуда они могли срочно прибыть на помощь.

Во втором источнике, франкской хронике «Бертимские анналы», сообщается о посольстве народа Рос 839 г. к императору Людовику, перенаправленному византийским императором Феофилом. Феофил опасался отправить посольство назад той же дорогой, которой оно прибыло в Константинополь из-за того, что оно могло попасть в опасность от «варварских и свирепых народов», в которых подавляющее большинство исследователей видят венгров. Это известие часто трактуется как прямое указание, что венгры неожиданно преградили обратную дорогу русскому посольству во время пребывания последнего в Константинополе (Новосельцев, 1990, с. 206; Цукерман, 1998, с. 664–666). Можно также отметить и эпизод, который произошел с Константином Философом в 861 г. в Крыму, когда произошла его встреча с венграми, которые находились в это время и в Крыму, и в Северном Причерноморье, соответственно, и в Нижнем Поднестровье (Комар, 2011, с. 32–33).

О том, что Нижнеднестровский регион был заселен венграми в IX в. косвенно свидетельствует и восточный автор Ибн Русте, сообщающий, что венгры продают пленных на невольничьих рынках византийских владений в Крыму (Шушарин, 1997, с. 106). Исходя из сообщений этого автора, можно предположить, что до византийских владений в Крыму берегом можно было добраться в том числе и из междуречья Днепра и Днестра.

По свидетельству Константина Багрянородного, территория, на которой венгры проживали перед уходом на Средний Дунай, называлась Ателькузу. Полагают, что само это слово, *этелькез*, в переводе с венгерского обозначает «Междуречье». При этом автор трактата «Об управлении империей» называет пять рек, между которыми проживали венгры перед переселением. Из приведенного наименования рек, упомянутых Константином Багрянородным при описании местности Ателькузу, следует, что она располагалась от низовьев Днепра до низовьев Сирета, куда соответственно, входило и Нижнее Поднестровье (Константин Багрянородный, 1991, с. 161–163). Следовательно, исходя из имеющихся данных письменных источников, можно заключить, что Нижнее Поднестровье в IX в. входило в регион проживания венгров

перед их переселением на свою новую родину в Среднее Подунавье.

Для подтверждения сообщений древних авторов могли бы значительную роль сыграть археологические источники, которые позволили бы более конкретно изучить многие аспекты жизни древних венгров в рассматриваемом регионе. Но с ними возникают значительные трудности, которые не позволяют уже на протяжении длительного времени надежно выделить из раннесредневековых археологических памятников венгерские древности.

В Северном Причерноморье, в том числе и в Нижнем Поднестровье, встречаются немногочисленные и не всегда легко определяемые венгерские археологические материалы, которые, как правило, представлены отдельными разрозненными находками, встреченными среди материалов разных культур. Достоверных же и убедительно аргументированных венгерских памятников очень мало. Если взять конкретно Нижнее Поднестровье, то здесь среди раннесредневековых древностей выделяются отдельные вещи, которые находят прямые аналогии в венгерских древностях Паннонии. Эти находки свидетельствуют о контактах населения с культурой венгров. Наиболее выразительные из них могут свидетельствовать как непосредственно о венгерском присутствии, так и о распространении специфической средневековой дружинной культуры, на сложение набора престижных артефактов которой не в последнюю очередь оказала влияние и венгерская традиция. Так, наборные пояса, безусловно, отражавшие влияние венгерской моды, были популярны у различных этнических объединений на обширной территории от Урала до Балкан. Каплевидные же подвески, аналогичные найденным в Поднестровье, относятся к наиболее характерным женским венгерским украшениям. В рассматриваемом регионе найдены некоторые предметы вооружения, относящиеся к венгерской воинской культуре. Найдены также сердцевидные бляшки, подразделяемые на несколько разновидностей. Встречены прямоугольные и лунницеобразные бляшки с боковыми выступами, а также ромбовидные бляшки-розетки, служившие предметами декора сумок. Кроме этого, также встречены различные круглые полусферические накладки и нашивки, а также лировидные и щитковые и бесщитковые поясные пряжки. Выявлен также ряд ювелирных украшений, встречающихся в венгерских памятниках. Предметы декора и ювелирные украшения

шения, найденные в Поднестровье, находят прямые аналогии, кроме венгерских памятников, в салтово-маяцкой культуре и в кочевнических древностях Северного Причерноморья. Поэтому далеко не все эти находки могут быть показателем именно венгерского присутствия или даже влияния. Хотя следует отметить, что их могли носить и венгры. Подобная неопределенность не позволяет достоверно и аргументированно ответить на многие вопросы, связанные с венгерской проблематикой как в Нижнем Поднестровье, так и, вообще, в Северном Причерноморье (Рябцева, Рабинович, 2007, с. 195–230). Определенный позитивный сдвиг в решении назревших вопросов, связанных с венгерской проблематикой в регионе, наметился после исследования на левобережье Днестра Слободзейского могильника (Щербакова, Тащи, Тельнов, 2008). В кургане было выявлено 26 впускных захоронений раннесредневековых кочевников. Анализ погребального обряда этих могил позволил выделить ряд устойчивых признаков, которые были широко распространены на могильниках, связываемых с древними болгарами от Волжской Болгарии до Дунайской (Флеров, 1993, с. 56). Среди погребального инвентаря могильника были предметы собственно салтовского круга, что сближает могильник со степным болгарским вариантом салтово-маяцкой культуры. Но, некоторые исследователи полагают, что наиболее показательным в погребальном обряде является расположение в могиле костей коня в виде сложенных у ног погребенного нижних частей конечностей и черепа, обращенного носовыми костями в сторону головы погребенного, являющиеся особенностью могил венгров X в. Карпатской котловины (Балинт, 1972, с. 176–188), а также памятников типа Больше-Тиганского и Танкеевского могильников в Прикамье (Казков, 1984, с. 99–110). Именно это мы можем наблюдать и в погребениях 18 и 37 Слободзейского могильника.

Погребальный инвентарь Слободзейского могильника также имеет аналогии в приуральских и прикамских памятниках. Поэтому он имеет как общие с ямными болгарскими

могильниками черты, так и некоторое своеобразие (рис. 1, рис. 2).

В этой связи особого внимания заслуживает мнение А.В. Комара, который из синхронных кочевнических древностей Северного Причерноморья выделяет памятники тапа Субботцев, куда он включает и Слободзейский могильник. По его мнению, ряд данных позволяет уверенно выделить в качестве археологической культуры древних венгров Этелькеза памятники Субботцевского типа (Комар, 2001, с. 56–69). Подобного же мнения придерживается и А.Тюрк (Тюрк, 2012, с. 22–26).

Материалы Слободзейского могильника указывают на связи оставившего его населения с восточными славянами, которые проживали в Поднестровье. Этим свидетельством является восточнославянская керамика типа Луки-Рйковецкой, выявленная в трех погребениях. На некоторых славянских городищах отмечены следы разрушений и пожарищ. Можно полагать, что эти городища появились в IX в. в связи с венгерской опасностью.

О нападении венгров на славян в это время сообщается в сочинениях восточных авторов, таких как Ибн Русте (Шушарин, 1997, с. 105–106), Гардази и ал-Марвази (Новосельцев, 1965, с. 389–391). В Нижнем Поднестровье среди носителей балкано-дунайской культуры в это время, судя по письменным источникам, проживали, и аланы, с которыми у венгров могли происходить контакты (Бубенок, 1997, с. 89).

Таким образом, необходимо отметить, что среди древностей IX в. Северного Причерноморья довольно трудно выделить именно венгерские материалы, потому что подобные вещи могли принадлежать и другим этническим группам, с близкой воинской субкультурой, но, можно все же отметить, что с выделением памятников Субботцевского типа наметился положительный сдвиг в этой проблематике. Также при анализе имеющихся источников можно ставить вопрос о заметной роли венгров в истории рассматриваемого региона в IX в. и обратить внимание на то, что венгерский фактор оказал существенное влияние на взаимоотношения населения края.

ЛИТЕРАТУРА

Балинт Ч. Погребения с конями у венгров в IX – X вв. // Проблемы археологии и древней истории угров / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1972. С. 176–188.

Бубенок О.Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XII вв.). Киев: Логос, 1997. 220 с.

Казаков Е.П. О культе коня в средневековых памятниках Евразии // Западная Сибирь в эпоху средневековья / Под ред. Л.А. Чиндиной. Томск: Изд-во ТГУ, 1984. С. 99–110.

Комар А.В. Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований // Мадьяри в Середньому Подніпров'ї / Археологія і давня історія України. Вип. 7. / Отв. ред. Моця О.П. Київ: ІА НАН України, 2011. С. 21–78.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. М: Наука, 1991. 496 с.

Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI – IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение / Отв. ред. В.Т. Пашуто, Л.В. Черепнина. М.: Наука, 1965. С. 355–419.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 266 с.

Рябцева С., Рабинович Р. К вопросу о роли венгерского фактора в Карпато-Днестровских землях в IX – X вв. // Revista Arheologică. Serie nouă. 2007. Vol. III. № 1–2. С. 195–230.

Тюрк А. Новые результаты и перспективы археологических исследований ранней истории древних венгров (угров-мадьяр). // Материалы IX евразийского научного форума «Наследие Л. Н. Гумилева и современная Евразийская интеграция». (Астана, 10–11 октября 2012 г.). Астана: ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, 2012. С. 26–31.

Флеров В.С. Погребальные обряды на севере Хазарского Каганата. Волгоград: Перемена, 1993. 160 с.

Цукерман К. Венгры в стране Левадии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836 – 889 г. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таври. 1998. Вып. VI. С. 663–688.

Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. «Российская политическая энциклопедия», 1997. 512 с.

Щарбакова Т.А., Тащи Е.Ф., Тельнов Н.П. Кочевнические древности Нижнего Поднестровья (по материалам раскопок кургана у г. Слободзея). Кишинев: Elan Poligraf SRL, 2008. 138 с.

Информация об авторе:

Тельнов Николай Петрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Академия наук Молдовы, Институт культурного наследия, заведующий отделом античной и средневековой археологии (г. Кишинев, Молдова); telnov_nikolai@mail.ru

ETHNOCULTURAL SITUATION IN THE 9TH CENTURY IN THE LOWER DNIESTER REGION AND THE HUNGARIAN FACTOR

N.P. Telnov

In the 9th century the Lower Dniester region was included in the sphere of influence of Khazaria, Danube Bulgaria, Byzantium and Kievan Rus. Due to this fact, there are sources containing some information on the life of nomadic peoples in the region and certain events which took place in the area. According to the available reports, it can be concluded that in the 9th century the region was also populated by the Hungarians. This fact is confirmed by the archaeological materials discovered in the region during the study of medieval sites, despite the fact that their ethno-cultural interpretation remains unclear. Therefore, of particular interest are the medieval graves of Slobodzeya cemetery allowing to attributing them to the antiquities of the Subbotsy type. A number of researchers reasonably associate such sites with the Hungarians who populated the Northern Black Sea region. A comprehensive analysis of the available data allows to argue that the Hungarians actually lived in the Lower Dniester before migrating to Pannonia and significantly influenced the interactions of the local population.

Keywords: Northern Black Sea region, Slobodzeya cemetery, Subbotsy type, nomadic antiquities, funerary rite, medieval antiquities, armamanet, jewelry, belt buckles.

About the Author:

Telnov Nikolay P. Candidate of Historical Sciences, Institute of Cultural Heritage, Academy of Sciences of Moldova. Stefan cel Mare, St., 1., Chisinau, MD – 20001, Moldova; telnov_nikolai@mail.ru

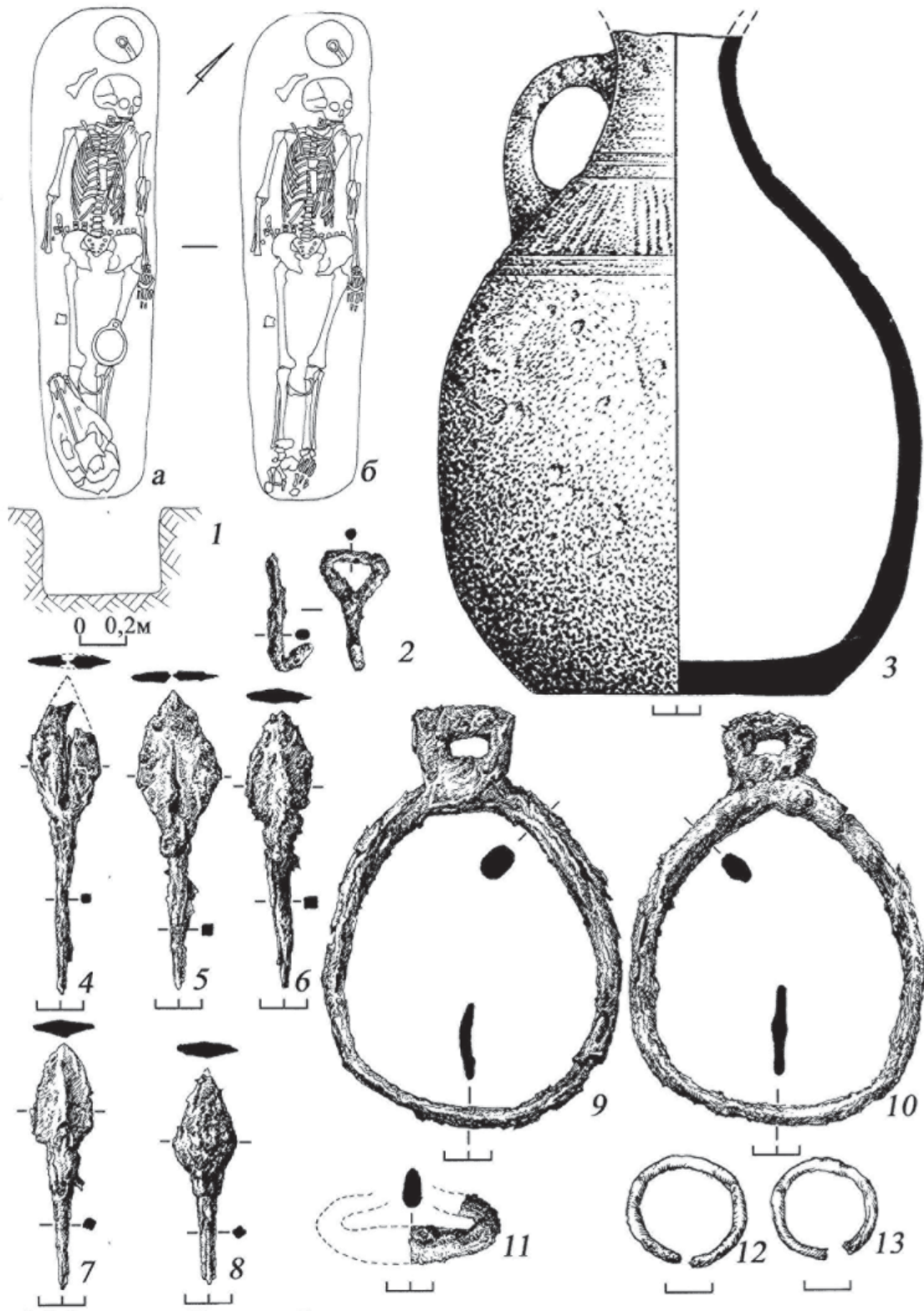

Рис.1 - Курган у г. Слободзея.1 – погребение 18; 2- 13 инвентарь погреб. 18.

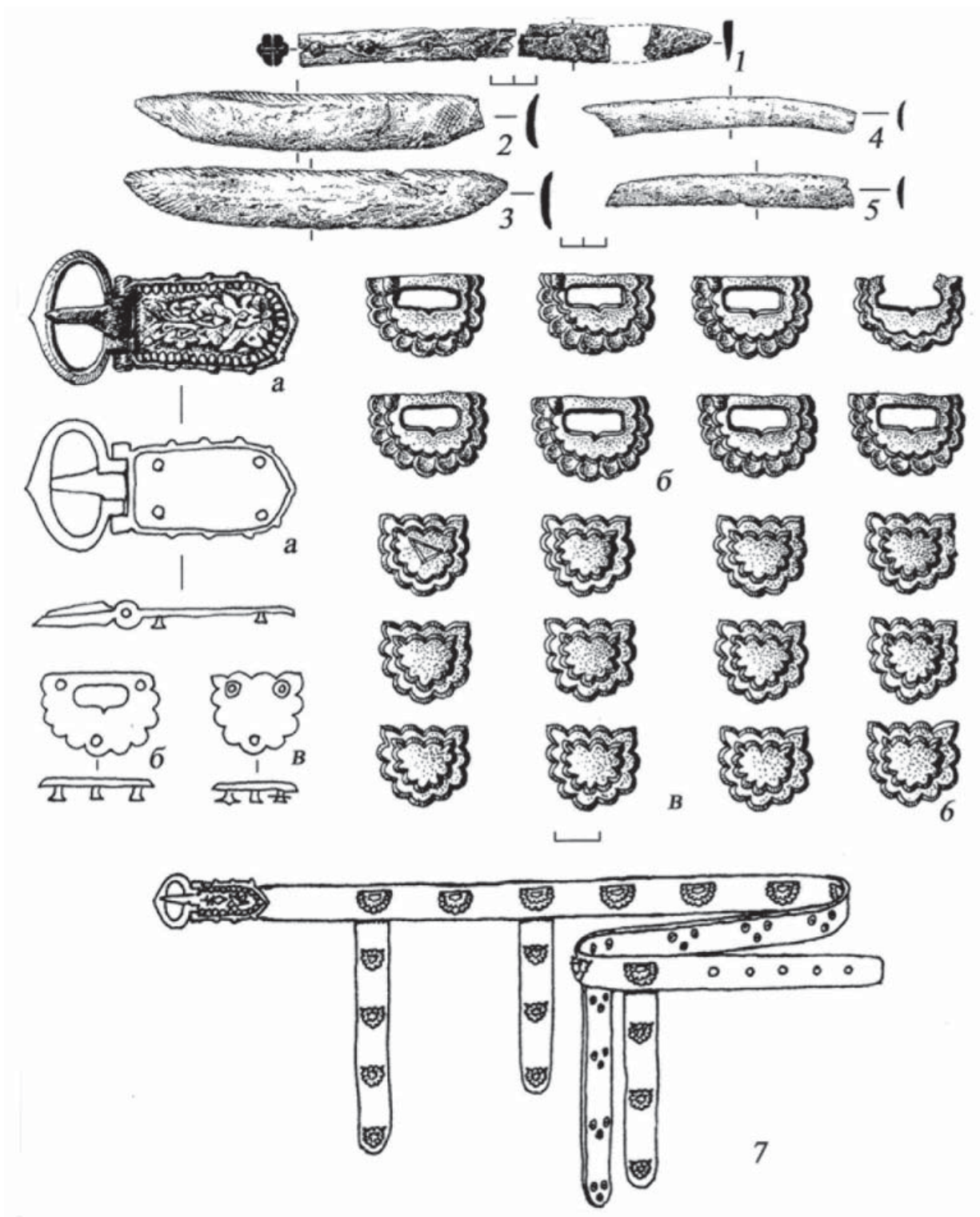

Рис.2 - Курган у г. Слободзея.1-6 - инвентарь погребения 18; 7 - реконструкция пояса из погребения 18.

УДК 903.53

**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ НА АЛТАЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ
ТЕРРИТОРИЯХ В РАННЕТЮРКСКОЕ ВРЕМЯ¹**

© 2018 г. А.А. Тишкин, Н.Н. Серегин

Одной из важных страниц в истории Алтая и сопредельных территорий стало формирование во второй половине V – начале VI вв. н.э. объединения тюрков, которые позднее основали крупнейшую кочевую империю раннего средневековья и серьезным образом повлияли на судьбы многих народов Евразии. До сих пор процессы, происходившие в указанном регионе в то время, а также в последующие столетия, исследованы довольно фрагментарно. Это объясняется целым рядом обстоятельств: сравнительно ограниченной источниковой базой, несистемными исследованиями, а также, как ни парадоксально, наличием письменных источников, которые позволяли представить весьма общую картину истории номадов без привлечения и детального анализа археологических материалов. В данной публикации в общих чертах представлена реконструкция динамичных этнокультурных процессов на Алтае и сопредельных территориях в раннетюркское время на основе обобщения результатов раскопок археологических комплексов, демонстрирующих процессы формирования и развития культуры тюрков, а также взаимодействия номадов данной общности с другими объединениями кочевников ближайших регионов. В данной ситуации большое значение имеют материалы предыдущего исторического периода, который получен при исследовании памятников позднего этапа булан-кобинской культуры.

Ключевые слова: Алтай, археологические материалы, раннетюркское время, кызыл-ташский этап тюркской культуры, сопроводительный инвентарь, булан-кобинская культура.

Одним из слабо изученных этапов в истории кочевых народов Центральной Азии по-прежнему является середина I тыс. н.э. Это связано как с фрагментарностью конкретных сведений в письменных источниках, так и с ограниченным объемом полученных археологических материалов. Вместе с тем изучение этнокультурной ситуации на данном хронологическом отрезке имеет важное значение для понимания многих процессов, происходивших в указанном регионе. Именно в то время произошло формирование тюркской общности, а также была создана одна из крупнейших кочевых империй, которая определила особенности развития многих объединений номадов в последующие столетия. В настоящей публикации представлен опыт обобщения работ, в которых демонстрируются реконструируемые процессы формирования культуры тюрков и сложения нового социума.

К настоящему времени ранний этап в истории тюрков, отражающий время до создания Первого каганата, отражен в археологических материалах, полученных в основном на территории Алтая (Горбунов, Тишкин, 2002; Тишкин, Серегин, 2011). Анализ немногочисленных погребальных и «поминальных» комплексов, объединенных в рамках кызыл-ташского этапа и датированных второй поло-

виной V – первой половиной VI в., позволяет наполнить содержанием и детализировать представления об особенностях сложения тюркского общества и последующем распространении его представителей на обширные территории Евразии.

При исследовании некоторых памятников Алтая второй половины V – первой половины VI в. зафиксированы черты погребальной обрядности, демонстрирующие возможную связь с традициями, характерными для населения предшествующей булан-кобинской культуры. В одном случае отмечено помещение лошади над погребением человека (Кирюшин, Неверов, Степанова, 1990, с. 233), что является наиболее распространенным способом расположения животного в обрядовой практике «булан-кобинцев» (Матренин, 2005, с. 41–42). Другим вариантом данной традиции у населения Алтая первой половины I тыс. н.э. было помещение лошади «в ногах» умершего человека, за стенкой погребальной камеры. Схожая ситуация зафиксирована в самом раннем погребении тюрков, исследованном на территории Тувы (Грач, 1982, рис. 1). Вероятно, с традициями сяньбийско-жужанского времени следует связывать также некоторые «одиночные» захоронения (Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, рис. 4), в том числе

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»).

относящиеся к раннему кызыл-ташскому этапу.

Помимо признаков погребальной обрядности, демонстрирующих возможную связь памятников раннего этапа в развитии культуры тюрок с традициями предшествующего времени, выделяются и другие черты, отличающие комплексы Алтая второй половины V – первой половины VI вв. н.э. Прежде всего следует отметить упрощенность в оформлении наземных конструкций. Курганные насыпи представляли собой одно- или двухслойную каменную наброску. Не зафиксировано ни одного случая сооружения крепиды или ограды. Определенное распространение получили впускные погребения, что является характерным признаком для периодов, когда появляется новое население и происходит сложение других традиций. Другим объяснением появления таких объектов является нестабильность политической ситуации, также обусловленной процессами образования новой общности кочевников. С другой стороны, на кызыл-ташском этапе фиксируется формирование норм обряда, ставших впоследствии характерными признаками погребальной практики тюрок. Так, при исследовании одного из поздних объектов кызыл-ташского этапа (Кирюшин и др., 1998) отмечено полное соблюдение стандарта ритуала, получившего распространение в последующее время – захоронение человека с лошадью, помещенной слева от него, при ориентировке покойного в восточный сектор горизонта, а животного и противоположном направлении. Конь присутствовал и в кенотафах, относящихся к раннетюркскому времени (Савинов, 1982; Кубарев, 1985). С оформлением сопроводительного захоронения животного связано появление приступки (Тишкин, Горбунов, 2005).

Одним из показателей, отличающих погребальные комплексы тюрок второй половины V – первой половины VI в. н.э. от памятников данной общности более позднего времени, является низкая степень социальной дифференциации, зафиксированной в материалах погребений. Судя по всему, это отражает начальный этап в становлении общества раннесредневековых кочевников на Алтае.

Важно отметить, что анализ «классического» погребального обряда тюрок уже демонстрирует слабую связь с традициями булан-кобинской культуры Алтая. При этом ряд общих характеристик, включающих черты преемственности населения региона сяньбий-

ско-жужанского времени и раннего средневековья, отражают ритуальные комплексы (Матренин, Сарафанов, 2006; Серегин, Шелепова, 2015). В этом отношении наиболее показательными являются такие объекты первой половины I тыс. н.э., как ритуальные захоронения лошадей под отдельными насыпями, а также «миниатюрные» кенотафы, имеющие ряд общих характеристик с ранними тюркскими оградками.

Большое значение для решения вопроса о связи булан-кобинской и тюркской культур Алтая имеет анализ предметного комплекса из памятников кызыл-ташского этапа (вторая половина V – первая половина VI в. н.э.) (Тишкин, Серегин, 2011). Рассматривая в целом предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа культуры тюрок, следует обратить внимание на его гораздо меньшее разнообразие по сравнению с материалами рассматриваемой общности более позднего времени. В погребениях и «поминальных» оградках Алтая второй половины V – первой половины VI в. почти полностью отсутствуют украшения, предметы торевтики, изделия из цветных и драгоценных металлов, импорт. Данная ситуация в определенной мере демонстрирует специфику положения тюрок до создания Первого каганата в условиях известной зависимости от Жужанской державы, ограниченности внешних контактов и др. Возможно, такое восприятие обусловлено небольшим количеством раскопанных объектов, и дальнейшие исследования позволят скорректировать сделанные наблюдения.

Вместе с тем, набор предметов из памятников Алтая второй половины V – первой половины VI в. достаточно выразителен для определения хронологии раскопанных комплексов. В составе инвентаря из погребений и «поминальных» оградок кызыл-ташского этапа культуры тюрок представляется возможным выделить две основные группы вещей (Тишкин, Серегин, 2011). Первая отражает окончание традиций жужанского времени, представленных главным образом в материалах раскопок памятников булан-кобинской культуры, и особенно объектов ее позднего (верх-уймонского) этапа (вторая половина IV – первая половина V вв.) (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 161; Тишкин, 2007, с. 179).

К *первой группе* предметов относятся роговые стержневые и изогнутые псалии, большие кольчатые витые (ложновитые) псалии, восьмерковидные гладкие и витые обоймы, круглые бляхи-накладки «с умбо-

ном», бронзовые пряжки со шпеньком и дополнительными поперечно расположенными рамками, колчаные крюки с поперечной планкой, костяные наконечники стрел с втульчатой или раздвоенным насадом, серповидный нож, «ярусные» наконечники стрел, меч с крюковым навершием, боевой нож с черенком, наклоненным в сторону лезвия, а также вотивные копии предметов вооружения (рис. 1). Большая часть обозначенных изделий уже практически не встречается в памятниках кудыргинского этапа тюркской культуры (вторая половина VI – первая половина VII в.).

Вторая группа предметов сопроводительного инвентаря демонстрирует приход на Алтай в середине I тыс. н.э. нового населения. Отметим следующие изделия: пластинчатые и петельчатые стремяна (причем последние, судя по имеющимся данным, могут являться «изобретением» ранних тюрков Алтая), застежки для пут и «блоки для чумбура» определенных форм, прямоугольные бронзовые бляхи-накладки, бронзовые крюки-застежки с шаровидным навершием, более короткие накладки на лук и комплекты только из срединных накладок, наконечники стрел крупных пропорций с новыми формами пера (рис. 1). Перечисленные предметы не известны в памятниках сяньбийско-жужанского времени и получают дальнейшее развитие в комплексах тюркской культуры кудыргинского и последующего этапов.

Выделенные группы вещей в составе инвентаря из памятников кызыл-ташского этапа отражают участие в формировании культуры тюрков двух основных компонентов – местного, представленного комплексами булан-кобинской культуры жужанского времени, и пришлого, связанного с населением, более ранняя история которого пока не обеспечена какими-либо существенными археологическими материалами.

Представленные наблюдения очевидным образом демонстрируют приход на Алтай нового населения и могут быть сопоставлены с известными сведениями письменных источников. Согласно известной информации, приведенной в китайских летописях, в 460 г. жуань-жуани переселили на Алтай племя Ашина. Имеются все основания для утверждения о том, что это и было пришлое население, составившее основу для формирования новой общности и культуры (Горбунов, Тишкин, 2002).

Реконструкция процессов, происходивших во второй половине V – первой половине

VI в. на сопредельных с Алтаем территориях, сильно ограничена фрагментарностью археологических материалов. Судя по имеющимся данным, Монгольский Алтай был включен в процессы культурогенеза тюрков, о чем свидетельствуют результаты раскопок отдельных объектов, пока опубликованных лишь частично (Төрбат и др., 2016). Вместе с тем, другие комплексы, изученные в данном регионе, а также в центральной части Монголии, показывают существование иных традиций, которые предварительно могут быть связаны с разнородным объединением жужаней, включавших различные по происхождению группы населения (Цэвэндорж, Цэрэндагва, Эрдэнэ-Очир, 2003; Цэвэндорж и др., 2008, с. 176, рис. 79; Эрэгзэн, Ишцэрэн, 2014; Тувшинжаргал, Баярсайхан, 2017; и др.). Не меньшую сложность представляет рассмотрение объектов середины I тыс. на территории Тувы. Судя по имеющимся данным, верхняя граница существования племен кокзельской культуры ограничивается V в. н.э., а наиболее ранние объекты тюрков отражают появление племен кочевников в период после сложения Первого каганата. Дальнейшей детализации требует также реконструкция процессов этнокультурного взаимодействия в середине I тыс. н.э. на территории Минусинской котловины. Представляется возможным утверждать, что во второй половине VI в. на Среднем Енисее произошло сложение «минусинского» локального варианта тюркской культуры, своеобразие которого определялось участием в этих процессах группы населения булан-кобинской культуры Алтая, вовлеченной в первые походы тюрков после основания кочевой империи (Серегин, 2014). Вместе с тем, дискуссионным остается вопрос о возможном сосуществовании на данной территории «пришельцев» с населением таштыкской культуры, традиции которой, по мнению ряда исследователей, фиксируются вплоть до конца VI или даже начала VII вв. н.э. (Вадецкая, 1999).

Нет сомнений, что дальнейшие полевые исследования в обозначенных и других культурно-исторических областях, а также комплексный анализ полученных материалов позволят существенным образом расширить имеющиеся представления о сложных процессах этно- и культурогенеза в середине I тыс. н.э. Наиболее перспективными представляются работы в Синьцзяне, который до сих пор остается своего рода «белым пятном» на археологической карте центрально-азиатского региона.

ЛИТЕРАТУРА

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. О территории формирования тюркского этноса // Тюркские народы / Отв. ред. А.В. Нескоров. Тобольск; Омск : ОмГПУ, 2002. С. 43–46.

Грач В.А. Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1982. С. 156–168.

Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескень-VI // Древности Алтая. 1998. №3. С. 165–175.

Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Курганный могильник Верх-Еланда-I в Горном Алтае // Археологические исследования на Катунь / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1990. С. 224–242.

Кубарев В.Д. Древнетюркские кенотафы Боротала // Древние культуры Монголии / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск : Наука, 1985. С. 136–148.

Матренин С.С., Сарафанов Д.Е. Классификация оградок тюркской культуры Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири Вып. 3–4./ Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск : АКИН, 2006. С. 203–218.

Матренин С.С. Способы захоронения населения Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири Вып. 2. / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск : АКИН, 2005. С. 35–51.

Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск : Наука, 1982. С. 102–122.

Серегин Н.Н. Специфика формирования «минусинского» локального варианта культуры раннесредневековых тюрков: опыт реконструкции // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. №5. С. 177–185.

Серегин Н.Н., Шелепова Е.В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н.э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул : Азбука, 2015. 168 с.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. 356 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI вв. н.э.): традиции и новации // Теория и практика археологических исследований Вып. 6. / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. С. 14–32.

Тувшинжаргал Т., Баярсайхан Ж. Урд улаан унээт уулын хадны оршуулга: эмээлийн туухэн хогжлийн асуудалд // Нуудэлчдийн ов судлал. 2017. Т. XVIII. Т. 79–93.

Төрбат Ц., Баярхүү Н., Ленец С., Бернгард В. «Монгол Алтайн түрүү ба түүхэн үеийн оршин суугчдын цогц судалгаа» төслийн хээрийн шинжилгээний товч үр дүн // Монголын археологи–2015 / Отв. ред. С. Чулун. Улаанбаатар : Шинжлэх ухааны Академийн Түүх, 2016. Т. 172–176.

Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 г. // Археологические исследования на Катунь / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск : Наука, 1990. С. 95–150.

Цэвэндорж Д., Баяр Д., Цэрэндагва Я., Очирхуяг Ц. Археология Монголии. Улаанбаатар, 2008. 239 с.

Цэвэндорж Д., Цэрэндагва Я., Эрдэнэ-Очир Н. Санамсаргуй хондогдсон нэгэн булшны тухай // Туухийн сэтгүүл. 2003. Т. IV. Ф. 2. Т. 23–28.

Эрэгзэн Г., Иицэрэн Л. Худгийн халзангийн олдворын холбогдох он цаг ба Жужаны археологийн дурсталын судалгааны асуудалд // Археологийн судлал. 2014. Б. XXXIV, д. 1–31. Т. 264–276.

Информация об авторах:

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии, г.н.с. Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая, (Барнаул, Россия); tishkin210@mail.ru

Серегин Николай Николаевич, кандидат исторических наук, Алтайский государственный университет, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая, докторант кафедры археологии, этнографии и музеологии, (г. Барнаул, Россия); nikolay-seregin@mail.ru

ETHNO-CULTURAL SITUATION IN THE ALTAI AND THE ADJACENT TERRITORIES IN THE EARLY TURKIC PERIOD²

A.A. Tishkin, N.N. Seregin

One of the important pages in the history of the Altai and the adjacent territories was the establishment of the Turkic community in the second half of 5th –early 6th centuries A.D. In a later period, the Turks founded the largest nomadic empire of the early Middle Ages and had a significant influence on the destinies of many Eurasian peoples. So far, the processes that took place in this region during the period in question and in the subsequent centuries have been studied rather fragmentarily. This is due to a number of circumstances, such as a relatively limited source base, non-systematic studies, and, surprisingly, the availability of written sources that allowed researches to present a rather general picture of the history of nomads without the use or detailed analysis of archaeological materials. This publication outlines the reconstruction of dynamic ethno-cultural processes in the Altai and adjacent the territories in the early Turkic period on the basis of a generalization of the results of excavations of archaeological complexes demonstrating the processes of formation and development of the Turkic culture, as well as the interactions between the nomads of this community and other societies of the neighbouring regions. Of great importance under these circumstances are the materials of the previous historical period obtained during the study of sites dating back to the late stage of the Bulan-Koby culture.

Keywords: Altai, archaeological materials, early Turkic period, Kyzyl-Tash stage of the Turkic culture, grave goods, Bulan-Koby culture.

About the Authors:

Tishkin Alexey A. Doctor of Historical Sciences, Professor, Altai State University, Lenin Ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; tishkin210@mail.ru

Seregin Nikolay N. Candidate of historical sciences, Altai State University, Lenin Ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation. nikolay-seregin@mail.ru

2 The work was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation (Project No.16-18-10033 “Establishment and evolution of the utility systems of nomadic societies from the Altai and the neighboring territories in late antiquity and the medieval period: comprehensive reconstruction”).

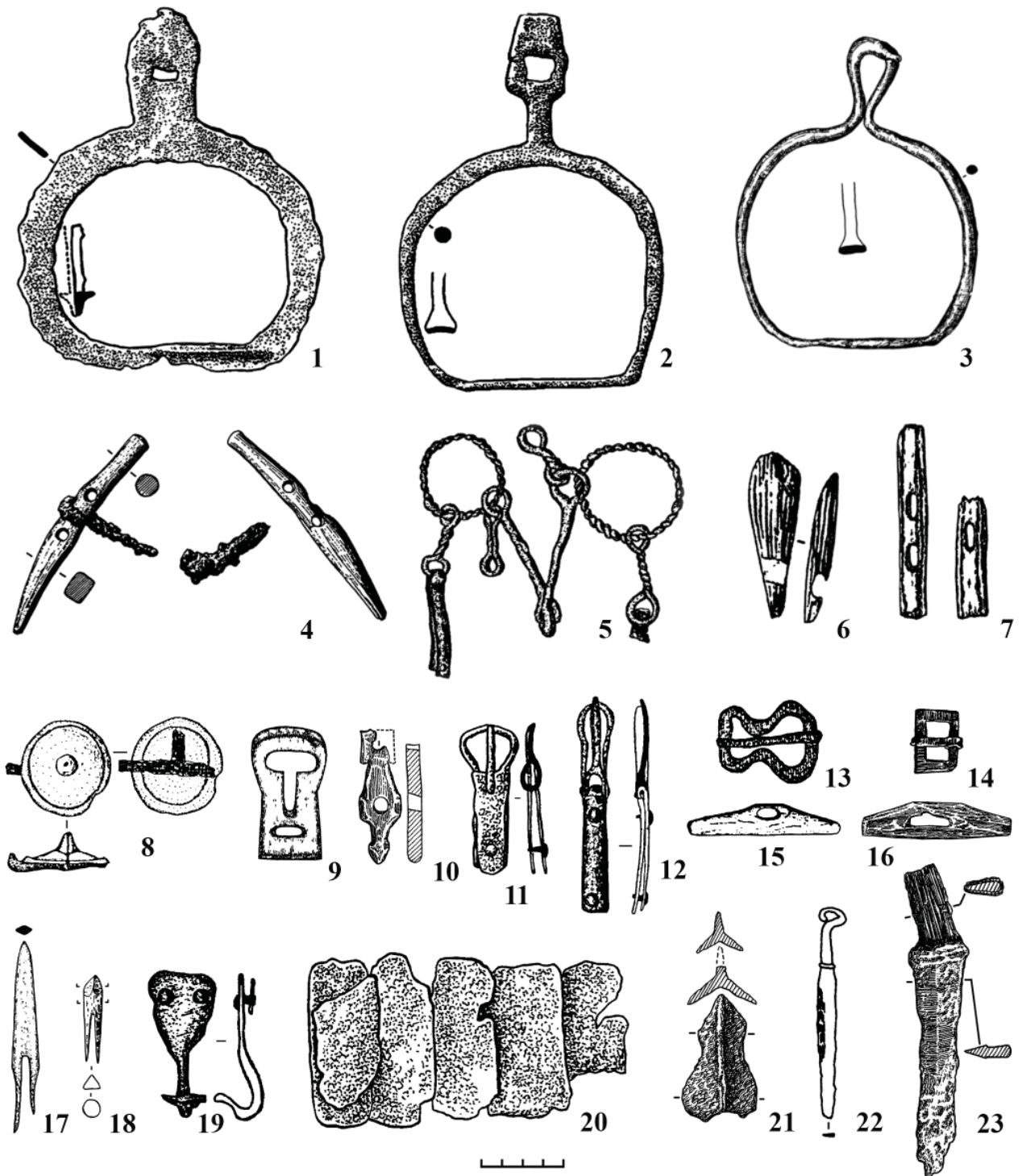

Рис. 1. Разные категории изделий из памятников кызыл-ташского этапа культуры тюрок Алтая: 1–3 – стремена; 4–7 – удила и псалии; 8–16 – предметы конского снаряжения; 17–23 – орудия труда и предметы вооружения (по: Гаврилова, 1965, табл. V.-5; Савинов, 1982, рис. 3.-1-2; Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, рис. 5; Мамадаков, 1994, рис. 2.-12; Могильников, 1994, рис. 9.-3; 19; 25.-2; Соенов, Эбель, 1996, рис. 3.-1; Илюшин, 2000, рис. II.-1, 4-6; V.-5; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 53.-8-9, 20; 55.-11; Тишкин, Горбунов, 2003, рис. 2.-3; 4.-1; 5.-8; 13)

УДК 902.2(571.150)

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ НАБОРНОГО ПОЯСА ИЗ САМОДИЙСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ VI–VII ВВ. НА ПАМЯТНИКЕ СТРАШНЫЙ ЯР-1 В БАРНАУЛЬСКОМ ПРИОБЬЕ¹

© 2018 г. А.А. Тишкин, В.В. Горбунов, Я.В. Фролов

Памятники Лесостепного Алтая начала эпохи средневековья содержат материалы, отражающие развитие как самодийских традиций (домостроительство, погребальный обряд, гончарное и косторезное ремесло, культовая металлопластика), так и материальное влияние культуры тюрков (вооружение, украшения костюма, конское снаряжение). Одним из ярких проявлений этого влияния являются погребальные комплексы с наборными поясами, выполненными в так называемом геральдическом стиле. Такой хорошо сохранившийся пояс найден на могильнике Страшный Яр-1 в окрестностях г. Барнаула. Он был украшен 21 бронзовым предметом: бляхи-полуобоймы с геральдическим щитком, в том числе с подвесными псевдопряжками, круглые и кольчатые бляхи, пятиугольно-овальная бляха и бляха с Т-образным окончанием. Эти изделия, исследованные с помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра, находят прямые соответствия среди материалов кудыргинского этапа тюркской культуры Алтая. Следует отметить и западные аналогии в памятниках бартымской стадии неволинской культуры Приуралья. Совокупность имеющихся данных позволяет датировать анализируемый пояс 2-й половиной VI – 1-й половиной VII в. Рассматриваемые находки поясной гарнитуры, происходящие из археологических объектов Лесостепного Алтая, а также других территорий обеспечивают возможности для проведения сравнительного анализа и комплексных реконструкций.

Ключевые слова: Лесостепной Алтай, раннее средневековье, одинцовская культура, наборный пояс, рентгенофлюоресцентный анализ, реконструкция.

На территории Лесостепного Алтая выделена и изучается одинцовская археологическая культура, которая датируется второй половиной IV – первой половиной VIII в. (Тишкин, Горбунов, 2002, с. 84; Казаков, 2014; и др.). Исследованные памятники демонстрируют развитие в указанной общности нескольких традиций, среди которых важное место занимают самодийская и тюркская. Среди обнаруженного инвентаря выделяются изделия, относящиеся к наборным поясам. Их комплексное изучение позволяет расширить объективную информацию для осуществления необходимых реконструкций в рамках изучения системы жизнеобеспечения населения, проживавшего на юге Западной Сибири в самом конце поздней древности и в начале периода раннего средневековья. Основная задача данной публикации заключается в том, чтобы представить результаты рентгенофлюоресцентного анализа, полученные при тестировании находок из погребения одинцовской культуры памятника Страшный Яр-1, которые хранятся в фондах Алтайского государствен-

ного краеведческого музея (АГКМ, г. Барнаул). Следует указать, что материалы раскопок на указанном археологическом объекте соавторами уже введены в научный оборот (Горбунов, Тишкин, Фролов, 2017). Поэтому здесь ограничимся лишь краткими характеристиками общей ситуации, уделив больше внимания изделиям из цветного металла.

В 1999 г. в урочище Страшный Яр, которое находится на современной территории г. Барнаула, в 3,5 км к западу от поселка Научный Городок, на распаханном поле были обнаружены следы древнего захоронения. Сам памятник расположен на мысовидном выступе коренной террасы левого берега Оби, в 300 м от края по восточному борту одноименного лога. Неподалеку от него зафиксирована курганный группа, получившая обозначение Научный Городок-3 (Кунгуров, Сингаевский, 2006). В ходе исследования могильной ямы был расчищен берестяной «конверт» подпрямоугольной формы (размерами 2,2×0,64 м), внутри которого находился скелет взрослого человека, уложенного на спину с вытянутыми

¹ Работа выполнена при частичной финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»), а также в рамках реализации государственного задания Алтайского государственного университета (проект №33.867.2017/ПЧ «Реконструкции технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии»).

ногами и руками, головой на юго-запад. Рядом (но в разных местах) зафиксированы останки собаки, а также череп небольшого хищного животного. Выявленная могила почти перпендикулярно перерезала более древнее захоронение каменной археологической культуры, датируемое в рамках VI–I вв. до н.э. (Горбунов, Тишкин, Фролов, 2017).

Умершего человека сопровождал разнообразный инвентарь (рис. 1): берестяной колчан без кармана с тремя разнотипными костяными наконечниками стрел и незначительными остатками деревянных древков (рис. 1: 1–3); фрагменты четырех бронзовых пронизей (рис. 1: 4–7); железная рамчатая пряжка с подвижным язычком (рис. 1: 9); полоса длиной 30 см из металлических изделий от наборного пояса (10 блях-полуобойм (рис. 1: 10–12, 16, 17, 25–29), четыре такие же бляхи с подвижными псевдопряжками (рис. 1: 8, 14, 15, 19), три круглые бляхи-накладки (рис. 1: 13, 18, 22), две кольчатые бляхи-накладки с парными шипами (рис. 1: 20, 21), бляха-накладка пятиугольно-овальной формы (рис. 1: 23) и бляха-накладка с Т-образным окончанием (рис. 1: 24)); пряжка из рога с овальной рамкой и прямоугольным щитком, язычок которой не сохранился (рис. 1: 30). Большая часть перечисленных предметов находит ближайšie аналогии среди вещевых комплексов одинцовской культуры Лесостепного Алтая (Абдулганеев, 2001, рис. 1; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, рис. 2, 8, 9; Грушин, Фрибус, Леонтьева и др., 2016) и верхнеобской культуры Новосибирского Приобья (Троицкая, Новиков, 1998, рис. 20, 22, 25, 26;), а также саратовской культуры Кузнецкой котловины (Илюшин, 1999, рис. 13: 25; 63) и релкинской культуры Томско-Нарымского Приобья (Чиндина, 1991, рис. 26, 28, 29). Поясные бляхи в так называемом геральдические стиле также имеют соответствия среди изделий кудыргинского этапа тюркской культуры Алтая (Гаврилова, 1965, табл. XII, XIV, XV, XX; Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011, с. 10, 22–24) и бартымской стадии неволинской культуры Приуралья (Голдина, Водолаго, 1990. Табл. LXVII). В целом набор инвентаря представленного погребения одинцовской культуры можно датировать второй половиной VI – первой половиной VII в. и отнести к осинкинскому этапу (Горбунов, Тишкин, Фролов, 2017, с. 107).

Представленные изделия из цветного металла от пояса исследовались с помощью портативного спектрометра ALPHASERIES™

(модель Альфа-2000, производство США) в комплекте с КПК (карманным переносным компьютером) и испытательным стендом. Данный приборный комплекс предназначен для количественного неразрушающего определения содержания химических элементов методом рентгенофлуоресцентной спектроскопии в образцах из цветных металлов и сплавов, а также для контроля химического состава руд и шлаков, жидких и порошковых образцов. Он позволяет проводить тестирование археологических находок с помощью двух компьютерных программ («Аналитическая» и «Горнорудная»). Первая программа обеспечила возможность получения количественных и качественных показателей о химическом составе публикуемых в статье предметов, которые зафиксированы в погребении. Получена серия данных, необходимых для дальнейших более емких интерпретаций. Сохранность предметов определила специфику исследований, о чем будет ниже указано.

Первой тестировалась маленькая округлая бляха-накладка с обломанным краем (рис. 1: 13). Для получения адекватного результата механическим способом аккуратно снимались поверхностные окислы на лицевой стороне. Полученный элементный ряд свидетельствует о том, что изделие изготовлено из бронзы (медно-оловянно-свинцовый сплав): Cu (медь) – 92,83%; Sn (олово) – 3,85%; Pb (свинец) – 3,32%.

Следующая изученная находка представляет собой деформированную и обломанную бляху-полуобойму (рис. 1: 29). В связи с плохой сохранностью предмета, удаление окислов не проводилось. Тестировалась лицевая поверхность. Обозначившиеся данные (Cu – 90,14%; Pb – 5,46%; Sn – 4,4%) следует рассматривать как результат качественного анализа. Они также демонстрирует бронзовый сплав из трех указанных компонентов. Аналогичным образом зафиксированы показатели у других таких же изделий (рис. 1: 16, 25, 26, 28), сохранность которых не позволяет производить какие-либо действия по снятию окислов. Полученные поэлементные ряды представлены в соответствие с перечисленным порядком рисунков:

– Cu – 88,39%; Sn – 9,71%; Pb – 1,83%; Fe (железо) – 0,07%;

– Cu – 91,12%; Sn – 6,41%; Pb – 2,37%; Fe – 0,1%4;

– Cu – 91,76%; Sn – 7,02%; Pb – 1,16%; Fe – 0,06%;

– Cu – 85,92%; Sn – 11,43%; Pb – 2,53%; Fe – 0,12%.

Эти данные схожи между собой и характеризуют бронзовый (медно-оловянно-свинцовый) сплав. Наличие железа отражает его присутствие в окислах.

Далее представим серию показателей, связанных с тестированием других аналогичных блях-полуобойм (рис. 1: 10–12, 17, 27), у которых осуществлялось частичное удаление поверхностных загрязнений:

– Cu – 93,4%; Sn – 4,7%; Pb – 1,9%;
 – Cu – 93,31%; Sn – 6,08%; Pb – 0,61%;
 – Cu – 88,16%; Sn – 8,78%; Pb – 3,0%; Fe – 0,06%;
 – Cu – 92,82%; Sn – 6,17%; Pb – 1,01%;
 – Cu – 91,31%; Sn – 6,82%; Pb – 1,81%; Fe – 0,06%.

Перечисленные результаты демонстрируют ранее отмеченные медно-оловянно-свинцовые сплавы. В совокупности все приведенные данные рентгенофлуоресцентного анализа блях-полуобойм позволяют сделать заключение о том, что эти украшения наборного пояса изготавливались в одной мастерской и примерно по одному рецепту.

Исследование четырех изделий с подвижными псевдопряжками (рис. 1: 8, 14, 15, 19) демонстрирует несколько другую картину. Тестирования каждой такой находки проводились в следующей последовательности: сначала изучалась верхняя бляха-полуобойма, потом – псевдопряжка. В зависимости от сохранности осуществлялось или не производилось удаление поверхностных окислов. Получены следующие результаты:

1) бляха-полуобойма: Cu – 94,55%; Sn – 4,84%; Pb – 0,61%; псевдопряжка: Cu – 50,75%; Pb – 31,48%; Sn – 17,5%; Fe – 0,27% (рис. 1: 8);

2) бляха-полуобойма: Cu – 90,9%; Sn – 7,02%; Pb – 2,08%; псевдопряжка: Cu – 85,22%; Sn – 6,82%; Fe – 6,44%²; Pb – 1,52% (рис. 1: 14);

3) бляха-полуобойма: Cu – 91,12%; Sn – 7,19%; Pb – 1,62%; Fe – 0,07%; псевдопряжка: Cu – 91,95%; Sn – 4,78%; Pb – 2,79%; Fe – 0,48% (рис. 1: 15);

4) бляха-полуобойма: Cu – 68,96%; Sn – 16,01%; Pb – 14,7%; Zn – 0,23%; Fe – 0,1%; псевдопряжка: Cu – 67,52%; Pb – 19,67%; Sn – 12,25%; Fe – 0,54%; Zn – 0,02% (рис. 1: 19).

Перечисленные показатели указывают, что бляхи-обоймы продолжают обозначив-

шуюся серию, а псевдопряжки имеют отличия (их делали как из аналогичного, так и из другого сплава). Зафиксированная ситуация отражает разные производственные процессы при изготовлении украшений наборных поясов.

Следующие два предмета представляют собой кольчатые бляхи-накладки с парными шипами. По ним получены такие схожие показатели, которые имеют свои особенности, связанные с наличием в сплаве большой доли свинца:

– Cu – 84,07%; Pb – 10,97%; Sn – 4,44%; Fe – 0,52% (рис. 1: 20);
 – Cu – 85,54%; Pb – 11,47%; Sn – 2,78%; Fe – 0,21% (рис. 1: 21).

Исследования еще двух круглых блях-накладок (рис. 1: 18, 22) отразили такую же тенденцию при наличии разных количественных данных и других элементов:

– Cu – 91,36%; Pb – 7,62%; Sn – 0,81%; Fe – 0,17%; Ni (никель) – 0,04%.
 – Cu – 54,94%; Pb – 39,69%; Sn – 4,56%; Fe – 0,41%; Bi (висмут) – 0,4%.

В единственном экземпляре в наборе присутствует бляха-накладка пятиугольно-овальной формы (рис. 1: 23). На ней сначала тестировался участок с внутренней стороны изделия, где частично удалялись поверхностные окислы. Потом было продублировано исследование окисленной лицевой части. Получены следующие результаты, позволяющие сравнить их между собой:

– Cu – 41,79%; Ag (серебро) – 30,03%; Sn – 13,16%; Pb – 13,1%; Zn (цинк) – 1,72%; Fe – 0,2%;
 – Cu – 47,39%; Ag – 27,87%; Sn – 11,6%; Pb – 11,43%; Zn – 1,38%; As (мышьяк) – 0,17%; Fe – 0,16%.

Особенностью данного сложного сплава является существенное присутствие серебра и наличие цинка, что отличает изделие от всех предыдущих. Следует отметить, что тестирование окисленной поверхности, несмотря на все издержки, имеет смысл, так как позволяет выявить отдельные рудные примеси. В данном случае наличие мышьяка как раз и свидетельствует об этом.

В заключение исследовалась бляха-накладка с T-образным окончанием (рис. 1: 24). Сначала тестировался участок в центре лицевой поверхности, где располагается характерная выпуклость (с частичным снятием окислов): Cu – 71,61%; Sn – 24,33%; Pb – 3,05%; Zn – 0,61%; As – 0,22%; Fe – 0,18%. Затем были получены данные с окисленной поверх-

¹ Существенное значение Fe обусловлено присутствием окислов от железного предмета.

ности на нижнем окончании бляхи-накладки: Cu – 51,92%; Sn – 31,4%; Pb – 10,65%; Zn – 5,0%; Ag – 0,6%; Fe – 0,33%; Ni – 0,1%. Как видно из приведенных данных, они заметно отличаются количественными показателями при наличии схожих элементов. Присутствие серебра, вероятнее всего, отражает попадание окислов от предыдущего предмета.

Осуществленный рентгенофлуоресцентный анализ изделий наборного пояса из цветного металла продемонстрировал определенные сложности работы с таким материалом. Это связано с плохой сохран-

ностью находок, что не позволило в полной мере удалять окислы. Полученные данные закладывают основу для дальнейшего изучения аналогичных предметов, обнаруженных на других памятниках одинцовской культуры. В этом плане начата работа с материалами из памятника Чумыш-Пережат (Грушин, Фрибус, Леонтьева и др., 2016). В намеченной программе исследований важным станет выявление ремесленного центра по изготовлению массовой продукции для поясов, распространившихся на довольно большой территории.

ЛИТЕРАТУРА

Абдулганеев М.Т. Могильник Горный-10 – памятник древнетюркской эпохи в северных предгорьях Алтая // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории / Отв. ред. Л.А. Чиндина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 128–130.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л. : Наука, 1965. 146 с.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1990. 176 с.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Фролов Я.В. Редкое погребение одинцовской культуры на памятнике Страшный Яр-1 в Барнаульском Приобье // Культуры и народы Северной Евразии: взгляд сквозь время / Отв. ред. М.П. Черная. Томск : Издательский дом «Д-Принт», 2017. С. 106–110.

Грушин С.П., Фрибус А.В., Леонтьева Д.С., Вальков И.А., Сайберт В.О., Трусова Е.В. Исследования погребальных памятников в Лесостепном Алтае в 2014 г. // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая Вып. 2. / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2016. С. 11–13.

Илюшин А.М. Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. Кемерово : Изд-во КузГТУ, 1999. 160 с.

Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2014. 152 с.

Кунгуров А.Л., Сингаевский А.Т. Археологические памятники города Барнаула. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. 125 с.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. 424 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. 2002. №9. С. 82–91.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Барнаул : ООО «Печатающая компания АРТИКА», 2011. 136 с.: ил.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 152 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. 184 с.

Информация об авторах:

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии, г.н.с. Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая, (Барнаул, Россия); tishkin210@mail.ru

Горбунов Вадим Владимирович, доктор исторических наук, доцент, Алтайский государственный университет, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии, (г. Барнаул, Россия); gorbunov@hist.asu.ru

Фролов Ярослав Владимирович, кандидат исторических наук, Алтайский государственный университет, директор Музея археологии и этнографии Алтая, докторант кафедры археологии, этнографии и музеологии, (г. Барнаул, Россия); frolov_jar@mail.ru

COMPREHENSIVE ANALYSIS OF A PLATED BELT FROM A 6TH – 7TH CENTURY SAMODIAN BURIAL AT STRASHNY YAR-1 SITE IN THE BARNAUL OB REGION²

A.A. Tishkin, V.V. Gorbunov, Ya.V. Frolov

The sites of forest-steppe Altai dating back to the early Middle Ages contain materials reflecting the development of both Samodian traditions (house-building, funerary rites, pottery and bone carving, cult metalworking) and the material influence of the Turkic culture (armament, clothing adornments, horse harness). One of the brightest manifestations of this influence are the funerary complexes with plated belts crafted in the so-called heraldic style. A well-preserved belt of this type was discovered at Strashny Yar-1 burial ground in the vicinity of Barnaul. It was decorated with 21 bronze objects: plates with a heraldic shield, including pseudo-pin pendants, round and annular plates, a pentagonal-oval plate and a T-shaped plate. These products, investigated with the aid of an X-ray fluorescence spectrometer, have direct analogies among the materials of the Kudyrginsky stage of the Turkic culture of Altai. Of particular significance are the western analogies discovered at the sites of the Bartym stage of Nevolinskaya culture in the Urals. The complex of available data allows to date the analyzed belt 2nd half of the 6th – 1st half of the 7th century. The discovered belt set originating from the archaeological sites of the forest-steppe Altai and other territories provide opportunities for comparative analysis and complex reconstructions.

Keywords: forest-steppe Altai, early Middle Ages, Odintsovskaya culture, plated belt, X-ray fluorescence analysis, reconstruction

About the Authors:

Tishkin Alexey A. Doctor of Historical Sciences, Professor, Altai State University, Lenin Ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; tishkin210@mail.ru

Gorbunov Vadim V. Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor, Altai State University, Lenin Ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; gorbunov@hist.asu.ru

Frolov Yaroslav V. Candidate of Historical Sciences, Altai State University, Lenin Ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; frolov_jar@mail.ru

² The work was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation (Project No.16-18-10033 “Establishment and evolution of the utility systems of nomadic societies from the Altai and the neighboring territories in late antiquity and the medieval period: comprehensive reconstruction”), and within the framework of implementation of a state task of Altai State University (Project No.33.867.2017/PCh “Reconstruction of the manufacturing process techniques and methods of the ancient societies of North Asia”).

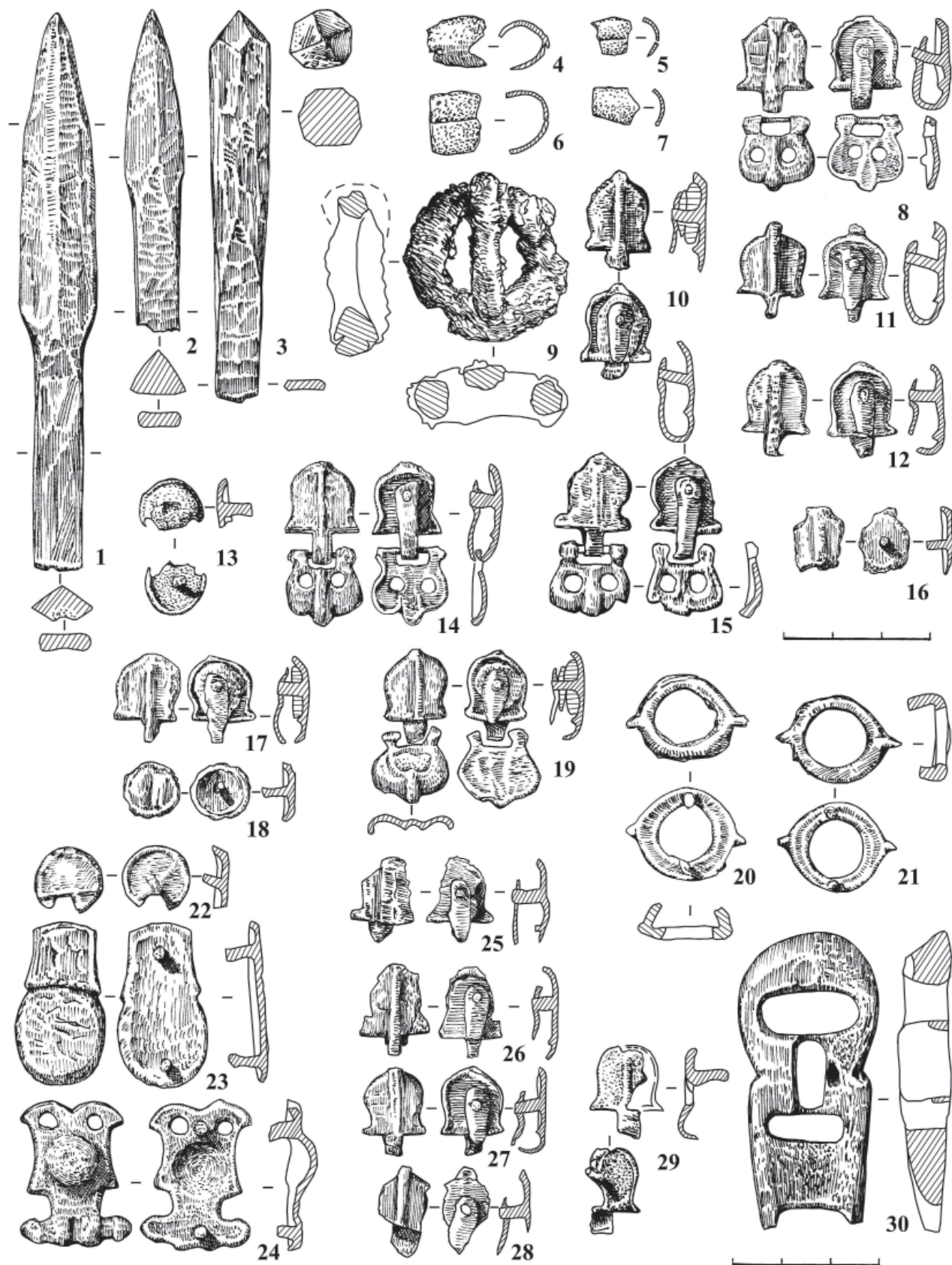

Рис. 1. Памятник Страшный Яр-1. Инвентарь могилы одиновской культуры:
 1-3 – наконечники стрел; 4-7 – пронизки; 8, 10-29 – поясные бляхи; 9, 30 – пряжки. 1-3 – кость; 4-8, 10-29 –
 цветной металл; 9 – железо, 30 – рог

УДК 902/904

EAST EUROPEAN CONNECTIONS AND ROOTS OF THE 10 CENTURIES ARCHAEOLOGICAL HERITAGE IN THE CARPATHIAN BASIN BY THE RESULTS OF THE LATEST INVESTIGATIONS¹

© 2018 г. Attila Türk

Early Hungarian history, better known as Hungarian prehistory, is a research area with scarce written sources. Consequently, archaeology, as a scientific discipline boasting a rapidly increasing number of sources, may acquire significant importance in this area. This is a fact even if from a methodological perspective, the historical and ethnic assessment of archaeological findings must satisfy much stricter criteria than before. To arrive at a reliable historical interpretation, we would need to be familiar with the ethnic identity of the original owners of the archaeological findings as well as with their political affiliation, which obviously surpasses the scope of archaeology. Nevertheless, thorough knowledge about the contemporary, significant archaeological differences between the Eastern European grassy and forest steppes, forest regions, and the microregions of the former makes it possible to research migration with traditional archaeological methods. Completing our investigation with natural scientific methods, we may have a lot more to say about these matters than our predecessors. For archaeology, the fundamental question about the early Hungarian history has remained the same to this day: from the archaeological findings of the territory stretching from the Urals to the Carpathian Basin, i.e. west of the Western Siberian proto-homeland hypothesized earlier based on linguistic arguments, what links can be made to the early medieval ancestors of Hungarians? Or in other words, can the location of the individual settlement areas – hypothesized on the basis of the written sources – be confirmed in light of the more recent archaeological findings? Moreover, do the origins and the system of relations of the findings from the Age of the Conquest direct researchers primarily towards the east, and if yes, to what extent? To answer these questions, two research methodologies have essentially been developed in the course of over 100 years. One of them proceeds from the Urals towards the Carpathians, referred to as the linear method, while the retrospective method takes the 10th century heritage of the Carpathian Basin as a point of reference and guides the researchers in finding the Eastern European antecedents. In my article, I will go over the latest archaeological findings based on the latter.

Keywords: archaeology, early history of Hungarians, Ural Mountains, Volga, Middle Ages

Nowadays it is a scientific fact, that there are only a few written sources on the history of the ancient Hungarians. At the same time, archaeology – a discipline with a dynamically growing corpus of finds – plays a key role in this field of research (Fodor, 2012, pp. 125–146). This holds true even if the methodological criteria for the historical assessment of archaeological finds and their cultural contexts have become much stricter, especially regarding the ethnic attribution of archaeological assemblages (Bálint, 1994, pp. 39–46; 1999, pp. 13–16). For archaeology, the fundamental question about early Hungarian history has been the same to this day: from the archaeological finds of the territory stretching from the Urals to the Carpathian Basin, i.e. west of the Western Siberian proto-homeland hypothesized earlier based on linguistic arguments, what links can be made to the early medieval ancestors of Hungarians? (Türk, 2014, pp.19–30). Or to put it differently, can the location of the individual settlement

areas – hypothesized on the basis of the written sources – be confirmed in light of the more recent archaeological finds? Moreover, do the origins and the system of relations of the finds from the Age of the Conquest point primarily towards the east and if yes, to what extent? (Fodor, 1994, pp. 47–65). To answer these questions, two research methodologies have essentially been developed over little more than the past 100 years or so. One of them proceeds from the Urals towards the Carpathians, referred to as the linear method, while the other takes the 10th century heritage of the Carpathian Basin as a point of departure and looks for the Eastern European antecedents – this is the retrospective method (Langó, 2007; Türk, 2012, pp. 3–28).

One of the greatest difficulties in research on the ancient Hungarians is the overview, filtering and interpretation of the rich corpus of early medieval archaeological finds from the vast region between the Urals and the Carpathian Basin (Pósta, 1905; Bálint, 1989, pp. 44–73; Fodor,

¹ The research was realized in the frames of OTKA Grant 106369; MTA BTK MÓT Grant 28/317/2012. This paper was supported by the János Bolyai Research Scholarship of the HAS and the "New National Excellence Program, Bolyai+" (ÚNKP-18-4-PPKE-25)

1993, pp. 17–38; Fodor, 1994; 2009; Erdélyi, 2008). The linguistic, palaeoenvironmental and archaeological record, and the ethnography of the population groups living in the area all suggested that the emergence of the ancient Hungarians could be located to western Siberia, also called the Hungarians' ancestral homeland (Fodor, 2006, pp. 89–114). During the long migration to the Carpathian Basin, the ancient Hungarians lived in various regions, where they encountered and came into contact with many different peoples. Three of the known settlement territories mentioned in the written sources have been studied in more detail: Magna Hungaria, Levedia and Etelköz (Тюрк, 2016, с. 268–272).

In the past decade, the archaeological research of early Hungarian history took a huge leap forward thanks to the new early medieval finds recovered in the region of the River Dniester and the Ural Mountains (Комар, 2008, с. 214–216; Комар, 2011, с. 21–78). From the aspect of archaeological methodology, we can affirm that this group of finds and archaeological phenomena appears to be related to the 10th century material culture of the Carpathian Basin. Such connections have only been established in the South Russian forest and partly grassy steppes, in the region of the Volga elbow of Samara and the Southern Urals.

A handful of eminent Russian, Ukrainian and Moldavian archaeologists, who were familiar with the archaeological material of the Hungarian Conquest period (the 10th century material in the Carpathian Basin), noted the possible relevance of certain find assemblages to ancient Hungarian history (Иванов, 1999; 2015; Рябцева, Рабинович, 2007, с. 195–230; Сташенков, 2009, с. 228–229) and also pointed out the possible cultural contacts in their publications. However, a secure identification requires an archaeological database (Комар, 2013, с. 182–231) covering the entire range of archaeological assemblages and their local cultural contacts with a firm chronological grounding to which the new Hungarian Conquest period assemblages from the Carpathian Basin and the new east European finds can be compared (Fodor, 2009a, pp. 163–171).

The Hungarian Conquest is traditionally dated to 895, but in addition to the data of the written sources, certain archaeological finds also seem to have confirmed recently that the material culture of the Conquest period had appeared earlier in the Carpathian Basin. An indication of that, for instance, is the radiocarbon dating of the graves of a few armed men buried separately (for example near Szeged: Türk et al. 2015). If

new discoveries could be added to this group of finds, that will be yet another argument in support of the hypothesis that the Conquest did not take place over one or two years, but that it should be regarded as a historical process lasting for several decades, closed by the battle of Pozsony in 907 (Mesterházy, 1993, pp. 270–311; Révész 1996; Révész, 2003, pp. 338–346).

Archaeological research on the ancient Hungarians is, understandably, inextricably bound up with the 10th century heritage period archaeology of the Carpathian Basin. This is hardly surprising, given that the Hungarian Conquest period is the indispensable reference point for the two basic research designs in studies on the ancient Hungarians, namely the linear (from the Urals to the Carpathians) and the retrospective (the search for earlier eastern parallels starting from the 10th century assemblages of the Carpathian Basin) (Fodor 1975; Révész, 1998, pp. 523–532; Langó, 2007). The archaeological record nowadays clearly indicates that the antecedents to the 10th century find assemblages of the Carpathian Basin can be found in the earlier, 9th century material of Eastern Europe. While it is now clear that the proportion of eastern find types in the Hungarian Conquest period material is not as high as was assumed a few decades ago, we also know of find assemblages leading all the way to the Urals that were deposited in the 10th century, i.e. after the generally accepted date of the Hungarian Conquest (AD 895), which are thus roughly contemporaneous with the Hungarian Conquest period material from the Carpathian Basin.

Interestingly enough, these finds occur almost exclusively in the regions that can be considered as the possible settlement territories of the ancient Hungarians. The mapping of these finds and their historical and archaeological assessment is at least as important as of the relevant eastern analogous finds that can be dated before 895. In the case of a few assemblages, mostly stray finds, there is no way of telling whether these were deposited before or after 895. This problem, which can hardly be resolved using conventional archaeological methods based on the formal similarities or dissimilarities of various artefact types, again underscores the need for the widespread application of archaeometric analyses such as radiocarbon dating (Türk, 2010; Türk et al. 2015). On the other hand in the case of archaeogenetic studies, mtDNA and Y chromosome analyses can shed light on ancient population lineages (Csakyova et al. 2017). It must be repeatedly emphasized that the comparative material for archaeogenetic

studies should be made up of 10th century, rather than modern samples if the aim is to search for the possible eastern relations of the 10th century population (Csösz et al., 2013, pp. 237–243; Mende, Türk, 2017, p. 69). New advances in this field can be expected from the study of the skeletal remains of individuals born in the east, but buried in the Carpathian Basin. It is also clear that the selection of skeletal samples of this type can only be achieved through radiocarbon dating.

Studying the eastern connections and the archaeological heritage of the Conquest period and the early Árpáadian Age could reveal some references as to which direction the conquering forefathers may have reached the Carpathian Basin from. The earliest such finds that are relevant to this research are located on the external, eastern side of the Carpathians, in the region of the Moldavian Republic and the Lower Danube (Fodor, 1993, pp. 17–38; Fodor, 1994, pp. 47–65). However, doubts of a chronological nature have been raised recently concerning the historical assessment of the finds. The characteristic S-terminalled ring ornaments exposed in the cemetery near Przemyśl is an indication of burials carried out in the second half and at the end of the 10th century.

Thus, the possibility was raised that these archaeological sites – or at least, some of them – are not the westernmost remnants of the settlement areas of Etelköz, but they could be evidence of groups sent to live in the frontier region of the passes at the end of the 10th century, most likely for the purposes of military defence. The graves that were discovered here and there in the multi-grave burial sites of 10th century Rus certainly cannot be linked with the residence of Etelköz (Комар, 2011, с. 21–78). These graves are as distinct from their environment as the group of finds – recently discovered near the battlefield of Augsburg – originating from the 10th century Carpathian Basin. These finds could belong most likely to Hungarian warriors who served in Kiev as mercenaries. In exchange, there were numerous soldiers who came to Hungary from there, commemorated, for instance, by the toponym Oroszvár and the axe-shaped amulets in the Carpathian Basin (Füredi et al., 2017, pp. 413–467). The third heavily contested group of artefacts found around Bucharest and Lake Tei, whose less characteristic archaeological material – mainly based on the features of the Subotcy horizon to be presented below – is regarded today as belonging to the Pechenegs or other late nomadic groups (Бокий, Плетнёва, 1988, с. 99–115).

Regrettably, from the territory of present-day Moldavia to the region of the River Dniester, we have only few finds of interest from the aspect of early Hungarian history (Рябцева, Рабинович, 2007, с. 195–230). This phenomenon might be explained by the different geographical environment, as there we can find hilly geomorphological forms of greater altitude. It should be noted that the western border of Etelköz was most likely not the stretch of the Lower Danube, because archaeological evidences of the First Bulgarian Tsardom – including entire sites – occur in considerable numbers far to the north as well.

As of today, we do not have additional finds of this kind east of the River Dnieper, but it should be noted that in other ages and in the case of other peoples, too, the settlements were typically located in larger river valleys. Finds like the ones exposed at Slobozeya were unearthed along the middle course of the Dnieper, in the region of present-day Kryvyi Rih, Kirovohrad, Dnipropetrovsk and Kremenchuk, which have been archaeologically known as the as the Subotcy horizon after the first archaeological site where they were located (Комар, 2011, с. 21–78). These finds seem to originate from the second half of the 9th century by using both the traditional dating method as well as radiocarbon dating. Thus, based on both the characteristics of the finds and their dating, those buried here must have been the Hungarians of the settlement areas of Etelköz. These sites all lie in the territory that can be correlated with the Etelköz of the written sources. The radiocarbon dates for the Subotcy horizon fall into the later 9th century (Türk, 2010, Fig. 5). All of this is in fascinating harmony with the chronological data of the written sources, in which Hungarians do not appear before the second half or second third of the 9th century.

The most relevant new eastern finds have been reported from Slobozdeya. The archaeological site of Slobodzeya along the Dniester has been the archaeological sensation of the past few years (Щербакова, Тащи, Тельнов, 2008). The finds of the more than 20 burial sites, linked with the Hungarians by most researchers and which were dug secondarily into the embankment of the Bronze Age kurgan, clearly reflect Slavic connections, for example the pottery finds of the late Luka-Raikovetskaya culture. However, they also include some Byzantine silk and ceramics supposedly from Crimea, and even wheel-thrown pottery originating from the Volga region. In addition to the types of jewellery and horse harness showing a clear parallel with the

10th century material culture of the Carpathian Basin, the raw material (silver gilt) and the floral ornamentation as well as the manner of burial (skull facing west, flayed horse skin) signal an incontestable association. While the finds reflect contact with the neighbouring territories, especially the Slavic lands to the north, principally indicated by pottery imports. These contacts are also mentioned in the written sources.

The territory between the Dnieper and the Volga is the biggest blank spot in the archaeological research of early Hungarian history. The only find that we can mention from here is the grave of Vorobyevo (Плетнёва, 2003, с. 103–114) in the Don region. Although it shows strong signs of Saltovo origin (or pseudo-Saltovo, to be more precise), the buckle and some other features indicate an obvious origin from the Volga-Urals region. Levedia, whose existence was hypothesized to begin from the second third of the 8th century, located around Don-Seversky Donets, cannot be archaeologically confirmed, and what is more important: there are no finds originating from the Volga-Urals, either. In fact, archaeologically speaking, there are no signs whatsoever that would indicate the migration of any population to Europe from the eastern bank of the Volga, the possibility of which was, at any rate, successfully reduced by the Khazar Khaganate according to the written sources. On the other hand, it has been clearly shown that such a process did take place in the second third of the 9th century. As a matter of fact, the onetime existence of the settlement area of the Don River region was built on exclusively the etymology of the word *Dentümogyer* noted down in the 13th century, but the interpretation of the latter as 'Don tői magyar' [i.e. Don-rooted Hungarian] has been discarded. By the way, the 'Don root' was one of the most densely populated areas of Eastern Europe at the time, inhabited by the Alans of the Saltovo-Mayaki culture in the 8th–10th century, so our forefathers would have hardly been able to set up camp there (Fodor, 1977, pp. 79–114). Furthermore, there is another argument that goes against this hypothesis: Levedia's 'placement' in Khazaria was motivated by the attempt to define the place where the ancient Turkish loan words would have been received. However, the Alans living in the above-mentioned area spoke an Iranian language, not Turkish, and the Turkish language swap is neither proven in their case, nor is it likely.

The same two arguments hold true for the northern frontier of the Caucasus in relation to the hypothesis of the Caucasian or Kuban region

proto-homeland. In the past couple of years, we have received news of some exciting finds from the region of Krasnodar (quite similar to the ones from the Age of the Conquest). However, these are finds mostly collected by treasure hunters, and they lack the archaeological context. Also, presumably they were not found in pit graves, but in chamber graves that were unique to the Alans. Therefore, their assessment requires further and substantial research. Naturally, the question of Levedia's location does not refute the fact of the Khazar-Hungarian encounters; it is only the geographical site of these ancient relations commemorated by written sources that needs to be reconsidered (Róna-Tas 1999).

The human-figure fittings of the Subbotsy horizon (i.e. the legacy of the settlement areas of Etelköz) depicting the figures in a characteristic cross-legged position, or the 9th century appearance of the silver and pressed silver mounts – though decorated by Saltovo patterns – in the Saltovo Alan chamber graves can serve as evidence of the ancient connections. The links to the Khazars are also explicitly confirmed by the trapezoid cross section of the bow-hilt plate as well as by certain types of mounts that are typical of the Conquest period and the Sokolovskaya Balka horizon of the Khazar Khaganate (Биро, Ланго, Тюрк, 2009, с. 407–441), despite the fact that the latter had disappeared by the beginning of the 9th century, and we are not yet familiar with the 9th–10th century archaeological finds of the 'real' Khazars (Афанасьев, 1999, с. 85–89).

The location of Levedia, however, still runs into problems. The archaeological record of the Don–Northern Seversky Donets region, which was earlier identified with Levedia (Акёнов, 2001, с. 212–214), contains no traces whatsoever of a population arriving from the Ural region between the 6th and the 8th centuries. At the same time, there is barely any resemblance between the Hungarian Conquest period finds and the 8–10th century assemblages of the Saltovo-Mayatskaya culture distributed in the region traditionally identified – mainly in the Hungarian research – with Levedia (Fodor, 1977, pp. 79–114). This culture was earlier interpreted as the archaeological correlate of the entire territory of the Khazar Khaganate, and thus also of Levedia, which was part of the khaganate. The Saltovo culture, which was earlier divided into so-called regional variants in view of the considerable divergences in its material (Плетнёва, 1967; 1981; 1999) is no longer regarded as a big uniform archaeological culture as originally

defined by S. A. Pletneva (Афанасьев, 1987; Werbart, 1996).

The archaeological record seems to confirm earlier suggestions that Levedia was maybe not an independent settlement territory of the ancient Hungarians, but was part of the probably easterly areas of Etelköz. The chronology of the finds from the southern Urals and the Dnieper region suggests a relatively rapid migration of the ancient Hungarians no earlier than the beginning of the 9th century, as was earlier suggested by Russian and Ukrainian research (Иванов, 1999; Белафин, Иванов, Крыласова, 2009).

The distribution of the archaeological material known from the two eponymous sites would only warrant this label for the so-called Alanic or forested steppe variant (Афанасьев, 2001, с. 43–55); the connections of the other regional variants with the Saltovo culture have been convincingly refuted by Russian and Ukrainian scholars (Иванов, 2002, с. 36–38; Колода, 2011, с. 21–31; Флорова, Флоров, 2000, с. 137–141). Owing to the above considerations, the labels 'Saltovo culture' and 'Saltovo cultural-historical complex' are regularly employed in the Russian and Ukrainian archaeological literature even by scholars who do not challenge the cultural primacy or the leading role of the Khazars (Комар, 1999, с. 111–136; 2004, Комар, с. 87–91). Hungarian scholars differ over the interpretation of the Saltovo culture and its cultural impact on the ancient Hungarians (Bálint 1975, pp. 79–114; Fodor, 1977, pp. 79–114; Révész, 1998, pp. 523–532).

It is now clear that some of the find types, such as the clay cauldrons (Афанасьев, Лопан, 1996, с. 18–20; Лопан, 2007, с. 240–311), that were believed to have their counterparts in the Saltovo culture cannot be derived from that culture or that they are objects which are known also from the territories neighbouring on the Saltovo culture's distribution either as imports or as local copies (for example in the Volintsevskaja culture and in the so-called early Mordvinian burial grounds). Saltovo type finds could thus have reached the ancient Hungarians from areas other than the Saltovo heartland and thus their presence in the archaeological heritage does not necessarily imply that the ancient Hungarians had once lived on the territory of the Saltovo culture (Türk 2010, pp. 261–306). In fact, the Hungarian Conquest period finds and the 9th and 10th century archaeological material of the Etelköz region reflect much closer contacts with the 8th–9th century (and, of course, 10th century) assemblages of the southern Urals and the Middle Volga region.

New finds bearing an uncanny resemblance to the Hungarian Conquest period material are known from the Samara area in the Middle Volga region (Сташенков, 2009, с. 228–229).

In the territory enclosed by the Dnieper and the Volga rivers, the 9th–11th century cemeteries of the ancient peoples speaking most likely Finno-Ugric languages, who lived on the frontier of the forests and the forest steppe, represent much closer parallels in archaeological terms. At the same time, the so-called proto-Mordovian and proto-Cheremis burial sites (Иванов, 1952) are not related to the ancestors of the Hungarians in an ethnic sense.

The similarities observed should be interpreted primarily as cultural links, even though the archaeological material that is of interest to us often emerge from women's tombs, and may be a sign of intermarriages in the given period. Although both criteria – the co-presence of the Uralian and the Conquest period traits – are satisfied here, further detailed chronological examinations will be necessary. For instance, it has already been revealed about some supposedly Hungarian finds (e.g. the belt mounts of Grave 505 of Kryukovo Kuznoye) that based on their technical specificities and material composition, they are most probably objects of Bulgarian origin. Nevertheless, the historical–archaeological analysis of the typological similarities and their characteristic distribution areas will continue to be a cardinal task (Zelencova, Saprykina, Türk, 2018, pp. 689–720).

At the Samara elbow of the Volga, on the left bank of the river, we know of six or seven archaeological sites from the 8th and 9th centuries (Nemchanka, Proletarskoye Gorodishche 116 km, etc.) that are noteworthy from a Hungarian perspective. In addition to the metal finds, the appearance of Uralian-type ceramics is a significant phenomenon here (Bakalskaya culture and Kushnarenkovo/Karayakupovo culture). Among the latter, we can mention the hand-made pots with a sphere-shaped bottom and a braid ornament around their neck, slimmed by river mussels or talc. These kinds of pots occur at several other sites, also from much earlier times (Сташенков, 2009, с. 228–229). The early medieval finds of this microregion show that waves of migration from the direction of the Urals hit the territory in two or three periods from the Hun period until the 9th century. On the right bank of the river, research has discovered the appearance of supposedly Turkic-speaking peoples in a similar chronological order; thus, in other words, it was not only and primarily

the appearance of the Volga Bulgarians that led to the 'Turkization' of the Volga region. From the territory of the Saltovo culture, there are unquestionable traces of relocation from the end of the 7th century. Thus, if finds should appear around the Samara Elbow of the Volga that are the archaeological legacy affiliated of the Khazar Khaganate, then we can rightly hypothesize the presence of a population speaking a western Turkic language near the middle course of the Volga (Матвеева, 1997; Казаков, 1999, с. 23-38).

This seems to be confirmed by the disappearance of the archaeological assemblages closely related to the Saltovo complex (such as the Novinki- and Uren' type find horizons) by the turn of the 7th–8th centuries at the latest (Сташенков, 1995, с. 268-291). It is difficult to determine when the ancient Hungarians first appeared in this region. The hand-thrown, cord-impressed pottery tempered with crushed mussels of the Ural region typical for the Kushnarenkovo (6th–8th centuries) and the Karayakupovo cultures (8th–9th centuries) has been reported from several sites (including settlements) in the Samara area (Сташенков, 2009, с. 228-229).

Why, and more importantly, how the Hungarians crossed the Volga and moved to the west, we do not yet know. In my opinion, we have reason to suppose that – as written sources report about it later, in the case of the Pechenegs – these events could not have taken place without the cooperation, agreement, and alliance of the Khazars. A probable underlying reason of the move could have been the arrival of the Pechenegs in the frontiers of the Southern Urals at the turn of the 8th and 9th centuries from the south, and then the Kimeks, maybe Bashkirians (Srostrinsk culture) from the east. The threat embodied by the nomadic Petchenegs may also explain the scarcity of ancient Hungarian finds between the Volga and the Dnieper, and also why evidence for a more permanent settlement is only known from the Dnieper region, from sites mostly lying on the river's western bank. Knowing the mobility of nomadic peoples and especially of nomadic armies, moving to a distance of no more than a few hundred kilometres away was hardly a feasible solution. While it is uncertain what exactly triggered the migration – an issue that can hardly be resolved using conventional archaeological methods – an attack by the Petchenegs (the so-called first Petcheneg-Hungarian war) as assumed earlier by historians, seems a logical scenario (Тюрк, 2016, с. 268-272).

Chronologically speaking, a likely date seems to be the second third of the 9th century,

which is also supported by the dating of the finds typical of the Volga–Southern Urals region that appeared in Eastern Europe. Note that this chronology is in accordance with the data of the written sources as well, which do not mention the ancestors of the Hungarians in Eastern Europe before 830/850. According to the latest research, the crossing of the Volga must have taken place through the Zhiguli Mountains located north of the town of Samara, and well-known from later sources, where the river bottleneck is split by several smaller islands.

In the Southern Urals, it is the Bashkirian and East Tatarstani, so-called Kushnarenkovo and Karayakupovo archaeological cultures from the 6th–9th centuries that research has connected with the forefathers of the Hungarians (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009; Иванов, 2015). Recently, the archaeological sites of these cultures have extended much further south and east of the previous places (i.e. the grassy steppes of Orenburg – Filippovka and the Trans-Uralian forest steppes – Sineglazovo, Karanayevo, Uelgi), even overlapping into the 10th century at places (Боталов, Лукиных, Тидеман, 2011, с. 104-114). There were obviously significant changes taking place in the territories lying east of the Urals at the turn of the 8th century (e.g. the disappearance of the kurgan burials). Leaving the eastern side of the Urals has been linked with various historical events by different researchers, and most often, they have been interpreted as the northern effect of mass migrations related to the emergence of the First Turk Khaganate (Боталов, 2017, с. 267-334).

Concerning the eastern precedents, we should mention the recently outlined Bakalskaya culture (4th–6th centuries). At certain archaeological sites of this culture, the proportion of the so-called 'Proto-Kushnarenkovo ceramics' is as high as 25 percent (Боталов, 2017, с. 267-334). The significance of the distinction of the Bakalskaya culture in the forest steppes of the Trans-Urals lies in the fact that it fills the chronological void after the termination of the Sargatskaya culture, the most important culture of the region going back to the Iron Age, and which was also linked – mistakenly – with the predecessors of the Hungarians. Previously, many tried to date the end of the Sargatskaya culture (4th century BC – 4th century AD) to the 6th century, mainly to be able to link it with the beginning of the Kushnarenkovo culture.

In the Bakalskaya culture, however, it is clearly the Sargatka traditions that live on, while its links with the Kushnarenkovo culture

are also clear-cut (Матвеева, Зеленков, 2016, c. 246-251). Its chronological place between the 4th and 6th centuries AD is supported by dozens of radiocarbon examinations. Today many local researchers do not see any Hungarian–Ugrian precedents in the Sargatskaya culture; rather, they emphasize the mostly southern, Scythian-type features and origin of the latter. While this question necessitates a lot more future investigation, we can ascertain that this is the most distant archaeological culture in time and space to which we can go back on the basis of the

heritage of the Hungarian Conquest period with more or less certainty.

It is, of course, possible to study the historic events of the Iron Age of the region (Матвеева, 2016), as well as the Uralian archaeological cultures of the period prior to the evolution of the Hungarian language. At the same time, there are more and more Hungarian researchers who think that the events that took place before the birth of the independent Hungarian language (approx. 1000–500 BC) (Fodor 1975) should no longer be considered as part of the early Hungarian history.

REFERENCES

- Bálint Cs. 1975. A szaltovó-majaki kultúra avar és magyar kapcsolatairól (On the Avar and Hungarian relations of the Saltovo-Mayak culture). *Archaeologiai Értesítő* (112), 52–63.
- Bálint Cs. 1989. 8.–10. Jahrhundert. In: *Die Archäologie der Steppe. Steppenvölker zwischen Volga und Donau vom 6. bis zum 10. Jahrhundert*. Wien–Köln, 44–73.
- Bálint Cs. 1994. A 9. századi magyarság régészeti hagyatéka. In: Kovács, L. (ed.) *Honfoglalás és régészet. A honfoglalásról sok szemmel 1*. Budapest, 39–46.
- Bálint Cs. 1999. Zwischen Orient und Europa. Die „Steppenfixierung“ in der Frühmittelalterarchäologie. In: *Zwische Byzanz und Abendland. Pliska, der östliche Balkanraum und Europa im Spiegel der Frühmittelalterarchäologie*. Hrsg.: Henning, J. Frankfurt am Main. pp. 13–16.
- Csakyova, V., Stegmar, B., Mende, B. G., Egyed, B., Szécsenyi-Nagy, A., Türk, A. 2017. New Data on the Generic Origin of Early Hungarians (8–10th c. AD) and its Comparison with Archaeological, Linguistic and Historical Sources. In Bazelmans, J. (ed.) *Building Bridges*. Abstract book of the 23rd Annual Meeting of the European Association of Archaeologists 2017. Maastricht. p. 437.
- Csósz A., Langó P., Mende B. G., Türk A. Археогенетические исследования на материалах Салтовской и древневенгерской культуры. Предварительный отчет и историография археологического вопроса // II-й Международный Мадьярский симпозиум: сборник научных трудов. (Челябинск, Шадринск, 13—15 августа 2013 г.). Челябинск: Рифей, 2013. С. 237–243.
- Erdélyi I. 2008. *Scythia Hungarica. A honfoglalás előtti magyarság régészeti emlékei*. Budapest.
- Fodor I. 1975. *Verecke híres útján... A magyar nép őstörténete és a honfoglalás*. Budapest.
- Fodor I. 1977. Bolgár-török jövevényszavaink és a régészet. In Bartha A. et al. (eds.). *Magyar őstörténeti tanulmányok* Budapest, 79–114
- Fodor I. 1993. Magyar jellegű régészeti leletek Moldvában. (Archaeological finds of Hungarian character in Moldavia.) In: *Tanulmányok Domokos Pál Péter emlékére*. Szerk.: Halász P. Budapest, 17–38.
- Fodor I. 1994. Leletek Magna Hungáriától Etelközig. In: *Honfoglalás és régészet. A honfoglalásról sok szemmel 1*. Szerk.: Kovács L. Budapest. pp. 47-65.
- Fodor I. 2006. A régészettudomány történetisége. A magyar őstörténet példáján (Archäologie als historische Wissenschaft. Am Beispiel der ungarischen Urgeschichte). *Archaeologiai Értesítő* (131), 89–114.
- Fodor I. 2009. *Őstörténet és honfoglalás. Magyarország Története 1*. Budapest.
- Fodor I. 2010. Az őscseremisztársoly-lemez. In Berczki, A., Csepregi, M., Klima, L. (eds.). *Ünnepi írások Berczki Gábor tiszteletére. Urálsztkai Tanulmányok 19*. Budapest. 163–171.
- Fodor I. 2012. *Őstörténeti viták és álviták*. In: Molnár, Á. (ed.). *Csodaszarvas IV*. Budapest. 125–146.
- Füredi et al., 2017 Füredi Á., Király Á., Pópitay D., Rosta Sz., Türk A., Zágórhidi Czigány B. Balta alakú amulettek a Kárpát-medence 10–11. századi hagyatékában. Régészeti megfigyelések a miniatürizált tárgyakról, valamint a kora Árpád-kori rusz–magyar kapcsolatok kérdéséről (Axe-shaped amulets among the 11th- and 12th-century finds in the Carpathian Basin. Archaeological observations on miniature objects and on the issue of early Árpád-era Rus–Hungarian relations). In: *A népvándorlaskor fiatal kutatóinak XXIV. konferenciája Esztergom 2014. 4–6. 11.2014. II. Studia ad Archaeologiam Pazmaniensiae No. 3.2 – Magyar Őstörténeti Témacsoport Kiadványok 3.2*. Budapest–Esztergom. 413–464.
- Langó P. 2007. *Amit elrejt a föld... A 10. századi magyarság anyagi kultúrájának régészeti kutatása a Kárpát-medencében*. Budapest.

Mende, Türk. Possibilities and perspectives of the bioarchaeological research of the early Hungarians // Человек и среда: актуальные проблемы антропологии и археологии. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием VII Алексеевские чтения, памяти академиков В.П. Алексеева и Т.И. Алексеевой (Казань, 22–25 мая 2017 г.). Казань: ООО «Озон», 2017, С. 69.

Mesterházy K. 1993. A magyar honfoglalás kor régészetének ötven éve. Századok 127. 1993, 270-311.

Pósta B. 1905. Régészeti tanulmányok az Oroszöldön I–II. (Archaeologische Studien auf russischem Boden). Budapest–Leipzig 1905.

Révész L. 1996. A karosi honfoglalás kori temetők. Adatok a Felső-Tisza-vidék X. századi történetéhez (Die Gräberfelder von Karos aus der Landnahmezeit. Archäologische Angaben zur Geschichte des Oberen Theißgebietes im 10. Jahrhundert). Miskolc.

Révész L. 1998. Szempontok a honfoglalás kori leletanyag időrendjének meghatározásához a keleti párhuzamok alapján (Geschichtspunkte zur Bestimmung der Chronologie der landnahmezeitlichen Funde Aufgrund der östlichen Analogien). Móra Ferenc Múzeum Évkönyve – Studia Archaeologica 4 (1998) pp. 523-532.

Révész L. 2003. The cemeteries of the Conquest period. In: Hungarian archaeology at the turn of the millennium. Ed.: Visy, Zs. Budapest, 2003, pp. 338-346.

Róna-Tas A. 1999. Hungarians and Europe in the Early Middle Ages: An Introduction to Early Hungarian History. Budapest, 1999.

Türk A. 2010. A szaltovói kultúrkör és a magyar őstörténet régészeti kutatása. In: Középkortörténeti tanulmányok 6. A VI. Medievisztikai PhD-konferencia (Szeged, 2009. június 4–5.). Szerk.: G. Tóth P., Szabó P. Szeged, 2010, pp. 261-306.

Türk A. 2012. Zu den osteuropäischen und byzantinischen Beziehungen der Funde des 10.–11. Jahrhunderts im Karpatenbecken. In: Die Archäologie der frühen Ungarn. Chronologie, Technologie, und Methodik. Hrsg.: Tobias B. Mainz, 2012, pp. 3-28.

Türk A. 2014. A korai magyar történelem régészeti kutatása napjainkban. In.: Magyar Őstörténet – Tudomány és hagyományörzés. Szerk.: Sudár B., Szentpéteri J., Petkes Zs., Lezsák G., Zsidai Zs. MTA Bölcsészettudományi Kutatóközpont. Budapest, 2014, pp.19-30.

Türk et al. 2015. Türk A., Lőrinczy G., Marcsik A.: Régészeti és természettudományi adatok a Marostorkolat nyugati oldalának 10. századi történetéhez (Archäologische Daten und naturwissenschaftliche Ergebnisse zur Geschichte des 10. Jahrhunderts des westlichen Ufers der Muresch-Mündung. Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia 4. / MTA BTK Magyar Őstörténeti Témacsoport – Kiadványok 4. Budapest, 2015.

Werbart B. I. 1996. Khazars or „Saltovo-Majaki Culture”? Prejudices about Archaeology and ethnicity. Current Swedish Archaeology (4), 199–211.

Zelencova O. V., Saprykina I. A., Türk A. 2018. A karancslapujtói honfoglalás kori öv és mordvinföldi „hasonmása”. A karancslapujtói típusú övveretek kelet-európai elterjedése (Пояс эпохи завоевания Родины и его мордовская «аналогия». Поясные накладки типа Каранчлапуйте (Венгрия) и их распространение в Восточной Европе в X в.). In Korom A. et al. (eds). Relationes rerum. Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletére. Budapest 2018, 689–720.

Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона (аланский вариант салтовомаяцкой культуры) // Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. / Археологические открытия на новостройках Вып.2. М.: Наука, 1987. 198 с.

Афанасьев Г.Е. Салтовская культура в хазарских проблемах. // Археология черноземного центра России: история исследований, историография (Воронеж, 16–17 декабря 1999 г.). Воронеж: Воронеж Издательство Воронежского университета, 1999, С. 85–89.

Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? // РА. 2001. №2. С. 43–55.

Афанасьев Г.Е., Лопан О.В. Об одном исследовательском парадоксе в поисках этномаркирующий признаков протоболгар // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (Москва, апрель 1996 г.). М.: ИА РАН, 1996. С. 18–20.

Аксенов В.С. Контакты венгров с аланами в IX веке — взаимопроникновение культур. // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии. V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа (Ставрополь, 12–15 апреля 2001 г.). Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2001, С. 212–214.

Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры в Предуралья в древности и средние века. Уфа: Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы, 2009. 278 с.

Биро А., Ланго П., Тюрк А. Роговые накладки лука Карпатской котловины X–XI вв. (10th–11th Centuries Antler Overlays of Bow from Carpathian Basin). // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 7. / Гл.ред. Евглевский А.В. Донецк: ДонНУ, 2009. С. 407–441.

Бокий Н. М., Плетнева С.А. Захоронение семьи воина-всадника X в. в бассейне Ингула // СА.1988. №2. С. 99–115.

Боталов С.Г. Погребальный комплекс Уелги и некоторые наблюдения на предмет угорского и мадьярского культурогенеза (A Dél-Urál a 6–11. században. Észrevételek az ugor és a magyar népesség anyagi műveltségének kialakulásával kapcsolatban). In: A népvándorlások fiatal kutatóinak XXIV. konferenciája Esztergom 2014. november 4–6. II. Ред.: Türk A. et al. Studia ad Archaeologiam Pazmaniensiae No. 3.2 – Magyar Östörténeti Témacsoport Kiadványok 3.2. Budapest–Esztergom, 2017. С. 267–334.

Боталов С.Г., Лукиных А.А., Тидеман Е.В. Погребальный комплекс могильника Уелги – новый средневековый памятник в Южном Зауралье // Челябинский Гуманитарный Научный Журнал. 2011. №2 (15). С. 104–114.

Иванов П.И. Крюковско-Кужовский могильник / Материалы о истории мордвы VIII–IX вв. Моршанск: Моршан. Краевед. Музей. Отд. Истории края, 1952. 232с.

Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа: Гилем, 1999. 123с.

Иванов А.А. К вопросу об этнокультурной характеристике захоронений в “курганах с ровиками” Нижнего Дона и Волжско-Донского междуречья // Хазары. Второй Международный коллоквиум / Под ред. В.Я. Петрухина, А.М. Федорчука. М.: Институт славяноведения РАН, 2002. С. 36–38.

Иванов В.А. Угры Предуралья: продолжение темы // Поволжская археология. 2015 №4(14). С. 201–219.

Казаков Е.П. Новые археологические материалы к проблеме ранней тюркизации Урало-Поволжья // ТА. 1999. №1–2 (№4–5). С. 23–38.

Колода В.В. Салтовская культура на Харьковщине: очередной юбилей (итоги и перспективы исследований) // Салтово-маяцка археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині: збірник наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтовознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції «П'ятнадцяті Слобожанські читання» / Ред. Свистун Г. Є. Харків: Видавець Савчук О. О. ; ОКЗ «Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини», 2011. С. 21–31.

Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы // Vita Antiqua. 1999. №2. С. 111–136.

Комар А.В. Салтовская и «салтоидная» культуры в Поднепровье // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре 3–4. Київ–Судак, 2004, С. 87–91.

Комар А.В. Древние венгры. // Евразиядагы турк мұрасы – Тюркское наследие Евразии VI–VIII. вв. // Отв. ред.: Досымбаева А. Астана: Издво?, 2008. С. 214–216.

Комар А.В. Древние мадьяры Етелькеза: перспективы исследований // Мадяри в Середньому Подніпров'ї. Археологія і давня історія України 7. Київ, 2011. С. 21–78.

Комар А.В. Древние мадьяры Этелькеза: перспективы исследований // II-й Международный Мадьярский симпозиум: сборник научных трудов. (Челябинск, Шадринск, 13—15 августа 2013 г.). Челябинск: Рифей, 2013. С. 182–231.

Лопан О.В. Средневековые глиняные подвесные котлы с внутренними ручками-ушками // Средневековые древности Дона / Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 2. / Под ред. Гугуева Ю. К. М.; Иерусалим: Мосты культуры / Гешарим, 2007. С. 240–311.

Матвеева Г.И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Изд-во Самарского университета. 1997. 227 с.

Матвеева Н.П. Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (проблемы культурогенеза в лесостепной и подтаежной зоне). Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2016. 263 с

Матвеева Н.П., Зеленков А.С. К вопросу о миграции западносибирского населения в Приуралье. // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): Материалы научной конференции. Ижевск: УдГУ, 2016. С. 246–251.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / МИА № 142. М.: Наука, 1967. 200с.

Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнёва М.: Наука, 1981. С. 62–75.

Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим 1999. 373с.

Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XVIII вв.). Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2003. С. 103–114.

Рябцева С., Рабинович Р. К вопросу о роли венгерского фактора в Карпато-Днестровских землях в IX–X вв. // *Revista Arheologică. serie nouă* 2007. vol III. №. 1–2. С. 195–230.

Сташенков Д.А. Археологические исследования у с.Новинки в 1992 г. // *Краеведческие записки.* 1995. Вып. VIII. С. 268–291.

Сташенков Д.А. Памятники мадьярского круга в Самарском Поволжье // *Археология евразийских степей.* Вып. 13 / *Материалы научно-практической конференции «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международный конгресс средневековой археологии евразийских степей (Казань, 7–11 декабря, 2009 г.)* Казань: ООО «Фолиант»; Институт истории им. Ш. Марджани, 2011. С. 228–229.

Тюрк А. Возможности и перспективы археологических исследований ранней истории угров-мадьяров // *Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание).* Материалы Всероссийской научной конференции (Ижевск, 25–29 октября, 2016 г.). Ижевск: УдГУ, 2016, С. 268–272.

Флерова В.Е., Флеров В.С. Дагестанский вариант салтово-маяцкой культуры: правомерность выделения // *XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (Кисловодск, 3 сентября 2000 г.)*. Кисловодск: ГУП "Наследие" 2000, С. 137–141.

Флерова В. Е. Рец. на: András Róna- Tas. Hungarians and Europe in the Early Middle Ages: An Introduction to Early Hungarian History. Budapest, 1999. // *РА.* 2003. №1. С. 170–176.

Щербакова Т.А., Тащи Е.Ф., Тельнов Н.П. Кочевнические древности Нижнего Поднестровья (По материалам раскопок кургана у г. Слободзея) / *Археологическая библиотека.* Вып. IV. Кишинев: Elan Poligraf SRL, 2008. 138 с.

About the Author:

Türk Attila. PhD. Pázmány Péter Catholic University, Department of Archaeology, Szentkirályi, St., 28, Budapest, 1088, Hungary; turk.attila@btk.mta.hu

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ КОРНИ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ДРЕВНИХ МАДЬЯР КАРПАТСКОЙ КОТЛОВИНЫ (X В.) В ЗЕРКАЛЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ²

Аттила Тюрк

Исследование восточных связей по археологии Карпатского бассейна в X в. является одной из важнейших задач в изучении древнемадьярской истории. В последние 5–10 лет эта работа получила новые импульсы благодаря новым восточным находкам, и открытию материалов Субботцевского горизонта – переходного звена между венгерскими памятниками Урала и Карпатского бассейна. Ныне известно происхождение восточных аналогий находкам эпохи обретения родины (X в). К их первой группе принадлежат синхронные материалы восточного происхождения. Например, амулеты-топорики, число которых в последнее время резко возросло. Ко второй группе можно отнести находки позднее эпохи обретения родины. Например, изобразительное искусство с пальметтами. Восточные параллели венгерских находок можно найти, в частности, в степи, на территории Хазарского Каганата. Сегодня возрастает количество артефактов, указывающих на непосредственную связь Карпатской котловины с Волжско-Уральском регионом и Южным Уралом (например, трубочки для трута, и. т.д.). Иногда мы можем определить точную функцию этих находок с помощью именно восточных аналогий. Результаты антропологии и биоархеологии подтверждают сложность древнемадьярской истории аналогичной описаниям из письменных источников. Таким образом, для исследования археологического материала Карпатского бассейна X в. необходимо знать раннесредневековый археологический комплекс Восточной Европы. Географическое распространение восточных аналогий позволяет сделать важные исторические выводы. В целом, находки, связанные с мадьярами, обнаружены на тех территориях, на которых и по данным лингвистики и истории происходил этногенез венгров, или в тех краях, где жили

² Данное исследование реализовано в рамках гранта ОТКА 106369; МТА ВТК МÓТ Grant 28/317/2012. Работа выполнена при частичной финансовой поддержке исследовательской стипендией Яноша Боляя, Венгерской академии наук и "Новой национальной программой превосходства, Bolyai+" (ÚNKP-18-4-PPKE-25).

народы, контактировавшие с мадьярами. В последнее время возросло число могильников на территории древней Руси, в которых погребения совершались с предметами «венгерского типа». Полагаем, что эти находки принадлежали тем наемникам, которые, возможно, переселились в Русь из Венгрии. Находки, связанные с венграми, распространены не по всей Евразии, что может помочь в реконструкции пути передвижения мадьяр – вопрос, который до сих пор остается дискуссионным. Хронология движения венгров также спорная, ведь материалы Субботцевского типа и возможные древневенгерские памятники между Днестром и Уралом появлялись приблизительно одновременно. Археологический материал не позволяет говорить о том, что венгры пересекли Волгу в середине VIII в., как это утверждают венгерские исследователи. В последнее время возникли сомнения относительно западносибирского происхождения кушнаренковской культуры. С другой стороны, реальным продвижением в тематике стали последние биоархеологические исследования. Благодаря им, удалось установить, что генетический материал части венгров эпохи обретения родины связан с раннесредневековым населением Волжско-Уральского региона и Южного Урала.

Ключевые слова: археология, история древних венгров, Урал, Волга, средневековье.

Информация об авторе:

Атила Тюрк. PhD. Институт археологии Католического университета им. Петера Пазманя, (г. Будапешт, Венгрия); turk.attila@btk.mta.hu

УДК 902/904

MAGNA HUNGARIA И ЕЕ СВЯЗИ С СИНХРОННЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ ЕВРАЗИИ¹

© 2018 г. Т.В. Чичко

В докладе «Magna Hungaria и её связи с синхронными государствами Евразии» на основе археологических артефактов (погребальный инвентарь, клады и пр.) и изучения общей исторической и политической ситуации, сложившейся в Евразийской степи и Переднеазиатском регионе в раннем средневековье, раскрываются проблемы культурных и иных связей. При этом под территорией государства Magna Hungaria подразумевается территория распространения кушнаренковской и караякуповской культур южноуральского региона.

Ключевые слова: *Magna Hungaria*, Южный Урал, кушнаренковская культура, караякуповская культура, наборный пояс, культурные связи.

Период второй половины I тыс. н.э. – это время, когда лесостепная зона Южного Урала и Приуралья была заселена угро-мадьярскими племенами, представлявшими собой население, отождествляемое современными отечественными и зарубежными исследователями с легендарной Magna Hungaria. Этот период представляет определенные сложности для его изучения по причине отсутствия письменных источников. Поэтому все вопросы, связанные с реконструкцией исторических событий населения, этнокультурными процессами, происходившими в их среде, являются результатом изучения археологических источников. Необходимо отметить, что территория Южного Урала и Приуралья, и население, проживающее на ней, несмотря на некую географическую отдаленность и кажущуюся изолированность, благодаря древним торговым путям, всегда находилось в во взаимосвязи с государственными образованиями Евразии и за ее пределами в различные хронологические периоды, начиная с эпохи древности, что подтверждается на археологическом материале (Йессен, 1952; Сиротин, Трейстер, 2014). Не стала исключением и эпоха раннего средневековья. Поэтому, несмотря на отсутствие письменных источников, используя данные современной археологии, мы, применяя историко-генетический и сравнительно-исторический методы исследования, проанализировав археологический материал в историко-культурном контексте, проследим основные направления и динамику развития различного рода контактов государства Magna Hungaria с государствами Евразии.

Известное в археологических источниках государство Magna Hungaria археологически представлено на территории современного Башкортостана кушнаренковской и караякуповской культурами, хронологические периоды распространения которых определяются концом VI – VII в. н.э. и вторая половина VIII – середина IX в. н.э., соответственно. Необходимо отметить, что культуры эти не являются тождественными, но близкими во времени. (Иванов, 1999).

Обращают на себя внимание предметы материальной культуры кушнаренковского и караякуповского населения, известные из погребальных памятников. И, в первую очередь, для нас интересна, так называемая, геральдическая поясная гарнитура, известная в памятниках кушнаренковской культуры конца VI – VII в. н.э., которая явно указывает на наличие культурных контактов в южном и юго-западном направлении Евразии.

В конце VI – VII в. геральдическая поясная гарнитура распространена на всем пространстве Евразийской степи. Элементы «геральдики» известны в погребениях западносибирских угров (памятники потчевашской культуры конца VI – VII в.; релкинской культуры (VII – начало VIII в.) и алтайских тюрок (кудыргинский период) (Могильников, 1987; Гаврилова, 1971; Кляшторный, Савинов, 1994). Но находки их не многочисленны. Достаточно сильное типологическое сходство наблюдается между элементами геральдической поясной гарнитуры памятников кушнаренковской культуры Приуралья и памятников джетыясарской культуры в Восточном Приуралье (Левина, 1996).

¹ Работа выполнена при поддержке гранта В 18-130.

Можно заключить, что население, носители кушнаренковской культуры, испытывало определенное культурное воздействие Юга, что наиболее ярко проявилось в распространении здесь в конце VI – VII в. поясных украшений геральдического типа. Необходимо отметить широкое разнообразие форм и вариантов геральдики в памятниках кушнаренковской культуры. Здесь встречаются элементы геральдики, имеющие как кавказское и восточноевропейское, так и среднеазиатское (джетыясарская культура) происхождение. Это обстоятельство вполне объяснимо тем, что носители кушнаренковской культуры характеризуются как полукочевые племена, в памятниках которых на настоящий момент не зафиксировано признаков металлообработки. Поэтому, на наш взгляд, все металлические элементы костюма импортного происхождения, что вполне объясняется обстоятельствами этнической, военной и политической ситуации, сложившейся на территории Евразийской степи, связанных с образованием Тюркского каганата, войнами между Ираном и Византией и участие в них тюрок, распространением военной экспансии Тюркского каганата и участием в ней соседних племен, в том числе и угорских. На этом фоне несколько по-иному выглядит геральдическая поясная гарнитура населения ломоватовской и неволинской культур Прикамья, характеризующиеся своей оседлостью, и имеющие достаточно развитые навыки металлообработки, что проявилось в своеобразии местных типов и форм геральдики, распространившейся здесь в результате влияния степной моды, не исключая при этом непосредственное влияние кушнаренковского населения, выступавшего одним из передаточных звеньев идеи геральдических поясов в лесные районы Прикамья.

Приблизительно в середине – второй половине VIII в. в Южном Приуралье происходит смена кушнаренковской культуры караякуповской. Материальная культура населения всего региона в это время представляет собой органичное сочетание тюрко-болгаро-салтовских (поясная гарнитура, принадлежности конской сбруи и некоторые типы женских украшений) и местных прикамско-приуральских (коньковые и арочные шумящие подвески, трапециевидные ажурные подвески) элементов. Согласно реконструкции женского костюма, сделанной Н.А. Мажитовым на основе материалов погребения 2 I Бекешевского кургана 2, «тюркские» наборные пояса становятся одним из основных элементов

убранства женского костюма (Мажитов, 1981). В погребальных комплексах караякуповской культуры «тюркские» пояса представлены набором пряжек, ременных наконечников и бляшек-накладок прямоугольной, сегментовидной, сердцевидной, лунни-цевидной и порталльной формы с прорезью для продевания подвесных ремешков.

Ближайшие аналогии тюркским наборным поясам известны на древнетюркских каменных изваяниях Алтая. Пояса с подобными накладками известны и в древнетюркских погребениях Туэжты, Курая, Барбургазы, Ак-Тюбе и др. (Кубарев, 1984). Судя по известным археологическим материалам, прямоугольные, полукруглые, сердцевидные поясные накладки-лунницы в древнетюркское время были широко распространены на территории Алтая, Средней Азии и Западной Сибири (Вайнштейн, 1966; Грач, 1958; Распопова, 1980). Памятники, с поясами, состоящими из подобных накладок, исследователи относят к катандинскому этапу (VII–VIII вв.) алтайских тюрок (Гаврилова, 1965; Кляшторный, Савинов, 1994). Прямоугольные и полуовальные рамчатые накладки существовали и в более позднее время – в период господства Уйгурского каганата (VIII–IX вв.) (Кызласов, 1981).

В погребениях караякуповской культуры встречаются также и наконечники поясов с фестончатым краем и полуовальные наконечники с верхним концом в виде фигурной скобки, либо вырезанным в виде тупого угла, аналоги которым известны в слоях третьей четверти VIII в. в Пенджикенте (Распопова, 1980).

В целом, можно отметить, что состав предметов, известных в памятниках караякуповской культуры отражает достаточно сильное тюрко-сибирское и азиатское влияние, что проявилось в распространении здесь «тюркских» наборных поясов и близких им согдийских. Кроме того, азиатское влияние, по мнению В.В. Овсянникова, прослеживается и в принадлежностях конского снаряжения – восьмеркообразных стременах с круглой рамкой, удилах с неподвижными кольцами, удилах с восьмерко-видными окончаниями грызел и удилах с передвижными кольцами, существовавших на протяжении VI – X вв. (Овсянников, 1998).

В конце VIII – IX в. в памятниках караякуповской культуры прослеживается салтовское влияние. Прежде всего это проявляется в наличии в комплексах погребений удила с

S-видными и стержневыми псалиями, арочных стремян с выступающей прямоугольной петлей, ременных и уздечных накладок с растительным узором, и узором, напоминающим личину, серег и перстней салтовского типа, проушных топоров. Все эти предметы происходят из погребений Ямаши-Тауских, Хусаиновских, Бекешевских, Лаге-ревских и других курганных могильников караякуповской культуры, прямые аналоги которым находятся в комплексах Дмитриевского и Салтовского могильников салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1967, 1989).

Обращает на себя внимание различие в ассортименте салтовских предметов в памятниках караякуповской культуры и ломоватовской культуры Прикамья. Характерные для памятников ломоватовской культуры сердцевидные накладки с подвижным кольцом в караякуповских курганах отсутствуют, за исключением ее самого западного и позднего Большетиганского могильника, ассортимент погребального инвентаря которого отражает салтовское влияние и влияние культуры ранней Волжской Болгарии (Большетарханский, Танкеевский и другие могильники) (Chalikova, Chalikov, 1981).

Подводя итог сказанному выше, можно сделать следующие выводы. Морфологический облик материальной культуры *MagnaHungaria* во второй половине I тыс. н.э. формировался (если не целиком, то в значительной степени) за счет массового поступления в регион предметов, которые современными исследователями определяются как «дальний импорт» (Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010). В первую очередь это, конечно, поясная гарнитура, отдельные типы украшений, принадлежности конской сбруи. Среди них поясная гарнитура, как не просто утилитарный или декоративный, но и статусный элемент материальной культуры, занимает особое место (Крыласова, 2001). Это ее место определяется и тем, что у населения изучаемого региона и прилегающих к нему территорий наборные пояса, состоящие из «импортных» элементов, становятся органичной частью его этнической культуры.

Процесс поступления «импорта» в регион имел свою хронологию и этапы, удивительным образом совпадающие с этнокультурными инновациями (а может быть и определявшийся ими?), имевшими место в Прикамье и на Южном Урале во второй половине I тыс. н.э.

Первый этап (конец VI – VII в.) – время распространения кушнаренковской культуры, синхронизируется в Прикамье с агафоновской стадией ломоватовской культуры, бартымской стадией неволинской культуры, гыркесшурской стадией полемско-чепецкой культуры.

Материальная культура этого периода испытывает в основном мощное воздействие юга, что проявляется здесь, прежде всего, в распространении геральдической поясной гарнитуры, известной в Прикамье как пояса «агафоновского» типа. Картографирование памятников, содержащие поясные украшения геральдического типа показывает, что распространены они на достаточно обширной территории Евразийской степи – от Подунавья на Западе до Обско-Иртышского междуречья на северо-Востоке, от районов Приаралья на юге, до Верхнего Прикамья на Севере. Причем местом наиболее массового распространения материалов являются районы современной Венгрии (территория Аварского каната (середина VI – VIII в.)), Крыма и Прикубанья (болгары), и Северного Кавказа (аланы). Вторым районом массовой концентрации «геральдики» являются Поволжье, Южное Приуралье (кушнаренковская культура) и Верхнее и Среднее Прикамье (неволинская, ломоватовская и полемскочепецкая археологические культуры). На наш взгляд, исходя из данных типологического анализа и картографирования территории распространения основных находок геральдической поясной гарнитуры, наиболее сильный культурный импульс прикамско-приуральское население испытывало именно из Средней Азии – территории распространения джетыясарской культуры.

Второй этап (середина VIII – IX вв.) – время очередных этнокультурных инноваций в Волго-Камье и Приуралье, связанное с расселением в бассейне р. Белой носителей караякуповской культуры; расселением в районе устья Камы ранних булгар и началом формирования в регионе полиэтнического Волжско-Булгарского государства, а также дальнейшим развитием ломоватовской культуры в едеменковской и урынской стадиях; миграцией (добровольной или вынужденной) носителей неволинской культуры на север, на территорию ломоватовских племен, и на юго-запад – в Волжскую Болгарию (Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010).

По мнению Е.В. и Р.Д. Голдиных, торговые контакты населения Прикамья и

Приуралья в рассматриваемое время осуществлялись, практически, по всем направлениям. (Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010) Нам представляется, что здесь необходима определенная территориальная дифференциация и для Южного Приуралья и Нижнего и Среднего Прикамья преобладающими являлись два направления: юго-восточное (Алтай и Средняя Азия) и южное (Северный Кавказ – Хазария). В этот период в памятниках ломоватовской и полемско-чепецкой культур Прикамья широко распространяются пояса,

типичные для салтово-маяцкой археологической культуры. Некоторые элементы конской сбруи, характерные для памятников салтово-маяцкой культуры известны и на территории современного Башкортостана – территории расселения караякуповских племен (Левашовский (Стерлитамакский могильник)). Решающим фактором, определявшим именно эти импульсы в формировании материальной культуры населения региона, являлась этнополитическая история Степной Евразии второй половины I тыс. н.э.

ЛИТЕРАТУРА

Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // ТКАЭЭ. Т.2. М. - Л.: АН СССР, 1966. С. 292 – 347.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.: Наука, 1971. 111 с.: I – XXXI табл.

Голдина Е.В., Голдина Р.Д. «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н.э. – IX в. н.э.) // Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX вв.). Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2010. С. 156–195.

Грач А.Д. Древнетюркское погребение с зеркалом Цинь-Вана в Туве // СЭ. 1958. № 4. С. 18 – 34.

Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа: Гилем, 1999. 123 с.

Йессен А.А. Ранние связи Приуралья с Ираном // СА. 1952. № 16. С. 209–216.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб: Изд-во «Фарн», 1994. 163 с. с илл.

Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Приуралья. Пермь: ПГПУ, 2001. 260 с.

Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 232 с.

Кызласов Л.Р. Культура древних уйгур // Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР / Отв.ред. Отв. ред. тома С.А. Плетнёва. М.: Наука, 1981. С. 52–54.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приуралья. I тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. 396 с.: илл.

Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII – XII вв. М.: Наука, 1981. 162 с.; илл.

Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР / Отв.ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. С. 163 – 235.

Овсянников В.В. Развитие вооружения в лесостепном Приуралье во второй половине I тысячелетия н.э. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара: Изд-во «Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина», 1998. С. 295 – 302.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. М.: Наука, 1967. 209 с.

Плетнева С.А. На хазаро-славянском пограничье. М.: Наука, 1989. 285 с.

Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука, 1980. 138 с.

Сиротин С.В., Трейстер М.Ю. Погребения с ближневосточными (?) и центральноазиатскими импортами из кургана Яковлевка II. // Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Нследие», 2014. – 268 с. С. 207 – 217.

Chalikova E.A., Chalikov A.H. 1981 Altungarn an der Kama und im Ural. Das Graberfeld von Bolshie Tigani. Budapest.

Информация об авторе:

Чичко Татьяна Вячеславовна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет» (г. Стерлитамак, Россия); karaman74@mail.ru

MAGNA HUNGARIA AND ITS RELATIONS WITH THE EURASIAN STATES OF THE SAME HISTORICAL PERIOD

T.V. Chichko

The report “Magna Hungaria and its Relations with the Eurasian States of the Same Historical Period” reveals the issues of cultural and other relations of the state on the basis of archaeological artifacts (grave goods, hoards, and others) and studies of the general historical and political situation in the Eurasian steppe and Western Asia. In this case, the author considers the territory of Magna Hungaria as the distribution territory of Kushnarenkovo and Karayakupovo cultures of the Southern Urals.

Keywords: Magna Hungaria, Southern Urals, Kushnarenkovo culture, Karayakupovo culture, composite belt, cultural relations.

About the Author:

Chichko Tatiana V. Candidate of Historical Sciences, Sterlitamak branch of the Bashkir State University. Lenin Ave., 49, Sterlitamak, 453103, the Republic of Bashkortostan, Russian Federation; karaman74@mail.ru

УДК 902/904

МАДЬЯРЫ В ПЕРСИДСКОМ ГЕОГРАФИЧЕСКОМ СОЧИНЕНИИ «ХУДУД АЛ-АЛАМ» (982 Г.)

© 2018 г. Балаж Шудар

В 982-983 гг. на территории современного Северного Афганистана неизвестным автором была составлена географическая работа «Худуд ал-алам». Она, по всей видимости, некогда содержала карту, которая, однако, отсутствует в единственно сохранившейся рукописи. Центр данного географического описания – Средняя Азия, именно она описана самым подробным образом, а дальше от этого региона информация более скудная и неточная. Один из периферийных регионов – это Восточная Европа, о которой, тем не менее, автор сообщает немало информации: из 52 перечисленных в работе стран 15–16 находятся именно там. Неизвестный автор разместил свои сведения о Восточной Европе в рамках трех географических групп: Кавказ, Восточная Европа и Этил (рр. Волга – Кама – Белая). Описания Северо-Западного направления существенно скуднее, хотя именно там находилось место обитания мадьяр (маджгари). Поскольку текст «Худуда ал-алама» перечисляет соседствующие друг с другом народы, можно реконструировать карту, которая, наверное, лежала перед автором при составлении работы. Из этого однозначно следует, что место обитания мадьяр в то время находилось к западу от Волги, к востоку от Руси, далеко к северу от Черного моря. Таким образом, эти сведения отличаются от тех, которые мы находим в произведениях Константина Багрянородного (про Этелкёз), Ибн Русты или Гардизи. Бросается в глаза то, что автор «Худуда» не писал о тех элементах кочевой жизни у мадьяр, которые ярко присутствуют в работах упомянутых арабских источников. В дальнейшем можно попытаться сопоставить данную гипотетическую карту с реальными географическими обстоятельствами. Поскольку наши источники весьма скудные, результаты не могут быть однозначными, тем не менее, я полагаю, что местом обитания мадьяр может быть территория между Приволжской возвышенностью и большим поворотом Оки, в основном на территории современной Мордовской республики. Какое время отражает текст «Худуда»? Что касается Восточной Европы, с уверенностью можно сказать, что текст «Худуда» не отражает этнополитическую ситуацию ок. 982/983 гг., ведь в нем нет известий о печенегах на северном Причерноморье, которые заняли те земли около 930 г. С другой стороны, Русь занимает относительно важное место в тексте. Таким образом, географическое описание Восточной Европы отражает ситуацию, по всей видимости, начала X в. Исходя из этого, предполагаем, что в данном тексте упоминается восточная группа мадьяр, а не та, которая переселилась в Карпатский бассейн.

Ключевые слова: печенеги, Леведия, восточные мадьяры, Волжская Болгария, Киевская Русь, мусульманская географическая традиция.

О древней истории венгров сообщают лишь несколько письменных источников, интерпретация которых весьма затруднена. То, как мы интерпретируем хотя бы небольшой фрагмент из какого-нибудь источника, может перевернуть наши представления о периоде переселения мадьяр. Один из интереснейших, однако до сих пор недооцененный с точки зрения истории мадьяр источников, это «Худуд ал-алам», анонимный персоязычный географический трактат, который был создан в 982 г. в Восточном Хорасане, на территории современного Афганистана. В венгерской историографии это произведение обычно связывают с традицией ал-Джайхāнīнесмотря на то, что оно и по построению, и по мировоззрению резко отличается от работ, связанных с ал-Джайхāнī, хотя, безусловно, имеются и общие с ними элементы.

Работы мусульманских географов рассматривают обычно по отдельным элементам: по определенным выражениям, этносам, топонимиям и т. д. Таким образом, сами исследуемые элементы практически отделяются от общего контекста произведений и начинают жить самостоятельно. Это касается и сведений о мадьярах. Я считаю, что эти элементы следует исследовать не только сравнивая с похожими элементами других работ, но и во внутреннем контексте самих произведений, то есть необходимо раскрыть логику построений этих работ. Такие попытки могут дать совершенно новые результаты, подходы. В дальнейшем я буду изучать текст «Худуда ал-алама», исходя из этого постулата.

По распространенному мнению, автор «Худуда ал-алама» был кабинетным ученым, который прорабатывал книги, а сам текст трактата связан с двумя основными мусуль-

манскими географическими традициями средневековья – школами ал-Джайхāни и ал-Балхй¹. Географическим центром трактата является Средняя Азия, она описана подробнее всех. Отходя от Средней Азии, информация становится скуднее. Описание центрального региона довольно однородное и последовательное, и это обстоятельство заставляет думать о проблемах возникновения текста. Автор рассматривает описанное пространство не в путях, а в территориях, что предполагает использование карты, и действительно, в тексте несколько раз упоминается некая карта², однако она отсутствует в известных рукописях.

Принимая во внимание эти обстоятельства, следует познакомиться с мировоззрением данного сочинения. Работа является многослойной. Автор сначала излагает географические основы (к примеру, что северное полушарие более населенное большинство стран находится там), затем перечисляет географические объекты (моря, горные хребты, реки, степи). Далее следует описание разных народов и их рубежей в строгом порядке странам света, начиная с востока, затем в направлении юга, запада, севера, потом перечисляются крупные города и иногда достопримечательности. Все это представляет собой некие пазлы, но по имеющейся информации можно реконструировать карту. В этом случае мы получим некую «фиктивную» карту, по которой сможем узнать, что думал автор о мироустройстве.

Автор составил свою работу весьма логично, отдельные географические единицы следуют в строгом порядке, будто мы шагаем по шахматной доске. Описания образуют три цепи объектов (такая система описания существует и у других авторов, но менее подробная, в меньших пространствах). Первая «цепь» проходит от Китая до маджгарйков (no1–14)³, вторая – от Хорасана через Север-

ную Африку и Европу до народности вундур (15–46), а третья обходит Африку (47–52). По Азии проходят две «цепи» описания: на севере и на юге. Эти описания дополняют друг друга, образуют некую «ткань», в них нет случайно появившихся соседей, «дырок». Описания, конечно, не одинаковы, самым подробным образом показаны Средняя Азия, Иран, Кавказ, Ирак⁴, а сведения об Индии, Китае, Европе только поверхностные. Интересно, что описание Восточной Европы хоть и не очень подробное, но на относительно маленькой территории перечисляется около десяти стран, четверть всех присутствующих в произведении. То есть автор интересовался этим регионом, у него о нем имелись определенные представления. В этом смысле «Худуд ал-āлам» представляет собой одно из самых информативных произведений среди мусульманских географических работ раннего периода. (Среди современников только Масūdй может соревноваться с ним).

Важный вопрос – до какой территории простирались пределы известного мира в западном направлении (не считая конечно географическое наследие Птолемея). Исследователи текста «Худуда ал-āлама» обычно считают, что далеко, ведь в нем упоминается даже Моравия. Однако если исследуем текст как систему, а не по отдельным этнонимам, то данное утверждение уже не соответствует действительности. Описание русов довольно слабое; известия о саклабах, живших от них в западном направлении, еще менее информативное, а западнее от них и севернее уже следуют необитаемые/неизвестные земли. Таким образом, автор вряд ли располагал серьезной информацией о территориях к западу от Днепра, Карпатском бассейне, Балканах.

В первую очередь необходимо выяснить, какую хронологическую ситуацию отражает данный текст. Однозначного ответа на этот вопрос нет. Во-первых, если автор думал и интерпретацию. Например, народность вундр буду называть вундур, хотя возможны и другие чтения. Что касается маджар, я сохраняю форму маджгарй, поскольку это довольно своеобразный вариант (в значении, 'принадлежит к маджарам'), который хорошо отличается от других.

⁴ Этот факт связывает автора с иракской географической школой, которая также считала данный регион исходным центром, в отличии от тех традиций, которые по учению ислама начинали свои работы с Меккой и Мединой. Изложение арабской географической литературы: Sayyid Maqbul Ahmad: A history of Arab-Islamic geography (9th–16th century, AD). Amman 1995, 58–124.

¹ Об источниках трактата: Minorsky 1937, XIV–XIX.

² «Показали моря, заливы и острова таким образом, по карте». Minorsky 1937, 60. «Существуют восемь других гор разной высотой, шириной, размерами. Их места и размеры таковы, как это показали на карте». Minorsky, 1937, 69. Другие упоминания: Minorsky 1937, 146, 157.

³ Я дал номера отдельным общностям по порядку их появления в работе. Географические названия, у которых существуют разные чтения, я дам в одном единственном варианте, но это чисто технический вариант и не означает какую-то безусловную

работал картографически, по карте, на ней могли быть указаны сведения, отражающие разные хронологические ситуации. Автор имел разные сведения о разных регионах Земли из разных времен. В дальнейшем я буду анализировать только известия о Восточной Европе, полагая – и надеясь на это – что автор «Худуда ал-алама» располагал синхронными сведениями об этом регионе.

В установлении хронологии первостепенную роль играет локализация печенегов. Поскольку их нет на Южном Урале, значит огузы уже изгнали их оттуда, то перемещение, о котором сообщает Константин Багрянородный в «Об управлении империей», уже свершилось. К сожалению, неизвестно, когда произошло это перемещение, но не ранее конца VIII в.⁵ Однако, если принимаем во внимание данные «Об управлении империей» (ведь по этому тексту венгерский князь Леведи, побежденный печенегами, лично знал последующего князя Арпада)⁶, это могло произойти в середине IX в. DAI ясно пишет о том, что печенеги долго искали себе новые земли пока не добрались до пределов мадьяр⁷. «Худуд ал-алам» однозначно свидетельствует о расколе печенегов: часть их проживает на севере, а часть на юге, «северяне» под властью хазар, последние – под «тюрками», т. е. огузами. Упоминание огузов в тексте определяет возможный ранний период его возникновения. С другой стороны, по тексту «Худуда ал-алама» печенеги еще не достигли Этэлкэза. Когда они появляются на этой территории, – неизвестно. Поход против мадьяр в 895 г. был просто набегом, а не меро-

приятием с целью захвата территории. По ненадежной хронологии Повести Временных Лет конфликты между печенегами и Русью начались в 915 г.⁸, но и это известие не говорит о переселении печенегов. Ал-Истахри ок. 930 г. размещает печенегов между Византией и хазарами и называет их новыми пришельцами, наверное, здесь речь идет о территории Этэлкэза⁹. По сообщению DAI печенеги однозначно жили там (ок. 950 г.)¹⁰. А «Худуд ал-алам» отражает ситуацию, когда печенегов еще не было в Этэлкэзе. Таким образом, исходя из сведений о печенегах, текст отражает ситуацию, которая существовала между 800 и 930 гг.

Другой сюжет, дающий возможность на определение хронологии, это сообщение о русах. По мнению автора, русы являются серьезными игроками, которые определяют политическую обстановку с севера до юга вплоть до Черного моря, столица их правителя – Киев (Куябе). По сообщению Повести Временных Лет, первые русские поселенцы Аскольд и Дир появились в Киеве ок. 860 г., а Киевская Русь была создана Олегом Рюриковичем в 882 г. Он вел разные походы на восток и запад, контролировал огромные территории¹¹. И этот исторический факт расширяет возможные хронологические рамки ситуации, отраженной в тексте «Худуда ал-алама» к концу IX, началу X в.

Третий момент, это Волжская Болгария и вопрос о ее государственности. Первое известие об этом можно найти в географической работе Ибн Хаукала (977), как анекдот из времен халифы Мутатида (892–902), поэтому его достоверность сомнительна¹². Следующее упоминание о них содержится в рассказе о большом походе русов на Каспий в 913 г., но из

⁵ Аттила Катона Кишш (2014, 189–190) изучал этот вопрос и пришел к выводу, что печенеги пришли в уральский регион в конце VIII в., а оттуда ушли в 893/894 гг., в результате похода саманидского эмира Исмаила бин Ахмада против карлуков. Katona-Kiss Attila: A Nyugati Türk Birodalom «utódállmainak» létrejötte és megszilárdulása a 8–9. században. In: Dentumoger. I. Tanulmányok a korai magyar történelemről. Szerk. Sudár Balázs. Bp. 2017. 77–108. Из-за отсутствия источников роль этого похода для венгерской истории была поставлена под сомнение: Zsidai Zsuzsanna: Ismā'īl ibn Aḥmad 893. évi hadjárata és a magyar honfoglalás. In: Dentumoger. I. i. m. 109–123.

⁶ Biborbanszületett Konstantin: A birodalom kormányzása. Ford. Moravcsik Gyula. Bp. 1950, 171–173 (далее DAI).

⁷ Печенеги «обратясь в бегство, бродили, выискивали место для своего поселения. Достигнув земли, которой они обладают и ныне, обнаружив на ней турок, победив их в войне и вытеснив, они изгнали их, поселились здесь». DAI, 166–167.

⁸ «Пришли впервые печенеги на Русскую землю и, заключив мир с Игорем, пошли к Дунаю». Régmúlt idők elbeszélése. A Kijevi Rusz első krónikája. Ford. Ferencz István. Bp. 2015. 47. Ласло Балог, анализируя текст и его источники, пришел к выводу, что это событие произошло на самом деле в 917 г., и оно представляло собой обыкновенный набег, а не миграцию. Balogh László: A magyarság a kelet európai nomád népek sorában. In: Régmúlt idők elbeszélései. m. 291–299.

⁹ Kmoskó M.: Mohamedán íróki. m. 18.

¹⁰ DAI, 169, 175.

¹¹ Font Márta: A Poveszy vremennih let mint történeti forrás. In: Régmúlt idők elbeszélése i. m. 273–278.

¹² Kmoskó M.: Mohamedán íróki. m. 75–76. Анализирует: Zimonyi István: The Origins of the Volga Bulgars. Szeged 1990. 104–111.

этого скудного сообщения узнаем лишь то, что хазарские мусульмане побили русов, остатки которых бежали в бургаз, но там были добыты мусульманами¹³. О болгарской государственности впервые писал Ибн Руста в начале X в. По его сочинению у волжских болгар есть три племени (булгар, барсула, эсекел), но один правитель, и два крупных города — Булгар и Сувар. По сути, такой же рассказ можно читать у Ибн Фадлāна, который в 922 г. побывал у волжских болгар¹⁴. По его сообщениям болгарское государство имело довольно гибкую структуру: он сам был свидетелем, когда одно из племен отказалось от сотрудничества и просто ушло¹⁵.

Интересно, с этой точки зрения, что в «Худуде ал-āламе» Волжская Булгария не упоминается. Минорский полагал (и это стало общепринятым мнением), что описание буртасов, на самом деле, относится к волжским булгарам, только заглавие перепутали. И действительно, там тоже присутствует сюжет о трех племенах. Однако там Булгар и Сувар присутствуют самостоятельно, о Булгаре автор сообщает, что это город, имеющий свою область. То есть автор однозначно отделяет город Булгар от буртасов, имеющих три племени¹⁶. Вопрос заключается в том, что была ли история двух городов и трех племен первоначально общей, или со временем стала общей. Источники позволяют предположить и последнее мнение. По мнению Ибн Русты буртасы жили в расстоянии трех дней пути от булгар, а «Худуд ал-āлам» локализирует их земли на левый берег Волги, где расположены и Булгар и Сувар. Возможная интерпретация этого сюжета, что речь идет о сосуществовании кочевников и городских жителей, о том, что эти две общности совместно создали государство, как это неоднократно бывало в истории степи. Тем не менее, отсутствие в «Худуде ал-āламе» Волжской Булгарии ориентирует наше внимание на время ок. 910 г. Таким образом, в свете вышеизложенного, геопо-

литическая ситуация, отраженная «Худудом ал-āламом», — это конец IX, начало Xв.

Посмотрим сейчас, какие страны и народы знает автор в нашем регионе. Он перечисляет 15–16 общностей. В сравнение, Ибн Руста пишет лишь о восьми народах. Это можно объяснить не только с расширением знаний, но и изменением этнополитической ситуации. Исходной точкой для географов того времени являлся Кавказ. Он был хорошо известен мусульманам, ведь к северу от него, например, в Хазарии, жило достаточно много мусульман. А другим важным ориентиром являлась река Волга (Этил), которая вела к мусульманской стране Волжской Булгарии. Кроме этого, более-менее точные сведения поступали с Северного Причерноморья, наверное, благодаря торговым отношениям. То, что было севернее и западнее, оказалось туманным и труднодоступным для мусульман того времени.

Вышеупомянутые «клетки» хорошо подходят друг к другу, описания рубежей указывают друг на друга, описания морей, рек, степей дополняют эту схему. Исходя из этого, можно предпринять попытку реконструировать «схему карты».

Сложный вопрос, можно ли идти дальше и данную «теоретическую карту» сопоставить с реальными географическими условиями. По-видимому, раньше не было подобной попытки. Минорский, видя существующие сложности и будучи заложником своих представлений, не предпринял попытку сопоставить карту, хотя не сомневался в том, что это описание «Худуда ал-āлама» относится к Восточной Европе. Башкирский исследователь Зеки Велиди Тоган считал, что данное описание относится к Северному Кавказу, но карту он тоже не составлял¹⁷. Фатих Шенгул не поддерживал концепцию Минорского, на его карте, составленной по описанию, размещены народы, однако его целью была не реконструкция текста «Худуда ал-āлама», он рефлектировал на определенные проблемы¹⁸. Нет сомнения, что сопоставить «схематичную карту» с реальными географическими условиями нелегко, автор «Худуда ал-āлама» работал не с нашими понятиями, в его описании есть и ошибки, в некоторых случаях возмож-

¹³ Kmoskó M.: Mohamedán írók i. m. 175–176. Анализирует: Zimonyi I.: The Origins i. m. 111–116.

¹⁴ Поскольку эти рассказы весьма похожи, возникла идея, что Ибн Руста использовал работу Ибн Фадлāна. Однако по нашим современным знаниям Ибн Руста писал свою работу ок. 910–913 гг., а Ибн Фадлан побывал у волжских булгар в 922 г.

¹⁵ Ibn Fadlān: Beszámoló a Volgaibolgárokföld jéntettutazásról. Araberedetibőlfordította, ajegyzeteket észazutósót írta Simon Róbert. Bp. 2007. 73–75.

¹⁶ Hudud-Sotude, 195. Minorsky 1937. i. m. 162.

¹⁷ Zeki Validi Togan: Völkerschaften des Chazarenreiches im neunten Jahrhundert. Körösi Csoma Archivum 3 (1940: 1. sz.) 41–64.

¹⁸ Fatih Şengül: Sabir Sekel Avar ve Bulgar Etnik Meselelerinin Çözümü. İstanbul 2013. 69.

ны разные выводы. Далее я показываю свою реконструкцию.

Сначала рассмотрим несколько проблем! Как упомянул выше, основными географическими ориентирами являлись Кавказ, Северное Причерноморье и река Этил. Первые два однозначны, однако река Этил не совсем соответствует Волге по нашим современным понятиям. По «Худуду» она начинается среди тех гор, где и Иртыш, но севернее, на земле кимек, она является границей между кимеками и огузами, потом следует на запад, у Булгара поворачивает на юг, и идет через землю тюркских печенегов и буртасов к городу хазар Этил и впадает в Каспийское море¹⁹. Из этого следует, что: 1) Этил до Булгара, смотря с юга, это Волга по нашим понятиям; 2) ее исток находится на Урале (Иртыш не является уральской рекой, однако ее большой приток, Тобол, относится уже к уральским рекам). Таким образом, мы полагаем, что Этил «Худуда», это речная сеть Белая–Кама–Волга. Местные тюркские народы действительно называют эти реки Белым Этилем²⁰. В действительности это состояние отражается на карте Идрисий. В дальнейшем можно сделать следующие выводы. Текст связан со школой ал-Балхи: в сочинении ал-Истахри ок. 930 г. можно читать почти точно такое же описание²¹, но есть и некоторые отличия. Например, у Истахри Этил протекает через землю русов и Волжскую Булгарию, а в «Худуде» на том же месте упоминается страна тюркских печенегов. То есть, последнее отражает другое временное измерение, нежели ал-Истахри.

Другое наблюдение: в описании «Худуда ал-алама» понятия гор и горных хребтов не соответствуют нашим понятиям, ведь эти понятия могут быть использованы для любых холмистых мест, и для тогдашних авторов значение имела релятивная высота (а не абсолютная, от уровня моря). Принимая во внимание это обстоятельство, попробуем сопоставить релятивную картину «Худуда ал-алама» с реальными этногеографическими условиями того времени.

В предгорье Кавказа – не считая маленькие государства – автор говорит о двух территориях, на востоке о хазарах, на западе – о хазарских печенегах. Их разделяет горный

хребет, что возможно соответствует Ставропольской или Саи-Манической возвышенности, которая разделяет Прикубанскую низменность от юго-западной части Прикаспийской низменности. По мнению автора, моравы жили к северу от печенегов, в частности, к востоку и северу от Черного моря, то есть около устья Дона. Около нижнего течения Волги, на левом берегу, жили огузы, к северу от них – буртасы, которые упоминаются и в других источниках вблизи Волжской Булгарии, таким образом, их локализация возможна около Самары. Текст относительно ясен при описании Северного Причерноморья: к западу от моравов кочуют внутренние болгары, которых можно разместить уже в Этелкёзе. От них, и от руссов в западном направлении найдем саклабов, то есть славян, возможно около Припятских болот и к востоку от предгорий Карпат. Остается сложным местоположение русов, ведь в описании о них содержится ряд противоречий. С одной стороны, однозначно, что русы контролируют Киев и бассейн Днепра, таким образом «горы», которые отделяют их от внутренних болгар, отождествляются с Приднестровской возвышенностью. Вунундуrow от них отделяют другие горы, это Среднерусская возвышенность, их южные части могут быть Вунундурские горы на рубежах моравов. На правом берегу Волги, напротив буртасов, находится земля барадасов, которые, возможно, находятся там, где Волга и Дон приближаются друг к другу, или к северу того пространства²². К северу от буртасов и барадасов на двух берегах Волги следует искать тюркоязычных печенегов, которые, возможно, контролировали территории к северу от Камы и Волги. Таким образом, «горы», отделяющие их от русских, это Северорусская возвышенность.

Наконец, в последнюю очередь, что касается маджгарй, здесь несколько сложностей. По описанию их рубежей знаем, что к востоку от них расположен некий горный хребет, а к югу от них живут вунундуры, в северо-западном направлении русы, между ними и маджгарйми протекает река. Если посмотрим по тексту на соседей, северные соседи вунундуrow, это действительно маджгарй²³. У русов их (маджгарй) нет, к востоку от русов расположены Печенежские горы, а к югу от них река Рута²⁴. Маджгарй, однако, присутству-

¹⁹ Hudud-Sotude, 46–47. Minorsky 1937. i. m. 76.

²⁰ Zimonyi I.: Muszlim források i. m. 203–204. Этиль в мусульманских источниках: uo, 201–210.

²¹ Kmoskó M.: Mohamedán íróki. m. 29. То же самое у продолжателя традиции, Ибн Хаукаля: Kmoskó M.: Mohamedán íróki. m. 77.

²² О буртаском вопросе: Klima L.: Jürkák, tormák, merják i. m. 151–181.

²³ Hudud-Sotude, 195. Minorsky 1937. i. m. 162.

²⁴ Hudud-Sotude, 188. Minorsky 1937. i. m. 159.

ют в описании рубежей тюркских печенегов, поскольку к западу от них живут маджгарй и русы, а к северу от печенегов находится река Руса²⁵.

Южные соседи – это вунундуры, граница между ними маджгарйми подтверждается с обеих сторон²⁶. Относительно печенегов картина более смутная, но данные не противоречат друг у другу: западная граница печенегов, это маджгарй, а к востоку от последних находится некая гора. Такие неточности несколько раз встречаются в тексте, в котором горы часто выступают как границы. Подобная ситуация у границ русов: на стороне маджгарй река, за ней живут русы; а при описании русов встречается река Руса, но уже без упоминания маджгарй. При описании печенегов также встречается река Руса, на севере, где упоминается и печенежско-русская граница. Круг, таким образом, замкнулся: соседей маджгарй сможем локализовать.

Теперь попробуем объяснить эти данные в измерении реальной этногеографической ситуации. Как видим, по мнению автора, маджгарй живут к западу от тюркских печенегов, и к востоку от русов. Последние в конце IX – X вв. двигались на юг из своей северной прародины, по речным магистралям, прежде всего по Днепру. По пути они создавали свои укрепленные городища, и облагали налогом соседние народы на восточном направлении до Среднерусской низменности. Другое ядро русов находилось возле Ростова, на востоке вплоть до Оки. На этом рубеже жили финно-угорские муромы, центром которых был город Муром, а позже на защиту этой территории была построена Рязань. Таким образом, маджгарй следует искать к востоку от Оки.

Между маджгарйми и печенегами горный хребет на правом берегу Волги, к северу от барадас. Эти холмистые места могут быть отождествлены с Приволжской возвышенностью²⁷. Вунундуры к югу от маджгарй живут между барадасами, моравами, русами, их можно разместить на левый берег Дона. Их

граница с маджгарйми ничем не примечательна, поэтому точно определить ее не можем. В целом, маджгарй можно локализовать между Окой и Приволжской возвышенностью.

К вопросу о таинственной реке Руса/Рута. О ней известно, что течет к северу от печенегов, пограничная река между русами и мадьярами в северо-западном крае. Она является южной границей русов. При описании рек о ней можно читать следующее: «Еще одна река – это Рута, которая начинается с горы, расположенной на границе между печенегами, маджгарй и русами. Затем она входит в предел русов, и течет к саклабам. Затем она достигает города Хурдаб, относящегося к саклабам, и используется на их полях и лугах»²⁸. Таким образом, на печенежско-мадьяро-русской пограничной зоне есть некая гора, где находится исток реки, которая течет в западном направлении. А такой реки нет в Восточной Европе. Однако если посмотрим карту Идрйсь XII в., тогда можно найти подобное явление: у него Волга течет не с запада, а с востока, согласно мусульманским традициям, то есть речь идет о Каме-Волге по нашим понятиям. Идрйсь обозначает у казанского поворота реки несколько гор, из которых начинается река, текущая на запад, а затем исчезнувшая в какое-то озеро²⁹. Такая картина соответствует той, что можно читать в «Худуде». Название реки написали буквами слви/срви (سلوي سروی), возможное прочтение «Сура»³⁰. Эта река течет параллельно с Волгой, только в противоположном направлении, с юга на север, и к северу от Казани впадает в Волгу. То есть известие Идрйсь можно так интерпретировать³¹. Если Руса это действительно пограничная река между маджгарйми и русами, тогда соответствует речной сети Сура–Волга–Ока (которая в таком виде в

²⁵ Hudud-Sotude, 87. Minorsky 1937. i. m. 101.

²⁶ Иштван Зимони и Гансгерд Гэкенян считают, что вунундуры и внутренние болгары тождественны, и соответствуют дунайским болгарам. Göckenjan, H.–Zimonyi, I.: *Orientalische Berichte*. m. 210, 214.

²⁷ Относительно печенегов к такому же выводу пришел Янош Харматта. Harmatta J.: *Ahonfoglalásmaiszemmel*. m. 139. Наоборот, Иштван Зимони и Гансгерд Гэкенян считают, что горы у мадьяр и моравов, это Карпаты. Göckenjan, H.–Zimonyi, I.: *Orientalische Berichte*. m. 210, 214.

²⁸ Hudud-Sotude, 47. Minorsky 1937. i. m. 76. О Руте: Zimonyi I.: *Muszlim források* i. m. 198. По мнению Зимони и Гэкенян речь идет «однозначно о Восточных Карпатах». Там же. По мнению Яноша Харматта река по тексту «Худуда», это Ока. К сожалению, он не аргументировал это наблюдение, только пару предложений писал об этом, но и те не лишены проблем. Harmatta J.: *A honfoglalás mai szemmel* i. m. 137.

²⁹ Minorsky 1937. i. m. 219.

³⁰ С-р-в-и может быть испорченной формой первоначального с-в-р-и, то есть не исключено чтение Сура. Л и р легко перепутать, даже на карте Идрйсь нет однозначного чтения.

реальности не существует). Сообщение о горе, где находится исток реки, может быть интерпретировано так: Сура начинается в Привольжской возвышенности, где располагалась печенежско-мадьярская граница.

Что касается известий о маджгарй, здесь наблюдается заметное сходство с традицией ал-Джайхāнй, но есть и серьезные отличия, прежде всего в «умолчаниях». В «Худūде» не упоминаются две большие реки мадьяр, а вместо них есть третья, Руса/Рута, которая отделяет мадьяр от русов (а не от нандор). Нет ни одного слова про шатры, о кочевнической жизни мадьяр, но упоминается рыболовство и рассказ о стране богатой водами и деревьями. В «Худūде» также можно читать о победах мадьяр против соседних народов, но вместо славян там присутствуют «язычники», и автор не упоминает ни работорговлю, ни керчинский рынок для рабов. То есть если автор «Худūда» использовал традицию ал-Джайхāнй, информацию, которую он там нашел, тщательно сортиро-

вал, и принял из нее только то, которое считал приемлемым и достоверным. Маджгарй «Худūда», это не кочевники, живущие в юртах, а лесные обыватели. Географические обстоятельства и этнографическое описание совпадают. Позже именно на этой территории появляются топонимы с мадьярскими этнонимами (Можарово и т. д.). Это современная Мордовия³².

В свете этих данных, интересно посмотреть, о каких маджгарйх пишет автор «Худūда». По моему мнению, ситуация в трактате отражает время после 895 г. Тюркские печенеги уже в Леведии, маджгарй – это восточные мадьяры, а основная масса венгров уже в Карпатском бассейне, вне зоны внимания «Худūда». Таким образом, в тексте «Худūда» речь идет не о мадьярах эпохи обретения родины, а об одной группе восточных мадьяр, на территории, которая до сих пор не была достаточно исследована с точки зрения древней истории мадьяр.

Информация об авторе:

Балаж Шудар PhD, историк-тюрколог, старший научный сотрудник Институт истории ВАН (г. Будапешт, Венгрия); sudarbalazs@gmail.com

REFERENCE TO THE PLACE OF RESIDENCE OF ANCIENT HUNGARIANS IN A PERSIAN GEOGRAPHICAL SOURCE (10TH C)

Sudár Balázs

The geography book “Hudud al-'Alam” was compiled by an unknown author in the territory of the contemporary Northern Afghanistan in 982-983. Evidently, it used to contain a map which is apparently missing in the only surviving manuscript. The center of this geographical description is Central Asia, which is described with most details, whereas the information on the more remote regions is rather scarce and inaccurate. One of the peripheral regions is Eastern Europe, which is nevertheless rather thoroughly described by the author: 15-16 out of 52 countries mentioned in the work are located in that region. An unknown author published the information about Eastern Europe classified into three geographic groups: the Caucasus, Eastern Europe and Ethil (the Volga - Kama - Belaya rivers). The descriptions of territories located in the North-Western direction are much scarcer, although this is the area populated by the Magyars (Megyers). Due to the fact that “Hudud al-'Alam” features a description of the neighboring peoples, one can reconstruct a map which was presumably possessed by the author of the work. It clearly indicates that the place of residence of the Magyars in the period in question was located west of the Volga river and east of Rus, far to the north of the Black Sea. Thus, the information is different from that provided in the works by Constantine VII Porphyrogenetos (on Etekköz), Ahmad ibn Rustah or Abu Sa'id Gardezi. It is evident that the author of “Hudud” did not mention

³¹ По мнению Бартольда и Минорского Рута соответствует Дуне. Minorsky 1937. i. m. 217–218

³² Vásáry István: Julianus magyarjai a mongol kor után: mozarok ésmišerek (meščerek) a Közép-Volgavidékén. In: Uő: Magyar őshazák ésmagyar őstörténészek. Bp. 2008. 37–72

the aspects of the nomadic life of the Magyars, which are vividly described in the aforesaid Arabic sources. This hypothetical map can be further compared with the actual geographical circumstances. Since the sources we possess are very scarce, the results cannot be unambiguous; nevertheless, the author is convinced that the place of residence of the Magyars can be the area between the Volga Upland and the great turn of the Oka river, mainly in the territory of the contemporary Republic of Mordovia. Which historical period is reflected in the “Hudud”? As for Eastern Europe, it can be stated with confidence that “Hudud” does not reflect the ethnopolitical situation of circa 982/983, as it contains no reference to the Pechenegs on the northern Black Sea coast, who occupied the territory around 930. On the other hand, Rus occupies a rather important place in the text of the book. Thus, the geographical description of Eastern Europe most likely reflects the situation in the early 10th century. Therefore, we can assume that the book mentions the Eastern group of the Magyars, and not the one which migrated to the Carpathian Basin.

Keywords: pechenegs, Eastern Magyars, Levedia, Volga Bulgaria, Kievan Rus, muslim geographical tradition.

About the Author:

Sudár Balázs, PhD, historian-turkologist, Senior Research Associate, Institute of History of the Hungarian Academy of Sciences, Budapest; sudarbalazs@gmail.com

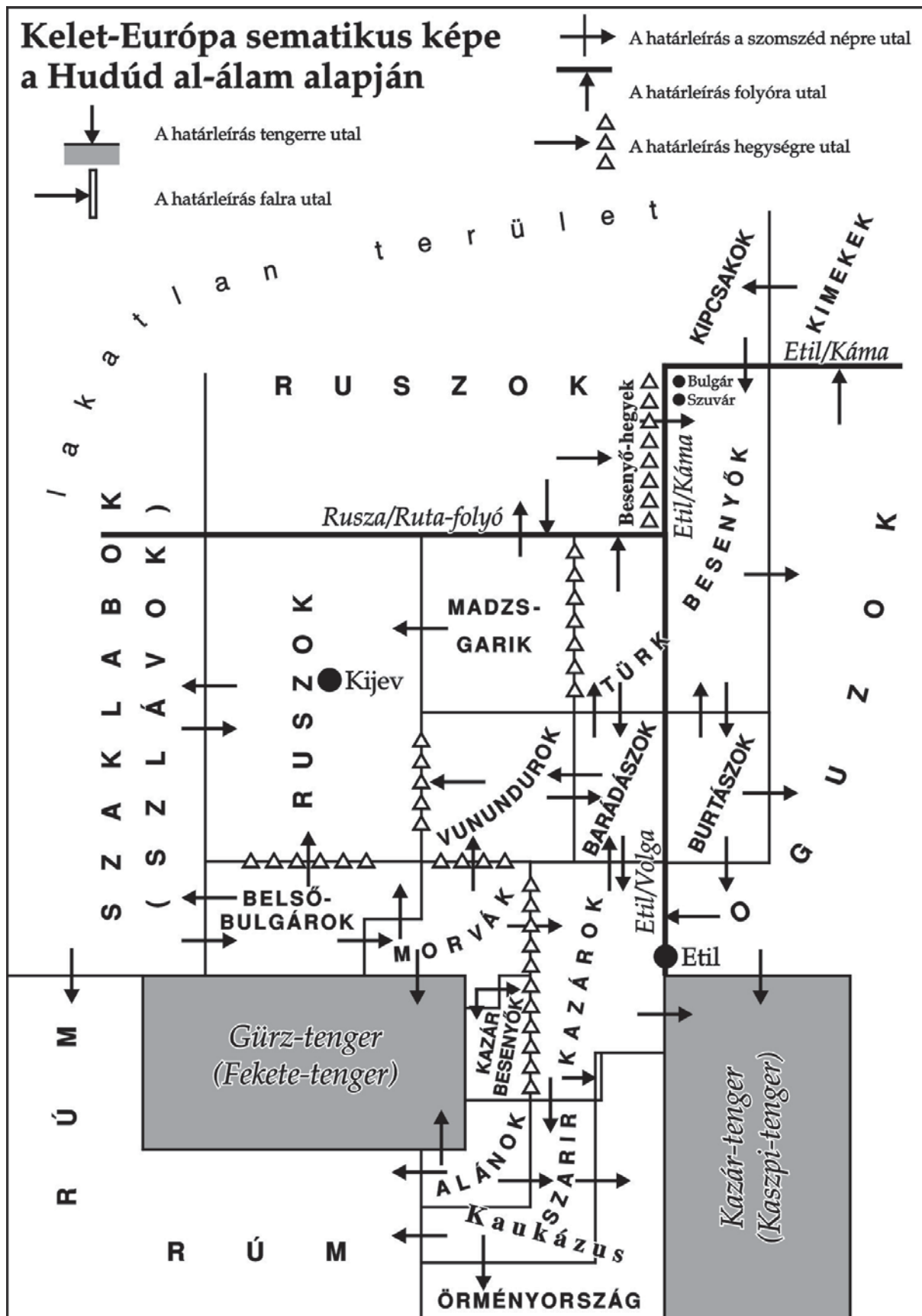

Рис.1. Шемтическая карта Восточной Европы по источнику «Худūd ал-āлам».

ХРОНИКА

УДК 061.3

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "АРХЕОЛОГИЯ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ В УРАЛО-ПОВОЛЖЬЕ: ОТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ К ИСТОРИЧЕСКИМ РЕКОНСТРУКЦИЯМ" (УФА, 17-18 МАЯ 2018 Г.)

© 2018 г. И. И. Бахшиев, А.Л. Кряжевских

В публикации представлены краткое содержание и итоги конференции «Археология позднего Средневековья и Нового времени в Урало-Поволжье: от археологических источников к историческим реконструкциям», которая прошла 17–18 мая 2018 г. в Уфе. Ее организаторами выступили Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН (г. Уфа) и Научно-производственный центр по охране объектов культурного наследия Кировской области (г. Киров). На конференции обсуждался широкий круг тем, связанных с изучением археологии Нового времени Урало-Поволжья. Рассматривались вопросы хронологии и периодизации «поздней» археологии региона, развития традиций керамического и кожевенного производств, трансформации строительных технологий, характеристики погребального обряда, изучения и сохранения культурного слоя на территории современных мегаполисов и исторических поселений. Особое внимание было уделено проблеме государственной охраны объектов археологического наследия XVI – начала XX вв.

Ключевые слова: археология, Урало-Поволжский регион, археология позднего средневековья и Нового времени, археологические исследования, конференция.

Проблема археологического исследования исторических городов и поселений XVI–XIX вв. (начало XX в.), именуемая различными специалистами как «археология Нового времени», «этноархеология», «городская» и «промышленная» археология, выходит за пределы традиционных хронологических границ археологической науки. Данное направление, призванное расширить границы познания прошлого на стыке этнографии и археологии, становится особо важным в исторических городах Южного Урала и Поволжья в связи с активным строительством.

На протяжении длительного периода времени в отечественной исторической науке существовало неоднозначное отношение к археологии Нового времени. Переломным моментом в затянувшейся дискуссии стал круглый стол «Археология позднего периода истории», состоявшийся в 2004 г. в Институте археологии РАН (Археология позднего периода истории..., 2005). Его участники – специалисты из различных археологических учреждений России – пришли к выводу, что археологию поздних периодов истории можно

считать самостоятельным и полноценным научным направлением.

В настоящее время археологические исследования поздних периодов на территории Урало-Поволжья, в большинстве своем, связаны с проведением хозяйственно-договорных работ в зонах распространения культурного слоя XVI – XIX вв. преимущественно в крупных городах (Уфа, Курган, Челябинск, Казань, Киров, Самара и др.). Эти археологические исследования позволили добыть новые интересные материалы, которые требовалось коллективно обсудить и проанализировать. Назревшая необходимость археологического изучения периодов позднего средневековья и Нового времени в регионе обусловлена также успешным опытом изучения «археологии современности» специалистами из Западной Сибири и центральных регионов России. Стало очевидным, что необходимо созвать форум ученых, работающих в этой области.

17–18 мая 2018 г. в Уфе состоялась научная конференция «Археология позднего Средневековья и Нового времени в Урало-

Поволжье: от археологических источников к историческим реконструкциям», организаторами которой выступили Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН (г. Уфа) и Научно-производственный центр по охране объектов культурного наследия Кировской области (г. Киров). В ее работе участвовали специалисты из Уфы, Самары, Кирова, Орска, Оренбурга, Кургана, Йошкар-Олы, Перми, Нижегородской области.

В ходе конференции было заслушано 18 докладов, подготовленных 27 исследователями. К сожалению, по независящим от организаторов причинам в конференции не смогли принять участие ученые из Казани и Екатеринбурга, выступления которых уже были включены в программу.

С приветственным словом выступили и.о. директора ИЭИ УФИЦ РАН, и.о. заместителя Председателя УФИЦ РАН Р.М. Мухаметзянова-Дуггал и зав. отделом археологического наследия Южного Урала ИЭИ УФИЦ РАН И.И. Бахшиев, отметившие важность развития новых археологических направлений в Башкортостане и своевременность проведения конференции посвященной проблемам археологии Нового времени для археологии Урало-Поволжского региона.

На пленарном заседании было заслушано пять докладов.

В.А. Иванов (Уфа) в докладе «Виртуальная археологическая карта Уфимской провинции/наместничества в XVIII в.» рассмотрел проблему соотношения населенных пунктов XVIII в. Оренбургской губернии, известных по письменным и картографическим источникам с данными археологии, а также сделал общий обзор проблемы развития археологии позднего средневековья и Нового времени в Башкирии. Докладчик акцентировал внимание на социальной ответственности исследователей, проводящих археологические работы на поздних памятниках XVIII–XIX вв.

Совместный доклад *С.Э. Зубова и Н.А. Лифанова* (Самара) «Археологические исследования в исторической части г. Самары» был посвящен итогам археологических раскопок на территории Хлебной площади в исторической части города Самары, проведенных в 2013–2014 гг. Представлена общая характеристика полученного археологического материала, позволившего авторам уверенно датировать период формирования культурных напластований XVIII–XIX вв. Выявленные в результате раскопок деревянные сооружения соотносятся авторами с остатками

оборонительных сооружений второй крепости Самары («Земляного замка»). Вместе с тем более ранняя радиоуглеродная датировка бревен, использовавшихся для строительства (XVI–XVII вв.) и вторичное использование тесаных бревен со сквозными пазами в составе конструкции крепостного вала, позволило докладчикам озвучить предположение, что они являлись элементами оборонительных сооружений первой самарской крепости 1586 г.

В докладе *А.Т. Ахатова* (Уфа) поднимались актуальные проблемы хронологии и периодизации археологии позднего средневековья и Нового времени в современной России. Обзор литературы свидетельствует, что вопрос хронологических рамок указанного периода решается исследователями неоднозначно и определяется XVI–XIX вв., XVII–XIX вв., XVI – началом XX в. и т.д. Не менее дискуссионной остается и проблема периодизации поздней археологии. Решение данных вопросов осложняется отсутствием единого представления о верхней хронологической границе в археологии, расплывчатостью границ с предшествующей эпохой – Средневековьем, особенностью исторического развития разных регионов и т.д. Открытым остается вопрос и об общепринятых археологических критериях перехода от эпохи классического средневековья к позднему средневековью, а от него к Новому времени. Докладчиком предлагалось «привязать» археологическую хронологию поздних этапов к исторической и определить хронологические рамки для поздней археологии XVI – началом XX вв. от эпохи Ивана Грозного до революционных событий 1917 г.

Доклад *А.Л. Кряжевских* (Киров) «Итоги и перспективы изучения погребальных памятников эпохи позднего средневековья и Нового времени на территории г. Хлынова-Вятки» носил обзорный характер и был посвящен истории исследования и археологическим особенностям православных некрополей в Кирове. Докладчиком отмечался всевозрастающий интерес со стороны РПЦ к поиску почитаемых ею святых методами археологической науки.

В совместном докладе *Е.В. Мишаниной и А.В. Умарова* (Оренбург) «Археологические исследования объектов Нового времени на территории Оренбургской области в 2003–2017 гг.» представлены результаты археологических работ на дворянских некрополях Аксаковых и Карамзиных в родовых усадь-

бах Ново-Аксаково (Знаменское) и Карамзино (Преображенское), а также русских поселений середины XVIII в. – Бугурусланская слобода (г. Бугуруслан) и хутор Тумаевский в Северном районе. Проведенные исследования показали высокий научный и историко-культурный потенциал объектов культурного наследия Нового времени для территории Оренбургской области.

В завершении пленарной части конференции состоялась презентация монографии Е.В. Мишаниной «Оренбургское поместное дворянство: история, быт, культура». Оренбург, 2017. 336 с.

Секционное заседание конференции открыл доклад Э.В. Камалеева (Уфа), содержание которого далеко выходило за рамки его названия: «Археология Нового времени в Башкортостане: результаты исследований археологов ИЭИ УФИЦ РАН за 2014–2017 гг.». В нем были обозначены ключевые блоки изучения памятников «поздней археологии» в Башкирии – башкирские аулы и летовки XVI–XIX вв., населенные пункты XVI–XIX вв. пришлого населения (русские, татары, чуваша, удмурты и др.), уездные города XVIII–XX вв. (Стерлитамак, Белебей), крепости XVI–XVII вв. (Уфимская, Бирская), крепости XVIII–XIX вв. (Ельдяцкая, Табынская и др.), редуты и пикеты XVII–XVIII вв., объекты промышленной археологии (горные заводы, рудники и прииски, горнозаводские поселения), отдельные элементы инфраструктуры – мосты, мельницы и др. Представлены результаты исследований башкирских аулов XVI–XVIII вв. – Берековское и Азнаево, а также наиболее ранних русских населенных пунктов в Приуралье – Никольское (Никола-Березовка), Масляный Мыс, Ельдяцкая, Табынская крепости, культурный слой города Стерлитамак (Стерлитамакская пристань).

Проблеме вторичного использования керамики был посвящен доклад А.В. Егорова (Киров) «Варианты вторичного использования фрагментов керамики на позднесредневековых памятниках Кировской области», в котором доказывается возможность использования изделий из стенок гончарных сосудов в качестве приспособлений для кустарного прядения, инвентаря для детских игр, основы для пуговиц и в других хозяйственных целях.

В совместном докладе Д.Н. Маслюженко, И.К. Новикова и А.А. Первухиной (Курган) «Элементы строительных технологий XVIII–начала XX вв. (по материалам раскопок «Культурного слоя города Кургана»)» пред-

ставлены краткие результаты проведенных в городе археологических исследований 2009, 2013–2014 гг. Они позволили выявить отдельные элементы строительных технологий, которые использовались на протяжении XVIII–XIX вв. и при этом не фиксировались в архивных материалах.

А.В. Фомичев (Орск) выступил с докладом «Фортификационные сооружения Новолинейного района на востоке Оренбургской области», в котором были представлены результаты разведочных работ на сохранившихся оборонительных сооружениях пограничной линии XIX в. – Мусогатском и Свистунском редутах. Эти объекты представляли собой полевое сомкнутое каменно-земляное укрепление в виде правильного или неправильного многоугольника, которое применялось для обороны передовых постов и наблюдения за дорогами и бродами.

В докладе Н.В. Владимирова (Киров) «Изучение культурного слоя XVII–XIX вв. г. Слободского в ходе археологических работ 2009–2017 гг.», представлены материалы из раскопок и разведок последних лет в г. Слободском Кировской области. Результатом исследований стала постановка на государственную охрану четырех участков городского культурного слоя Нового времени и получение предварительной информации о его характеристиках.

В сообщении Н.А. Лифанова (Самара) «Султан Юсуф Нуралиев: исторические и археологические свидетельства» приводятся данные о резном каменном изваянии с надписью арабской графикой на казахском языке на мусульманском некрополе Буранчи IV на юге Оренбургской области. Эпитафия посвящена погребённому здесь казахскому султану Юсуфу, сыну хана Нурали. Приведённые в эпитафии данные о происхождении и возрасте султана полностью подтверждают сведения о нём в российских документах середины XIX в.

Систематизации археологических находок элементов кожаной обуви в культурном слое XVIII–XIX вв. Царевококшайска, Козмодемьянска и Кокшайска был посвящен доклад А.Д. Огородникова (Йошкар-Ола) «Формы кожаной обуви из культурного слоя городов Марийского края XVIII–XIX вв.». Всего в рассмотренной коллекции «археологической кожи» насчитывается более 400 фрагментов кожаной обуви и обрезков кроя. По формам выделена обувь низких форм – туфли, башмаки, и обувь высоких форм – сапоги.

С.Л. Воробьева и А.Т. Ахатов (Уфа) в совместном докладе «Материальная и духовная культура населения г. Уфы в кон. XIX–начале XX вв. по археологическим материалам с раскопок Старо-Ивановского кладбища» представили результаты обработки всей коллекции из раскопок 1990 г. и 2000 г. Старо-Ивановского кладбища в центре Уфы. Архивные материалы и артефактный набор из исследованных погребений указывают на совершенные захоронения в период 1840–1919 гг. На кладбище производились захоронения людей христианского вероисповедания, причем как православного, так и католического направлений. Это подтверждается и данными метрических книг. В них фиксируются захоронения католиков, возможно, немецкого или польского происхождения, а также нескольких крещеных евреев. Социальный состав погребенных достаточно однороден – военнослужащие рядового состава Оренбургского линейного батальона. Уфимской инвалидной команды и Оренбургского казачьего войска. Часть захоронений принадлежит бедным слоям населения города и окрестностей – мещанам, дворовым людям, солдаткам, крестьянам, купцам.

К.Н. Глушков (Киров) в докладе «Перспективы изучения оборонительных городков-крепостей Средней Вятки на примере г. Яранска» рассказал о результатах археологических исследований 2014 г. по изучению культурных напластований города XVI–XIX вв. В ходе работ выявлены участки сохранившегося культурного слоя и могильник.

Доклад *А.В. Усова, Л.В. Романовой и Н.А. Чуриловой* (Пермь) «Обувь жителей Кунгура XVIII–XIX в.» дал полную характеристику крупнейшей коллекции кожаной обуви полученной из раскопок Кунгура в 2016 г. В докладе показано, что найденная при археологических раскопках обувь, за исключением котов, несет в себе явные признаки проникавшей в российскую провинцию европейской моды. Данные археологии показали широкую специализацию и разнообразие форм обуви: туфли, коты, тапки, с задником и без. Одновременно отмечались стандартизированные способы раскроя и сборки, свидетельствующие об оптимизации обувного производства в XVIII–XIX вв.

С большим интересом был заслушан доклад *Е.В. Четвертакова* (Дальнее Константиново, Нижегородская область) «Археологические данные о женском костюме мордвы-терюхан в XVI–XVIII вв.», основыва-

ющийся на ярких погребальных комплексах Сарлейского и Старосельского могильников XVI–XVIII вв. Докладчик выделяет общие черты у обнаруженных терюханских женских погребений – украшение верхней одежды («шушпана») крупными кольцевидными застежками, наличие на запястьях у погребенных бронзовых пластинчатых браслетов, а также головного украшения в виде «хвоста», различия в составе которого отражают, по мнению автора, этнографические особенности различных групп мордвы-терюхан.

Доклад *А.И. Тузбекова* (Уфа) «Кладоискательство как фактор разрушения памятников Нового времени (на примере Республики Башкортостан)» посвящен анализу сообществ «кладоискателей» и «любителей металлопоиска» в социальной сети «ВКонтакте». В результате проведенного исследования установлено, что наличие активных сообществ в социальных сетях с большим количеством подписчиков и регулярно обновляемых сайтов черных копателей, свидетельствует о значительном интересе к «кладоискательству» в Республике Башкортостан. Наибольшую ценность для грабителей представляют заброшенные крупные населенные пункты XVII – начала XX в., практически не поставленные на государственный учет в Башкортостане. Большинство подписчиков групп являются мужчинами в возрасте от 20 до 40 лет, проживающими преимущественно в Уфе и других крупных городах региона с населением более 100 тыс. чел. Докладчик показал, что осуществление постоянного мониторинга деятельности «кладоискателей», в том числе и в интернет-пространстве, позволит выявлять существующие тенденции и более эффективно противодействовать их незаконной деятельности.

Участники отметили высокий уровень организации конференции, представленных докладов, конструктивное и плодотворное обсуждение результатов исследований. Проблематика докладов на конференции, сгруппированных по тематическим блокам, охватила как общие вопросы археологии Урало-Поволжья эпохи позднего средневековья и Нового времени, так и отдельные проблемы изучения особенностей развития материальной культуры населения, проживающего здесь в указанный период времени.

По окончании работы конференции были подведены ее основные итоги, обсуждены и приняты следующие решения:

- конференцию «Археология позднего Средневековья и Нового времени в Урало-Поволжье: от археологических источников к историческим реконструкциям», проведенную 17–18 мая 2018 г. на базе Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН признать состоявшейся и соответствующей как по составу присутствующих, так и по качеству докладов уровню Всероссийских научных конференций;

- учитывая опыт работы состоявшейся конференции и наметившуюся тенденцию в современной археологической науке к изучению узколокальных культурно-хронологических схем развития в рамках отдельных регионов, считать необходимым продолжить работу в данном направлении и рекомендовать Оргкомитету сделать конференцию регулярной, проводя ее один раз в три года, сохра-

нив существующую форму и основную часть названия;

- начать работу по реализации проекта и подготовке к изданию коллективной монографии «Археология Нового времени Урало-Поволжья», посвященную археологическому изучению периода XVI – начала XX вв. Определить координатором проекта Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН (г. Уфа);

Следующую конференцию «Археология позднего Средневековья и Нового времени в Урало-Поволжье», провести в мае 2021 г. в Уфе на базе Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН.

Материалы форума будут опубликованы в 4 номере 2018 г. и 1 номере 2019 г. научного журнала «Теория и практика археологических исследований» (Барнаул).

ЛИТЕРАТУРА

Археология позднего периода истории. Материалы Круглого стола, проведенного редакцией и редколлекцией журнала «Российская археология» // РА. 2005. № 1. С. 81–99.

Информация об авторах:

Бахшиев Илшат Интизам оглы, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологического наследия Южного Урала Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН (г. Уфа, Россия); ibahsh@gmail.com

Кряжевских Андрей Леонидович, директор Научно-производственного центра по охране объектов культурного наследия Кировской области (г. Киров, Россия); suna1649@mail.ru

SCIENTIFIC CONFERENCE “ARCHAEOLOGY OF LATE MIDDLE AGES AND NEW TIME IN URAL-VOLGA REGION: FROM ARCHAEOLOGICAL SOURCES TO HISTORICAL RECONSTRUCTIONS” (UFA, MAY 17-18, 2018)

I. I. Bakhshiev, A. L. Kryazhevskikh

The publication features a brief summary and results of the conference “Archaeology of the Late Middle Ages and Modern Time in the Ural-Volga Region: from Archaeological Sources to Historical Reconstructions” held in Ufa on May 17-18, 2018. It was organized by R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Ufa Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, and Research and Production Center for Protection of Cultural Heritage Sites in the Kirov Region. A wide range of topics related to the study of the New Time archeology of the Ural-Volga region was discussed. The participants considered the issues of chronology and periodization of the “late” archeology of the region, development of the traditions of ceramic and leather industries, transformation of construction technologies, characteristics of the funerary rite, study and preservation of the cultural layer in the territory of contemporary megacities and historical settlements. Particular attention was paid to the issue of state protection of archaeological heritage sites of the 16th - early 20th centuries.

Keywords: archaeology, Ural-Volga region, Archaeology of the Late Middle Ages and Modern time, archaeological studies, conference.

About the Authors:

Bakhshiev Ilshat I. Candidate of historical science, Head of Department of the archaeological heritage of South Ural, R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Karl Marx st. 6, Ufa, 450077, Russian Federation; ibahsh@gmail.com

Kryazhevskikh Andrei L. Director of Kirov Regional Government Institution of Culture, Research and production center of object protection of cultural heritage in the Kirov region, Gercen str., 64, Kirov, 610017, Russian Federation; suna1649@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
 АН СССР – Академия наук СССР
 АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
 АЭАЕ - Археология, этнография Евразии
 БГПУ - Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы
 БЮИ МВД России – Барнаульский юридический институт МВД России
 ВА – Вопросы антропологии
 ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
 ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
 ИИ АН РТ - Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
 ИИМК РАН -Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
 КазГИК – Казанский государственный институт культуры и искусств
 КДЗ – Карпато-Днестровские земли
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии
 КСИА – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
 КСИИМК – Краткие Сообщения Института истории материальной культуры
 КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.
 МВК - Музейно-выставочный комплекс
 МГУ – Московский Государственный университет
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
 МИА – Материалы и исследования по археологии.
 НПЛ – Новгородская Первая летопись младшего извода
 ОмГПУ – Омский государственный педагогический университет
 ПВЛ – Повесть временных лет
 РА – Российская Археология, Москва
 СА – Советская Археология, Москва
 САИ — Свод археологических исследований, Институт археологии АН СССР, Москва
 СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
 ТА – Татарская археология, Казань.
 ТИЭ – Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
 Тр. ТКАЭЭ – Труды Камской Археолого-Этнографической экспедиции
 ТрГИМ – Труды Государственного Исторического Музея
 УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский Институт истории, языка и литературы Уральского Отделения Российской Академии наук
 ФМ - Фонд Марджани
 ФО НА ИИМК РАН – Фото-отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН
 ФО НА ИИМК РАН – Фото-отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН
 ЭВ – Эпиграфика Востока
 ЯНАО - Ямало-Ненецкий автономный округ
 AD – anno Domini
 BC – Before Christ
 BWA – Burrows-Wheeler Aligner
 FU – Finno-Ugrica, Казань
 MDS – Multidimensional scaling
 MNIR – Muzeul Național de Istorie a României, București
 mtDNA – mitochondrial DNA
 NCBI – National Center for Biotechnology Information

NGS – next-generation sequencing
PCA – Principal Component Analysis
PHYLIP - Phylogeny Inference Package
sq.km – square kilometer
UDG – uracil–DNA–glycosylase
UV-C – Ultraviolet-C

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–69645
от 2 мая 2017 г. выдано Роскомнадзором
Оригинал–макет – *А. С. Беспалова*
420012 г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203
Подписано в печать 10.10.2018 г.

Дата выхода в свет 20.12.2018 г. Формат 60×84 1/8
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 31,85.

Тираж 1000 экз. Свободная цена

Отпечатано в АО «Издательский дом «Казанская недвижимость»
420066, г. Казань, ул. Актайская, 21/2.

